

Светлана Богославская

СТРУНЫ ДУШИ

ДАЖЕ КОГДА ТЬМА ВОКРУГ
ВСЕГДА ЕСТЬ НАДЕЖДА

12+

Светлана Богославская

Струны души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67680516

SelfPub; 2022

Аннотация

Бог... Все поколения задаются вопросами об Его существовании. Каждый человек вправе сам решать верить ему в Бога или нет. Когда-то я верил в Бога... Я был уверен, что Он есть и не допускал сомнения. Но после того, что со мной случилось... Я больше не могу верить в Него. Это даже не из-за обиды на Него из-за того, что со мной произошло. Просто в один момент я осознал, что, если бы Он был, то Он бы не допустил, чтобы хорошие люди страдали. В мире так много жестокости и несправедливости. Может быть, когда-то Бог и был, но сейчас... Он покинул нас! Во мне больше нет той надежды и той веры, которые были ранее. В моей душе мрак. И этот мрак окружает меня и всё глубже и глубже затягивает в бездну. Порой я жалею, что просто не умер... Смерть лучше, чем такая жизнь. Я в этом уверен! Ничто и никто не способен помочь мне!

Содержание

Пролог	4
Глава 1 «Дети, будьте послушны родителям вашим...»	9
Глава 2 «Доброе сердце»	54
Глава 3 «Как прекрасно всё то, что твоё!»	84
Глава 4 «Я не хочу умирать...»	133
Глава 5 «Новая жизнь... погруженная во мрак»	183
Глава 6 «Тускнеющий лучик света...»	229
Глава 7 «Самый лучший друг!»	302
Глава 8 «Дыра в груди»	395
Глава 9 «Братья по несчастью»	443
Глава 10 «Мечты... которым не суждено сбыться»	490
Глава 11 «Капелька надежды и... угаснувшая вера»	547
Глава 12 «Я тебя ненавижу!»	577
Глава 13 «Любовь... всё переносит или затянувшиеся шрамы»	614
Эпилог	657

Светлана Богославская

Струны души

Пролог

Всем привет! Меня зовут Максим Кузнецов. Однажды вся моя жизнь погрузилась во мрак. Я перестал видеть яркие краски, и вся моя жизнь стала серой. Хотя нет... Чёрной! Всё просто поблекло вокруг меня. Раньше я радовался жизни и был счастливым, но однажды всё переменялось. Это произошло внезапно. Я не знал, что так будет, не был к этому готов и не ожидал этого.... Перемены в жизни всегда происходят именно в тот момент, когда мы их не ожидаем. Так же, как это происходит со многими людьми, но то, что произошло со мной, переменяло всю мою жизнь. Я не знаю, чем такое заслужил. Много раз об этом думал, но так и не понял за что мне всё это.... Я был обычным мальчишкой, который имел свои мечты. Никого не обижал и был очень добрым. Я был хорошим человеком и старался жить правильно, а потом.... Потом всё изменилось!

– Сима, пора выезжать! – кричала мама на первом этаже.

– Бегу! – отозвался я и за считанные секунды оказался на первом этаже, перепрыгнув через несколько ступенек на лестнице.

– Осторожнее, Сима, – попросила мама, внимательно смотря на меня. – Не хватало ещё, чтобы ты себе ногу сломал.

– Что ты, мамуля? – улыбнулся я и махнул рукой. – Не сломаю. Я аккуратно.

– Тогда давай скорее в машину, – подтолкнула меня к выходу мама. – Папа уже ждёт нас.

– Ура! Едем в зоопарк! – вырвался из моих уст радостный возглас и я, выскочив из дома, бросился к машине.

– Да, да, мы едем в зоопарк, но необязательно так шуметь, – проговорил папа, который стоял около машины.

– Папочка, я просто очень рад, что мы едем в зоопарк, – мои губы вновь растянулись в улыбке. – Я так долго этого ждал!

– Я это уже понял, – не удержавшись, тоже улыбнулся папа. – Думаю, все уже это поняли. Лучше давай в машину. И не забудь пристегнуться.

– Хорошо, – послушно кивнул головой я и уселся в машину.

Через пять минут в машине уже сидели родители, и мы не спеша поехали по дороге. Я тут же прильнул к окну.

– Макси, ты пристегнулся? – кинул взгляд на меня папа.

– Конечно, папочка, – успокоил я его, не отрывая взгляда от окна. – Мама, а ты взяла мой фотоаппарат? – я повернул к маме голову.

– Да, взяла, – положительно кивнула головой она. – Не

волнуйся! Ты сможешь пофотографировать животных.

– А можно включить музыку? – я потянулся к аудиосистеме машины.

– Не тянись, – остановил меня папа. – Я сам включу, – он нажал на кнопку, и уже через минуту заиграла тихая спокойная музыка.

До зоопарка мы ехали около часа. Всю дорогу я не отрывался от окна, одновременно слушая прекрасную музыку. Как только мы прибыли к зоопарку, я вмиг оживился.

– Ну, вот мы и на месте, – продекламировал папа и припарковался.

– Наконец-то, – обрадовался я и выбежал из машины.

– Сима, не спеши, – одёрнула меня мама. – Подожди нас. Тебя всё равно одного не пустят.

– Жду, – кивнул я, смотря по сторонам.

Вход зоопарка уже завораживал меня. Тут были красивые фонтаны, которые не могли не восхищать. Также тут были различные скульптуры, изображения животных, множество рисунков. Я только и делал, что вертел головой из стороны в сторону, желая всё увидеть.

– Mamochka, а где мой фотоаппарат? – я шагнул к маме.

– Вот, Сима, держи, – она протянула мне фотоаппарат.

– А теперь пойдёмте уже смотреть животных, – папа направился к входу в зоопарк.

– Сейчас я только сфотографирую фонтаны, – хотел я сделать пару фотографий.

– Симочка, ты ещё успеешь их сфотографировать, – улыбнулась мне мама. – Мы сюда потом вернёмся, а сейчас лучше пойдём смотреть животных. Ты же так этого ждал!

– Да. Хорошо, – не стал я спорить и побежал следом за папой, который уже был около входа в зоопарк.

Простояв небольшую очередь, мы прошли в зоопарк. Там я практически сразу увидел первого животного.

– О! Мам, пап, смотрите это же верблюд, – я бросился к нему. Включив фотоаппарат, я щёлкнул верблюда. И сразу же увидел ещё одного животного. – Ого! А это же медведь. Вот это да! Мам, пап, идите скорее сюда. Посмотрите, какой красивый! – и побежал дальше, фотографируя одного животного за другим.

– Сима, подожди нас! – окликнула меня мама. – Не спеши так! Мы не хотим потерять тебя.

Я же продолжал бегать туда-сюда, желая всё осмотреть и запечатлеть на фотоаппарат. Мама с папой ходили следом за мной. Они внимательно смотрели на меня, улыбались и периодически переглядывались друг с другом, радуясь, что я такой радостный сейчас, и они смогли меня хоть как-то осчастливить.

Да, да! Это я! Я был таким... Когда-то... Но сейчас я уже совершенно другой человек и, если бы вы увидели меня тогда, вы ни за что не узнали бы во мне того мальчишку. Конечно, можно сказать, что с возрастом все люди меняются, но я изменился не в ту сторону, которую хотел. Я сам не ве-

рил, что могу так измениться. Никто в это не верил и об этом не думал! Ни мама, ни папа.... Никто! Никто не мог знать, что это произойдёт со мной. Да и как можно было это знать? Если бы кто-то знал это, то это можно было бы предотвратить.... И всё было бы хорошо. Но давайте начнём мою историю с самого начала! С самого начала, когда всё ещё было хорошо, и я не думал о том, что стану таким....

Глава 1 «Дети, будьте послушны родителям вашим...»

– Любовь от Бога нам дана,
Наполнен ею мир сполна,
Не претендует на взаимность –
Самодостаточна она.

Любовь есть Бог, есть жизнь, есть свет,
Над ней земных законов нет,
Она – причина всех причин,
Душе по вечности – завет.

Её тепло и благодать
Мы рождены, чтоб отдавать,
Не отдают ее лишь те,
Кто пребывает в «слепоте»,
И тлеют, требуя огня,
Других в холодности вина...

Чтобы очнуться ото сна,

Любовь от Бога нам дана... – громко и выразительно про-

читал стих я.

– Молодец, Сима, – похвалил меня дядя Юра, пресвитер нашей Церкви. – Каждое воскресение нас радуешь. Иди на своё место. Слава Богу за такой прекрасный стих!

– Слава Богу! – вторила ему Церковь.

Я в ответ лишь улыбнулся и, спустившись с кафедры, направился к лавочке, на которой сидели родители. Они тоже с улыбкой смотрели на меня. Довольный собой я уселся рядом с родителями и тихо прошептал:

– Ну, как я выступил?

– Замечательно, Сима, – с улыбкой на губах сказала мне мама. – Как и всегда!

– Ты у нас молодец! – выдал папа, тоже улыбаясь.

Я ещё веселее улыбнулся и посмотрел по сторонам. Все уже слушали стихи других детей. Переведя свой взгляд на кафедру, я сосредоточился на стихе, который читала шестилетняя Таня. Она читала стих достаточно хорошо, но немного запинаясь из-за того, что волновалась. Ей всегда давалось с трудом читать стихи перед всеми, но она очень старалась.

Я же постоянно читал стихи и просто обожал это делать. Всю неделю я к этому готовился и хорошо учил стих, чтобы точно не запнуться. Сначала тоже немного волновался и запинаясь, но теперь этого не было и всё стеснение прошло. А кого мне тут стесняться? Тут все свои и я тут всех знаю! К тому же это приятно. Радовать других.... Это здорово! Как это может быть неприятно?! Это очень приятно! И я на каждое служение был рад приготовить стих и зачитать его перед всеми. А иногда даже пел, но к этому приходилось дольше готовиться, в чём мне всегда помогали папа и мама. Так что поэтому я предпочитал чаще читать стихи, чем петь.

– Молодец, Танечка! – похвалил и Таню пресвитер. – Хороший стих! Иди на своё место. Ещё стихи есть? – в ответ была тишина. Все смотрели друг на друга, но больше никто прочитать стих не вызывался. Дядя Юра кивнул и посмотрел на одного из братьев во Христе – Сергея.

Тот молча поднялся со своего места и подошёл к кафедре, поняв, что теперь его очередь говорить проповедь.

– Приветствую вас, дорогие братья и сёстры! – начал Сергей. – Сегодня я хочу с вами поговорить об особенном дне. О дне, который перевернул всю жизнь. Не только жизнь христиан, но даже жизнь неверующих людей. Я хочу поговорить о том дне, когда за нас умер наш Спаситель – Христос. Именно этот день изменил всё и благодаря этой жертве мы сейчас можем стоять здесь и следовать за Христом. Я хочу зачитать место из Библии. От Матфея 27 глава с 39 стиха: «Проходящие же злословили Его, кивая головами своими и говоря: Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста. Подобно и первосвященники с книжниками и старейшинами и фарисеями, насмехаясь, говорили: других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: «Я Божий Сын». Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его. От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом:

Или́, Или́! лама́ савахфа́ни? то есть: «Боже Мой, Боже Мой! – для чего Ты Меня оставил?» Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он. И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить; а другие говорили: постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его. Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим. Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий».

Все внимательно слушали проповедь Сергея, не сводя с него глаз. Я тоже внимательно слушал проповедь. Хотя я и не все проповеди понимал, но мне всё равно было очень интересно, и я старательно учился, ведь когда-нибудь должен буду также говорить проповеди и пока мне надо набираться опыта от других. Что я и старательно делал, слушая каждое слово Сергея, а тот говорил легко и понятно и более того ещё и интересно.

Собрание прошло достаточно быстро. Оно длилось два с половиной часа и, когда служение закончилось, всех позвали в столовую кушать. Во время собрания несколько сестёр всегда готовили суп, а иногда даже что-нибудь из второго и после служения все могли перекусить. И вот сразу после со-

брация некоторые пошли в столовую, а кто-то остался в зале, чтобы сначала пообщаться. Я тоже не стал спешить, желая дать возможность сначала поесть другим. Я был не особо голоден и мог потерпеть. К тому же мне тоже хотелось пообщаться с другими.

– Максим, ты сегодня прочитал замечательный стих, – подошёл ко мне брат во Христе Дмитрий. – Он мне очень понравился.

– И мне! – раздался голос Алисы, жены Дмитрия. – Молодец, Максим, – она потрепала меня по волосам. – Чуть ли не каждое воскресение нас радуешь. А сегодняшний стих.... Просто прекрасный! А его смысл.... Где ты такие стихи находишь?

– Некоторые нахожу в интернете, а какие-то мне папа сочиняет, – сообщил я и кинул взгляд на папу, который всё ещё был рядом со мной и тоже не торопился уйти в столовую. Ему надо было поговорить с пресвитером, а для этого надо было сначала дождаться, когда тот освободиться, а пока он был занят.

– А также иногда он сам сочиняет стихи, – сказал папа и с улыбкой посмотрел на меня. – Но Макси почему-то этого стесняется и редко говорит об этом.

– А зачем стесняться? – удивился Дмитрий. – Это же так замечательно! Ты очень талантлив, и этого стесняться не надо.

– Ничего я не стесняюсь! – поспешил возразить я. – Про-

сто, зачем этим хвастаться и постоянно рассказывать? Это не имеет особого значения! Какая разница, откуда я беру стихи?

– А ведь верно, – поддержала меня тётъ Наташа, услышав наш разговор. – Это не имеет значения! Конечно же, это замечательно, что ты пишешь сам стихи, но важнее всего смысл этих стихов и что они в себе несут. А остальное неважно! Но мы всё равно очень рады, что у нас есть такие талантливые дети. А ты очень талантлив, Сима! И мы все тобой гордимся! – она приобняла меня за плечи и прижала к себе. – Мы рады, что ты с нами и не бросаешь нас, как это делают некоторые, когда подрастают.

– Как я могу уйти отсюда? – не стал скрывать своего удивления я. – Здесь же так здорово! Мне здесь нравится! И у меня здесь есть много друзей.

– Вот и прекрасно, что тебе здесь хорошо, – обрадовалась женщина. – Это самое главное! Может, пойдёмте в столовую? Пора пообедать. Там уже приготовили вкусный гороховый суп.

– О! Мы с радостью перекусим, – не стал отказываться Дмитрий и переглянулся со своей женой. – Мы идём.

– А вы? – тётъ Наташа посмотрела сначала на меня, а потом на папу. – Вы пойдёте есть?

– Мне нужно поговорить с Юрой, – покачал головой папа. – Я позже подойду.

– Сима, пойдём кушать, – позвала меня тётъ Наташа.

– Я подожду ребят, – кивнул я на детей моего возраста, которые как раз-таки и были моими друзьями.

– Хорошо. Тогда не будем тебя отвлекать. Общайтесь, – женщина первая направилась к выходу из зала.

– Максим, ты не уходи, пожалуйста, сразу, – попросила Алиса. – Я хотела бы взять у тебя этот стих. У тебя он где-то записан или нет?

– Да, он у меня на листочке в куртке, – подтвердил я.

– Тогда я у тебя попозже его перепишу. Хорошо?

– Ладно.

Алиса и Дмитрий вместе покинули зал. Я проводил их взглядом и повернул голову к папе, но тот уже прошёл вперёд и общался с нашим пресвитером. Я же направился к друзьям, по пути здороваясь с братьями и сёстрами во Христе. Все мне улыбались, как впрочем, и я всем улыбался. Некоторые после приветствия спрашивали как у меня дела и интересовались моей учёбой, а кто-то делился своими впечатлениями о моём стихе. Я старался недолго со всеми общаться, желая как можно скорее подойти к своим друзьям и пообщаться с ними. Но практически за неделю все сильно соскучились по мне и друг по другу и хотели пообщаться. Добраться до друзей было очень сложно.

Конечно, я тоже соскучился по всем за неделю, но по друзьям скучал больше. У нас собрания обычно были раз в неделю в воскресенье, но были собрания в среду и в четверг, но я редко на них ходил, так как было много учёбы и других

дополнительных занятий. Так что видел всех лишь в воскресенье и, понятное дело, был рад всех видеть и все были рады меня видеть. У нас в Церкви всегда между собой были хорошие близкие отношения, и такая радость от встречи была совершенно нормальной и обычной.

С трудом, но я добрался до ребят.

– Привет, – улыбнулся им.

– Что не хотели тебя пускать? – не смог сдержать улыбку

Денис.

– И не говори, – вздохнул я и посмотрел по сторонам. –

Обложили со всех сторон!

– Ой-ой! Не жалуйся тут нам, – фыркнул Петя. – Мы все знаем, что ты любишь общаться с другими.

– Вот именно, – поддакнул Виталик.

– От вас ничего не скрыть, – всплеснул руками я. – Всё-то вы знаете обо мне.

– В том то и дело. Мы всё-всё о тебе знаем, – приобнял меня за плечи Артём.

Мы с ребятами переглянулись и дружно засмеялись.

– Я рад вас всех видеть, – я обнял Артёма.

– И мы рады тебя видеть, – улыбнулся мне Денис.

Я по очереди поздоровался и обнялся с каждым из друзей.

– Конечно, мы рады, ведь Дениса и Петю я часто вижу, – выдал Артём.

– Ну, ты, наверное, предпочёл бы нас не так часто видеть. Верно? – издал смешок Денис.

– Я всё что угодно ради этого отдал бы, но это невозможно, – вырвался тяжёлый вздох из груди Артёма. – Я вынужден лишь терпеть.

– Вы постоянно жалуетесь, что вам вместе плохо, а я вот вам завидую, – я окинул ребят взглядом. – Я был бы рад, если бы у меня был брат. Хотя бы двоюродный брат, но у меня нет ни родного, ни двоюродного. А вы... У тебя, Артём, есть и родной брат, – я махнул рукой на Дениса, – и двоюродный брат, – посмотрел на Петю. – Это же так хорошо, что вы есть друг у друга! Я вот один в семье и это не так уж и здорово.

– Да мы рады, просто шутим, – улыбнулся Петя. – Любим постоянно шутить по этому поводу. Нам же на самом деле весело вместе. Постоянно во что-то играем, чем-то вместе занимаемся... Классно! Втроём не скучно!

– Это да, – поддержал его Виталик. – Жаль, что у меня нет ни одного брата. Одни сёстры!

– Сёстры тоже хорошо, – пожал плечами я.

– Да, это неплохо, – не стал спорить тот. – Но они постоянно возятся со своими куклами и так далее. Мне в основном с ними скучно! Лишь иногда мы во что-то играем вместе. И в основном на улице!

– Ну, это уже неплохо, – мои губы растянулись в улыбке. – Мне же постоянно скучно. У меня, конечно, есть ещё друзья, но с ними не так хорошо, как с вами.

– Ну, тогда чем займёмся? – потёр руками Петя. – Может, в салки сыграем?

– Хорошая идея, – встрепнулся двоюродный брат.

– Виталик, а мама сказала, чтобы я посидела с тобой, – подбежала к нему одна из его младших сестёр – Сабина.

– Сабиночка, мы идём сейчас с ребятами играть, – сказал мальчик, наклонившись к сестре. – Если хочешь, можешь сейчас пойти с нами покушать, но потом, боюсь, тебе будет неинтересно с нами.

– А во что вы будете играть? – поинтересовалась девочка.

– В салки, – ответил я. – Если хочешь, давай с нами, но учти, что мы быстрые.

– Нет, я лучше с Вероникой поиграю, – отказалась Сабина и быстро убежала.

– Быстро она сдалась, – не ожидал такого Виталик. – Ладно. Пойдёмте, покушаем сначала, а потом уже поиграем.

– Там все места заняты, – раздался голос Арины, ещё одной сестры Виталия, которая была практически одного возраста с ним. Рядом с ней стояла Ева, третья сестра. – Давай-те лучше сначала вместе поиграем и потом уже пойдём есть. Мы с вами!

– Замечательно! – воскликнул Артём. – Тогда, может, пойдёмте на улицу? Чего мы ждём?

– Пошли скорее, – я побежал к выходу.

– Кто последний, тот и водит, – выкрикнул Петя и обогнал меня.

Остальные бросились следом за нами, громко смеясь. Весёлой гурьбой мы выбежали на улицу.

– Ладно, ладно. Водить буду я, – махнула рукой Арина, которая прибежала самая последняя. – Но учтите, что поддаваться не стану!

– И не надо! – задорно улыбнулся Артём.

– Я посчитаю до пяти, и начнём. Раз... – начала она. – Два, три, четыре, пять.

Девочка бросилась к нам, а мы все бросились в стороны, не желая, чтобы она нас осалила.

– Теперь ты вода! – радостно крикнула Арина, догнав Петю.

– Ну, ладно, – не стал расстраиваться он и бросился ко мне, а я был ближе всех к нему. – Догнал! – дотронулся до меня Петя.

– Ну, держитесь, – мои губы растянулись в весёлой улыбке, и я бросился следом за ребятами, которые громко смеялись и убегали от меня.

Наша игра продолжалась и с каждой минутой становилась лишь ещё веселее и веселее.

– Ну, как прошёл твой день? Пообщался с ребятами? – спросила меня мама, когда мы уже прошли в дом.

– Надеюсь, что ты с ними смог пообщаться, потому что ты всю неделю нам жаловался, что соскучился по ним, – проговорил папа.

– Да, пообщался с ними, – с улыбкой ответил я. – И мы с ними ещё поиграли. Так что всё замечательно. Конечно, мне

этого всё равно мало, но это хоть что-то. Я доволен!

– Это хорошо! – тоже улыбнулась мама, не сдержав улыбку. – Вы случайно не голодны? Если хотите, мы можем чаю попить. Как раз с утра остался пирог. Можем его доесть.

– Не откажусь, – тут же согласился папа.

– Я лучше пойду на гитаре поиграю, – я направился к лестнице, которая вела на второй этаж и к моей комнате. – Заодно немного отдохну.

– Отдохни, – не стала меня держать мама. – Только не забудь про уроки. Ты ещё не все уроки сделал.

– Не забуду, мамуль, – я поспешил успокоить её и побежал в комнату.

Забежав в спальню, первым делом взял в руки гитару и плюхнулся на кровать. Делать уроки у меня пока желания не было. Уроки могли и подождать, а мне очень хотелось поиграть на гитаре. Да, я умел играть на гитаре и умел достаточно хорошо. Играть на гитаре меня научил папа. Он в этом деле профессионал, ведь работает преподавателем в институте музыки.

Папа занимается музыкой всю свою жизнь. Он умеет играть не только на гитаре, но и на многих других инструментах и кроме всего прочего ещё и поёт. Так что научить меня играть на гитаре, ему было несложно. И как только я изъявил желания научиться играть на гитаре, он тут же начал меня этому учить. Конечно, я пока не всё могу сыграть, но мы с папой периодически продолжаем заниматься. С каждым ра-

зом я играю всё лучше и лучше.

Я люблю играть на гитаре и это моя страсть. Правда, умею ещё играть на фортепиано, и именно с него папа начал меня учить музыке, но гитару я люблю больше. Не знаю почему, но мне нравится, какие звуки издают струны, когда я их касаюсь, как гитара бренчит.... У меня просто сердце замирает, когда слышу эти чудесные звуки гитары. Я готов играть на гитаре часами, и мне тяжело остановиться. В основном родители меня прерывают и зовут либо кушать, либо говорят делать уроки. А самому мне сложно перестать играть и убрать гитару.

В основном я играю на гитаре знакомые песни. Часто те, которые услышал на собрании или те, которые люблю. Иногда озвучиваю на гитаре мелодию песни, которую собираюсь петь в воскресенье. Но в воскресенье, если я пою, всегда играет папа, потому что мне пока тяжело одновременно петь и играть на гитаре. Мне приходится выбирать что-то одно. Это папа может одновременно играть и петь, но не я. Я могу пытаться так делать дома, когда один в комнате, но перед всеми пока не могу так делать. Это очень сложно!

Петь мне тоже нравится, и я также это люблю, как и играть на гитаре. Кроме того иногда играю на гитаре свои собственные песни. Да! Да! Я пытаюсь сочинять свою музыку и песни. Этому меня также научил папа. Обожаю это делать и это очень приятно. Всегда приятно создавать что-то новое. И я это люблю. Конечно, это также трудно, но я очень ста-

раюсь. Пока не могу много сочинять и у меня не получается это делать часто, но периодически я сочиняю свою музыку и песни. Легче сочинить песню и написать текст, чем подобрать к этому тексту музыку. Но, как говорят, без труда не выловишь рыбки из пруда. Поэтому я очень стараюсь.

И сейчас, когда снова взял в руки гитару, я стал наигрывать одну из своих песен. У меня уже был текст к этой песне, но пока я хотел заняться чисто мелодией. Положив перед собой блокнот с текстом, приступил к сочинению мелодии. Рядом с блокнотом лежала ручка на тот случай, если я решу записать ноты или аккорды. Я не хотел ничего забыть. Ну, а также иногда в процессе написания песни я менял текст, поэтому ручка всегда должна была быть рядом. Я играл на гитаре, иногда поглядывая на текст, но в основном мой взгляд был направлен в окно. Так мне было легче сосредоточиться.

Нота за нотой, аккорд за аккордом и получалась красивая мелодия. Я прикрыл глаза, проигрывая одни и те же аккорды и пытаюсь понять, как играть дальше, чтобы мелодия стала ещё лучше и чтобы получилась настоящая музыка. Но подобрать подходящую музыку было очень трудно. Вздохнул, я опустил глаза в текст, перестав на время играть. Я был полностью погружен в свою песню, и в моей голове играла мелодия, которая могла подойти к песне. Я выждал минуту и продолжил играть, трогая струну за струной. Мелодия полилась.

Я не всегда сам сочинял музыку к своим песням. Очень

часто я придумывал песню, писал текст, а музыку помогал подобрать папа, и так мы вместе делали свою песню. Но я не мог постоянно просить у него помощи и сочинять песню вместе с ним. Я хотел уметь делать это сам, а ради этого мне приходилось очень сильно стараться и тратить много времени на то, чтобы сочинить хотя бы одну песню. Но зато как я потом был рад, когда у меня получалось. И родители были за меня рады.

Папа всегда поощрял мою любовь к музыке и помогал мне. А мама, хоть и не особо в этом разбиралась, просто радовалась за меня и мои успехи, за что я ей был очень благодарен. Она всегда меня поддерживала и была рада послушать, как я играю. А мне было очень важно делиться с кем-то своими успехами. И ради того чтобы родители за меня гордились, а также ради того, чтобы самому было приятно, я старался делать всё сам и просил у папы помощи только в крайнем случае, если у меня у самого совсем ничего не получалось. Но чем чаще я практиковался в написании песен, тем лучше у меня получалось. И я был этим очень доволен.

Сейчас мне помощь папы была не нужна и, чем дольше думал над песней, тем больше понимал, какая именно мелодия там должна быть. Сейчас у меня уже была половина песни. Я собирался продолжить работать над ней, как тут щёлкнула дверь, и в комнату прошла мама.

– Сима, отложи на время гитару, – попросила она. – Тебе надо уроки доделать. Ты сейчас опять засидишься и не успе-

ешь сделать уроки. У тебя итак много плохих оценок. Надо не забывать и про учёбу. Ты, конечно, молодец, что так стараешься и так хорошо играешь на гитаре и даже сочинишь свои песни. Но сейчас на первом месте у тебя должна быть учёба. Так что пока отложи гитару и доделай уроки. Я всё проверю!

– Мамуль, ну, у меня немного осталось, – я сделал жалобный вид. Мне не хотелось сейчас прерываться и делать уроки. – У меня как раз получаться стало. Вот. Послушай, – я начал играть на гитаре, желая показать маме всю музыку, которую сейчас сочинил. – Ну, как тебе? Тебе нравится? Это для первого куплета и припева, – сообщил, когда остановился. – Осталось только подобрать музыку для двух куплетов и всё будет готово. Можно я попозже сделаю уроки? Я честно не забуду! Я всё сделаю. Пожалуйста, мамочка!

– Мне очень нравится, Сима, – улыбнулась она. – Очень красиво! Ты молодец! Но ты ещё успеешь этим заняться, а сейчас уроки. И, пожалуйста, не надо спорить со мной. Просто садись делать уроки. Твоя музыка никуда не денется. Ты всегда говоришь, что у тебя осталось всего немного и потом три часа или даже больше играешь на гитаре. Сейчас у тебя этот номер не пройдёт. Откладывай гитару и за дело! Твоя учёба нам с папой очень важна. Не расстраивай нас!

– Ладно. Хорошо, мамуль, – вздохнул я и отложил гитару. Спорить с ней я не хотел. – Сейчас сяду за уроки.

– Замечательно! Только не надо на меня обижаться. Это

нужно для тебя же. Музыка – это хорошо, но и про учёбу забывать не стоит. Хорошо?

– Хорошо! – послушно кивнул головой я и сел за стол.

– Умничка! – мама подошла ко мне, потрепала по волосам и поцеловала в лоб. – Делай уроки. А потом спускайся к нам, и мы будем ужинать. За пару часов справишься?

– Постараюсь.

– Мы будем ждать, – она окинула меня взглядом и покинула комнату.

Я же снова вздохнул и открыл учебник русского языка. Школу я не особо любил, но уроки всё равно делать было надо. Я не хотел ссориться с родителями и тем более с ними спорить. Проще было послушно сделать то, что они просили и только после этого вернуться к своему любимому занятию. Ведь делать уроки, и правда, было нужно, хоть я это и не любил.

У меня в школе было всё не так хорошо, как с музыкой. У меня там всегда были проблемы. Я многое не понимал и очень часто отставал от других ребят. Моя голова была занята совсем другим, и мне уж точно было не до алгебры, геометрии и прочих предметов. Я вообще не понимал, зачем это всё нужно, но, раз этого требовали в школе, значит, надо было терпеть и стараться как можно лучше, чтобы не разочаровывать родителей, которые всегда очень переживали за мою учёбу. Поэтому нехотя, но приступил к выполнению первого упражнения. Родители сказали делать домашнее задание, а

их надо слушаться. Я это хорошо знал. Проявлять непослушание и неуважение к ним я не собирался.

– Всем доброе утро! – воскликнул я, пройдя на кухню. Уже наступило утро понедельника. Мне надо было собираться в школу, а родителям на работу. Папа должен был идти в институт, а мама работала врачом в поликлинике. У неё как раз была смена, и ей надо было отправляться на работу.

– Доброе утро, Сима, – ответила мне мама. – Выспался?

– Вполне, – улыбнулся я, усевшись за стол. – А что на завтрак?

– Как насчёт бутербродов? – предложила она и выставила на стол тарелку с колбасой, сыром и хлебом. – Я не успела ничего другого приготовить.

– Люблю бутерброды! – воскликнул я, вмиг сделав себе первый бутерброд и отправив его в рот.

– Ну, и хорошо, – удовлетворённо кивнула мама и поставила на стол мою кружку с чаем. – Кушай, Сима. Приятного аппетита!

– Спасибо, мамочка, – уже с набитым ртом проговорил я.

– Лучше не разговаривай, когда ешь, – посоветовал папа. – А то ещё подавишься.

– Угу, – не открывая рта, сказал я и сделал глоток чая. Проглотив чай с оставшимся бутербродом, выдал: – Как скажешь, пап. А ты сегодня во сколько вернёшься?

– Думаю, что часов в шесть. Не раньше. У меня сегодня

много занятий и кое-какие проблемы надо утрясти. Так что рано меня не ждите.

– А я должна вернуться пораньше, – сообщила мама. – Сегодня должно быть мало пациентов. Так что думаю на обеде мы с тобой, Сима, встретимся.

– Хорошо, – мои губы растянулись в улыбке.

– Ты там постарайся, пожалуйста, в школе, Сима, – попросила она. – Мы не хотим, чтобы у тебя вновь появились плохие оценки. Ты не должен быть в отстающих.

– Я стараюсь, как могу, – из моей груди вырвался вздох. – Но у меня не получается. Я не понимаю, что там объясняют. Но даю слово, что буду очень-очень стараться, чтобы закончить эту четверть как можно лучше.

– Да. Это для нас важно, – улыбнулась мне мама.

– Это должно быть и для тебя важно, – вставил папа. – Ведь это твоё образование и твоё будущее. Поэтому нужно постараться.

– Я понимаю всё. Это нужно. Но мне больше нравится музыка.

– Это здорово, – подметил отец. – Правда, здорово, что ты это любишь и тебе это нравится и более того ты этим занимаешься. Но про другое тоже не следует забывать, хоть и порой хочется. Я хочу, чтобы в будущем ты учился в моём институте. Там ты получишь хорошее образование и много полезных знаний.

– Я и сам хотел бы там учиться, – мечтательно улыбнулся

я, представив себе это.

– Так, хватит болтать, – прервала нас мама. – Надо завтракать и собираться.

– Не будем спорить с мамой, – подмигнул мне папа и поспешил вернуться к завтраку.

Я сделал то же самое, продолжая думать о том, как буду учиться в институте, где работает папа. Я там был пару раз, и там было просто замечательно. Мне там всё нравилось, и я мечтал в будущем там учиться. Но поступить туда было тяжело. Для этого надо было стараться и очень хорошо учиться. Поэтому мне было необходимо много заниматься не только музыкой, а ещё и стараться в школе, ведь если я плохо окончу школу, то поступить туда точно не получится. Но терять надежду на поступление туда я не собирался. Пока даже думать об этом было рано, но ничего поделать с собой не мог.

Я так сильно погрузился в свои мысли, что даже не заметил, как проглотил четыре бутерброда и выпил свой чай. Только после того, как сделал последний глоток чая, очнулся.

– Я всё! – продекламировал я и поднялся из-за стола. – Спасибо большое, мамуль, за завтрак. Пойду приму душ и буду собираться в школу.

– Посуду только за собой помой, – остановил меня папа. – Или кто будет за тобой прибираться?

– Да ладно тебе, Коля, – махнула рукой мама. – Я помою

посуду.

– Нет, – отрезал папа. – Максим должен сам учиться наводить за собой порядок.

– Да мне несложно помыть за собой посуду, – с улыбкой на губах сказал я и подошёл к раковине. – Мне даже нравится мыть посуду.

– Вот и хорошо, – внимательно наблюдал за мной отец. – Потому что это правильно мыть за собой посуду, когда ты поел. Чем быстрее к этому приучишься, тем легче тебе будет потом.

– Всё. Помыл, – выдал я, когда помыл свою кружку и ложку.

– Молодец! – похвалил меня папа. – Теперь можешь идти.

Покинув кухню, я направился к ванной комнате. В ванной комнате закрыл на замок дверь и начал не торопясь раздеваться. Торопиться мне было некуда. У меня ещё было достаточно времени до первого урока. К тому же школа не была тем местом, в которое мне хотелось бежать. Поэтому я всё делал не спеша, не желая слишком рано приходить в школу. Тёплый душ принял также не спеша. Выйдя из ванны, начал лениво вытираться полотенцем. Вытерев лицо, кинул неброский взгляд на зеркало.

Из зеркала на меня смотрели зелёные глаза. Мои глаза мне вполне нравились, но вот веснушки, которые сплошь покрывали моё лицо, мне не могли нравиться. Я поморщился, смотря на себя в зеркало. Мне всегда так хотелось избавиться-

ся от этих веснушек, но избавиться от них было невозможно. Эти веснушки казались более яркими из-за моих рыжих волос, которые мне тоже не особо нравились.

Были дни, когда мне мои волосы нравились, и они мне напоминали солнце. Когда солнце садится, оно становится практически такого же цвета, и я очень часто сравнивал свои волосы с таким солнцем из-за того, что другие мне про это говорили. Но сегодня был не тот день, и мне мои волосы совсем не нравились. Я пригладил их, раздул ноздри, засмеялся над своим отражением и отвернулся от зеркала. Не спеша одевшись, я наконец-то покинул ванную комнату.

– Сима, ты уже одеваешься? – окликнула меня мама.

– Да, сейчас буду одеваться, – кивнул я и направился к спальне.

– Давай скорее, а то мы с папой уже будем скоро уходить. Мы хотим хотя бы попрощаться с тобой.

– Ладно. Я быстро, – поторопился я.

Вся моя одежда уже была готова, и её надо было лишь надеть. К счастью, вчера мама заставила меня всю одежду приготовить и погладить, поэтому сейчас мне с этим мучиться не надо было. Оделся я достаточно быстро. Поправив рубашку и накинув на плечи портфель, я поспешил вниз, где меня уже ждали родители.

– Всё. Пойдёмте, – я надел куртку и залез в обувь. – Я готов.

– Пойдём, – мама первая вышла из дома.

Папа закрыл дверь. Только после этого мы вместе двинулись по дороге. Обычно я всегда с утра сначала провожал родителей на автобус и только после этого шёл в школу. Та была в паре минут ходьбы от остановки, так что дойти до школы не было проблемой. Можно даже сказать, что мы с мамой и папой провожали друг друга, ведь автобусная остановка была в десяти минутах ходьбы.

И вот десять минут и мы уже были на автобусной остановке. Автобус должен был приехать с минуты на минуту.

– Ну, Сима, удачного тебе дня, – приобняла меня мама.

– Спасибо, мамуль, – улыбнулся я. – И вам удачного дня.

– Ты можешь не стоять тут, – не стал задерживать меня папа. – Иди в школу. Автобус уже скоро должен быть. Будет даже лучше, если ты в школу придёшь пораньше. Как раз всё проверишь и повторишь.

– Ну, да. Верно. Пока. Увидимся.

– Ага. Пока, Сима, – махнула мне рукой мама.

Я переглянулся с папой, обменялся с ним улыбкой и вприпрыжку побежал в сторону школы.

– А чем ты занимался на выходных? – поинтересовался у меня Данила, один из моих школьных друзей.

– Да ничем особенным. Всё как обычно, – махнул рукой я.

Мы с Данилой и Кириллом сидели в кабинете за партами и общались. Сейчас как раз была перемена, и можно было спокойно поговорить.

– Наверное, грехи свои, как обычно, замаливал, – фыркнул Володя, услышав наш разговор. – Верно же, сектант?! Как обычно в свою церквушку ходил? Никак не надоест?!

– Это уж точно не твоё дело, Володя, – вступился за меня Кирилл. – Иди своей дорогой! Максим сам разберётся, чем ему заниматься и что ему делать. Тебе то что?

– Да просто он раздражает, – скривился мальчик. – Строит из себя святошу! Думаешь самый хороший и правильный? А вот и нет! Так хватит уже строить из себя такого добренького и правильного христианина. Раздражаешь!

Я тяжело вздохнул и покачал головой. Отвечать на нападки Володи я не собирался. Этого бы ничего не дало и лишь ещё сильнее его разозлило. Поэтому я предпочитал молчать, а вот Кирилл продолжал ему отвечать, не желая позволять ему обижать меня. Все в школе знали о том, что я христианин и о том, что хожу в Церковь. Я даже никогда не пытался это скрывать. Но вот когда все начали интересоваться, куда я хожу.... Это всё изменило. Я решил всем рассказать, что у меня за Церковь. Некоторые к этому отнеслись нормально или даже безразлично. Некоторым было просто всё равно на то, куда я хожу и чем занимаюсь. Но нашлись ребята, которые к этому прицепились, и которым очень не понравилось, что я хожу не в православную Церковь.

Особенно это стало раздражать тех, кто крещён и ходит в православную Церковь. Володя один из таких и его наиболее всех раздражает то, что я хожу по его словам в «сектантскую

Церковь». Меня, конечно, эти его слова обижают, и я просто не понимаю, почему все так относятся к нашей Церкви, но стараюсь не обращать ни на кого внимания и тем более не обращать внимания на чьи-то слова. Это не имеет значения!

Ведь самое главное, что мне нравится в Церкви, а остальное всё неважно. К тому же папа предупреждал, что многие не будут меня понимать и принимать, потому что для некоторых это что-то странное и непонятное. Наше желание ходить в Церковь для некоторых кажется чем-то ужасным. Это меня, конечно, тоже очень удивляет. Но это, и правда, так. И это остаётся лишь принять и смириться, что я и старался делать. Изменить мышление и отношение людей к этому я не мог, потому что это было всегда так и скорее всего, будет и дальше так. Я ни на что повлиять не мог, хоть и очень хотелось.

А честно говоря, Володя всегда меня немного недолюбливал. Не знаю почему, но я всегда ему не особо нравился. Он постоянно пытался меня подколоть и чем-то обидеть. Ведь даже когда я ещё не рассказал в школе о том, что христианин и о том, куда хожу, я был добрым, никогда ни с кем не спорил, не ссорился и тем более не дрался. Я ко всем относился хорошо и ни над кем никогда не шутил. Всем это сразу стало казаться странным, и никто этого не понимал. Но потом некоторые смогли меня принять, и я с ними подружился. Но Володя меня не смог понять и принять. Я его просто раздражал. Его отношение ко мне я не особо понимал, но и

не пытался что-то изменить. Мне это было не нужно!

Володя пару минут досаждал нам, но потом всё же оставил нас в покое, дав нам возможность спокойно пообщаться.

– Не обращай на него внимания, – махнул рукой на Володю, который уже сидел на своём месте, Кирилл.

– Да нужен он мне! – улыбнулся я. – Тебе не стоило препираться с ним. Пусть говорит что хочет. Мне, если честно, абсолютно всё равно.

– Не надо терпеть такое отношение, – укоряюще покачал головой Данила. – Тебе надо просто стоять за себя и тогда он отстанет. Почему ты молчишь? Почему ты ему ничего не отвечаешь?

– Я не хочу. А какой в этом смысл? Это его не успокоит, а лишь ещё больше раззадорит. Так он быстрее отстанет!

– Ну, не знаю, – цокнул языком Кирилл. – Как по мне он быстрее отстанет, если его хорошенько послать. Так действительно!

– Для кого как, – снова улыбнулся я. – Не хочу никого посылать, как ты сказал. Мне итак нормально!

– Ой, Максим, нам тебя не понять, – хлопнул меня по плечу Данила. – Станный ты человек! Как можно быть таким терпеливым и добрым? Нам это не понять!

– Я же говорю, мне всё равно на его слова, – поспешил успокоить я ребят. – Пусть говорит всё, что хочет. Мне без разницы! Меня это никак не волнует.

– А должно, – с изумлением смотрел на меня друг. – Как

тебя это может не волновать? Он же пытается задеть тебя.

– Вот именно. Он пытается задеть меня. А я не хочу ему позволять задевать меня. Обойдётся! Он меня так просто не достанет. Пусть поищет кого-нибудь другого!

– Так вот какой он твой план, – с восхищением посмотрел на меня Кирилл. – Ну, ладно! Твоя взяла. Пусть будет по-твоему. Лучше давайте я вам расскажу, чем занимался на выходных.

– Давай, – заинтересовался я.

Он начал с энтузиазмом нам рассказывать о своих выходных. Мы с Данилой его внимательно слушали. В какой-то момент я отвёл взгляд в сторону и встретился взглядом с Володей, который пристально смотрел на меня.

– Ну, а потом мы устроили хорошую вечеринку, – продолжал свой рассказ Кирилл. – Ну, как вечеринку.... Мы слушали музыку, общались, веселились, играли в разные игры.... Короче говоря, было очень весело!

– Круто! – восхитился Данила. – А у меня были не такие интересные выходные. Просидел все два дня дома и смотрел фильмы. Ничего интересного! Но у тебя.... У тебя было весело!

– Ага, – согласился тот. – Не то слово! Слушайте, ребята, а может, давайте сегодня погуляем? Так не хочется дома сидеть.

– О! Я с радостью! Мне тоже не особо хочется сидеть дома. Погулять будет хорошо. Хорошая идея!

– А ты, Максим? – вопросительно посмотрел на меня Кирилл. – Ты с нами?

– Пожалуй, нет, – покачал я головой. – Идея, конечно, хорошая, но у меня много дел. Заданий много задают. Надо заниматься. Так что я не смогу с вами пойти гулять.

– Ну, ладно, – не стал расстраиваться друг. – Нам и вдвоём будет хорошо. Верно, Данила?

– Ага, – весело улыбнулся он.

Прозвенел звонок, зазывая всех учеников на последний урок.

– Ну, всё! – печально вздохнул Кирилл и поднялся со своего места. – Ещё один урок... Я на своё место.

– Я тоже, – Данила направился к своей парте.

Я проводил ребят взглядом. На уроках нам приходилось сидеть по отдельности, потому что наша классная руководительница не желала, чтобы друзья сидели друг с другом. Она сама нас рассадил так, чтобы у нас не было возможности общаться друг с другом. Ведь общение отвлекает от уроков, и в этом она была права. Благодаря правильной рассадке на уроках практически всегда была тишина. Лишь на некоторых уроках, которые вели добрые учителя, мы садились по-своему и могли себе позволить пообщаться. Но это было редко.

И вот сейчас мы уселись, как положено. Рядом со мной села моя одноклассница – Регина. Мы с ней не особо общались, но её общество меня вполне устраивало. Как и её моё общество. Мы никогда не возражали сидеть вместе. Осталь-

ные ребята также уселись на свои места, и учитель начал урок. Это была биология, а её я не особо любил. Она была очень трудна для восприятия. Были уроки, которые я понимал, но сегодня мы проходили что-то сложное, и мне оставалось лишь терпеть. Потерпеть нужно было всего лишь сорок пять минут и можно будет идти домой.

Мне уже не терпелось вернуться домой и снова поиграть на гитаре. Я уже мысленно представлял себе, как играю на гитаре, перебираю струны и наслаждаюсь красивой мелодией. Практически весь урок я был погружён в свои мысли, представлял, как буду играть на гитаре и дальше сочинять песню. Лишь иногда я отвлекался от своих мыслей и возвращался к уроку. Ведь получать знания мне всё равно было нужно. Периодически нам устраивали самостоятельные работы, а также контрольные. Так что хоть немного понимать тему мне было нужно.

Из-за постоянных размышлений о музыке я даже не заметил, как прошёл урок. Прозвенел звонок, сообщая нам о том, что мы наконец-то свободны и можем идти домой. Я не торопясь поднялся из-за парты и начал собирать свои вещи, попутно записывая домашнее задание в дневник. Из класса вышел вместе со всеми и только в коридоре столкнулся с Данилом и Кириллом.

– Ну, что когда вы пойдёте гулять? – поинтересовался я, медленно спускаясь вместе с друзьями и другими школьниками по лестнице.

– Если честно, мы хотим прямо сейчас куда-нибудь сходить, – ответил Кирилл. – А ты не передумал? Не хочешь с нами?

– Давай, Максим, – посмотрел на меня Данила. – Будет весело. Хотя бы пару часов с нами погуляй. Сколько можно сидеть дома? Гулять тоже полезно!

– С этим я, конечно, согласен, но дел уж больно много, – покачал я головой. – Я был бы рад, но не могу. Родители будут ругаться, если я опять получу плохую оценку. Надо заниматься, задания делать....

– И ты думаешь, что мы поверим, что ты только и делаешь, что занимаешься дома? – усмехнулся Кирилл и окинул меня пристальным взглядом.

– Ты о чём? – не понял я и с удивлением посмотрел на него.

– Ты по-любому дома занимаешься чем-то таким, о чём не хочешь говорить нам, – выдал друг. – Я это точно знаю!

– Что за ерунда? – улыбнулся я. – У меня, конечно, есть свои личные дела, но они тут не при чём. Мне, правда, надо заниматься. Вы мои оценки видели?!

– В том то и дело, что видели. Ты занимаешься почти каждый день и почему-то ещё не отличник. Вот это как раз-таки истораживает.

– Ой, да ладно тебе, – я засмеялся. – Я никогда не буду отличником. Я для этого недостаточно умный.

– Но занимаешься больше нас всех, – подметил Данила. –

Зачем тогда столько заниматься, если всё равно не сможешь быть отличником? Можно же тогда чуть больше позволять себе расслабляться. Прогулки идеально подходят для этого.

– Нет. Если я перестану заниматься, и начну гулять, то стану ещё хуже учиться и вообще скачусь на двойки. Мне это не нужно! Я не представляю, что тогда со мной сделают родители. Они тогда вообще меня дома запрет.

– Какие твои родители строгие, – с жалостью взглянул на меня Кирилл. – Моим родителям всё равно как я учусь. Лишь бы не было двоек в четверти и году, а тут уж я справляюсь. Но твои родители.... Это ужас!

– Нет. Они не то, чтобы строгие... – поспешил поправить я друга. – Они просто очень беспокоятся за меня. Им важно моё будущее. Да я и сам понимаю, что учёба важна, но учиться хорошо у меня не особо получается. Но я очень стараюсь. И они мне в этом пытаются помочь. Я не считаю, что это плохо, что они так заставляют меня заниматься. Они это делают ради меня же. Что в этом такого плохого? Злиться на них из-за этого глупо.

– Надо же... – не ожидал такого от меня Данила, и первый прошёл в раздевалку, где висели наши куртки. – Как ты рассуждаешь... Я удивлён! Мои родители тоже, конечно, иногда бывают слишком помешанными на моём образовании. Особенно после родительского собрания их очень волнуют мои оценки. Но я никогда не думал так, как думаешь ты. Меня наоборот раздражает, когда родители пытаются за-

ставлять хорошо учиться. Мне это не нужно! А зачем? Для какой цели? Это всего лишь оценки! Они не так уж и важны! Но ты даже не злишься на своих родителей, а наоборот пытаешься их понять. Это интересно! Видимо, у вас очень хорошие отношения.

– Это да, – не стал спорить я и опустил на лавочку, начав переобуваться. – У нас всегда были хорошие отношения. Это есть! И к тому же я не считаю, что хорошие оценки бессмысленно получать. Ведь потом в будущем нам придётся идти в колледж или институт и хорошие оценки, а также хорошие знания всегда пригодятся.

– А! Точно! – на губах Кирилла появилась улыбка. – Ведь твой папа преподаватель в институте. Как же тебе не задумываться о своём будущем. Я лично считаю, что ещё рано об этом задумываться. Нам ещё учиться и учиться. Какой тут институт?!

– Ну, как по мне никогда не рано начинать думать об институте, – твёрдо сказал я и начал надевать куртку.

– И эту мысль тебе внушил твой папа, – выпалил друг и, переглянувшись с Данилой, засмеялся одновременно с ним. – Ладно. Мы пошли. Пока, Максим. Завтра увидимся.

– Ага. Давайте!

– Пока, Максим, – Данила застегнул куртку и вместе с Кириллом двинулся к выходу из школы.

Я тоже застегнул свою куртку, поправил рубашку под ней, надел шапку и, закинув на плечи портфель, не спеша пошёл

на улицу. Мне никуда спешить было не нужно. Можно было идти не торопясь и как раз заодно прогуляться. Хоть это и будет всего десятиминутная прогулка, но это лучше, чем быстро дойти до дома и потом весь вечер сидеть там.

Конечно, можно было бы согласиться пойти погулять с ребятами, и никто бы меня за это не осудил. Тем более родители меня за это не осудили бы, но у меня не было желания гулять с друзьями. Ведь если я буду с ними гулять, то, когда вернусь домой, успею только сделать уроки, а на остальное времени не останется. А это меня не устраивало. Жертвовать игрой на гитаре ради какой-то прогулки я не хотел. Гитара для меня была важнее. Если бы на их месте были Виталик, Артём, Денис и Петя, то я, не задумываясь, согласился бы. Но это были не они, а с Данилой и Кириллом, как бы мне не было с ними весело и хорошо в школе, особого желания гулять не было.

Я вышел из школы, кинул взгляд на друзей, которые, толкаясь и смеясь, шли по дороге к воротам школы. Улыбнувшись, я пошёл в другую сторону. С территории школы было два выхода. Я всегда выходил через другие ворота, потому что так мне было ближе идти к дому. Мне не хотелось идти в обход. Хоть я и решил немного прогуляться до дома, но всё равно идти вокруг школы не хотелось. К тому же так я мог пересечься с ребятами, а это также меня не радовало. Ведь тогда они опять начнут меня уговаривать погулять с ними, а я не хотел заново это слушать. Поэтому лучше было прой-

тись как обычно.

Покинув территорию школы, я не торопясь пошёл по дороге, смотря по сторонам и наслаждаясь свежим воздухом. Хоть на улице и было прохладно, но мне всё равно нравилась такая погода. Было немного пасмурно, даже чуть-чуть накрапывал дождик, но атмосфера, которая царила на улице, была очень приятна мне. Даже не хотелось идти домой, но дома мне всё равно больше нравилось. Там я мог поиграть на гитаре и ещё попеть, пока дома никого не было. Конечно, мама должна была вернуться сегодня пораньше, но пару часов у меня точно было.

Я спокойно шёл уже около трёх минут, и тут раздался голос Володи:

– Привет, сектант, – и непонятно откуда передо мной возник одноклассник. – Идёшь сейчас домой? Или к своим друзьям-сектантам?

– Володя, что тебе надо от меня? – не сбавляя темпа, спросил я, не желая общаться с ним.

– Я вот не понимаю, как Кирилл и Данила общаются с тобой, – сделал задумчивое выражение лица мальчик. – Они же нормальные ребята, а ты – ненормальный, повёрнутый на религии парень. Как они с тобой общаются? Что у вас вообще общего? Или я ещё чего-то не знаю, и ты уже успел втянуть их в свои религиозные сети?

– Если тебе это так интересно, то спроси это у них, – кратко ответил я. – И, если тебя это так волнует, то религия их

не интересуется. Странно, что тебя это так волнует.

– Хотя я, наверное, знаю, почему они с тобой общаются, – довольно усмехнулся одноклассник. – Из жалости! Только такой ответ я могу найти.

– А, может, ты спросишь их?

– А мне это не нужно, – отмахнулся от меня Володя. – Они всё равно правду не скажут. Но это точно так. Другие ребята тебя терпеть точно не стали бы. Ведь больше с тобой никто не общается. Только они! Им просто тебя жалко. И делов-то!

– Если тебе так нравится думать, то пусть будет так, – не стал спорить я. – Не вижу в этом ничего плохого. Не понимаю, почему это тебя так волнует.... Ты можешь, пожалуйста, оставить меня в покое? Я хочу побыть один!

– Нет! Как я могу бросить тебя одного? А вдруг на тебя кто-то нападёт? Нет! Я должен быть рядом с тобой. Поэтому я составлю тебе компанию и провожу тебя до дома! – не желал отставать от меня мальчик. Я тяжело вздохнул и отвернул голову в сторону, поняв, что мне ещё долго придётся терпеть его общество. – Так о чём мы говорим? Твои так называемые «друзья», – он показал в воздухе кавычки, – общаются с тобой из жалости. Им жалко тебя бросить. На самом же деле ты им не нужен и, если ты вдруг уйдёшь из нашей школы, они тебя даже не вспомнят и не будут по тебе грустить.

– И что дальше? Ты думаешь, что сможешь меня таким способом разозлить? Не выйдет. Мне всё равно. Говори, что

хочешь.

– Тебе не надоело быть таким добреньким? Что ты вечно строишь из себя святошу?! Ходишь к каким-то сектантам и ещё строишь из себя непонятно кого. Тошнит от тебя!

– Тогда зачем ты ко мне подходишь? Ты же можешь просто не подходить ко мне и не говорить со мной. Разве так не проще? Но ты всё время подходишь ко мне, будто бы тебе нравится моя компания. Или будто бы ты без меня не можешь!

– Что ты несёшь? – закатил глаза Володя. – Просто хочу понять, как можно быть таким убогим и жалким. Тебя в грязь макают, а ты молчишь и даже ответить не можешь. Святоша!

– Я не святой!

– Но строишь из себя такого!

– Святых людей нет, – покачал я головой. – Все мы грешны. Я тем более.

– Тогда не строй из себя такого добренького! Ответь мне что-нибудь.

– Я отвечаю, – улыбнулся я.

– Нормально ответь. Постой за себя! Не будь тряпкой! – не отставал от меня одноклассник. – Говоришь, что не святой, но на деле строишь из себя святошу.

– Я не хочу тебе ничего отвечать. И дело не в том, что я святой. А в том, что просто не хочу с тобой ссориться. Мне это не нужно! Это что плохо, что я добрый? Тебя это так

раздражает?

– Меня ты раздражаешь! – прикрикнул мальчик. – Ладно, сектант. Мне с тобой даже противно общаться. Пока! Ещё увидимся.

– Пока, Володя, – сказал я ему уже в спину, так как одноклассник быстро развернулся и пошёл прочь.

Я же пошёл дальше своей дорогой, лишь довольно улыбнувшись, что выдержал очередное нападение со стороны мальчика и ничего ему не ответил. Это была ещё одна моя маленькая победа. Было очень тяжело сдержаться и ничего не отвечать однокласснику.

Конечно, очень хотелось ему сказать, чтобы он отстал от меня, но это было бы неправильно, и я потом об этом жалел бы. Но я вновь смог сдержаться и меня это радовало. Я не понимал, почему Володя всё время ко мне пристаёт и чего он добивается, но воспринимал это как испытание от Бога. Бог так испытывает моё терпение. Я это точно знал, и надо было терпеть и не злиться на Володю. И пока у меня это получалось.

Домой я пришёл в достаточно хорошем настроении.

– Привет, Сима, – встретила меня в прихожей мама. – А я вот всё жду тебя и удивляюсь, где же ты.

– Мама! – улыбнулся я, увидев её. – А я почему-то думал, что ты позже придёшь.

– Я же сказала, что приеду, сегодня к обеду, – напомнила она.

– Но я не думал, что ты настолько рано уже будешь дома, – честно сказал я. – Но это хорошо!

– Давай переодевайся, помой руки и будем обедать, – командовала мама.

– Хорошо, мамуль, – я послушно двинулся на второй этаж.

Быстро переодевшись, я вымыл руки. Мне очень хотелось поесть, и тянуть время у меня желания не было. К тому же мне не терпелось ещё поиграть на гитаре и попеть, поэтому надо было поскорее пообедать и усесться в комнате. Через пару минут я уже был на кухне и сидел за столом.

– Вот. Кушай, – мама поставила передо мной тарелку супа. – Приятного аппетита, Сима.

– Спасибо, мамуль, – я взял в руки ложку, укусил хлеб и начал хлебать вкусный суп.

Мама тоже приступила к обеду, поглядывая на меня. Я же быстро съедал суп в своей тарелке, даже не замечая её взглядов. Только когда моя тарелка была почти пустая, я поднял глаза и встретился с мамой взглядом.

– Как дела в школе, Сима? – поинтересовалась она. – Как прошёл твой день? Всё хорошо?

– Нормально, – прочистив горло, ответил я. – Сегодня ничего интересного не было. Я даже сегодня никакие оценки не получил. Но скоро обещали самостоятельную работу.

– Ты давай к ней готовься.

– Конечно, мамуль, – я улыбнулся и глотнул супа. – Буду готовиться.

– Тебе на сегодня много задали? – последовал очередной вопрос от мамы.

– Ну, так... – неопределённо ответил я. – Достаточно. Надо выучить стихотворение, сделать русский, математику, написать пару конспектов... Я успею это всё сделать, мамуль. Не волнуйся!

– Смотри ничего не забудь! А то тебе опять поставят плохую оценку за отсутствие домашней работы.

– Мамочка, я ничего не забуду, – уверенно сказал я и вновь улыбнулся, желая её убедить. Доев оставшийся суп, поднялся со своего места. – Я всё! Спасибо большое за суп, мама. Было очень вкусно. Я сейчас хочу хотя бы немного позаниматься музыкой. Поиграю на гитаре, попою и тому подобное. А потом тут же возьмусь за домашние задания.

– Хорошо, Сима. Но не слишком долго занимайся музыкой.

– Ладно, – не стал спорить я и подошёл к раковине.

Вмиг вымыл свою посуду и побежал наверх, не желая дожидаться пока мама передумает и скажет мне сразу делать домашнюю работу. А сразу заниматься домашней работой у меня желания не было. В комнате я тут же щёлкнул замком и, подхватив гитару, уселся на кровать. Наконец-то я был один на один с собой и гитарой. Этого мига я ждал весь день.

На пару минут я задумался, пытаюсь придумать с чего бы лучше начать играть на гитаре. Но думать мне долго не пришлось, потому что у меня тут же возникла идея. Мне надо

было немного размяться, прежде чем возвращаться к написанию новой песни. И размяться я решил при помощи одного знакомого псалма, который мы пели в Церкви. Я прекрасно знал, как играть этот псалом на гитаре, поэтому начать мне было нетрудно.

Я заиграл на гитаре и прикрыл глаза, наслаждаясь прекрасными звуками, которые сразу же полились. Первый куплет я пропустил, не желая сразу же разрываться между игрой на гитаре и пением песни. И только потом запел:

– Вижу Бога каждый день

Он в прощальном крике журавлином

Душу манит за собой

В край небесный, неземной,

Летящим клином

Всюду Ты, Бесконечный Бог Творец,

Бесконечный Бог Отец,

В Своём слове неизменный

Ты, обитающий в сердцах,

На земле, как в небесах,

Будь благословен!

Всюду Ты, Бог благой

Слава Тебе, вовеки слава!

Всюду Ты, Бог благой

Слава Тебе, вовеки слава! – на этом я остановился, пере-

став петь и лишь продолжая играть на гитаре. Конечно, я знал слова этой песни наизусть и достаточно хорошо, но мне

больше хотелось этот псалом поиграть на гитаре, что и сделал.

Закончив играть этот псалом, я глубоко вздохнул и снова задумался. Я ещё не был готов возвращаться к написанию новой песни. Сначала мне очень хотелось сыграть одну из своих песен. Я написал её уже давно. Текст этой песни я придумал самостоятельно, а вот с музыкой мне немного помогал папа. Я замер на минуту, вспоминая как играть эту песню и её слова. Только после этого начал играть на гитаре. После небольшого и красивого вступления запел:

– О, как люблю я эту красоту!

Дыхание природы и сладкий запах лета,

И природы простоту!

Ведь это всё так прекрасно и красиво.

От маленького зелёного листочка

До самого большого солнца.

И иду я по тропе зелёной

И думаю: «Почему всё так прекрасно?»

И вновь понимаю, что это всё

Создал мой Отец Всевышний в небе.

Ведь это всё не просто так!

Это чудо созданное, чтобы радовать нас! – я продолжал петь эту песню, не отрываясь от гитары.

Да, эта песня была немного детской и простой, но мне она нравилась. Во-первых, в ней были красивые и важные слова. Во-вторых, я её написал сам. Ну, и, в-третьих, у неё была

красивая мелодия. Мелодия была просто прекрасная и благодаря ей песня становилась такой чудесной. Я с удовольствием её спел и полностью проиграл на гитаре.

И только проделав всё это, понял, что готов возвращаться к написанию своей песни. Я достал блокнот, ручку, положил их перед собой и приступил к делу. Написание песни сегодня давалось сложновато. Чтобы сдвинуться с места мне приходилось не по одному разу возвращаться к началу песни, проигрывать её и даже петь, чтобы понять, что лучше добавить и как лучше всё сделать. Но сдвинуться всё равно не получалось. Не смотря ни на что, я не сдавался и продолжал проигрывать песню сначала и до конца.

Медленно у меня пошло дело. Музыка постепенно рождалась и рождалась, вызывая радость в моей душе. Я был очень рад, что у меня начинает получаться и не желал прерываться. Я был всецело погружён в написании песни и уже даже не думал про уроки, которые надо было делать, а их было достаточно много. Мне это было уже неважно. Я думал только о своей песне.

Пришёл в себя лишь тогда, когда услышал стук в дверь и голос папы.

– Максим, открой дверь, – говорил отец, настойчиво стучась в дверь. – Максим, ты меня слышишь?! Открывай дверь!

Мне пришлось нехотя прерваться, отложить в сторону гитару и подойти к двери. Я щёлкнул замком и распахнул

дверь. На пороге стоял папа и строго смотрел на меня.

– Максим, я же говорил тебе, чтобы ты не закрывался, – напомнил он мне и заглянул в комнату. – Зачем ты опять закрылся? Тебе была непонятна моя просьба?

– Да я просто писал песню, – промямлил я в своё оправдание, понимая, что был не прав. – Извини, пап. Больше такого не повторится. Я забыл, что ты не любишь, когда я закрываю дверь.

– Больше не закрывайся! А иначе я могу убрать замок и, когда тебе правда понадобится закрыться, ты не сможешь это сделать. Не надо закрывать дверь, когда ты играешь на гитаре. Я не хочу каждый раз стучаться, когда хочу к тебе зайти. Будешь закрываться, когда станешь старше, а пока тебе нет нужды закрывать дверь. Не делай этого! Тебе всё понятно?

– Да. Больше не буду закрывать дверь, – кивнул я, не желая спорить с папой. – Честно, папа. Я больше не буду.

– Хорошо, – был доволен тот. – Что у тебя с уроками? Мама сказала, что тебе много заданий задали, но по тебе даже не скажешь, что ты что-то делал. Ты хоть что-нибудь из уроков сделал?

– Да, я как раз собирался... – смутился я, только сейчас вспомнив про уроки. – Просто тут немного занят был и потерял счёт времени. Сейчас приступлю к урокам.

– Давай, – с ожиданием смотрел на меня папа. – И не смей больше брать в руки гитару. Я, правда, рад, что ты любишь играть на гитаре и что у тебя такие таланты, но всему надо

знать меру. Я тебе уже говорил, что сейчас для тебя должна быть важнее учёба, а это лишь твоё хобби. Не забывай про учёбу и старайся! А ты опять забываешь про задания. Сейчас же садись за стол и приступай к заданиям. Если я услышу, что ты играешь на гитаре, то отберу её у тебя. Понятно?

– Всё понятно, пап, – я послушно уселся за стол и полез в портфель. – Я сейчас же приступлю. Я просто совсем забыл про задания и заигрался немного. Но сейчас всё сделаю. Не волнуйся! Я успею.

– Я всё лично проверю, – он окинул меня строгим взглядом и только после того, как убедился, что я приступил к выполнению заданий, покинул комнату.

Я же лишь тяжело вздохнул и начал старательно делать домашние задания, не желая расстраивать родителей, и заставляя папу наказывать меня. Я сам понимал, что не прав и должен был ещё раньше сесть за домашние задания. И был благодарен папе за то, что он одёрнул меня и вернул с небес на землю. Ведь я мог ещё долго играть на гитаре и тогда точно не успел бы ничего сделать. Но сейчас у меня ещё был шанс успеть всё сделать до ночи.

Нужно было постараться, потому что плохие оценки мне точно были не нужны. Хотя мне всё равно не хотелось делать домашние задания, но это было нужно. Я всё что угодно отдал бы, чтобы этих домашних заданий не было, ведь тогда смог бы спокойно играть на гитаре. Но от выполнения домашних заданий убежать было нельзя и оставалось лишь

покорно и послушно выполнять их.

Глава 2 «Доброе сердце»

Я медленно прошёл в кабинет. Меня всё ещё немного клонило в сон. Первый урок должен был начаться минут через пятнадцать. Сегодня я особенно рано пришёл в школу, но зато это был шанс окончательно проснуться к первому уроку. Я был уверен, что в кабинете всё ещё почти никого нет, но стоило мне зайти туда, как меня ждало удивление. Конечно, народу в кабинете было мало, но Данила и Кирилл уже были в кабинете. Они сидели вместе и что-то активно обсуждали. Я решительно направился к ним.

– Привет, ребята, – я улыбнулся друзьям.

– Привет, Максим, – кивнул мне Данила, а Кирилл лишь посмотрел на меня.

– Ты зря с нами вчера не пошёл гулять, – выдал друг. – Было так весело...

– И он сейчас не врёт, – поддакнул ему Данила. – Было, и правда, весело! Было очень круто! Тебе стоило с нами пойти.

– А что такое было? – стало интересно мне. – Что было веселого и интересного в вашей прогулке? Может, поделитесь со мной?

– Конечно же, поделимся, – не стал отказывать Кирилл. – Данила, предоставляю тебе честь начать рассказ.

– Ну, спасибо, – засмеялся тот. – Короче, Максим, сначала мы не знали чем заняться и решили просто прогуляться по

городу. Потом мы решили зайти в гараж, но не учли, что этот гараж охраняли собаки. И вот они начали на нас лаять. Мы не знали, что делать, замерли, а потом Кирилл внезапно выкрикнул: «Бежим!», – с этими словами он переглянулся с другом, и они вместе засмеялись. – И мы побежали.

– Пока мне это смешным не кажется, – покачал я головой, представив себе это.

– Да ты слушай дальше, – махнул на меня рукой Кирилл. – Мы бежали, бежали, и тут понимаем, что никто за нами не гонится. Останавливаемся, а собак позади нас нет. Ну, мы подумали и решили вернуться назад. И оказалось, что собаки мало того, что на цепи, так ещё и дружелюбные. Они просто так нас приветствовали. А мы испугались, – ребята снова засмеялись, и в этот раз я их поддержал, представив эту смешную ситуацию.

– Погоди смеяться, – остановил меня Данила. – Это ещё не всё! Потом мы решили зайти в магазин. Я взял нам воду, чипсы, а Кирилл крутился около других прилавков и никак не мог решить, что взять. В итоге он ничего не выбрал, и мы пошли на кассу. Оплатили всё. И только решили пойти к выходу, как тут в Кирилла вцепилась какая-то бабушка и кричала, что он вор, что он украл что-то и она это видела. Мы попытались её убедить, что ей показалось, но она не поверила. В итоге пришлось ей это доказывать. Мы вывернули все карманы при ней, охраннике и продавце, которые решили убедиться, что мы ничего не украли. И в итоге наши сло-

ва подтвердились, и той бабушке было очень неловко.

– Надо же было подумать, что я вор, – прыснул Кирилл. – Она даже потом извинялась передо мной и предлагала мне что-нибудь купить. Но естественно я отказался, и мы ушли.

– Да уж, – улыбнулся я. – Представляю себе это. Весело же у вас было.

– А то! И мы тебе можем ещё кое-что рассказать.

И он продолжил рассказывать о вчерашней прогулке. Данила периодически что-то вставлял и добавлял рассказ. Прогулка у них, и правда, вышла весёлой, и мы вместе посмеялись над их «приключениями». Я даже не думал, что может быть такое веселье и немного жалел, что вчера отказался с ними пойти гулять. Ведь мне пришлось в основном просидеть дома за уроками, а я мог немного повеселиться с ребятами. Но что-то изменить уже было нельзя, и мне лишь оставалось наслаждаться рассказами ребят.

Когда ребята закончили рассказ, Кирилл окинул меня внимательным взглядом и спросил:

– Ну, что жалеешь, что вчера не пошёл с нами гулять?

– Пожалуй, да, – нехотя сказал я и вздохнул. – Весело у вас было!

– И не говори! – усмехнулся Данила. – Надо было с нами идти, а тебе захотелось остаться дома и позаниматься. Сколько можно быть таким нудным? Надо иногда расслабляться и отдыхать. Нельзя постоянно заниматься!

– Я полностью согласен с Данилой, и раз ты сам жалеешь,

что не пошёл с нами гулять, то пошли с нами гулять сегодня, – предложил друг. – Думаю, сегодня будет тоже не скучно. Давай! Надеюсь, в этот раз ты нам не откажешь, а иначе потом опять будешь жалеть, что отказал нам.

– Пожалуйста, Максим, не отказывай нам! – попросил Данила. – Пойдём с нами! Будет здорово!

– Думаю, в этот раз точно не стоит отказывать, – согласился я. – Я с вами! Не могу вам отказать. Тоже хочу погулять.

– Вот! Это другое дело. Молодец! Правильное решение! – похвалил меня Кирилл. – Наконец-то согласился. А то надоел отказывать нам. Сколько уже можно нас динамить?

– Я вовсе не... – возразил я, но друг не дал мне договорить.

– Не спорь с нами! – прервал он меня. – Мы рады, что в этот раз ты будешь с нами. Ну, ладно. Данила, нам пора на свои места. И тебе, Максим, тоже. Скоро звонок. Поговорим потом. Самое главное, что мы обо всём договорились, – Кирилл подмигнул мне.

– Точно, – только посмотрел на время я. – Ты прав!

Мы с Данилой и Кириллом расселись на свои места, и только мы сделали это, как прозвенел звонок. Мы с ребятами переглянулись. Нам уже не терпелось дожидаться окончания уроков и пойти гулять. Но нужно было сначала потерпеть пять уроков и только тогда мы сможем пойти гулять. И мы все были готовы потерпеть.

Сегодня все уроки пролетели очень быстро. Всё время до последнего звонка мы с ребятами решали куда пойдём и чем займёмся, а во время уроков я представлял себе нашу прогулку. И представлял себе её очень красочно. Я был уверен, что она пройдёт хорошо и будет очень весёлой. Мне хотелось хорошенько погулять и повеселиться с ребятами. Мне очень нужна была эта прогулка. Я уже давно просто не гулял с друзьями, и мне как раз этого хотелось.

Мне нужно было немного развеяться и отдохнуть от всяких заданий и прочего. И небольшая прогулка была самым подходящим способом отдохнуть от всего. Как бы я не любил играть на гитаре и петь, гулять мне тоже нравилось, и иногда это было просто необходимо. И сейчас был именно тот момент. К тому же родители домой рано вернуться не должны были, и мне даже не надо было предупреждать их о том, что я иду гулять. Я мог спокойно наслаждаться прогулкой с друзьями.

Когда мы вышли из школы, тут же направились в парк. Именно с этого места мы и решили начать нашу прогулку. Это было идеальное место для прогулки. Мы хотели дойти до озера, погулять около него, пообщаться и только потом пойти в более интересные места и немного развлечься. Понятное дело, денег для каких-то хороших развлечений у нас не было и нам нужно было их искать самим. За все пять уроков у нас было достаточно времени, чтобы придумать себе развлечения, и теперь их надо было только воплотить в

жизнь, что мы легко сделали.

Как я и думал, прогулка была очень весёлой и хорошей. Я ни на секунду не пожалел, что отправился гулять с ребятами и даже был этому рад. Ведь смог замечательно отдохнуть, развеяться и просто насладиться общением с ребятами. Мы замечательно повеселились и развлеклись.

Что мы только не делали три часа, которые выделили на прогулку.... Мы и побыли в парке, и сходили в лес, и пробежались по различным дворам. Мы даже поднялись на крышу одного небольшого здания. Нам было очень весело, и мы хотя бы не делали ничего плохого, чего я очень боялся, когда шёл гулять с ребятами. Но всё обошлось, и я был доволен.

Мне очень понравилась наша прогулка, но больше всего мне нравилось то, что она ещё не закончилась, и мы могли гулять дальше. Спешить домой мне было незачем, ведь заданий сегодня нам задали немного. Даже родители мне пока что не звонили и не звали домой. Так что, не сговариваясь, мы продолжили нашу прогулку.

Я, Кирилл и Данила не торопясь шли через очередной двор, как тут услышали тихое мяуканье.

– Вы это слышите? – сразу остановился я.

– Это что котята? – тоже услышал мяуканье Данила.

– Кажется, звук идёт отсюда, – двинулся в кусты Кирилл.

– Кирилл, не надо. Постой! – рванул за ним я. – Может не надо? А то они испугаются.

– Ну, вам же тоже хочется на них посмотреть, – выдал

друг. – Мы только посмотрим на них. Если они испугаются, мы тут же уйдём. Хорошо? Даже трогать их не будем.

– Ладно, – смирился я.

– Я с вами, – направился к нам Данила. Ему тоже хотелось посмотреть на котят.

– Вот они! – воскликнул Кирилл, увидев котят. – Как их много. Ого!

Нашему взору предстали пятеро котят. Один из них был рыжеватым, второй бело-чёрный в пятнышках, другой серенький, четвёртый был чёрный с рыжими полосками, а пятый был беленьким с чёрным хвостиком. Они все были такие милые, что просто перехватывало дыхание. Они смотрели на нас своими большими разноцветными глазками и, смотря на них, трудно было сдержать улыбку.

И мы не могли сдержать улыбки и улыбались во весь рот, радуясь, что увидели таких прелестных котят. Не каждый день выходит увидеть котят, а сейчас перед нами были пятеро малышей, и один был лучше другого. Они были такими крохотными и милыми, что так и хотелось взять их на руки и забрать домой, но я точно знал, что родители не разрешат этого сделать. Оставалось лишь только смотреть на котят и радоваться, что мы решили ещё немного погулять и зайти именно в этот двор, потому что иначе мы не увидели бы их.

– Ооо! Ухты! Какие они лапочки! – не смог сдержать я своего восхищения, рассматривая котят. – Такие милые!

– И не говори, – поддержал меня Данила. – Кис-кис-кис, –

позвал он котят и сделал к ним шаг. Те продолжали смотреть на нас и даже не собирались убежать. – Ребята, кажется, они нас не боятся.

– Мне кажется, что всё равно не стоит их гладить, – проговорил я, смотря на котят. Хоть у меня и было желание их погладить, но они были такими маленькими и хрупкими, что даже было страшно их трогать. Мало ли вдруг они внезапно испугаются, побегут на дорогу и с ними что-то случится? Я этого очень боялся, и лучше было обойтись без этого.

– Да ладно тебе, – отмахнулся от меня друг, сделал шаг к котяткам и наклонился к ним. Он первый погладил одного из котят, который был ближе к нему. – Давайте, ребята. Смелее! Они такие милые. Ну, посмотрите! – Данила отодвинулся чуть в сторону, и мы увидели, что котёнок начал с ним играть. Малыш хватал его руку своими маленькими лапками и пытался укусить. – Ну, что вы?! – улыбнулся мальчик и погладил другого котёнка. – Давайте же! Ну, когда ещё будет шанс погладить котят?

– Ладно. Ты прав, – сдался Кирилл и подошёл поближе. Он встал на корточки и погладил серенького котёнка. Тот сразу подбежал к нему, начал ласкаться и громко урчать. – Ну, какие же они милые! – вырвалось у Кирилла. – С радостью взял бы себе одного котёнка.

– Я тоже, – не смог сдержаться я и тоже присоединился к ребятам. – Но родители не разрешат.

– Мне тоже не разрешат, – вздохнул друг, глядя то одного

котёнка, то другого.

– Они такие пушистые, – нерешительно дотронулся я до рыжего котёнка. – Наверное, им тут тяжело выживать. Им, скорее всего, холодно.

– Я думаю, о них позаботятся, – решительно сказал Данила. – Здесь много жильцов и уверен, что найдутся люди, которым будут не безразличны эти котята. Так что можно не переживать. Я точно знаю, что их не бросят. Ну, как можно пройти мимо таких прелестных котят?

– Это точно, – я взял в руки веточку и начал играть с одним из котят. Ещё два котёнка тут же увидели эту веточку и тоже бросились играть. Котята толкались, дрались за веточку и кусали друг друга, тихо помяукивая. Мы, наблюдая за этой картиной, засмеялись. – Какие они смешные! – с улыбкой сказал я и выкинул веточку. Котята же продолжали играть друг с другом.

Мы ещё пару минут наблюдали за котятами, гладили их и не могли уйти. Потом Кирилл первый выпрямился и выдал:

– Ладно, ребята, пойдёмте. А то так мы можем ещё долго стоять. А мы вообще-то гуляем. Пусть играют. Не будем им мешать. К тому же Максим прав и не надо их так много гладить. Мне папа говорил, что потом их мама не будет узнавать. Так что хватит! Пойдёмте дальше!

– Хорошо. Пойдёмте, – я напоследок погладил серенького котёнка, который даже не обратил на меня внимания. Потом с трудом выпрямился и поспешил уйти. Тяжелее всего было

именно уйти от котят, потому что они были слишком милыми, и хотелось дальше стоять рядом с ними и гладить их. Но, и правда, не стоило их слишком сильно наглаживать, к тому же мы не могли их взять с собой, и наша ласка им ничего не давала.

– Так не хочется от них уходить, – озвучил наши мысли Данила и тяжело вздохнул. – Они такие милые! Я очень люблю котят.

– А кто не любит? Все любят! Я тоже люблю. Но что поделать? – развёл руками я. – Нельзя рядом с ними стоять вечно.

– Вот именно, – согласился со мной Кирилл. – А теперь пойдёмте дальше. Сколько можно стоять?

– И куда же мы пойдём?

– Куда скажете. Мне лично всё равно.

– Тогда пойдёмте за мной, – выражение лица Данилы стало загадочным. – Я знаю одно классное место. Вам там понравится. Оно тут рядом. Буквально в пяти минутах ходьбы.

– Ну, хорошо, – улыбнулся Кирилл. – Давай. Веди нас в своё классное место.

– За мной, – друг решительно пошёл по дороге.

Мы с Кириллом переглянулись и пошли следом за ним. Когда мы свернули за угол того дома, где увидели котят, в Данилу внезапно врезалась какая-то достаточно толстенная девочка.

– Извините, пожалуйста, – пробормотала она, опустив глаза и сразу же смутившись. По девочке было видно, как ей

неловко.

– Слушай ты, бочка, смотри куда идёшь! – скривился Данила. – Или у тебя глаз, что ли нет?!

– Простите, – проямлила незнакомка и, не поднимая глаз, поспешила уйти.

– Ну, и толстуха! – вслед ей сказал Кирилл и, переглянувшись с другом, засмеялся. – Как можно быть такой толстой? Это же, как надо есть? Наверное, она из кухни не выходит! Такая толстая.... Ужас!

– И не говори! – согласился с ним Данила. – Настоящая бочка! Ещё и перед собой не смотрит и всех сносит.

Друзья продолжали что-то говорить про эту девочку, а я же просто смотрел вслед ей. Мне было очень жалко её. Я видел, что она слышала слова моих друзей, и сейчас мне было очень стыдно за них. Я понимал, что девочке больно слышать такое в свой адрес. У всех людей есть какие-то недостатки и необязательно из-за них унижать человека. Любому будет обидно на месте этой девочки.

Да, у неё лишний вес, но это не повод её оскорблять. Ведь у неё тоже есть свои чувства, и я точно знал, что ей было неприятно такое слышать от Кирилла и Данилы. Но бежать за ней, и успокаивать её было бы глупо, потому что было видно, что она девочка стеснительная и скромная, и я только смутил бы её ещё больше. А вставить что-то я не решился, продолжая смотреть вслед быстро уходящей девочки. Уже и поздно было что-то говорить, потому что она точно это не

услышит и для неё это ничего значить не будет. Слова моих друзей это точно не смягчит.

Лишь только когда девочка совсем исчезла из поля зрения, и ребята замолчали, я решился сказать:

– Ну, и зачем вы это сделали? Зачем её обижать? Что она вам сделала? Ей же тоже обидно такое слышать. Обязательно причинять человеку боль?

– Ой, точно мы совсем забыли, что ты у нас добрый, – приобнял меня за плечи Кирилл. – Не принимай это близко к сердцу! Мы просто немного пошутили. Что нельзя что ли?

– Вообще-то нет, – твёрдо сказал я. – Это же некрасиво! Ребята, ну, нельзя же так! Для вас это просто шутка, а ей же больно слышать такое в свой адрес. Уверен, что она это итак постоянно слышит, и вы туда же лезете. Оно вам надо? Зачем вы это делаете? Нельзя же так шутить! Надо знать меру в шутках!

– Ой, Максим, не начинай, – поморщился мальчик. – Мне вполне нотаций от родителей хватает. Да, это некрасиво, но она сама виновата. Нечего быть такой толстой. Худеть надо! Считай, что мы так её вдохновляем. Просто по-своему! Ясно?! И вообще не надо быть таким нудным. Надо быть проще. И что ты её так защищаешь? Она тебе что родня? Нет! Так забей на неё. Мы просто немного пошутили, а ты тут же на нас налетаешь. Если тебе это так не нравится, то мы больше так не будем делать. Хорошо? Договорились?

– Очень надеюсь, – буркнул я в ответ. – Потому что это,

и правда, нехорошо!

– Да знаем мы это, Максим, – отмахнулся от меня Данила. – Успокойся! Лучше пойдёмте дальше. А то так мы никогда домой не вернёмся.

– Хорошо. Идём, – глубоко вздохнул я, понимая, что так легко изменить поведение ребят не получится.

– Ну, если сам Максим разрешает нам идти дальше, то идём, – усмехнулся Кирилл и вместе с другом двинулся по дороге. Я пошёл следом за ними.

Идти, и правда, как сказал Данила, пришлось недолго. Через пять минут тот остановился перед жилым зданием.

– И что дальше? – я с удивлением посмотрел на мальчика, видя, что дверь закрыта, и попасть в дом невозможно.

– Идите следом за мной. Только не шумите, – попросил Данила, и ввёл какой-то код в домофон. Дверь запищала и открылась. – Ура! Получилось, – обрадовался он, и первый прошёл внутрь.

Нам с Кириллом ничего не оставалось, как только переглянуться и пойти следом за ним. Друг сразу направился к лестнице и начал решительно по ней подниматься. Мы послушно и тихо шли следом, не особо понимая, куда тот нас ведёт и что он задумал. Но Данила попросил не шуметь, и мы старались молчать и ничего не говорить, внутри сгорая от нетерпения. Данила всё поднимался и поднимался вверх. Поднимались мы достаточно долго, и на самом последнем этаже друг остановился. Перед нами была большая метал-

лическая дверь и, скорее всего, она вела на крышу. Походу именно туда нас вёл Данила. Больше было некуда.

– Ну и?.. – внимательно смотрел на него Кирилл. – Теперь мы просто постоим около этой двери и пойдём обратно? Или что? Или ты её будешь выламывать?

– Данила, может, не надо? – сомневался я, что стоит что-то делать с дверью и заходить на крышу. Я точно знал, что это нехорошо, а делать что-то плохое мне не особо хотелось. – Пойдём лучше обратно.

– Да не волнуйтесь вы! – улыбнулся друг, желая нас успокоить. – Я сейчас открою эту дверь. Всё будет хорошо!

– И как ты интересно её откроешь? – скривился Кирилл. – Очень хочется на это посмотреть.

– Данила, лучше не надо, – пытался я его остановить. – Пойдём назад!

– Да ладно вам, – засмеялся мальчик. – У меня есть ключ, – он достал из кармана ключ и показал его нам. – У меня здесь знакомый живёт, и он дал мне ключ от крыши. Так что мы вполне законно попадём на крышу. Можете не переживать! В особенности ты, Максим, не переживай. Мы ничего плохого не сделаем!

– Точно? – продолжал сомневаться я.

– Абсолютно точно!

– А почему ты тогда попросил нас не шуметь? – удивился Кирилл. – Почему нам пришлось всё это время молчать?

– Просто так. Не хотел, чтобы вы мне мешали своими во-

просами и разговорами. К тому же так у меня получилось вас лучше заинтриговать. Так что это было необходимо!

– Ну, ты... – только хотел налететь на него друг.

– Давайте я лучше открою дверь, – поспешил сменить тему Данила и подошёл к двери. Он всунул ключ в замочную скважину, два раза его провернул, и дверь громко щёлкнула. – Вот и всё! Проходите! Добро пожаловать на крышу! Здесь просто чудесный вид на город, – мальчик жестом пригласил нас вперёд.

Я первый нерешительно сделал пару шагов и прошёл на крышу. Кирилл покосился на Данилу и прошёл следом за мной. Я же, пройдя на крышу, замер, увидев какой здесь открывается шикарный вид. Друг не соврал и здесь, и правда, был просто чудесный вид на город. Отсюда был виден практически весь наш город. Я даже отсюда видел свой дом. У меня просто перехватывало дыхание от такого вида. Здесь было так высоко, что по телу бежали мурашки от ужаса, что с такой высоты можно упасть. Но Кирилл, видимо, высоты не боялся. Он смело подошёл к самому краю, взглянул вниз и обернулся к нам.

– Да уж! Здесь высоко! – выдал мальчик.

– Думаю лучше не стоять на самом краю, – робко сказал я, боясь показаться трусом перед друзьями.

– Я с ним согласен, – внезапно поддержал меня Данила. – Тебе, и правда, лучше не стоять на краю. Не хватало ещё, чтобы ты сорвался и упал вниз. Я же вас сюда привёл и сей-

час отвечаю за то, чтобы тут ничего не случилось. А если случится... Мне попадёт от знакомого, который дал мне ключи, а ему уже попадёт от всех остальных. Лучше обойтись без этого!

– Как будто меня радует мысль упасть вниз и умереть, – поморщился Кирилл. Он в последний раз посмотрел вниз и отошёл от края. – Здесь, конечно, круто, но немного холодно.

– Ну, да. Крыша как-никак, – улыбнулся друг и сделал пару шагов, чтобы быть поближе к краю и увидеть как можно больше. – Когда я сюда попал в первый раз, я был очень впечатлён. Примерно, как Максим, – обратил он на меня внимание.

– Что? – не понял я, что он имеет в виду.

– Я просто вижу, как тебе здесь нравится. У меня была такая же реакция. Ты не можешь отвести взгляда от этого вида, и я также не мог. У моего знакомого полчаса не получалось увести меня с крыши. Я не хотел уходить! Так что я вас понимаю!

– Ну, я, и правда, не могу отвести взгляда от этого вида, – не стал спорить я и вновь посмотрел вперёд. – Это впечатляет! Даже очень! Очень красиво! Не думал, что на крыше так здорово. Мне нравится!

– Это замечательно! – был доволен собой Данила. – Я рад, что вам нравится тут. Именно этого я и хотел. Это идеальное завершение нашей прогулки.

– Это верно! – подметил Кирилл. – Ты прав! И мне ка-

жется, что нам уже расходиться пора. Времени уже много. Родители скоро должны с работы вернуться. А сегодня папа нам хотел сделать какой-то сюрприз.

– В честь чего?

– У мамы же день рождения. Это надо отпраздновать и папа походу придумал на этот раз что-то интересное. Вот и узнаем, что там он надумал! Мне уже интересно!

– Передай маме поздравления, – проговорил я. – А мои родители уже, скорее всего, дома.

– И ты не спешишь домой?! – хохотнул Кирилл. – Это даже странно!

– Ну, я итак нечасто гуляю. Раз в пару месяцев точно можно нормально погулять, – с уверенностью сказал я. – Они мне по-любому за это ничего не скажут. Так что можно не переживать.

– А как же твои личные дела? – с усмешкой на губах спросил друг.

– Подождут один день.

– Ну, ладно! – на лице Кирилла появилась странная улыбка.

Я только хотел спросить у него, почему он так улыбается, как тут у меня зазвонил телефон. Я поспешил достать телефон из кармана.

– Ну, вот мы только вспомнили их, а они уже мне звонят, – я показал ребятам экран своего телефона, где было прекрасно видно, что мне звонит папа. – Привет, пап. Что-то случи-

лось?

– Ты сейчас где? – последовал вопрос от него.

– Гуляю. Как раз уже собирался домой. А что такое?

– Зайди в магазин, купи две буханки белого хлеба, – попросил папа. – У тебя же есть деньги?

– Конечно. Я куплю.

– Хорошо. Будем тебя ждать дома. Пока, – отец сбросил вызов.

– Пока! – лишь успел сказать я.

– Ну, что такое? – с интересом смотрел на меня Кирилл. – Тебя уже зовут домой?

– Ну, вроде как да, – неопределённо сказал я. – Папа попросил купить хлеба.

– Значит, точно ждут, – вывел вердикт друг. – Мне тоже уже, если честно, пора. Пойдёмте вниз.

– Что уже? – с разочарованием посмотрел на нас Данила, и по нему было видно, что он не хочет уходить. – Так быстро?

– Нам уже домой пора. Пойдём. Мы можем ещё вернуться сюда. Но потом!

– Ну, ладно, – нехотя сдался мальчик и направился к двери.

– Не расстраивайся! – хлопнул я его по плечу. – Мы тебе очень благодарны, что ты нам показал такое место, и ты прав. С него, и правда, тяжело уйти. Поэтому лучше уйти сразу, чем долго стоять и потом будет ещё тяжелее уходить. Но я надеюсь, что ещё смогу тут побыть. Мне очень хотелось бы

сюда вернуться!

– В какой-то степени ты прав. Тут, и правда, лучше долго не стоять. А на счёт вернуться.... Я постараюсь что-нибудь придумать.

– Спасибо, – радостно улыбнулся я.

На крыше мне, и правда, очень понравилось. Хоть там и было немного опасно, и родителям не стоило рассказывать, что я там был, ведь они тут же начнут меня ругать, но там было очень хорошо. Именно там наиболее ярко ощущалось, насколько прекрасна эта жизнь. И также насколько она хрупка. С этой крыши открывался невероятный вид, который я не видел ранее, и с него было так много всего видно. Даже солнце и небо с этой крыши были красивее. Но один неаккуратный шаг и жизни конец. Именно об этом я подумал, когда был на крыше. Но эта красота, которую увидел с крыши, стоила того, чтобы постоять там. Хоть и ненадолго, но всё же постоять. И это было здорово!

Вниз мы спустились гораздо быстрее, чем поднимались. Возле дома остановились, понимая, что надо прощаться и расходиться по домам. Конечно же, нам очень хотелось продолжить эту замечательную прогулку, но пора было идти домой. Больше тянуть было нельзя. Я не хотел, чтобы родители за меня переживали, а также Кириллу надо было спешить праздновать день рождения мамы. Так что нам надо было расходиться.

– Ну, что ж, пока, ребята, – первый попрощался Кирилл. –

Я побегу, а то не успею к приходу родителей. Увидимся!

– Давай! – одновременно сказали мы с Данилой, но друг уже нас не слышал, побежав по дороге.

– Ну, а мне надо в магазин. Пока, Данила, – проводив Кирилла взглядом, проговорил я.

– Пока, Максим, – улыбнулся мне тот и медленно пошёл в сторону своего дома.

Я же развернулся и направился к самому ближайшему магазину, не видя смысла идти к тому магазину, в который мы всегда с родителями ходили за покупками. Мне хотелось поскорее купить хлеба и пойти домой. Быстро купить хлеб я смог, благодаря тому, что в магазине почти никого не было и в очереди стоять не пришлось. Как только я вышел на улицу, тут же поспешил домой.

На улице уже темнело, и мне не терпелось оказаться дома и чем-нибудь перекусить. За всю прогулку с ребятами я успел очень сильно проголодаться, и мне очень хотелось поскорее вернуться домой. Я быстрым шагом прошёл один из дворов и, проходя мимо двора, где мы с ребятами увидели котят, услышал громкие голоса:

– Слушай ты, толстуха, не смей тут вообще появляться! – говорил кто-то грубым голосом. – Обходи этот двор стороной или в следующий раз тебе мало не покажется! Ты нам противна, ясно? Я не желаю тебя здесь видеть!

Я поморщился. Такое даже мне было неприятно слышать. Видеть это я тем более не желал. Кто бы ни был тот чело-

век, которого сейчас обижали, мне было очень жалко его. Я был уверен, что она или он такого отношения не заслужили и их точно не нужно так унижать и обзывать. Ведь двор никому не принадлежит. Никто не имеет права так говорить. Но вмешиваться было глупо. К тому же мне надо было домой. Я хотел пойти дальше, как тут раздался знакомый голос:

– Ты нас вообще слышишь, слониха?! – говорил этот человек, но я не мог понять, чей этот голос и почему он мне кажется знакомым. Я остановился, вслушиваясь в разговор. – У тебя язык вообще есть? Ответь хоть что-нибудь!

– Пожалуйста, оставьте меня в покое, – раздался тихий девчачий голос, и я вмиг его узнал. Это был голос той самой девочки, с которой мы сегодня пересеклись с ребятами. Это точно была она! И они обижали её и, скорее всего, обижали ни за что. Просто так! Я никогда не понимал, как можно просто так причинять человеку боль. Теперь я не мог просто взять и уйти. Я должен был хоть что-нибудь сделать. В прошлый раз, когда ребята обидели девочку, я промолчал, но теперь обязан был как-нибудь помочь ей.

Медленно я пошёл на голоса, пытаюсь придумать, что сказать и что сделать. А разговор тем временем продолжался, и было понятно, что отставать от девочки пока не хотят. Когда я прошёл во двор, мне предстала следующая картина. Бедная полненькая девочка была прижата к стене, а на неё наступали четверо ребят. Одна из них была девочка, а трое были мальчиками. И одного из них я сразу узнал. Это был Во-

лодя. Именно его голос мне показался знакомым, но я сразу не узнал его, потому что не верил, что он способен на что-то подобное.

Да, конечно, он приставал ко мне в школе, но одно дело задирааться к однокласснику, а другое дело приставать к посторонней девочке, которая ничего тебе не сделала. Это было просто ужасно! Я замер на месте, с ужасом наблюдая за происходящим. Обижать девочку было вообще некрасиво, а то, что делал он, было просто отвратительно.

Я сжал зубы и сделал ещё пару шагов к ребятам, набираясь смелости, чтобы заступиться за девочку, как меня всегда учили родители. Но было проще сказать, что я буду это делать, чем сделать это на самом деле. Ведь их было так много, а я всего один. Но бросать девочку тоже было нельзя. Я подошёл ещё ближе и только сейчас узнал остальных ребят. Они тоже учились в нашей школе и постоянно общались с Володей. Скорее всего, это его друзья и теперь мне было ещё неприятнее. Я глубоко вздохнул и, подскочив к ребятам, встал прямо перед ними, закрыв им эту девочку.

– Оставьте её в покое! Хватит уже! Сколько можно приставать к ней? Она вам что-то плохое сделала? Сомневаюсь! Не надо её обижать! Достаточно!

– О! Ну, надо же, – скривился Володя. – Защитник несчастных пришёл! Что, святоша, не надоело?! Зачем лезть не в своё дело?! Что, сектант, захотелось получить за неё по лицу? И тебе оно надо?! Я даже удивлён. Ты такой храбрый

сейчас. ... А, может, ты в неё влюбился? – одноклассник переглянулся со своими друзьями и все дружно засмеялись.

– Ты вообще её знаешь? – последовал вопрос от одного из друзей Володи. – С чего ты так бросился её защищать?

– Я её не знаю, но вы не имеете никакого права обижать её. Не надо так унижать её и тем более оскорблять. Уходите! Или вам скучно и нечем заняться? Найдите себе другое развлечение.

– А мы уже нашли себе развлечение, – сделал шаг ко мне одноклассник. – И раз ты тут, то мы можем заодно разобраться и с тобой. Или ты думал, что подойдёшь к нам, скажешь нам отстать от неё, и мы тут же уйдём? Нет! Обойдёшься! Мечтать не вредно! Для этого надо придумать что-нибудь получше.

– Не думал, что ты такой, Володя, – покачал головой я, с укором смотря на него. – Обижать девочку. ... Это же низко! Это ужасно! Это неправильно. Нельзя же так!

– А мне всё равно! Мне на это без разницы! Это тебе есть до этого дела, а не мне. Она меня раздражает, и я могу ей сказать всё, что захочу. И ты меня, кстати, тоже раздражаешь и. ...

– Володя, кажется, пора уходить! – воскликнула подруга мальчика, смотря куда-то в сторону. – Я не хочу, чтобы он нас снова тут увидел.

Остальные ребята посмотрели туда же, куда она смотрела.

– Ну, ладно, – отступил назад одноклассник. – Но я ещё

не закончил! – с этими словами он с остальными поспешили уйти.

Я с облегчением вздохнул и проводил их взглядом. Только после того, как убедился, что они ушли, я посмотрел в ту сторону, куда до этого смотрели они. По дороге шёл какой-то старичок, и это было очень странно, что они его испугались. Но думать об этом у меня сейчас времени не было. Я повернулся к девочке, которая всё ещё стояла позади меня.

– Ты как? – поинтересовался я, посмотрев на девочку. Её глаза, как и в прошлый раз, были смущённо опущены, и она даже не решалась поднять на меня взгляда, видимо, стесняясь меня. – Ты в порядке? Всё нормально? Давай я тебя провожу домой. А то вдруг ещё кто-то привяжется к тебе. Пошли, – я уже был готов проводить девочку, понимая, что сразу бросать её нельзя.

– Сначала мне надо покормить котят, – пробормотала она и слегка приподняла глаза, посмотрев на меня.

– Хорошо. Я подожду. Давай.

Девочка полезла в пакет, который был у неё в руках, и достала оттуда молоко и небольшую миску. Она опять нерешительно посмотрела на меня и направилась к тому подъезду, возле которого жили котята. Я пошёл следом за ней. Там девочка аккуратно перелила молоко в миску и начала звать котят. Те вмиг повыскакивали из кустов и побежали к ней. Незнакомка села на корточки и поставила на землю миску, давая котяткам возможность попить молоко. Они сразу же,

как почуяли его, набросились на молоко. Котята жадно его пили, пачкая свои маленькие мордочки.

– Аккуратнее, пушистики, – раздалось из уст девочки, и она погладила одного из котят. – Не спешите так. У меня ещё есть, маленькие мои. Котятки, пейте, пейте, – она продолжала гладить маленьких малышей, которые копошились вокруг неё.

Я стоял чуть в стороне, с улыбкой на губах наблюдая за незнакомкой. Я просто не мог сдержать свою улыбку. Это было так мило и так прекрасно, что я не мог удержаться. Эта девочка была прекрасна. Не смотря на то, как к ней относились, она была доброй, и это было невероятно. Она с такой нежностью и любовью заботилась о котятах, что это восхищало. Не каждый на такое способен. Не каждый способен после такого отношения к себе проявлять к другим доброту и любовь. А она это делала и делала просто прекрасно!

Незнакомка ещё пару минут гладила котят и что-то приговаривала им. Когда малыши выпили всё молоко, она напоследок погладила их, прошептала, что завтра вернётся, и выпрямилась. Убрав обратно в пакет миску и бутылку с молоком, неуверенно взглянула на меня. Я же продолжал улыбаться, не желая прятать свою улыбку от девочки.

– Ну, что теперь пошли к тебе домой, – сказал я. – Где ты живёшь?

– Тут. Рядом, – кратко ответила незнакомка.

– Веди.

Девочка едва заметно кивнула и пошла вперёд. Я пошёл следом за ней, стараясь не идти слишком близко, чтобы не смущать её, и одновременно не слишком далеко. Мы шли минуты три, и вот незнакомка остановилась перед небольшим пятиэтажным старым домом.

– Вот. Я живу тут, – продекламировала она.

– Замечательно, – вновь улыбнулся я. – Ты точно в порядке? У тебя всё хорошо?

– Всё хорошо, – тихо прошептала девочка. – Спасибо.

– Не за что. Мне несложно. Ты, пожалуйста, не слушай никого кто, что о тебе говорит. Не обращай внимания на их слова! Просто будь самой собой! Лично я не считаю, что ты ужасна.

– Правда? – незнакомка впервые подняла на меня свою голову.

– Правда! – честно сказал я. – Кстати, меня зовут Максим. А как тебя зовут?

– Василиса.

– Это прекрасное имя!

На губах девочки появилась слабая улыбка. Я же, продолжая улыбаться, внимательно рассматривал её и только сейчас понял, что она почти моя ровесница. Если она и была младше меня, то на немного. У неё были большие голубые глаза и пушистые ресницы, а также пухловатые губы и вблизи её лишней вес не казался чем-то таким ужасным. Девочка была очень милая, и у меня язык не поворачивался

её оскорбить. А если учесть её доброе сердце, то она была прекрасна.

– Лично я считаю, что ты сама прекрасна! – вслух сказал я.

Василиса улыбнулась, покраснела и, развернувшись, быстро забежала в дом. Я тоже улыбнулся, смотря ей вслед. Пару минут я стоял на своём месте, улыбаясь и смотря на захлопнувшуюся входную дверь. С трудом придя в себя, понял, что и мне пора бежать домой, ведь меня ждут родители. Поэтому больше я тянуть не стал и тут же бегом бросился в сторону своего дома. До дома добежал так быстро, что даже сам удивился, что могу так быстро бегать. Но перед тем как зайти внутрь, я немного отдышался, чтобы родители не подумали неправильно, и только после этого прошёл в дом.

– Сима, наконец-то ты вернулся, – сразу же оказались в прихожей родители, стоило мне закрыть за собой дверь. – Сима, где же ты так долго пропадал? – с удивлением посмотрела на меня мама. – Мы приходим домой, а тебя нет. И ты всё не возвращаешься и не возвращаешься. Мы даже волноваться начали.

– Простите, пожалуйста, – стало неловко мне. – Я просто захотел прогуляться с друзьями. Я не хотел, чтобы вы переживали за меня.

– Да не надо извиняться, Макси, – ободряюще улыбнулся мне папа. – Это даже хорошо, что ты решил погулять с друзьями. Ты итак редко с ними гуляешь. Иногда просто необ-

ходимо гулять. Не постоянно же дома сидеть. Ты итак у нас молодец и очень стараешься в учёбе, и песни пишешь. Мы просто больше удивились, что тебя дома нет, а волноваться начали только потом. Ведь ты редко гуляешь. О! Я вижу, ты купил хлеба.

– Да. Вот как вы просили, – я протянул маме хлеб и начал снимать обувь.

– Молодец, Сима! – похвалила меня мама. – Там уже готов ужин. Ты иди, переодевайся, помой руки и спускайся к нам. Пора кушать. Ты, наверное, голоден?

– Очень! – тяжело вздохнул я, сейчас вновь осознав как сильно проголодался. Из-за всех этих переживаний из-за Василисы и после знакомства с ней я начисто забыл про голод, но сейчас он вновь проснулся и с ещё большей силой.

– Тогда беги наверх, – улыбнулась мне мама и ушла на кухню.

– Давай. Мы тебя подождём! – махнул рукой на лестницу папа и ушёл следом за мамой.

Я повесил куртку на крючок и побежал на второй этаж, желая скорее переодеться, помыть руки и присоединиться к родителям. Переоделся я быстро, как впрочем, и помыл руки и уже хотел пойти к родителям, как внезапно остановился. Из моей головы не выходила эта девочка – Василиса. Я не мог не думать о ней. Она была такой чистой и доброй, а к ней так все относились... Теперь я не мог не переживать за неё. И должен был что-то сделать ради неё. А единственное, что

я мог сейчас сделать ради неё это... помолиться за неё. Даже не колебавшись, я прикрыл за собой дверь и встал на колени.

– Дорогой Иисус, – начал я свою молитву, – знаю, что Ты меня видишь и слышишь. И знаю, что Ты видишь эту девочку, с которой я сегодня встретился. Дорогой Иисус, пожалуйста, я прошу Тебя, будь рядом с ней. Позаботься о ней! Помоги ей! Я видел, как к ней ужасно и несправедливо относятся. Я знаю, что Ты тоже это видел. У неё такое доброе сердце. Она такая... Такая хорошая! Прошу Тебя, дорогой Иисус, позаботься о ней. Ведь для Тебя нет ничего невозможного. Отведи от неё всех плохих людей, которые её обижают и возложи свои руки на её сердце, чтобы она больше не чувствовала такую боль. Ты сам знаешь, как найти путь к её сердцу. Не оставь её! Не бросай её одну! Будь сам рядом с ней, потому что я быть рядом с ней не могу. И также, дорогой Иисус, я прошу Тебя позаботиться об этих несчастных созданиях, которые там совсем одни на холоде. Дорогой Иисус, они ведь такие маленькие и беспомощные... Они тоже Твои создания! Не брось и их. Позаботься и о них! И Ты видишь сердца Володи и его друзей. Смягчи их сердца, дорогой Иисус, чтобы они не погрязали в этой злости и ненависти ко всем. Спаси их души, чтобы они могли быть добрее. Я же знаю, что они не такие плохие. Помоги им найти правильный путь. Помоги им понять, что они не правы! Я всё вверяю в Твои руки, дорогой Иисус. Я благодарю Тебя за всё, что Ты даёшь и посылаешь. Я верю, что Ты услышал

мою молитву и не бросишь тех, кто не может о себе позаботиться, а также поможешь Володе и его друзьям, чтобы они не пропали в этой бездне и не потерялись в этой злобе. Слава Тебе за всё, дорогой Иисус. Аминь!

Я поклонился и только после этого поднялся на ноги. Теперь я был доволен и был готов идти ужинать. Теперь я точно знал, что с Василисой и теми котятами всё будет хорошо, а именно они меня сейчас волновали больше всего. Я был спокоен. Выскочив из комнаты, я быстро спустился вниз.

– А вот и я! – воскликнул с улыбкой на губах, забежав на кухню.

Глава 3 «Как прекрасно всё то, что твоё!»

– Сима, ты идёшь? – звала меня с первого этажа мама. – Нам уже пора ехать.

– Максим, давай скорее! – крикнул папа. – Я уже иду заводить машину. Даю тебе пять минут.

– Уже бегу, – отозвался из комнаты я.

Я застегнул рубашку, поправил брюки и поспешил спуститься вниз. Нам пора было ехать на собрание, ведь сегодня было воскресенье. И мне уже не терпелось поскорее оказаться в Церкви в окружении своих друзей. После того, что случилось вчера, мне очень хотелось побыть со своими друзьями и знакомыми. Было больно осознавать, что есть такие несчастные и одинокие люди, как Василиса. Скорее всего, у неё не было друзей, а иначе никто так не обижал бы её. Если бы у неё были друзья, они точно заступились бы и защитили её. А так вывод напрашивался сам.

Она была бедной и одинокой девочкой, у которой не было никого. А мало того у неё ещё и был лишний вес, что усугубляло её положение. Мне было очень жалко её, но помочь ей я никак не мог.

Я лишь был благодарен, что у меня было всё хорошо. У меня было много друзей, знакомых и самое главное у меня

были те, кто мог меня, если что защитит. И я был безмерно благодарен Богу за то, что у меня было всё то, чего не было у этой девочки. И именно благодаря встрече с Василисой я наиболее сильнее осознал, что очень счастлив, ведь у меня есть всё то, чего нет у многих людей. И сейчас мне очень сильно хотелось пообщаться с моими друзьями и побыть в окружении своих знакомых.

– Всё. Я готов, – я оказался на первом этаже перед мамой.

– Беги в машину, а я закрою дом, – открыла передо мной входную дверь мама.

– Уже иду, – я вышел из дома и направился к машине, в которой сидел папа. – Привет, пап, – я плюхнулся на заднее сиденье.

– Наконец-то ты к нам спустился, – посмотрел на меня папа. – Обязательно было с утра начинать играть на гитаре?

– Мне просто очень захотелось, – невинно пожал плечами я. – Я же вчера не успел поиграть на гитаре. И вот решил сейчас перед собранием поиграть.

– Ну, ты сам виноват, что вчера не успел поиграть на гитаре, – подметил папа. – Ты же долго гулял. А мог идти не гулять и тогда всё успел бы.

– Да, я это понимаю. Но не жалею, что вчера погулял. Играю на гитаре я очень часто, а гуляю редко.

– Это хорошо, что ты не жалеешь.

– Всё. Можем ехать, – уселась в машину мама.

– Максим... – папа повернул ко мне голову.

– Знаю. Уже пристёгиваюсь, – я быстро пристегнулся и улыбнулся папе.

– Молодец! – довольно кивнул он и повернулся к дороге. Папа нажал на газ, и мы медленно поехали.

Я сразу прильнул к окну. Всегда, когда мы ехали на машине, я любил сидеть около окна и наблюдать за тем, как мы пролетаем мимо домов, магазинов, людей... Можно было увидеть много всего интересного. Например, в прошлый раз я увидел мужчину, который играл со своей собакой. Он ей бросал палку, и собака за ней бегала. Я вообще любил собак, как и остальных животных, и наблюдать такую картину мне понравилось.

Я всегда мечтал иметь собаку и вот так вот играть с ней, но родители были против того, чтобы заводить животное. Поэтому я мог лишь смотреть на собак и прочих животных, что и делал. Я мог бы сколько угодно наблюдать за тем, как играют с собакой, но мы быстро полетели дальше по дороге, и я смог лишь немного понаблюдать за ними, но мне и этих пару секунд хватило. Кроме этого я видел ещё много всего интересного и никогда не упускал возможности посмотреть в окно. И сейчас сделал также.

Да, у нас была машина, но мы пользовались ей не всегда. В основном брали её, когда надо было ехать куда-то далеко, а также мы ездили на ней на собрание, так как ждуть транспорт, и ехать на нём было не слишком удобно. На работу родители на ней не ездили, потому что её было негде оставлять.

Парковки рядом с их местом работы не было, а оставлять машину где-то далеко родителей не радовало. Поэтому они предпочитали добираться на общественном транспорте.

К тому же так получалось экономить бензин, который стоил сейчас дороговато, а для нашей семьи тем более был дорогим. Экономнее было пользоваться машиной только тогда, когда это, правда, нужно. Родители добирались на автомобиле до работы лишь только тогда, когда опаздывали на работу, и им надо было как можно скорее попасть туда. Но такое было крайне редко. В основном родители вставали вовремя и даже успевали повозиться со мной, а потом спокойно шли на автобус и без проблем добирались на работу.

Мы всё ещё быстро ехали по дороге. Я внимательно смотрел в окно. Сейчас было всего девять часов утра, а в это время людей на улице было ещё мало, поэтому мы ехали по практически пустому шоссе. Пешеходов вообще почти не было, и нам встретилось лишь человек пять, пока мы ехали. Машины были, но не так много, как днём. Но всё равно мне было интересно смотреть в окно. Мы пролетали мимо медленно идущей бабушки, мимо парня, который выгуливал своего пса, мимо парочки, ну, а также мимо знакомых мне улочек, магазинов, домов и дворов. На улице было тихо, спокойно, солнце только вставало, весь мир только просыпался....

Я всегда любил раннее утро. Именно утром, примерно во столько часов, сколько было сейчас, можно было насладить-

ся прелестью жизни. Днём было всегда шумно, все суетились и куда-то спешили. Обычно и сам ты куда-то спешишь, ну, а утром другое дело. Все только просыпаются, солнце встаёт, и на улице царит тишина и спокойствие. Никому не хочется куда-то спешить и шуметь, все ещё сонные. Я любил такое утро и всегда им наслаждался. Такое утро самое чудесное и лучшее.

Конечно, с утра в школу я не очень любил вставать и тем более идти туда, и у меня лишь немного получалось насладиться утром, но в воскресенье мне было очень хорошо утром. Мало того, что я ехал в одно из моих самых любимых мест, так ещё мог насладиться замечательным утром. И сейчас им наслаждался.

Я с удовольствием наблюдал за рассветом, который мне как раз было видно из окна. А рассвет был очень красивым. Встающее солнце раскрашивало небо в розово-оранжевые цвета. Такое небо меня просто восхищало. Иногда я удивлялся до чего этот мир прекрасный и красивый и, когда видел нечто подобное, понимал, до чего Бог всё чудесно создал. Раз Бог создал такой прекрасный рассвет, которым мы можем сейчас любоваться, то это точно повод поблагодарить Его за это и наслаждаться таким видом.

При любом подходящем моменте я старался любоваться рассветом или закатом и прочими красотами, которые были созданы руками Бога и которые были так величественны и красивы. Всё, что было создано руками Бога, было красиво и

великолепно. В этом сомнений не было! Люди нечто подобное создать не могли. Только Бог имел возможность создать все эти красоты, и Он их создал ради нас, чтобы мы могли ими любоваться.

Я только жалел, что пока не имел возможности увидеть море, горы, водопады и многие другие красивые места, которые были так далеко от меня. Но надеялся, что когда-нибудь смогу их увидеть, и не сомневался в этом. Я точно должен был их увидеть. Надо было лишь немного потерпеть и подождать. И я был к этому готов, потому что эта красота, которую создал Бог, того стоила. Бог создал это всё ради нас, и я обязан был всё это увидеть.

– Вот мы и на месте! – сообщил папа и припарковал машину. – Макси, а ты чего это такой тихий? На завтрак молчал и сейчас. В чём дело? У тебя что-то не так? Может, что-то случилось?

– Я просто задумался.

– О чём? – с интересом посмотрел на меня папа. – Ты обычно нам всё рассказываешь. Что же такое случилось, что ты нам об этом ещё ничего не сказал? Может, поделишься, пока мы не зашли в Церковь?

– Да так. Ни о чём особенным не думал, – махнул рукой я. – Просто познакомился вчера случайно с одной девочкой, и мне её стало очень жалко. Вот я и думал о ней.

– А что с ней? – обернулась ко мне мама, тоже заинтересовавшись.

– Над ней все издеваются, – я тяжело вздохнул. – У неё просто лишний вес и из-за этого все её мучают и обижают. Мне её очень жалко! Ведь, если у человека лишний вес, это не значит, что его надо так гнобить. У него же тоже есть свои чувства и ему может быть обидно и больно. А я точно знаю, что этой девочке очень больно. Я с ней смог лишь немного поговорить и помог отогнать тех, кто её обижал, но вряд ли это что-то даст. Уверен, что они снова будут к ней приставать. Мне очень жаль, что я ничего не могу ради неё сделать.

– Конечно же, лишний вес это не повод обижать человека, Сима, – улыбнулась мама. – Но что поделать? Мир полон таких людей, которые позволяют себе обижать тех, кто слабее их. Мы можем только молиться за них, а что-то изменить не в наших силах. Ну, а также мы можем попробовать заступиться за тех, кого обижают, как сделал ты, но это остановит их только на время.

– Так что, Макси, ты молись за них и эту девочку и всё будет хорошо, – твёрдо сказал папа. – Можешь не сомневаться в этом. Это хорошо, что тебя это волнует и тебе небезразлична эта девочка и ситуация, в которой она находится. Но ты же веришь Богу?

– Конечно, верю, – слабо улыбнулся я. – Но всё равно жалко её. Очень жалко....

– Тогда молись за неё и этих ребят, которые её обижают. Просто молись и верь, что Бог всё сделает. Он знает, как подействовать на этих ребят и помочь этой девочке. Доверь всё

ему! – папа ободряюще улыбнулся мне и вышел из машины.

– Ну, хорошо, – кивнул я и тоже вышел из машины. – Сделаю всё так, ведь что-то другое сделать, и правда, не в моих силах.

– Вот и правильно! – хлопнул меня по плечу папа. – И не переживай из-за этого, Макси. Мы, конечно, знаем, что ты у нас добрый и всем постоянно пытаешься чем-то помочь, а также за всех волнуешься, но всем помочь не в наших силах. Только Бог может это сделать. Так что доверь всё ему и не переживай ни о чём. Для него нет ничего невозможного. Ну, всё! Теперь беги скорее к своим друзьям. Они тебя, наверное, уже ждут.

– Да. Уже иду, – я решительно направился к входу в нашу Церковь.

Стоило мне открыть дверь и сделать шаг, как я тут же пересёкся с Виталиком.

– Привет, – приветливо улыбнулся я другу.

– Привет, Максим, – кивнул он головой. – Ты прости мне маме помочь надо. Нужно Миле помочь переобуться и снять куртку.

– Конечно. Иди, – я не стал задерживать его и начал снимать куртку.

– Иди ко мне, Мила, – Виталик подхватил на руки двухгодовалую сестру и потащил её к лавочке.

– Привет, Максим, – поздоровалась со мной Арина.

– Привет, – в ответ сказал я. – Как у тебя дела?

– Хорошо, – на лице девочки появилась улыбка. – Ну, что сегодня опять поиграем? В прошлый раз было очень весело.

– Даже не знаю. Если ребята будут согласны, то конечно. Я точно согласен!

– Замечательно, – была довольна она. – И Ева будет с нами. Это точно! Кстати, ты знаешь на днях...

– Арина, пойдём в зал? – потянула её за руку Сабина.

– Ладно. Потом расскажу, – махнула рукой девочка и пошла вместе с сестрой в зал.

Я проводил их взглядом и огляделся. Найдя глазами свободное место на вешалке, я повесил туда куртку. Переобувшись, уже хотел пройти вглубь зала, как в меня врезалась Алиса.

– Ой, прости, пожалуйста, Максим, – стало неловко её. – Я случайно.

– Ничего страшного, – лишь улыбнулся я.

– Только не обижайся на меня, – потрепала меня по плечу Алиса. – И, кстати, привет, – она протянула мне руку.

– Приветствую, – пожал я руку девушки.

– Алиса, а я тебя повсюду ищу, – подошёл к нам Дмитрий. – Привет, Максим.

– Я как раз к тебе шла, – сказала в своё оправдание она.

Я не стал продолжать стоять рядом с ними и слушать их разговор и уже хотел уйти, как тут девушка остановила меня.

– Максим, подожди, – я обернулся и вопросительно посмотрел на неё. – Я совсем забыла тебя в прошлое воскресе-

ние поблагодарить за стих. Спасибо, что переписал его мне.

– Не за что.

Алиса вернулась к разговору со своим мужем, а я наконец-то зашёл в зал.

– Привет, Максим. Я очень рада тебя видеть, – приобняла меня за плечи тётка Наташа.

– Да. Я тоже вас рад видеть, – я посмотрел на неё.

– Как у тебя дела, Максим? Как в школе? – любопытствовала женщина.

– Всё хорошо вроде бы, – неуверенно сказал я. – В школе... сойдёт.

– У тебя какие-то проблемы в школе? – с интересом посмотрела на меня тётка Наташа.

– Ну, по некоторым предметам не получается, – нехотя сказал я. – Но я очень стараюсь, и мне друзья помогают.

– Если хочешь, обратись к моей дочери, Катюше. Она же учитель и сможет тебя немного подтянуть. Мне поговорить с ней? По каким предметам у тебя проблемы?

– Да не надо, тётка Наташ. Я сам справлюсь. Не нужно! Спасибо, конечно, но не надо.

– Ну, как знаешь, – не стала настаивать женщина. – Но если что только намекни.

– Хорошо. Ну, а у вас как дела? Как ваш сын? Уже выздоровел?

– Да. С ним всё хорошо. Ему сделали операцию и ему уже лучше. Скоро сможет уже прийти на собрание.

– Это хорошо. Передавайте ему привет, – попросил я.

– Обязательно!

– Наташа, не поможешь нам на кухне? – подошла к тётке

Наташе её сестра, Людмила.

– Конечно, помогу, – не стала отказывать женщина. – Ещё увидимся, Максим.

– Привет, Максим, – кивнула мне сестра Людмила.

– Приветствую, – ответил я.

Они ушли, а я пошёл на то место, где мы обычно сидели. Уже подойдя к лавочке, я увидел сидящую на соседней лавочке Таню. Я посмотрел на нашу лавочку, потом на Таню и сделал к девочке шаг.

– Привет, Танюша, – улыбнулся я к девочке. – А чего ты сидишь одна?

– Я жду маму, – отозвалась она и посмотрела на меня.

– Ты сегодня нам прочитаешь какой-нибудь стих? Ты же что-нибудь приготовила?

– Нет. Я не успела, – сразу как-то погрустнела Таня. – Мне надо было помогать учить стих моему брату.

– Ну, хорошо. Это ничего страшного, – успокоил я её. – Значит, приготовишь стих к следующему воскресенью, а сегодня его прочитает твой брат. Это тоже хорошо. Хорошо, что ты помогла своему брату. Ведь ему тоже надо выходить вперёд и читать стихи, а он это делает редко.

– Он просто плохо читает, – сказала девочка в оправдание своего брата.

– Ну, ты ему помогай, и он станет читать лучше.

– А ты приготовил стих? – спросила в свою очередь Таня.

– Да. У меня кое-что есть, – я не смог сдержать свою улыбку.

– Покажешь? – вмиг оживилась девочка.

– Нет. Услышишь его, когда я буду рассказывать. А вот уже после собрания я могу дать тебе почитать его, если захочешь. А пока нельзя! А то, когда я выйду его читать, тебе будет неинтересно.

– Хорошо.

– А вот и твоя мама, – я увидел маму Тани и, напоследок улыбнувшись девочке, уселся на лавочку.

Родителей пока не было и мне оставалось только смотреть по сторонам и ждать начала собрания. Артём, Денис, Петя со своими родителями обычно приезжали к самому началу собрания, и я не знал смогу ли с ними увидеться до начала. Виталик, скорее всего, всё ещё возился со своей сестрой, и я не знал, стоит ли его искать. Поэтому мне оставалось только сидеть на своём месте, и здороваться со всеми кто проходил мимо.

– Привет, Максим, – плюхнулся едва ли не на меня, непонятно откуда взявшийся, Артём.

– Привет, – с удивлением посмотрел я на друга. – А что это вы так рано? Вы обычно к самому началу приезжаете.

– А вот сегодня мы решили выехать пораньше, – сообщил тот.

– А где Дэн и Петя? – я посмотрел по сторонам, надеясь их увидеть.

– Петя немного приболел и его сегодня не будет, – выдал друг.

– Жалко, – вздохнул я.

– А вот Денис здесь. Может быть сейчас подойдёт. Я его оставил в холле и, если его не заставили помогать на кухне, то сейчас подойдёт. А то там просили помочь что-то принести, – Артём посмотрел в сторону холла. – Ну, а я смог пробиться к тебе.

– Это хорошо, – довольно улыбнулся я. – А ты случайно не знаешь...

– А вот и я! – воскликнул Денис и уселся рядом со мной. – Скучали по мне?

– Очень, – как-то странно улыбнулся Артём. – Ну, и где ты застрял? Неужели тебя там насильно удерживали?

– Да, вы не поверите, – сделал страдальческое выражение лица мальчик. – Меня пропускать в зал не хотели. Пришлось пробиваться силой. Я там всех расталкивал и с трудом пробился к вам. Одного человека пришлось даже так сильно толкнуть, что он улетел куда-то далеко. Даже не знаю, жив ли он!

– Ну, конечно, конечно, – засмеялся друг. – Сочиняй больше!

– Да я правду говорю, – с серьёзным выражением лица повторил Денис. – Это настоящая правда!

– Не волнуйся! Мы тебе верим, – я хлопнул его по плечу. Мы с ребятами переглянулись и одновременно засмеялись.

Ещё минут пятнадцать мы говорили обо всём на свете. К нам даже успел присоединиться Виталик с Милой на руках. Мы не хотели прекращать общение, но начиналось собрание, и ребятам пришлось уйти на свои места, а рядом со мной уселись родители, которые до этого тоже общались с другими братьями и сёстрами во Христе.

И вот собрание началось. Мы молились, пели, братья говорили проповеди, и всё это время я старательно повторял стих, не желая запнуться, когда буду его рассказывать. Конечно, я слушал проповеди, но не так хорошо, как обычно. Стих был достаточно большим, и запнуться мне не хотелось. И вот наконец-то пресвитер дядя Юра позвал меня вперёд. Я решительно двинулся к сцене и вот оказался за кафедрой перед микрофоном и начал читать стих:

– Солнце праведности на Востоке встает.

О, Боже! Небо и землю Твоя слава наполняет.

Мой прекрасный возлюбленный,

Твоя любовь меня окружает.

Все, ищущие истину, Бога любят.

И пусть ранним утром я просыпаюсь одна –
сердце мое из-за Божьих слов радостно.

Будто любящая мать Он молвит добрые слова.

Как упрек отца – слова Его суда.

Божья любовь окутывает сердце мое.

Всемогущий Бог так прекрасен.

Во всем мире я люблю только Его.

Божья любовь окутывает сердце мое.

Всецело люблю Его, только Его.

Божья любовь окутывает сердце моё.

Я глубоко вздохнул, набирая в лёгкие как можно больше воздуха, и продолжил читать стих. Конечно же, я немного нервничал, ведь на меня смотрела вся Церковь, а это было больше двухсот человек. Но я рассказывал стихи достаточно часто, так что, когда начинал рассказывать стих, все волнения и переживания тут же уходили. Мне лишь приходилось волноваться, что могу запнуться, поэтому старательно сосредотачивался на стихотворении, чтобы ничего не забыть.

– Со всех концов света мы приходим, – заканчивал я рассказывать стихотворение. – Влекомые голосом Божиим.

Божья любовь окутывает сердце мое.

Всемогущий Бог так прекрасен.

Во всем мире я люблю только Его.

Божья любовь окутывает сердце мое.

Всецело люблю Его, только Его.

Божья любовь окутывает сердце мое.

Божьи слова жизни дарованы нам.

Мы очищаемся Его судом.

От переплавки любовь укрепляется.

Его любовью мы наслаждаемся.

Божья любовь окутывает сердце мое.

Всемогущий Бог так прекрасен.

Во всем мире я люблю только Его.

Божья любовь окутывает сердце мое.

Всецело люблю Его, только Его.

Божья любовь окутывает сердце моё.

– Слава Богу! – тут же раздалось из зала, стоило мне замолчать.

– Да. Слава Богу! – улыбнулся пресвитер. – Молодец, Максим. Этот стих ещё лучше прошлого. Иди на своё место.

Я в ответ улыбнулся и, спустившись с кафедры, направился к лавочке. Усевшись рядом с родителями, направил свой взгляд на кафедру. Теперь я был готов спокойно слушать проповеди и псалмы, ведь рассказал стихотворение, и мне не надо было из-за него волноваться.

Я только уселся поудобнее и тут увидел, как к кафедре подходит брат Тани – Рома. Я тут же начал с интересом наблюдать за мальчиком. Мне было очень интересно, что за стих он расскажет и как расскажет. И вот Рома был уже около кафедры, но в отличие от меня и Тани он до неё не доставал, и служителям пришлось дать ему микрофон прямо в руки. И вот мальчик начал рассказывать стих:

– Есть трудное слово на свете,

Его очень трудно сказать.

Его не хотят часто дети

И слышать, не то, что понять.

А взрослым, хоть совесть вещает

Почаще его говорить,
То гордость к тому не пускает,
То званье иль чин не велит...

Оно никому не мешает,
Оно примиряет людей.

И тот, кто его применяет,
Бывает сердечней, добрей.

Что это за слово такое,
Что многих так сильно страшит?

Не сложное, очень простое:

«Прости», – и Бог тоже простит, – немного запинаясь и картавя, рассказал стих Рома.

– Слава Богу! – понеслось со всех сторон.

– Слава Богу, – сказал и я в такт остальным.

И улыбнулся, радуясь за Рому. Он рассказал стих очень хорошо, и я был за него и Таню очень рад. Повернув голову, я встретился с ней взглядом. Она тоже улыбалась, и было видно, как она была рада, что так хорошо смогла подготовить брата. И более того, Рома рассказал не просто какой-то стишок про Бога.

Он рассказал очень важный стих, и тот должен быть важным уроком для всех людей. Ведь говорить слово «прости» было, и правда, важно. Мне тоже порой было трудно его говорить, но это было нужно, ведь только так можно было избежать многих проблем и обид. А если ты не в силах сказать слово «прости», то значит, что ты гордый человек. А гор-

дость – это грех и значит, тебе точно нужно исправляться. Я повернул голову обратно к кафедре, продолжая улыбаться и радоваться, что даже дети могут давать мудрые советы.

Громко зазвенел будильник, заставляя меня проснуться и открыть глаза. Я медленно их открыл и сонно зевнул. Сегодня мне просыпаться было особенно трудно. Вчера я до позднего вечера был занят делом. То играл на гитаре и сочинял песню, то доделывал уроки.... И в итоге я лёг поздно и совсем не выспался.

Конечно, родители мне говорили, что пора отложить гитару и ложиться спать, но я всегда находил оправдание, чтобы этого не делать. Проще говоря, не послушался родителей и вот был исход. Я не выспался! Но я всё же поднялся с кровати и подошёл к окну. На улице было достаточно темно, но уже начинался рассвет, и это было видно. Небо медленно светлело и возвещало о том, что скоро станет совсем светло и настанет день. Солнца пока не было видно, но оно вот-вот должно было выглянуть и освятить всё своим светом.

Я приоткрыл окно, давая возможность холодному воздуху проникнуть в комнату и глубоко вздохнул, пытаюсь проснуться. Щёлкнув выключателем, вернулся к кровати, желая её застелить. Стоило мне только её застелить, как дверь в мою комнату с лёгким скрипом приоткрылась. Я обернулся и увидел стоящую в дверях маму.

– Ты уже встал, Сима, – улыбнулась она, увидев меня. –

Молодец! А то я боялась, что ты сегодня проспичь. Ты же вчера так долго сидел и не ложился спать.

– Да. Это определённо не стоило делать, – снова зевнул я. – Надо было сразу послушаться вас и лечь спать.

– Хорошо, что ты это понял, – обрадовалась мама. – В следующий раз так и сделай, а сейчас спускайся завтракать.

– Хорошо. Сейчас буду, – кивнул я и подошёл к столу.

Я хотел сразу подготовить портфель к выходу, чтобы потом этим не заниматься. Обычно я готовил портфель с вечера, но из-за того, что вчера засиделся и ложился спать очень сонным, я забыл это сделать, поэтому это надо было сделать сейчас. Для этого мне надо было сначала открыть дневник и посмотреть в расписание, чтобы взять все нужные учебники, тетради и прочее. Я не должен был ничего забыть. Я хотел быть готовым ко всем урокам, ведь вчера так постарался, чтобы у меня были сделаны задания ко всем урокам, и самое главное было их не забыть. Всё аккуратно уложив в портфель и перепроверив всё ли взял, я только после этого запихнул в портфель дневник и закрыл рюкзак. Теперь мне можно было спускаться к родителям.

Я покинул спальню, но, прежде чем спуститься вниз, прошёл в ванную комнату. Мне нужно было умыться и ещё лучше проснуться, потому что меня до сих пор немного клонило в сон. Так что, пройдя в ванную комнату, я сразу открыл кран и склонился над ним. Как следует, умывшись, посмотрел на себя в зеркало. Чувствовал я уже себя чуть лучше. В

сон почти не клонило, да и вид уже был не таким сонным. Я пригладил свои пышные вечно лезущие, куда не надо, рыжие волосы и вышел из ванной комнаты.

Мигом спустившись на первый этаж, залетел на кухню.

– А вот и я! Всем доброе утро, – с улыбкой на губах воскликнул я и сразу уселся за стол.

– Значит, настроение у тебя уже поднялось? – с интересом посмотрел на меня папа.

– А оно у меня разве было плохое? – удивился я и посмотрел сначала на маму, а потом на папу.

– Ну, мама сказала, что, когда она заходила к тебе в комнату, ты был какой-то невесёлый. Возникло ощущение, что у тебя сегодня плохое настроение, – выдал папа. – Ну, не может же у тебя всегда быть утром хорошее настроение.

– Я тогда был просто сонным. Я только проснулся, и мне хотелось спать. А теперь я умылся и не так хочу спать. Так что вы не угадали! У меня хорошее настроение, а причин для того, чтобы ему быть плохим – нет. Утро же замечательное! Вон солнце встаёт и весь мир просыпается. Здорово же! Разве нет?

– Конечно, здорово, – согласилась со мной мама.

– Но это было бы абсолютно нормально, если бы у тебя было плохое настроение, – проговорил папа. – Ведь ты, скорее всего, сегодня не выспался. Но раз у тебя хорошее настроение, то это замечательно. Мы очень рады!

– Ну, я, конечно, немного не выспался, – не стал я с этим

спорить, – но это неважно. Самое главное, что начался ещё один день, и я уверен, что он будет хорошим.

– С чего такая уверенность? – заинтересовалась мама.

– Просто мне так кажется, – пожал я плечами и улыбнулся.

– Ну, хорошо. Пусть будет так, – мама потрепала меня по волосам и тоже улыбнулась. – А сейчас тебе надо позавтракать. Нельзя начинать новый день без завтрака. Сегодня у нас на завтрак омлет с помидорами, ветчиной и сыром, – она поставила передо мной тарелку с едой и кружку с чаем. – Приятного аппетита, Сима!

– Спасибо, мамочка, – я сразу же налетел на завтрак. – Ммм. Омлет очень вкусный! – промычал, пережёвывая еду.

– Не говори, когда жуёшь, Сима, – попросила мама и тоже приступила к завтраку. Она переглянулась с папой, потом они одновременно посмотрели на меня и заулыбались.

– Что такое? – проглотив еду, спросил я.

– Ничего, Макси, – покачал головой папа. – Ешь, ешь. Не отвлекайся!

– А в чём дело-то? – не успокаивался я. – Вы так улыбнулись.... Что-то не так?

– Всё хорошо, Макси, – хихикнул папа. – Просто ты с таким аппетитом ешь, как будто неделю не ел.

– Просто омлет очень вкусный, – лишь сказал я в своё оправдание. – И я не ел всю ночь, а это тоже много.

– Предлагаешь кормить тебя и ночью? – засмеялась мама.

– Давай! – сразу же кивнул головой я, и папа тоже засме-

ялся. Я же только улыбнулся.

– А ещё ты, видимо, так торопился позавтракать, что даже не заметил, как у тебя в волосах застрял пух, – договорил папа, и его губы растянулись в широкой улыбке.

– Серьёзно? – я начал трогать руками волосы, пытаюсь найти и достать пух. – Где он?

– Чуть левее, – внимательно смотрел на меня папа. – Ты что даже в зеркало не смотрелся? – он засмеялся, не удержавшись и продолжая наблюдать за моими смешными и неудачными попытками убрать пух.

– Смотрелся. Просто не заметил, – продолжая мучиться, сказал я.

– Видимо, ты очень сонным был, – вывел вердикт папа.

– Давай я помогу, – поднялась со своего места мама. – Вот так! – она аккуратно убрала с моих волос пух. – Теперь ничего нет.

– Спасибо, мамуль, – я провёл рукой по волосам, поправляя их. – А вот тебе лишь бы посмеяться, – с укором посмотрел на папу.

– Извини, – улыбнулся тот. – Ты был таким забавным с пухом в волосах, но тебе так больше шло.

– Ну, конечно, – покачал я головой и вернулся к завтраку.

– Вы лучше прекращайте болтать и приступайте к завтраку, – посоветовала мама. – В особенности ты, Коля, – она окинула взглядом папу. – Давай завтракай, а то мы опоздаем. Это у Симы достаточно времени, но не у нас.

– Ем я, ем, – тоже начал есть омлет папа.

Дальнейший завтрак был в полной тишине. Закончили на этот раз завтрак мы все вместе. Я поднялся из-за стола и только хотел уйти наверх, как меня остановил папа.

– Подожди, Сима, – сказал он. – За еду мы молились без тебя, но поблагодарить мы должны все вместе.

– Хорошо. Я не возражаю, – я сделал шаг к столу.

– Может, как раз ты поблагодаришь за еду? – предложил мне папа. – Как-нибудь кратенько. У нас нет времени долго молиться.

– Ладно, – улыбнулся я и закрыл глаза: – Дорогой Иисус, мы благодарим Тебя за эту пищу, что Ты нам дал. Слава Тебе за то, что мы не голодные и у нас есть всё, что нам нужно. Благодарю Тебя за то, что мы смогли так хорошо и вкусно поесть. Слава Тебе за всё, что Ты нам посылаешь и даёшь и за то, что Ты нас никогда не оставляешь. Также, дорогой Иисус, я хочу поблагодарить Тебя за то, что мы проснулись ото сна и живы и здоровы. Слава Тебе за очередной подаренный нам день жизни. Слава Тебе за всё и благослови этот день. Аллилуйя! Аминь!

– Аминь! – повторили за мной родители, которые до этого просто тихо молились.

– Мне посуду помыть или не надо? – спросил я, посмотрев на маму.

– Иди. Я сегодня всё сама помою, – отпустила меня она. – Мне как раз надо сковородку от омлета помыть.

– Хорошо. Пойду одеваться, – я решительно направился на второй этаж.

Вернувшись в комнату, я прошёл мимо кровати, на которую так и тянуло лечь. Не спеша переодевшись, прислушался. Родители всё ещё копошились на кухне, что означало, что у меня ещё есть время. Я окинул взглядом комнату, пытаюсь решить, чем заняться на то время, пока родители ещё не собираются выходить.

Конечно, можно было бы взять один из учебников и повторить заданные на дом задания, но мой взгляд наткнулся на гитару. Недолго думая, я взял её в руки и, усевшись на стул перед окном, начал играть, одновременно любуясь рассветом. Конечно, рассвет ещё был не такой шикарный, как в более позднее время, но солнце уже начинало вставать, и мне было в радость за этим наблюдать и в то же время играть на гитаре. И я этим наслаждался.

Звонок, пронзивший всю школу, сообщил о начале перемены. Медленно школа начала наполняться шумом и гамом, а тишина, совсем недавно царившая здесь, начала исчезать. Все начинали кричать, бегать и суетиться. Мы же никуда не спешили. Наш следующий урок должен был быть в этом же кабинете, и нам никуда идти было не нужно. Лишь некоторые вышли из кабинета и куда-то пошли. Я же направился к своим друзьям, которые на этом уроке смогли сесть вместе.

– Какой это был нудный урок! – воскликнул Кирилл и тя-

жело вздохнул.

– И не говори, – поддержал его Данила. – Ненавижу географию.

– Но она же нужна и, между прочим, полезна, – подметил я.

– Уйди отсюда, – буркнул Данила, покосившись на меня.

– Да ладно тебе, – засмеялся я и сел за парту перед друзьями, повернувшись к ним лицом. – Она же, и правда, может пригодиться.

– Может быть, но я всё равно её ненавижу! – твёрдо повторил мальчик.

– Ну, это уже твоё дело. Переубедить я тебя не смогу, – развёл руками я.

– И не надо пытаться, – довольно улыбнулся Данила. – Всё равно не сможешь.

– Но гораздо хуже географии – математика, – вставил Кирилл. – Это самый ужасный предмет, что только может быть!

– О! Вот тут я согласен, – кивнул я. – Я тоже не люблю математику. Я её вообще не понимаю.

– А я все ваши слова просто плюсюю, – присоединился к нам Данила. – Я и математика совершенно разные вещи!

– Ну, это итак ясно, – засмеялся Кирилл, а я его поддержал. – Мы видели, как ты отвечал на уроке. Это было нечто! Даже я эту задачу мог решить, а ты стоял и думал. Это было очень смешно!

– Я вообще надеялся, что вы мне будете помогать, – сделал

обиженное лицо друг.

– Я пытался тебе помогать, но ты ничего не слышал, – напомнил я.

– Да я не про тебя говорю, а про него, – махнул рукой на Кирилла Данила. – Ему лишь бы посмеяться над кем-то, а помочь он мне даже не пытался. А теперь ещё и заявляет мне, что смог решить эту задачу. Молодец! Слов нет!

– Да не дуйся ты! – хлопнул его по спине мальчик. – В следующий раз точно помогу.

– Уж надеюсь на это, – недовольно посмотрел на него Данила.

– Привет, ребята, – внезапно остановилась рядом с нами наша одноклассница – Лиза. – О чём болтаете?

– Ни о чём, – состроил мину Кирилл. – Иди дальше. Тебе скучно, что ли? Мы тебя вроде бы не звали.

– Я вообще хотела вас предупредить, что у нас на следующем уроке должна быть самостоятельная работа, – выдала девочка. – Я проходила мимо учительской и услышала, как Нина Викторовна об этом говорила. Так что можете начинать готовиться, если не хотите завалить её. Вот так! – она уже хотела уйти.

– Подожди, Лиз, – на моём лице отразилась паника. Я не был готов к самостоятельной работе. К счастью одноклассница остановилась и обернулась ко мне. – Ты серьёзно? Сейчас будет самостоятельная?

– Да, – повторила она. – Думаете, я вру? Ваши пробле-

мы, – девочка гордо вскинула голову.

– Нет. Я тебе верю, – поспешил сказать я. – Спасибо, что предупредила.

Лиза кивнула головой и пошла к своей парте. Я проводил её взглядом и посмотрел на друзей.

– Вы представляете? Сейчас будет самостоятельная работа!

– Ну и что? – по лицу Кирилла было видно, что ему всё равно. – Ничего страшного!

– Но нас даже не предупреждали, – продолжал паниковать я. – Мы же не готовы!

– Ну, раз не предупредили, значит, она будет нетяжёлая, – был уверен друг. – Если вообще будет....

– Зачем Лизе нам врать? – усмехнулся Данила. – На кой ей это?

– Да кто её знает, – Кирилл покосился на девочку. – Она такая вредная.

– А по мне нормальная, – возразил я. – Иногда задаётся, но в целом хорошая девочка.

– Да ты всех считаешь хорошими, – улыбнулся Данила.

– Но она, и правда, неплохая, – стоял я на своём.

– Да кто её знает, – Кирилл повернулся обратно к нам. – Но даже если самостоятельная работа будет, то к нам не должны строго относиться. Я в этом уверен.

– Но всё равно подготовиться надо, – я уже был готов вскочить и броситься к своей парте. – Надо хоть немного по-

читать учебник.

– Кто-кто, а ты точно должен сдать, – уверенно проговорил мальчик. – Ты больше нас занимаешься и стараешься.

– Но я ничего не повторял. Ни вчера, ни сегодня... Надо срочно повторить, – я только приподнялся, как тут увидел Володю, который стоял прямо рядом с партой, за которой я сидел. Я уселся обратно на стул, смотря на одноклассника. На первых уроках его не было и, видимо, он только что пришёл в школу.

– Да забей ты, Максим, – тяжело вздохнул Данила. – Всё равно много повторить не успеешь. Верно, Кирилл?

– Ага.

Володя же продолжал стоять на своём месте и смотрел прямо на меня. Я понимал, что что-то надо сказать.

– Привет, Володя, – поздоровался я с ним, одновременно с этим вспоминая, какая была наша последняя встреча. А при последней встрече он вместе со своими друзьями обижал бедную полненькую девочку, и это прочно врезалось в мою память. И теперь, смотря на него, я вновь видел это.

– О! Соизволил всё-таки прийти, – только заметил его Кирилл. – И почему тебя на первых уроках не было? Прогуливал?

– Даже если так, то что? – посмотрел на него Володя. – Или ты тоже решил стать святошей, как и Максим? Будешь читать мне морали?

– Да мне, если честно, всё равно где ты был и чем зани-

мался, – отмахнулся от одноклассника Кирилл.

– Вот и замечательно, – Володя посмотрел опять на меня. – Ну, как у тебя дела, святоша? Как там поживает твоя Церковь?

– У меня всё прекрасно, как и у моей Церкви, хоть она и не совсем моя.

– Но ты же туда ходишь, – скривился мальчик. – Не надо-ело ещё туда ходить и молиться? И быть таким нудным?

– Меня всё в моей жизни устраивает, – пожал плечами я.

– Ну, да, – Володя окинул взглядом Кирилла и Данилу. – Ты такой жалкий, что даже противно становится от общения с тобой. Даже тошнить хочется! Как они вообще с тобой общаются?.. Мне даже сейчас говорить с тобой невыносимо, а они с тобой целыми днями общаются. Хотя знаешь, что мне кажется.... Им на самом деле противно с тобой общаться, и ты им противен и не нужен, и они лишь из жалости терпят тебя. Ужас! Бедняжки! Наверное, ты очень сильно успел им промыть мозги, раз они как-то терпят твоё общение и твою компанию. Я не смог бы его вытерпеть.

– Так иди отсюда! – поморщился Кирилл. – Тебя никто не держит! Тебя вообще никто не просил подходить к нам.

– А я сам решил подойти к вам, – на лице одноклассника появилась странная улыбочка. – Просто решил вразумить вас. Зачем он вам нужен? – мальчик указал пальцем на меня. – Я же знаю, что вы нормальные ребята. Зачем вы возитесь с этим сектантом? Бросьте вы его уже! Вам не надое-

ло этой ерундой заниматься? Вам ещё непротивно с ним общаться? Да вы посмотрите на него. Он же такой... ущербный!

– Это ты ущербный, а он нормальный! – брови друга злобно сдвинулись. Он начинал злиться. – И мы сами решим с кем общаться. А если он тебе не нравится и тебе неприятно с ним общаться, то тебя никто не заставляет с ним говорить. Нечего нам в его присутствии говорить такие гадости. Попробуешь ещё раз сказать нечто подобное и...

– И что? – хмыкнул Володя, с интересом смотря на Кирилла. – Ты серьёзно? Заступаешься за этого христианина будто бы он сам какой-то немощный, и не может постоять за себя. Лучше бы научил его стоять за себя, а то на него даже смешно смотреть. Даже слова сказать не может! Тряпка! Да и на вас всех смешно смотреть! Вам никто не говорил, что вы очень забавная компания? Сектант, – он указал на меня, – глупый, – потом на Данилу, – и... ещё более глупый! – он посмотрел на Кирилла и засмеялся. – Очень смешная компания!

– Слушай ты... – друг даже подскочил с места. – Ты, видимо, просто нарываешься на конфликт, да? А может быть, я тоже скажу кое-что о тебе? Например, что ты....

– Кирилл, не надо, – я тоже встал со своего места, не желая, чтобы тот говорил что-то плохое и тем более злился. – Успокойся! Не надо ничего говорить! Всё хорошо! Сядь, пожалуйста.

– А ещё ты нервный, – договорил Володя. – Лишь сектант может тебя держать на привязи, верно? – он положил мне на плечо свою руку.

– Володя, как я понял, мы тебе не нравимся, но ты должен знать, что я ничего против тебя не имею, – я улыбнулся, смотря прямо в лицо однокласснику. – У меня нет к тебе ненависти и даже злости. Я наоборот хочу, чтобы у тебя всё было хорошо, и чтобы ты был счастлив. Правда! Как бы ты сейчас не пытался меня задеть, я всё равно хорошо к тебе отношусь и желаю тебе только добра и счастья. Я верю, что ты хороший человек и просто притворяешься плохим человеком. Я это точно знаю!

Мальчик нахмурился, сжал крепко зубы, что-то едва слышное пробурчал и пошёл прочь.

– И что это сейчас было? – с удивлением посмотрел на меня Кирилл.

– Это что был какой-то секретный способ отшить Володю? – тоже заинтересовался Данила.

– Типа того, – неопределённо сказал я, не прекращая улыбаться.

– Зачем ты меня остановил? – спросил Кирилл. – Он говорил такие гадости... Он уже достал вечно задираться и приставать к тебе! Кто дал ему право говорить тебе такое?! Он просто нарываемся! Как ты его вообще терпишь?! Мне этого не понять! Я на твоём месте уже давно сорвался бы. Он меня уже итак раздражает, а пристаёт в основном к тебе.

Лишь иногда пытается нас задеть, как сейчас. Но мне противно от того, как он обращается с тобой. Пусть только попробует ещё раз тебе что-нибудь подобное сказать. Достал! Почему ты не дал мне сказать ему пару «ласковых» слов? Я их сказал бы, и он навсегда оставил бы тебя в покое. Но ты мне помешал. Почему?!

– Просто не надо ему этим же отвечать. Нам надо быть выше этого. Ладно, ребята. Мне, правда, надо хоть немного повторить. Скоро уже звонок, – я развернулся и направился к своей парте, не обращая внимания на удивлённые взгляды друзей и Володи, который тоже всё ещё смотрел на меня. Внутри я торжествовал и радовался, что смог сдержаться и не сказать ничего плохого Володе, а наоборот смог сказать ему хорошее. Я был очень рад.

Не торопясь, идя по дороге, я смотрел по сторонам. На улице стояла весна. Хоть всё и медленно просыпалось от зимней спячки и становилось теплее, на улице было достаточно холодно, поэтому приходилось теплее одеваться. На мне была и куртка и шапка, а иногда мне даже нужно было надевать шарф, чтобы родители не переживали, что я заболелю. Да я и сам заболеть не хотел, ведь тогда мало того, что пропущу школу и не буду многое знать, и потом будут проблемы, так ещё не смогу ходить на собрания, видаться с друзьями в Церкви и школе и общаться с ними. А это я очень любил. Больше всего в школе мне нравилось общение с дру-

зьями, а вот в собрании мне всё нравилось. Я виделся со своими друзьями, мог играть с ними, виделся со всеми своими знакомыми, которые мне также нравились и были дороги. Я не хотел потерять это даже на пару недель. Так что лучше было одеться теплее, чтобы обойтись без этого.

Я остановился на краю тротуара, ожидая, когда загорится зелёный свет на светофоре и можно будет перейти дорогу. Рядом со мной стояла худенькая бабушка с большой тележкой. Она мучилась, не в силах поднять эту тележку на бордюр. Я посмотрел сначала на бабушку, а потом на светофор. До зелёного света было ещё немного времени. Я не мог просто так уйти и бросить эту бабушку, хотя видел как ей тяжело и что ей нужна помощь. Я обязан был ей помочь. Ведь меня всегда родители учили, что надо помогать другим, тем более пожилым людям, так что я должен был помочь бабушке. К тому же я христианин, а христиане должны помогать всем, кто в этом нуждается. Не всегда конечно, а по возможности, а сейчас у меня была возможность. Я никуда не спешил и мог это сделать.

Не колеблясь ни на секунду, я сделал шаг к бабушке, понимая, что больше ждать нельзя.

– Здравствуйте, – улыбнулся я ей. – Вам помочь? Хотите, я вам помогу перевести тележку на ту сторону дороги?

– Ой! Давай, внучок, – тут же обрадовалась бабушка. – Спасибо, милый!

Я схватился за ручку тележки и потащил её вперёд через

дорогу, стараясь идти рядом с бабушкой. Она шла медленно и с трудом, но дорогу мы всё же перешли. На другой стороне дороги мы остановились.

– Спасибо большое, внучок, – поблагодарила бабушка и хотела уже забрать тележку.

– Подождите, бабушка, – не торопился я отдавать тележку, понимая, что всё же пока не могу просто уйти. Я видел, как бабушке было тяжело переходить дорогу, и точно должен был ей и дальше помочь. Я не представлял, как она дальше потащит тележку. – Может быть вас лучше до дома проводить? Вы далеко живёте?

– Нет. Тут рядом, – кивнула она куда-то в сторону. – Да не надо, внучек. Я дальше сама справлюсь. Беги домой! Я понемногу и дойду до дома.

– Нет. Давайте я лучше вас провожу, – решительно сказал я. – Не могу вас бросить. Родители меня учили помогать другим. Позвольте вам помочь. Я никуда не тороплюсь и могу вас проводить.

– Спасибо, милый! – бабушка расплылась в улыбке. – Твоим родителям очень повезло с таким добрым и послушным сыном.

– Да ладно вам, – даже смутился я. – Лучше покажите куда идти.

– Пойдём, внучок, – она направилась к одному из дворов. Я послушно шёл рядом с бабушкой, не торопя её. Мне было совсем нетяжело везти тележку, но вот бабушке, наверно

ное, было очень тяжело. Поднимать её на ступеньки было немного тяжело, а вот всё остальное было нормально. Благодаря тому, что я вёз тележку, мы дошли до нужного дома достаточно быстро. Самой бабушке было легче идти и через десять минут мы уже стояли перед подъездом, где она жила.

– Вам надо помочь поднять его на ступеньки? – предложил я, готовый помочь донести тележку до квартиры.

– Нет, внучок, – бабушка уверенно взяла из моих рук ручку своей тележки. – Дальше я точно сама. Ты можешь идти. Я живу на первом этаже и дальше точно справлюсь. Не трать время на какую-то старуху.

– Ну, что вы? – я едва заметно улыбнулся. – Не надо так о себе. Я наоборот был рад вам помочь.

– Ты уже помог. Большое тебе спасибо, – бабушка взяла меня за руку. – Вот. Это тебе, – она положила мне в руки достаточно большую конфету. – Денег у меня нет, но вот конфету могу дать. Спасибо тебе за то, что так хорошо помог. Если бы не ты, я до сих пор сюда шла бы.

– Не за что. И не надо конфет. Я не ради награды это делал.

– Нет, нет. Возьми! – настояла бабушка и сжала мою ладонь, не давая возможности вернуть конфету. – Мне будет неловко, если ты ничего у меня не возьмёшь. Я так хочу тебя поблагодарить за такую помощь. Спасибо тебе, внучок! Пусть Господь тебя благословит и хранит!

– Спасибо, бабушка, – я расплылся в улыбке. – И пусть

также Бог благословит вас и даст вам здоровья. Всего вам хорошего!

– И тебе, внучок. Давай. Беги домой!

– До свидания, – попрощался я и сделал шаг назад, убрав в карман куртки конфету. – Был рад вам помочь.

– Пока, внучек, – кивнула бабушка и тоже улыбнулась.

Я в последний раз посмотрел на неё, развернулся и уже более быстрым шагом пошёл в сторону дома. Отдаляясь от бабушки, вновь улыбнулся. Понятное дело, что я был рад, что смог сделать такое доброе дело и помочь бабушке. Любому нормальному человеку будет приятно после того, как он помог кому-то. И мне было очень приятно от этого. Я совсем не жалел, что подошёл к бабушке и предложил свою помощь. Конечно, потратил чуть больше времени, чем планировал, и чем ушло бы на дорогу, но я всё равно был рад. И в этом хорошем настроении я шёл домой.

Свернув за угол одного из дома, я остановился, увидев возле другого дома Василису. Она стояла на корточках перед какой-то облезлой, грязной и, видимо, бездомной кошкой. Девочка выдавливала ей корм из пакетика, а кошка жадно ела его. Когда пакетик опустел, Василиса убрала его в пакет и просто продолжала стоять рядом с кошкой, пока та ела, и гладила её. Она нежно гладила её то по голове, то по спинке, то по шейке и что-то тихо говорила.

Я, не удержавшись, с улыбкой на губах наблюдал за ней. Конечно, за этим было не так интересно наблюдать, как за

тем, как Василиса кормила котят, но это всё равно было очень мило. Девочка была очень доброй, и это было хорошо видно по её поступкам, а её поступки были очень хорошие и добрые. Я, конечно, видел её лишь пару раз, но уже был уверен, увидев, как Василиса кормит то котят, то бездомную кошку, что она очень хороший и добрый человек. Злые люди на такие поступки не способны. И я не мог просто идти дальше. Я хотел и дальше наблюдать и наблюдать за этой картиной, что и делал.

И вот Василиса выпрямилась, и стало понятно, что она сейчас уйдёт. Я был так уверен, что больше её не увижу, но так хотел этого, и точно не мог сейчас упустить свой шанс поговорить с девочкой. Я обязан был подойти к ней и хоть немного поговорить с ней. Быть может, я могу что-нибудь ещё сделать ради Василисы. Хоть как-нибудь облегчить её боль, сказать ей что-нибудь хорошее, чтобы она не чувствовала себя такой одинокой. Раз мне выпал шанс встретиться с ней, то я должен был им воспользоваться.

Я уверенно направился к девочке, которая всё ещё стояла рядом с кошкой, наблюдала, как она ест, и разговаривала с ней. Я остановился в нескольких шагах от Василисы, не желая мешать девочке, пока та возится с кошкой. А та ещё пару минут не могла отойти от бездомной кошки, но вот наконец-то развернулась и пошла по дороге в сторону своего дома. Я тут же догнал девочку и оказался рядом с ней.

– Привет, Василиса, – заговорил я. – Помнишь меня?

– Привет, – с удивлением посмотрела на меня девочка. – Максим? Верно?

– Да, – я положительно кивнул головой. – Как у тебя дела?

– Хорошо, – ответила она, посмотрев по сторонам.

– Видел, как ты кормила кошку, – я обернулся и взглянул на бездомную кошку, которая всё ещё была на своём месте. Василиса также посмотрела на неё. – Это было очень мило. Ты очень добрая! У тебя доброе сердце! Я тоже очень люблю животных, но кормить их почти не получается. А ты молодец! Кормишь их и заботишься о них... Это очень здорово!

– Ну, кто-то же должен о них заботиться, – выдала девочка. – Они же тоже хотят и есть и пить. Проще говоря, хотят жить, но им немного не повезло и о них некому позаботиться. Кто-то должен это делать. Они не хотели такой жизни. Их просто кто-то выкинул на улицу и им тяжело. Я не могу просто так проходить мимо них и оставлять их голодными, зная, что они могут из-за этого умереть. Это вы так можете, но не я.

– Ого! – изумился я, поняв, какой она прекрасный человек. – Это очень круто! Ты просто замечательная! И ты права. О них надо заботиться. И это здорово, что ты это делаешь. Это просто чудесно! Конечно, не чудесно, что есть такие несчастные животные, и мне также их жалко, но чудесно, что ты им помогаешь. Жаль, что всем сразу помочь нельзя. Но ты должна знать, что ты большая молодец, раз это делаешь. Мало кто готов это сделать. И мало кто обладает таким

же большим и добрым сердцем, какое у тебя. У тебя очень доброе сердце, раз ты готова помогать всем бездомным животным, каких только встречаешь. Ты просто невероятный человек, Василиса. Я ещё ни разу не встречал такого человека, как ты.

Девочка опустила голову, и было видно, как она покраснела. Я понимал, что ей приятно слышать такие слова о себе, но она очень стеснялась.

– Василиса, я понимаю, что многие тебе говорят плохие вещи, но ты, пожалуйста, не слушай никого. Ты хороший человек и это самое главное! – я заглянул в её лицо. – Мне родители всегда говорили, что за внешностью красивого человека может скрываться очень плохой человек. А ты мало того, что очень милая, так ещё и добрая и не слушай никого, кто будет говорить обратно. Я видел тебя всего два раза и уже успел увидеть и понять, что ты очень милая и добрая. А это важнее всего остального! Необязательно быть красавицей! Самое главное быть всегда хорошим человеком. Люби себя сама и тогда у тебя всё будет хорошо и люди сами перестанут тебя обижать и потянутся к тебе. Не надо никому позволять загонять себя в тупик. Ты прекрасная и это правда! Я говорю совершенно серьёзно! Конечно, ты меня плохо знаешь и не должна мне верить, но о таком я точно врать бы не стал. Василиса, ты же мне веришь? Ты очень милая, а твоя полнота – это ничего серьёзного. Правда! Она тебя даже почти не портит. Лишь некоторые люди пытаются тебя

этим задеть, но это не смогло изменить того, что ты хороший человек. Ты же меня понимаешь, Василиса? Василиса! – позвал я девочку, так как она мне не отвечала и шла молча, уставившись в землю.

– Я... – Василиса даже не могла поднять на меня глаза. – Мне пора бежать, – она бросилась вперёд, не желая продолжать диалог со мной.

Я же остановился, смотря ей вслед. Бежать за ней следом было бы глупо. Я понимал, в чём дело. Просто она не привыкла, что ей говорят что-то хорошее, и это было просто ужасно. Ужасно было осознавать, что кто-то, таким образом, реагирует на хорошие слова, что ему говорят. Значит, человек просто не в силах воспринимать их, но я надеялся, что она хоть что-то услышала и поверила мне и ей уже не так тяжело и больно. Именно этого я хотел, когда всё это говорил. Ведь это была правда и я, честно, так думал. Оставалось лишь надеяться, что мои слова что-то ей дали.

Я стоял возле окна своей комнаты, а прямо передо мной открывался восхитительный вид на закат. Казалось будто бы это ненастоящий закат, а просто какая-то картина, которую нарисовал талантливый художник. Закат шёл слоями, словно пирог. Один слой жёлтый, прямо возле горизонта, второй – оранжевый и третий – красный, который окрашивал своим цветом рядом летящие облака. Даже облака были необычными. Они были интересной формы и были какими-то ребри-

стыми. Сегодня закат был необыкновенно красив, и я мог сколько угодно стоять возле окна и смотреть на него.

А слегка прикрыв глаза, я мог даже представить, как большая кисть художника скользит по небу, вырисовывая эту красоту. Конечно же, я понимал, что у этого заката есть художник, и я Его знал. Понятное дело, что это был Бог. Именно Он был художником этой картины, которая сейчас была перед моими глазами, и эта картина была невероятно прекрасна. Только Бог был в силах создать такую красоту, и Он был самым лучшим и моим самым любимым художником.

Конечно, рассвет я любил больше, но нельзя было отрицать красоту заката, и я не собирался это делать. Мне нравилось сидеть вечерами и наблюдать, как солнце медленно садится, озаряя небо красивыми цветами. Но сегодня я наблюдал за этим едва ли не с раскрытым ртом, не в силах отвести взгляда. А солнце как будто специально ради меня садилось медленно, давая мне возможность как можно дольше насладиться этой красотой.

– Боже, как же это красиво! – не сдержавшись, проговорил я, направив свой взгляд в небо. – Слава Тебе за такую красоту!

На моих губах появилась радостная улыбка. Я не понимал, как можно было не любить жизнь, когда вокруг столько прекрасных и красивых вещей. Даже если привести в пример закат и рассвет. Вроде мы их видим каждый день, но они же такие красивые. А некоторые люди не замечают их красоты

и для них это что-то обычное. Но для меня нет. Я видел, как прекрасны закат и рассвет. А самое прекрасное в них было то, что закат сообщал о том, что закончился ещё один день, а рассвет сигнализировал о начале нового дня. И это тоже значит много! Жаль что не для всех, но для некоторых точно и для меня в том числе. Я радовался каждому прожитому дню и каждому дню, который начинался. Ну, как можно было им не радоваться?! Это я тоже не мог понять!

От окна я смог отойти лишь только тогда, когда солнце окончательно село. Я глубоко вздохнул и опустился за стол. Мне надо было приступить к выполнению заданий, но прежде я хотел заняться более важным делом. Ещё днём во время уроков мне пришла в голову мысль спеть какую-нибудь песню на следующем собрании. Я уже давно на службе ничего не пел, и сейчас мне очень хотелось подготовить что-то и спеть на этом или следующем собрании.

И теперь мне нужно было найти подходящий псалом и прорепетировать его. Конечно же, репетировать его мне нужно было с папой. Сам я вряд ли справлюсь, а с папой всё выйдет лучше, ведь он в этом деле был профессионал. Но самое сложное было найти и подобрать подходящий псалом. Я мог этим заниматься час, два, три и в итоге ничего не найти, потому что каждый раз казалось, что это не то. Только в этом случае я просил папу помочь мне найти подходящий псалом, но сейчас хотел сделать это сам и только потом обратиться к папе за помощью.

Взяв в руки свой телефон и включив интернет, я приступил к поиску. Минут двадцать лазил по интернету и по различным сайтам, пытаюсь найти подходящий псалом, но всё никак ничего хорошего не попадалось. И вот я остановился, увидев перед своими глазами просто чудесный псалом. Мне нравилось каждое слово, каждое словосочетание, каждое предложение в этом псалме. Этот псалом был просто замечательным, и он идеально подходил для того, чтобы спеть его на собрании.

И чем дольше я на него смотрел, тем больше мне хотелось его спеть перед всеми. Я быстренько закачал себе фонограмму этой песни со словами и без слов, скопировал текст и побежал вниз к папе, желая ему показать эту песню и сказать, что хочу её спеть.

– Пап, – забежал я в большую комнату, где сидели родители, – мне нужна твоя помощь!

– Помощь? – он с удивлением посмотрел на меня и переглянулся с мамой, по которой было видно, что она тоже удивилась. – В чём? Что-то не так?

– Всё просто замечательно, – улыбнулся я. – Я хочу спеть на следующем собрании одну песню.

– Хорошо. Какую?

– Вот эту, – я протянул папе телефон.

Он взял его в руки и пару минут с задумчивым выражением лица изучал текст песни. Потом папа вновь переглянулся с мамой, которая тоже взглянула на текст песни, ки-

нул взгляд на меня и снова посмотрел на текст. Только после этого он поднял голову и удивлённым голосом проговорил:

– Эта песня же не твоя, а ты последнее время стараешься петь только свои песни.

– Знаю, что это не моя песня, но она мне очень нравится, – с улыбкой на губах выдал я. – Она такая классная! Ты просто почитай текст. Это очень красивая песня!

– Да, она, и правда, красивая, – не стал спорить папа и вновь заглянул в телефон. – Даже очень! В ней очень красивые и хорошие слова. Ты молодец, что её нашёл. Может, давай её послушаем?

– Давай. Я её скачал. Дай включу, – я забрал у папы телефон, быстро нашёл песню и включил её.

Заиграла красивая музыка. Сначала звучали лишь звуки природы и пение птиц, а потом заиграли пианино и скрипка, а может даже ещё какой-то инструмент, который я не знал. И вот чей-то детский голос запел. Как только этот голос запел, я понял, что эта песня ещё красивее, чем думал. А с этой музыкой она была просто сказочной.

Я с наслаждением её слушал и наблюдал за реакцией родителей, которые слушали песню с сосредоточенными лицами. Мне же с каждой минутой всё больше и больше хотелось спеть эту песню перед всеми в воскресенье. Я уже даже представлял, как буду её петь, а все будут меня слушать и улыбаться, ведь эта песня была просто прекрасна. Я даже не знал, с какой песней сравнить этот псалом. Никогда не слы-

шал более красивую песню, чем эта. И она мне нравилась всё больше и больше.

Музыка стихла, и в комнате повисла тишина. Я внимательно смотрел на родителей, ожидая, что они скажут или сделают. Я был уверен, что они впечатлены. Родители же ничего не говорили, видимо, о чём-то думая.

– Макси, – начал папа, – ты уверен, что хочешь спеть эту песню?

– Конечно, – твёрдо повторил я и заулыбался. – А что не так? В чём дело? Она же вам понравилась? Она просто прекрасна! Теперь она мне нравится ещё больше. Я, если честно, прослушал её первый раз и она... Она такая красивая! Думаю, она всем понравится. Она просто чудесна!

– Но она же... – папа запнулся, не решившись мне что-то сказать. Я тут же напрягся, боясь, что он мне откажется помогать.

– Сима, она же немного детская, а ты уже достаточно взрослый, – сказала за него мама. – Ты точно уверен, что хочешь её спеть? Может, выберешь что-нибудь более подходящее для твоего возраста?

– Ну, что вы такое говорите? – не ожидал я таких слов от родителей. – Пока вы не прослушали песню, она вам нравилась. Вы так говорите только из-за того, что её пел ребёнок, ведь так? Она красивая и в ней содержится большой смысл, а это важнее всего. Разве не так?! Самое главное, какой она в себе несёт смысл. А эта песня... Она замечательная и для

меня неважно кто должен её петь. Я хочу её спеть. Надеюсь, ты мне поможешь, пап? Пожалуйста, помоги мне! Без тебя я не справлюсь. Точнее так хорошо не справлюсь.

– Я, конечно же, тебе помогу, Макси, – не стал отказывать папа. – И раз ты так считаешь, то хорошо. Я не возражаю, чтобы ты её пел. Самое главное, чтобы она тебе нравилась, и она тебе нравится. Я рад, что ты нашёл песню, которая тебе так сильно понравилась. К тому же ты прав. Она, и правда, красивая и очень красивая! И в ней содержится большой и важный смысл. А мы, наверное, подумали, что она детская как раз-таки из-за того, что её пел ребёнок. Скорее всего, ты прав! Так что я с радостью тебе помогу её отрепетировать. Как я могу тебе отказать? К тому же спеть на собрании всегда хорошо, а такую красивую песню тем более. Ну, что тогда давай начнём её репетировать? Хочешь, попробуем её сыграть на гитаре или ты хочешь петь под фонограмму? Фонограмма, конечно, красивая, но не думаю, что будет хорошо её включать в Церкви. Но, если ты хочешь, то ладно. Тогда давай хотя бы посмотрим как тебе лучше её петь, и попадешь ли ты в ритм.

– Я думал начать репетировать можно с фонограммы, а потом можно и попробовать под гитару петь эту песню, – неуверенно сказал я.

– Ты только что это придумал? – догадался папа. – Это было спонтанное решение?

– Типа того, – нехотя признал я. – Просто буквально

недавно нашёл эту песню и решил попросить тебя помочь мне спеть её.

– Ну, ладно, – на лице папы появилась улыбка. – Значит, она, и правда, тебе очень понравилась.

– Очень-очень! И я очень хочу её спеть на собрании.

– Споёшь. Не волнуйся! – приободрил меня папа. – Ты нашёл минус этой фонограммы?

– Да, – положительно кивнул я. – А что?

– Хочу, чтобы ты сейчас включил его, и я послушаю, как ты поёшь. Хочу понять, как ты думаешь надо её петь, – пояснил папа. – Хорошо? Споёшь? Ты же не возражаешь? Или ты по-другому хотел?

– Нет, нет. Я спою. Всё нормально. Я так примерно и хотел.

– Тогда включай, – папа убрал подальше книгу, которую он сейчас хотел читать, и уселся удобнее.

– А как называется эта песня? – поинтересовалась мама. – Я её название не успела увидеть.

– Она называется «Как прекрасно всё то, что Твоё!», – ответил я, взглянув на текст песни.

– Название хорошее, – улыбнулась мама. – Давай. Спой её. Хочу её услышать из твоих уст.

– Хорошо, – я набрал в лёгкие как можно больше воздуха и, включив минус фонограммы, дождался вступления и запел: – Как прекрасно всё то, что Твоё,
Мне повсюду Твой слышится голос.

Ветром в листьях звенит и поет,

В сердце шепчет, как зреющий колос. Эти горы, покрытые

МХОМ,

Эти волны, покрытые пеной, Этот берег с горячим пес-

КОМ,

Это солнце в бескрайней Вселенной.

Боже мой, это – Ты, это – Ты,

Я с Тобою повсюду встречаюсь:

Когда рву мимоходом цветы

И на чей-то поклон отвечаю.

Я замолчал и выключил фонограмму, пристально смотря на родителей. Мне было интересно, понравилось им или нет, и я ждал их мнения. Я мог бы, конечно, спеть сразу всю песню и только потом спросить родителей, как я спел, и более того мне это хотелось сделать, но лучше было не петь её целиком. Вдруг я спел плохо? Тогда лучше сразу продолжить петь по-другому и более правильно, а не с ошибками. Совершать ошибки во время пения у меня желания не было.

Мне не хотелось терять ни одного дня репетиции, ведь чем скорее мы всё отрепетируем, и я буду хорошо петь песню, тем быстрее смогу спеть песню на собрании, а этого я очень сильно хотел и хотел, чтобы этот день настал поскорее. И ради этого был готов репетировать целыми днями песню, но родители точно на это не пойдут, ведь для них важнее моя учёба. Так что оставалось репетировать песню в свободное время, и я хотел начать это прямо сейчас. Не надо было от-

кладывать репетицию даже на минуту.

– Ну, как? – задал вопрос я, так как родители молчали, лишь смотря на меня.

– Молодец! У тебя очень хорошо выходит, – воскликнул папа, и в его глазах было видно нескрываемое восхищение. – Я даже не думал, что из твоих уст это будет так хорошо звучать. Мне нравится! Давай дальше спой. Хочу послушать ещё. Допой до конца.

– Ладно, – я довольно улыбнулся и, включив фонограмму на том месте, на котором остановился, продолжил: – Мне повсюду видна Твоя кисть.

Твой резец и Твой почерк с размахом:

В детском взоре, что светел и чист,

И в цветущих на поле ромашках. Это Ты нам даруешь дружей,

Это Ты научил нас трудиться. Потому я хочу все сильнеей

И все чаще, усердней молиться, – следом я пропел ещё раз припев и приступил к последнему куплету: – Это Ты меня петь научил,

Потому моя песнь не смолкает.

Это Ты в меня свет Твой пролил. Он и в вечности не угасает.

Как прекрасно всё то, что Твоё,

Пред величием Твоим я немею. Это Ты мне. Спаситель, даёшь

Всё-то доброе, что я имею.

Глава 4 «Я не хочу умирать...»

Я медленно спускался по лестнице на первый этаж, в голове прокручивая песню «Как прекрасно всё то, что Твоё» и вспоминая последнюю нашу с папой репетицию. Прошла уже почти неделя с нашей с папой первой репетиции этой песни. Я даже не заметил, как пролетела целая неделя, так как всю неделю только и делал, что думал об этой песне. И вот уже была суббота, и сегодня к счастью у меня был выходной. Мы не каждую субботу учились, и сегодня я мог побыть дома и хорошенько выспаться, что и сделал. Я спал почти до одиннадцати часов утра и всё это время родители меня не будили. У них постоянно было по два выходных, а у меня в основном был только один выходной, и родители тоже хотели, чтобы я хорошо выспался.

И вот я просто в чудесном настроении спускался вниз к родителям, чтобы позавтракать. А почему у меня должно было быть плохое настроение? У меня был выходной, я выспался и у меня ещё впереди был целый день. Я мог заняться, чем только хотел и, понятное дело, у меня было хорошее настроение. Оно и не могло быть плохим.

– Всем доброе утро! – воскликнул я, пройдя на кухню, где сидели родители.

– Доброе утро, Сима, – улыбнулась мне мама. – Ну, что? Ты выспался?

– Ещё как, – с довольным выражением лица сказал я. – Уже давно так хорошо не спал. Конечно, я люблю вставать пораньше и смотреть на рассвет, но выспаться так здорово!

– Это да, – согласился со мной папа. – Не могу не согласиться с тобой! Я тоже люблю выспаться, но это не всегда получается. Любое утро – прекрасно, но утро, когда ты понимаешь, что выспался, наиболее прекрасно.

– Значит, теперь утро станет ещё лучше, – мама как-то загадочно улыбнулась. – У нас на завтрак... – она выдержала паузу, чтобы немного помучить меня и выдала: – Блинчики!

– О! Я обожаю блины, – мои губы растянулись в счастливой улыбке. – А с чем блинчики? У нас же есть варенье?

– У нас есть и варенье, и сгущёнка, и сметана, – успокоила меня мама. – Можешь, есть с чем хочешь.

– Но сначала надо помолиться за еду, – папа решительно поднялся из-за стола. – Всё по порядку.

– Хорошо, – даже не собирался я спорить. – Давайте помолимся так, как мы обычно молимся в Церкви перед едой?

– То есть, как учат детей? – вопросительно посмотрела на меня мама.

– Ну, да. Типа того, но какая разница? – махнул я рукой. – Лично мне очень нравится эта молитва. Она и простая, и красивая и легко запоминается. Ну, давайте!

– Ну, мне она тоже нравится, – признал папа. – Почему бы и нет? Давайте.

– Давай, Сима, начинай, – предоставила мама мне эту воз-

возможность. – Ты, скорее всего, слова знаешь лучше нас с папой.

– Хорошо, – кивнул я и начал: – Бог Отец! благослови
На столе Твой дар благой;
Он нам в пищу из любви
Подан милостью святой.
Удостою его вкусить
В подкрепление наших сил
И Тебя благодарить,
Как Твой Дух нас научил.

– Аминь! – за меня сказал папа, и первый опустился на стул. – Теперь можно приступать к завтраку.

– Вот твоё варенье, Сима, – мама поставила на стол варенье. – И твой чай, – она пододвинула ближе ко мне кружку. – Кушай, Сима. Бери, сколько хочешь блинов, – с этими словами мама поставила на середину стола большую тарелку с огромной стопкой блинов.

– Спасибо, мамуль, – я тут же с радостью накинулся на блины. Я давно их не ел, и очень соскучился по ним, и теперь мне казалось, что могу съесть с десятков блинов. Я их обильно поливал вареньем и только после этого ел, а, когда проглатывал очередной блин, делал большой глоток чая из кружки.

Мы старались всегда молиться за еду, но на завтрак такое получалось не каждый раз. И в основном это было из-за того, что мы почти всегда торопились, поэтому зачастую ро-

дителям перед едой и после еды приходилось молиться без меня. Конечно, это было немного неправильно, потому что молиться надо было вместе, но тогда мы точно постоянно опаздывали бы, потому что я на завтрак приходил чуть позже родителей. Но в остальное время мы старались молиться перед едой и после еды, а также всегда делали это в воскресенье и в субботу, если у нас у всех были выходные, как было сегодня.

Также мы часто молились утром и на ночь все вместе, но сегодня утром родители молились без меня, потому что встали уже давно, а мне пришлось молиться одному. Но в этом ничего плохого не было. Одному тоже было нормально молиться, и для меня это не имело значения. Самое главное было помолиться, а одному или с кем-то неважно. Но вечерние совместные молитвы мы никогда не пропускали, и в этом у нас была стабильность. Я тоже их никогда не пропускал и только по одной причине мог пропустить вечернюю молитву: если болел, но это была действительно важная причина.

И вот сегодня мы, как положено, помолились и теперь со спокойной душой завтракали. Я уже доедал пятый блин и был готов съесть ещё точно пару блинов. Родители же ели, не спеша, и съели только по три блина. Я первый закончил с завтраком и просто сидел за столом, допивая чай и ожидая, когда родители тоже закончат с завтраком. Ждать этого долго не пришлось.

– Вот и всё, – папа приподнялся из-за стола. – Леночка,

поблагодаришь за еду?

– Конечно, – мама приступила к молитве.

Я тоже молился, закрыв глаза и сложив руки вместе. Поблагодарить за еду нужно было в обязательном порядке. По-молилась мама кратенько и, как только она сказал слово «аминь», я открыл глаза и посмотрел на родителей.

– Давайте через минут двадцать соберёмся в зале? – предложил папа, кинув взгляд на часы. – Как раз пообщаемся, почитаем слово, попоём и тому подобное.

– Хорошо. Давай, – я улыбнулся. Я был только рад пообщаться, а также почитать Библию, помолиться и попеть с родителями. Мне всегда было это в удовольствие. Отказываться я не собирался. – Пойду за Библией, – и направился на второй этаж.

– Ага. Можешь не торопиться, – сказал папа мне вслед. – Мы как раз тут приберёмся и всё приготовим.

– Ладно, – я, быстро перепрыгивая через ступеньки, поднялся по лестнице и оказался на втором этаже.

Там уверенным шагом пошёл к своей комнате. Библия у меня лежала на самом видном месте, и долго искать её не пришлось. Также я хотел прихватить гитару на наше домашне-семейное собрание. Именно так я его называл. Ну, ведь мы были дома, и у нас было своеобразное собрание в пределах семьи. Как его ещё можно назвать? Только так!

Теперь мне оставалось себя занять ещё хотя бы на пятнадцать минут, и я решил это время потратить на выполнение

заданий. Конечно, обычно мне себя трудно заставить их делать, и сейчас может показаться странным, что я сам добровольно решил сесть за выполнение заданий. Но делать их всё равно нужно и лучше сейчас сделать какую-то часть, чем потом сидеть дольше за заданиями. У меня всё равно было время и его надо было на что-то потратить. Ведь если я сейчас сяду играть на гитаре, меня будет сложно заставить спуститься вниз, а мне сейчас больше хотелось нашего домашнего-семейного уютного собрания, которые я очень любил. Так что предпочитал сейчас занять себя чем-то менее важным для меня.

Правда, вниз я всё равно спустился раньше, чем надо было. Да, я сел делать задания, как и планировал, но делать их совсем не получалось и меня очень тянуло вниз. И мне пришлось смириться, взять гитару, Библию и спуститься вниз. И вот я сидел на удобном диване и тихонечко брэнчал на гитаре знакомую мелодию, ожидая родителей.

– О, Сима, ты уже тут, – удивилась мама, увидев меня.

– Да, – я кинул взгляд на маму, перестав играть на гитаре. – Мне просто было нечем заняться, и я решил уже спуститься вниз.

– Папа сейчас тоже подойдёт, и мы начнём, – сообщила мама. – Так что осталось ждать немного.

– Хорошо, – я уже хотел отложить в сторону гитару, как в зал прошёл папа и выдал:

– Не убирай гитару. Давай начнём с какого-нибудь псал-

ма? Сначала что-нибудь споём, а потом уже будем решать, что читать и что будем обсуждать.

– Ладно. А какой псалом? – поинтересовался я.

– Давай вот этот, – папа быстро нашёл псалом и положил книгу с псалмами передо мной на небольшой журнальный столик. – Ты играй, а мы будем петь, – он уселся на кресло перед нами с мамой.

Я спорить не стал и послушно начал играть на гитаре этот псалом. Петь его я даже при желании не мог, так как все силы уходили на игру на гитаре. Но играть на гитаре мне нравилось больше, потому что только так у меня получалось почувствовать каждое слово этого псалма и саму мелодию, а всё это будоражило меня, и чем дольше я играл, тем сильнее мне хотелось продолжать и продолжать и не останавливаться. Но песня всё же закончилась, и я сам не заметил, как это случилось. Мне пришлось остановиться и отложить в сторону гитару. Я глубоко вздохнул и посмотрел на папу, ожидая, что он скажет делать дальше.

– Ну, так как ты пришёл первый, – начал папа, улыбнувшись мне, – то тебе решать, что мы будем читать и обсуждать. Что ты хочешь обсудить?

– Я? – зачем-то переспросил и задумался. – Ну, наверное, ... – я запнулся. – Мне очень нравятся притчи. Я их очень люблю. Может, давайте одну из них обсудим?

– Хорошо. Замечательный выбор. Какую притчу? – ожидал продолжения папа.

– Давай притчу о блудном сыне, – недолго поразмыслив, решил я. – Думаю, она будет самая интересная и там есть пару мест, которые я не понимаю.

– Замечательно. Она мне тоже очень нравится, – на лице папы вновь появилась улыбка. – Я прочитаю притчу, и мы начнём рассуждать. Так она находится... – он начал листать Библию. – От Луки 15 глава с 11 по 32 стихи. «У некоторого человека было два сына. И сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил сыновьям имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошёл в дальнюю сторону и там расточил имение своё, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться. И пошёл, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней. И он рад был наполнить чрево своё рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Пришедши же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн, называться сыном твоим. Прими меня в число наемников твоих. Встал и пошёл к отцу своему. И когда он был ещё далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостойн, называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и

дайте перстень на руку его и обувь на ноги. И приведите откормленного телёнка, и заколите. Станем, есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся. И начали веселиться. Старший же сын его был на поле; и, возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришёл, и отец твой заколол откормленного телёнка, потому что принял его здоровым. Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего; но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение своё с блудницами, пришёл, ты заколол для него откормленного телёнка. Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и всё моё твоё; а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся». Так. Ну, с чего начнём? Что тебе было непонятно в этой притче, Макси?

– Ну, я понял, почему старший брат не особо обрадовался приходу младшего брата, – заговорил я. – Ведь отец так отреагировал и даже не поругал его. Любому было бы обидно. Но вот реакция отца на приход сына мне не особо понятна. Да, он рад его видеть, но закатывать пир в честь этого.... Как-то не очень! Ведь он сначала бросил родной дом, а, когда стало трудно, решил вернуться. И так принимать его после его же ошибки.... Он же его просто с распростёртыми

объятиями принял! Хотя рядом с ним есть его послушный сын, который помогал ему во всём и никогда не бросал. Мне вообще непонятно поведение отца.

– Я почему-то и думал, что тебе именно это непонятно, – губы папы растянулись в улыбке. – Это многим бывает непонятно, а мы уже давно не обсуждали эту притчу. Но дело в том, что отец в этой притче – это как бы Бог, а младший сын – это христиане, которые ушли из Церкви, но потом одумались и решили вернуться. И Бог рад каждой душе, которая к Нему вернулась.

– Но разве можно их принимать так просто и с объятиями, пиром и прочим всем?.. – не понимал я. – Надо же хоть как-то их наказать за то, что они ушли и бросили родной дом и свою семью. Отца! Нельзя просто так им всё прощать.

– Дело в том, Макси, что жизнь их уже итак достаточно наказала за этот поступок, и они поняли, что натворили. Ты же слышал притчу? Да, сначала младший сын ликовал, но потом ему пришлось страдать и много страдать. Именно это его наказание, а то, что он смог одуматься и вернуться, уже хорошо и достойно радости. А Бог рад каждому, кто одумался и решил вернуться к Нему. А теперь давай поговорим о настоящем времени. Есть много христиан, которые по какой-то причине уходят из Церкви. Я не собираюсь их оправдывать, но причины бывают разные.

И, когда они попадают в мир и не имеют доступа к Церкви, с ними случается много всего. Они погрязают во тьме

и им очень тяжело. Из этой тьмы очень тяжело выбраться! Они путаются в себе, злятся, ненавидят всех, пытаются найти выход и это ещё не самое ужасное. Они попадают в жестокий мир без любви, добра и всего хорошего, что есть только в Церкви и с Богом. Все люди в мире только и делают, что страдают от этого зла, что там царит, но они сами этого не осознают. Для них в норме вещей жить в таком мире, но можно же найти выход из этого мира. Только Бог способен нас сделать добрее и лучше. Без Него мы ничего не можем!

Поэтому рано или поздно христиане начинают осознавать, что поступили неправильно, уйдя из Церкви и от Бога, и решают вернуться. И Бог им очень рад, ведь это ещё одна спасённая душа. Ещё одно Его дитя, которое решило к Нему вернуться! Бог желает нам лишь добра и только с Ним хорошо. Христиане, ушедшие из Церкви, понимают, что не могут жить без Бога, и возвращаются к Нему, желая вновь почувствовать то тепло и любовь, что жили в них раньше. Ведь они это раньше когда-то чувствовали и только потом их душа начала погрязать во тьме и падать в бездну. Запутаться в себе и потеряться очень легко, а вот найти выход сложно. Но Бог готов всем помочь и поддержать!

А этому младшему сыну из притчи было итак стыдно и тяжело, и ему были нужны именно любовь и поддержка. И Отец был готов их дать, ведь Он любит своего сына. Он любит всех нас! Даже тех, кто ушёл от Него! Он никогда не оставляет своих детей и всеми способами пытается вернуть

их. Приятными или даже неприятными. Лишь бы спасти своих детей! Да, Он даёт нам выбор, но мы должны понимать, что без Бога нас ничего хорошего не ждёт. Лишь боль, страдания, мучения и тьма. Ничего хорошего! От этого не убежать никуда! С Богом же это всё перестаёт иметь значение, ведь Его любовь важнее и сильнее всего в этом мире! Он может починить любое разбитое сердце и обнять этого человека своей любовью, которая не имеет границ. А люди, которые возвращаются в Церковь, очень искалечены и измучены. Им нужно всё это!

– Да, Бог очень добрый, – лишь восхитился я. – Никакой человек на такое будет не способен, а Он....

– Ну, мы же люди, а Он – Бог. Наш Создатель и Отец! Для Него нет ничего невозможного! Он Всесильный и Вездесущий. Нашим разумом не понять Его сильную любовь и доброту. Он Милосердный, но, если что, может и наказать и это будет больно. Но, если подумать.... Он же создал нас! Мы Его дети. А, если ты решишь сделать что-то плохое и уйти из дома, а потом прибежишь обратно, я тебя прощу и вряд ли буду сильно злиться на тебя, ведь люблю тебя. Но хотя кто знает.... На деле знать наверняка очень сложно. Нам лишь остаётся восхититься сильной любовью Бога.

– Это да. А вот старший брат.... Он так плохо воспринял реакцию отца. Он что был не рад младшему брату?

– Ну, думаю, что он был рад, но также не понимал отца, как и ты когда-то, – объяснил папа. – Ведь, когда ты дол-

гое время идёшь за Богом или как в притче за отцом, потом очень тяжело радоваться, когда к кому-то так относятся, а ведь... Ну, он же к старшему сыну никогда так не относился, как к младшему. Старший брат предпочёл бы, скорее всего, чтобы отец сделал этого блудного сына своим наёмником и так бы его наказал.

Знаешь, если честно, образ этого старшего сына можно спокойно отнести ко всем нам, к нашим взаимоотношениям. Ведь, ладно я понимаю, почему ты так рассуждаешь. Ты ещё много всего не понимаешь и только начинаешь в этом более подробно разбираться, но есть христиане, которые гораздо старше тебя и которые так судят. Они не готовы принимать заблудшие души обратно и это очень плохо. Их надо принимать и надо им радоваться, а иначе они уйдут обратно, не найдя тут ту любовь и доброту, которых так искали и за которой пришли.

Ведь изначально старший сын не был виноват перед своим отцом, не согрешал перед ним, пока не вернулся его грешный брат. Возврат блудного брата вызвал в старшем сыне зависть, а это страшный грех. Очень плохо, когда христиане, которые давно идут за Богом, позволяют себе такое. Завидуют тем христианам, которые возвращаются в Церковь и которым все рады. Нельзя им завидовать! Да и, как мне кажется, завидовать то нечем. Они вернулись разбитые на кусочки, и Богу теперь надо их собирать по частям. Что в этом такого хорошего? Как по мне ничего!

– Это верно, – согласился я с папой.

– Ну, всё? Теперь тебе всё понятно в этой притче? – полюбопытствовал папа. Я положительно кивнул головой. – Тогда надо подвести итог. Бог хочет, чтобы каждый человек, который ушёл от Него, сам понял, что совершил ошибку и что попал в худшее место, чем был до этого. Бог не может заставить нас понять это, пока мы не пройдем через всё то, что есть в мире. И, когда колеблющиеся души попадают туда, рано или поздно они сами понимают, что в мире плохо, а с Богом гораздо лучше. Отец сам отпустил своего сына, ведь не мог его убедить, что там, куда он хотел пойти, ему будет плохо. Он и не смог бы его убедить. Оставалось лишь отпустить младшего сына и дать ему пройти через всё это. И вот только тогда сын сам смог всё понять.

Так же, как и христиане могут только самостоятельно это уразуметь. Для этого Бог и позволяет христианам уходить. Некоторые возвращаются, а те, кто не возвращается, страдают. А мы, те, кто остаётся в Церкви, должны принимать с любовью и радостью тех, кто возвращается к Богу. Ведь Бог делает также, не смотря на то, что христиане причиняют Ему сильную боль, уходя от Него. Но Он их вновь принимает и милует.

Мы должны делать также, ведь кто мы? Мы просто люди! Мы можем оказаться на месте этих христиан и должны иметь добрые сердца, чтобы вновь не оттолкнуть своей холодностью этих заблудших душ! Ведь, когда они уходят из Церкви,

они становятся мертвы в духовном смысле, а, когда возвращаются, оживают и это всегда радость. Как и было сказано в притче!

– Замечательно сказано! – улыбнулась мама. – Давайте тогда обсудим ещё какую-нибудь притчу. У нас это хорошо выходит.

– Только сначала давайте помолимся, – решительно сказал папа. – И потом уже перейдём к ещё одной притче. Пока подумайте, какую хотите обсудить.

Он первый встал на колени. Мы последовали его примеру.

– Я буду молиться, – решил папа и закрыл глаза. – Боже, мы преклоняемся пред Тобой и просим Тебя научить нас всегда поступать правильно. Как Ты показал в этой притче.... Научи нас правильно принимать заблудшие души, которые возвращаются к Тебе. Помоги нам не осуждать их и не завидовать им, а дарить им нашу любовь, как и Ты, даришь нам всем любовь и милуешь нас. Научи нас радоваться возвращению каждой заблудшей души так же, как и Ты, им радуешься....

Я замер, внимательно наблюдая за молитвой папы. Он продолжал молиться, а я вслушивался в каждое слово и вникал в них. Теперь я осознавал, что раньше мыслил немного неправильно, но теперь понимал эту притчу и знал, как надо реагировать на тех, кто ушёл из Церкви и решил вернуться. И мне было стыдно, что раньше я так думал о них и не понимал, как можно их принимать и почему Бог не наказывает

их. Это было неправильно и плохо! Но, как сказал папа, я, и правда, только начинаю во всё это вникать и ещё не такой взрослый, как он или мама. Есть много вещей, которые не понимаю, но я верил, что рано или поздно буду их всё понимать. А пока мне надо учиться и брать как можно больше знаний от папы, ведь он был мудрее меня.

Присоединился к молитве я лишь в самом конце, продолжая слушать молитву папы. Но буквально через пару минут он закончил молитву, и мне пришлось замолчать. Мы вернулись на свои места.

– Ну, что какую притчу теперь обсудим? – с интересом посмотрел на нас с мамой папа. – Уже придумали?

– Сима, решай ты о какой притче мы будем говорить, – улыбнулась мне мама. – Ты их любишь, так что наслаждайся. Можешь даже сам прочитать эту притчу.

– Хорошо. Меня уговаривать не надо, – обрадовался я и взял в руки Библию. – Сейчас найду! – начал перелистывать страницы, ища нужную мне притчу. – Вот. Давайте обсудим притчу о милосердном самарянине.

– О! Замечательный выбор! – похвалила меня мама.

– Да. Это хорошая притча, – согласился папа. – И полезная! Читай.

– Так. Это от Луки 10 глава с 30 по 37 стихи, – я глубоко вздохнул и начал читать. – «Некоторый человек шёл из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва жи-

вым. По случаю один священник шёл тою дорогою и, увидев его, прошёл мимо. Также и левит, быв на том месте, подошёл, посмотрел и прошёл мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашёл на него и, увидев его, сжалился. И, подошедши, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привёз его в гостиницу и позаботился о нём. А на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нём; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь, ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же».

– Ну, – папа задумался на секунду и продолжил, – рассуждение об этой притче можно начать с того, что... Притча о милосердном самарянине учит нас тому, что любая человеческая личность, любой человек – больной, нищий, вор, враг, – выше по своей ценности, чем отвлеченная идея добра. Даже если человек какой-то не такой или сделал что-то плохое, мы, подобно этому самарянину, должны увидеть, прежде всего, самого человека, несмотря на его положение в обществе, несмотря на его блистательную одежду или нищенские лохмотья. Мы должны проявить к этому человеку милосердие и, если нужна помощь, помочь ему. Как бы сделал Бог!

Господь дал притчу о милосердном самарянине в ответ на вопрос законника о том, что ему нужно делать, чтобы полу-

читать вечную жизнь. Когда Христос ответил заповедью о любви, законник снова обратился с вопросом, а кто мой ближний? Этот человек хотел просто узнать минимум того, что нужно исполнить, чтобы войти в жизнь вечную. Притчей о милосердном самарянине Христос показал законнику и нам, что вопрос неправильно поставлен. Эта притча идёт дальше одного учения о том, кого считать нашим ближним. Она указывает нам, как самому сделаться ближним для каждого, нуждающегося в милосердии.

Папа продолжил говорить, а мы с мамой внимательно его слушали. Иногда мы что-то добавляли или задавали вопросы, ведь у нас было домашне-семейное собрание и мы должны были вместе всё обсуждать. Именно это мы и делали. Каждый стих в этой притче хорошенько разбирали и всё обсуждали. И делали это с огромным удовольствием. Мы даже шутили и находили над чем посмеяться. Уже давно мы не устраивали такие собрания и сейчас просто наслаждались.

После этой притчи опять помолились и приступили к рассмотрению ещё одной притчи, а за ней ещё одной. И так сидели достаточно долго. Мы всё общались и общались и не хотели прекращать. А также мы периодически пели псалмы, и это тоже было очень приятно. Я играл на гитаре, а родители пели. Лишь один раз мы с папой поменялись местами, а в основном на гитаре играл я. Нам уже давно очень сильно не хватало такого собрания, но возможности устроить его не было, и сейчас мы пользовались возможностью.

И вот мы обсудили уже шестую по счёту притчу. Папа откинулся на спинку кресла, глубоко вздохнул, кинул взгляд на часы и только после этого окинул нас с мамой взглядом.

– Ну, что ж, – он как-то загадочно улыбнулся, – думаю, можно закончить наше собрание. Мы итак уже долго тут сидим.

– Ну, давай последнюю притчу обсудим? – попросил я, не желая заканчивать наше домашне-семейное собрание. – Пожалуйста, пап! Ну, когда мы ещё так соберёмся? Ну, давай!

– Что не хочешь прекращать? – засмеялся папа, а мама лишь улыбнулась. – А я думал предложить тебе порепетировать песню. Или ты не хочешь?

– Хочу. Конечно, хочу, – я вмиг встрепенулся. – Давай лучше порепетируем песню.

– Уже не хочешь продолжить собрание? – подколот меня папа.

– Хочу, но песню надо репетировать и... – я запнулся, не зная, что сказать. Мне хотелось и того и другого, и я не знал, что лучше выбрать. Песню репетировать надо было, но и неизвестно когда мы сможем провести ещё одно такое же домашне-семейное собрание. Так что я не знал, что лучше выбрать.

– Да расслабься! – папа поднялся с кресла. – Я думал вечером продолжить наше собрание, а сейчас сделать перерыв и немного порепетировать песню. Думаю, что уже скоро мы сможем её спеть на служении. Точнее ты споёшь, а я буду

играть. Конечно, не в это собрание, но в следующее, скорее всего, сможешь.

– Это замечательно! – не стал я скрывать свою радость. – Тогда давай репетировать! – и протянул папе гитару. – Я готов!

– Хорошо, – он взял в руки гитару.

– Я не буду вам мешать, – мама поднялась с дивана, уступив папе своё место. – Лучше пойду, займусь обедом и уборкой.

– Хорошо. Значит так, Макси, – папа сел передо мной и устроился поудобнее. – Начнём, – и начал играть на гитаре.

Я дождался вступления и запел песню, стараясь петь как можно лучше и полностью выкладываясь во время пения. Я даже пытался представить, что уже пою на собрании перед всеми, но это у меня плохо получалось, ведь передо мной был только папа.

– Подожди, подожди, – остановил меня папа и перестал играть. – Что-то не то! Старайся петь чуть медленнее и лучше растягивать слова. И открывай рот чуть шире, чтобы было всё понятно. Старайся всё проговаривать. Не забывай про дикцию. Все должны понять каждое слово, что ты поёшь.

– Хорошо.

– Давай сначала, – скомандовал папа и заново начал играть на гитаре.

Я снова дождался вступления и запел. На этот раз я старался петь так, как попросил папа. И, пока пел, внимательно

следил за его реакцией. Он же спокойно играл, слушая меня и не перебивая. В этот раз я смог пропеть песню полностью. Когда я замолчал, папа доиграл песню и задумался.

– Уже лучше, но всё равно что-то не то, – выдал он.

– А что не так? – не понял я.

– Не знаю, – пожал папа плечами и окинул взглядом комнату. Его взгляд остановился на окне.

Я замер, не желая мешать папе думать. Мне хотелось, чтобы всё было идеально и, если папа чувствовал что что-то не так, то лучше было прислушаться к нему и исправить то, что ему казалось не так. Поэтому я терпеливо ожидал его ответа. И вот папа наконец-то повернул ко мне голову.

– Я тут подумал... – неуверенно начал он. – Наверное, лучше эту песню петь под фортепиано. В фонограмме, которую ты включал, оно есть, и эта песня будет красивее звучать именно под фортепиано. Эта песня нежная и красивая, а под гитару.... Ну, как-то не очень эта песня звучит под гитару. Она становится более грубой! Именно поэтому у меня всегда было ощущение, что что-то не так и теперь я понял, что именно не так. К тому же и мне будет проще эту песню играть под фортепиано. Я, конечно, не настаиваю, но советую перейти на фортепиано. Если ты, конечно, хочешь, чтобы эта песня звучала красиво. Да, знаю, что ты больше любишь петь под гитару и все песни пел и поёшь именно под неё, но в данном случае лучше петь под фортепиано. Но решать тебе! Как ты хочешь? Будешь петь дальше под гитару

или всё же перейдём на фортепиано?

Я задумался. Да, я, и правда, больше любил петь под гитару и, когда стоял выбор, всегда выбирал её. Я одинаково хорошо умел играть на этих двух инструментах, но фортепиано почему-то всегда недолюбливал. Папа же наоборот больше любил фортепиано и считал его более нежным инструментом, а гитару более грубым, с чем я был совсем не согласен. Но сейчас походу мне надо было согласиться с ним, ведь он был прав.

Эта песня под гитару звучала не очень хорошо, а под фортепиано могла звучать лучше, и стоило попробовать. Я никогда советам папы по поводу этого не пренебрегал и сейчас тоже не собирался. Лучше было с ним согласиться и сделать так, как он предлагал. К тому же это он играл эту песню, и это также было в его интересах. Спорить с папой было не в моих планах.

– Ну, давай перейдём на фортепиано, – нехотя сказал я.

– Хороший выбор. Молодец! – папа отложил в сторону гитару и подошёл к фортепиано, которое стояло в этой же комнате. – Уверен, ты об этом не пожалеешь. Сейчас услышишь, как будет звучать. Подходи ближе. Начнём, – он уселся за фортепиано и только после того, как я подошёл поближе, начал играть.

Сначала я был настроен скептически и был уже готов передумать и вернуться к гитаре, но, когда прошла вступительная часть, и я запел, понял, что папа был прав. Даже мне

было легче петь под фортепиано, чем под гитару. Песня сразу так хорошо и легко пошла, как не шла до этого. Раньше мне надо было прикладывать силы, чтобы сосредоточиться на песне и петь её хорошо, а теперь она просто как бы сама по себе летела из моих уст, превращаясь в настоящую и красивую песню. И теперь эта песня мне нравилась больше чем тогда, когда пел её под гитару.

Я с наслаждением пропел её до самого конца, с удовольствием слушая и мелодию, которую папа проигрывал на фортепиано, и себя во время пения. Когда мы закончили, мы оба были довольны, и это было прекрасно видно по нашим лицам.

– Ну, что? – вопросительно посмотрел на меня папа. – Не жалеешь, что согласился со мной?

– Нет, – твёрдо ответил я. – Ты был прав! Под фортепиано эта песня, и правда, звучит гораздо лучше. Она делает её красивее и нежнее.

– Вот, а я о чём?! – довольно улыбнулся папа. – Я и чувствовал, что так будет. И мне тоже больше нравится так. Гораздо красивее, чем было до этого! Правильно подобранная музыка многое решает. Тогда давай ещё пару раз пробежимся по песне и исправим пару недочётов. Хорошо? А потом уже сделаем перерыв.

– Давай, – не стал отказываться я.

– Тащи сюда тот стул. Не хочу, чтобы ты стоял надо мной, – он махнул рукой на стул, стоящий в углу.

Я послушно взял этот стул и поставил рядом с фортепиано. И мы продолжили нашу репетицию. Дальше я пел песню по частям. Папа хотел закрепить отдельно каждый куплет и в особенности припев, так что всё это по отдельности мне пришлось пропеть раза три точно. И только после этого я вновь пропел всю песню полностью, и тогда папа остался более менее доволен.

– Ну, на этой ноте можем закончить нашу репетицию, – решил он. – Надо устроить перерыв. Хотя бы небольшой перерыв до обеда. А лучше бы тебе сейчас отдохнуть, а после обеда заняться уроками. Их же тоже надо делать.

– Так и сделаю, – я поднялся со стула. – Пойду в свою комнату.

– Давай, – не стал меня задерживать папа.

Я поставил на место стул, взял свою гитару, Библию и направился на второй этаж. В комнате положил на своё место Священное Писание и только хотел убрать гитару и завалиться на кровать, чтобы немного отдохнуть, как понял, что хочу ещё немного поиграть на гитаре. Конечно, я итак за утро много играл на гитаре, но мне хотелось ещё поиграть. Хотя бы полчаса.

Я некоторое время пытался сопротивляться, понимая, что скоро должен быть обед и надо лучше отдохнуть, а потом сесть за уроки, но потом всё же не выдержал и взял в руки гитару. А через минуту я уже всю играл на гитаре и был не в силах от неё оторваться.

Я с тяжёлым вздохом опустился за свой стол. Сегодня в школе был особенно тяжёлый день. Мало того, что сегодня было много самостоятельных, и учителя меня постоянно мучили своими вопросами и вызовами к доске, так ещё весь день ко мне приставал Володя и приставал по любому поводу. Он уже даже начинал меня раздражать. Я не понимал, почему он ко мне весь день придирается и что ему от меня нужно. Я пытался с ним разговаривать, но это не действовало.

И как назло сегодня в школе не было моих друзей. Данил просто заболел, а Кирилл прогуливал. И я ничего не мог поделать с Володей, который просто вцепился в меня. Вчера, в воскресенье, был такой прекрасный день. Я смог и пообщаться со всеми своими друзьями, и поиграл с ними, и даже познакомился с парой новых ребят, а также смог вместе с ними спеть пару песен.

А дома мы с папой пару часов репетировали песню и пели другие песни. Ну, а про субботу можно было даже не говорить. Она была просто замечательная! Но вот сегодня день был просто ужасен, и мне хотелось, чтобы он поскорее закончился. А точнее мне хотелось скорее вернуться домой и оказаться подальше от Володи. Но надо было потерпеть ещё один урок, а также дорогу до дома, потому что мне почему-то казалось, что он опять следом за мной увяжется. И у меня уже возникало такое чувство, что я не выдержу и со-

рвусь на Володе. Но мне надо было продержаться. В основном ради Христа, который этого хотел, а также ради мамы и папы. Поэтому мне надо было собрать остатки терпения и выдержать остальные нападки Володи.

Уже скоро должен был прозвенеть звонок, но учитель никак не появлялся. Я слегка нервничал, потому что понимал, что, если учитель не появится в ближайшее время, то Володя может опять начать ко мне приставать. И стоило мне об этом подумать, как возле меня опять оказался одноклассник.

– Скучаешь, святоша? – усмехнулся он и склонился надо мной.

– Оставь меня в покое, – буркнул я и отвернул голову в сторону, не желая видеть усмехающееся лицо Володи, которое меня уже сильно выводило из себя.

– Как же я могу оставить тебя в покое? – не отставал от меня мальчик. – Мне же так хочется с тобой пообщаться. Может, расскажешь мне про свою сектантскую Церковь? Кто там твои друзья? Они такие же жалкие, как и ты?!

– Не смей говорить про них! – посмотрел я на Володю и нахмурил брови, не желая слышать что-то плохое про моих друзей. – Они во много раз лучше тебя. Они замечательные! Они самые лучшие! Понятно тебе это?!

– Понятно, – фыркнул одноклассник. – Видимо, они ещё более жалкие, чем ты. Хотел бы я их увидеть. Устроишь это?

– Обойдёшься, – я вновь отвернулся.

– Ну, что ты всё отворачиваешься от меня? – Володя обо-

шёл парту и встал с другой стороны, чтобы видеть моё лицо. – Я хочу видеть тебя, когда говорю с тобой. Или может, ты боишься меня? Так не бойся. Я не обижу ни тебя, ни твоих жалких дружков-сектантов. Кстати, они тоже верят в Бога или просто для вида ходят в Церковь? Если они, правда, верят в Бога, то они ещё более ничтожные, чем я думал. Как можно быть такими жалкими?! Ходить в эту сектантскую Церковь и ещё общаться там с кем-то... Это же ужас какой-то! Вы там, наверное, все больные на голову. Твои друзья тем более! Интересно, чем они занимаются в свободное время? Может быть, только и делают, что свои грехи замазывают? Больные же именно этим занимаются, ведь так?! Вы что там все такие безумные, что ли?! Может, тебе стоит общаться с кем-то более нормальным, и тогда ты станешь человеком? А то общаешься с этими церковниками и набираешься от них этих глупостей! Кстати, я, и правда, хотел бы с ними увидаться. Хочу понять, правда ли они настолько больные, как я думаю.

– Может быть, ты уже замолчишь? – мои кулаки произвольно сжались. Я не мог слушать такое про своих друзей. – Отойди от меня и займись делом. Достал уже!

– Так я же правду говорю. На правду не обижаются! Твои друзья больные и это факт! Да я, если честно, думаю, что все в вашей Церкви больные на голову, а иначе они не стали бы туда ходить. Вот православная – нормальная Церковь. Настоящая! А ваша нет!

– Да с чего ты так решил?

– Потому что это все знают, – гордо вскинул голову мальчик. – И лишь больные этого не понимают. Больные вроде всей вашей Церкви. Вам лечиться надо! Надеюсь, когда-нибудь вашу Церковь полечат. А, кстати, я тут подумал.... А может Бог, в которого вы так верите.... Может, Его вообще нет?! Ты об этом не думал?!

– Он есть, – ещё сильнее нахмурился я.

– Что-то я в этом сомневаюсь, – цокнул языком Володя. – В кого ты вообще веришь? Как можно верить в того, кого нет?! А может, вы там вообще чем-то незаконным занимаетесь? Тогда понятно, почему тебе так нравится туда ходить. Может, вы там людей режете в воскресенье и съедаете их? Может вы религиозные фанатики, которые приносят людей в жертву? Ну, скажи по секрету! Я никому вас не выдам. Честно!

– Что ты несёшь? – я уже был готов выйти из себя. – У нас просто обычное собрание. Не носи чепуху!

– Значит, это правда, – на лице одноклассника появилась довольная улыбка. – Получается у тебя друзья людоеды. Мало того, что они больные на голову, так ещё и людоеды. Вот это да! Вы там все бешеные и ненормальные! – он в голос засмеялся. – Эй, ребята, – мальчик начал приманивать внимание остальных ребят. – Я тут кое-что узнал о друзьях нашего святоши. Хотите я вам расскажу?!

Все тут же отложили свои дела и начали с интересом смот-

реть на Володю, ожидая продолжения.

– Короче, они людо... – только хотел сказать тот.

– Может, ты уже замолкнешь, а?! – вскочил я со своего места, не желая, чтобы Володя очернял моих друзей перед всеми одноклассниками. – Хватит нести этот бред и тем более говорить его всем!

– А что такое? – сложил руки на груди мальчик. – Тебе что-то не нравится? Так мне всё равно на это! Молчи в тряпочку и сиди на своём месте ровно, как послушный христианин, а то родители тебя по голове не погладят, если будешь себя плохо вести. А то я могу им всё рассказать. Скажу им, что ты меня оскорбил и ударил! Как думаешь, как они тебя за это накажут? Выпорют или в угол поставят? А может, съедят?!

– Да замолкни ты! – прорычал я.

– Не мешай мне, а то тебе же будет хуже! – угрожающе проговорил Володя и продолжил: – Ребята, его друзья... – но я не собирался давать ему возможность договорить. Он не должен был договорить.

Сам не особо понимая, что делаю, я подскочил к однокласснику и со всей силы его толкнул. Тот не ожидал такого и, отлетев на пару метров, упал, ударившись об край стола.

– Это что ещё такое? – раздался строгий голос учителя, который в этот момент зашёл в кабинет. Виктор Сергеевич вмиг оказался возле упавшего на пол мальчика. – Володя, ты как? Ты в порядке? – учитель положил руку на его плечо,

одновременно пытаюсь заглянуть ему в лицо, чтобы понять сильно ли он пострадал.

Я же продолжал стоять на своём месте, немного жалея, что это сделал, ведь я сорвался, а это всегда плохо. Но с другой стороны я был этому рад, ведь уже давно этого хотел. И теперь у меня вышло заткнуть рот Володе, и больше он ко мне приставать не должен был, ведь он за это получил. А также он больше не должен был трогать моих друзей, а именно это меня так разозлило. Он не имел права говорить такие гадости про моих друзей и про мою вторую семью, которая была мне очень дорога и которая была в Церкви. И я за это ему отомстил и был доволен этим, хоть и понимал, что теперь мне за это крепко попадёт от директора и родителей. Но оно того стоило! Я не знал, что теперь делать и мне оставалось лишь просто стоять на своём месте и ждать, что будет дальше.

Володя медленно приподнялся и развернул своё лицо к нам. Он дотронулся до своего виска, который мне было особо не видно из-за учителя, сидевшего на корточках перед ним. Потом одноклассник медленно убрал руку от виска, посмотрел на неё и пробормотал:

– У меня кровь, – после этого он перевёл свой взгляд, полный ужаса и удивления, на меня. Володя не ожидал такого от меня.

Конечно, я и сам не ожидал такого от себя, но больше всего были удивлены мои одноклассники. Все они смотрели на

меня с удивлением, не решаясь шелохнуться и что-то сделать. Все были в шоке. Обычно я всегда был таким добрым, сдержанным и терпеливым. Но даже такого человека можно вывести из себя, и вот Володя меня вывел из себя, и мне самому было немного неприятно от этого. Я хотел сдержаться, но не смог, и с этим уже ничего поделать было нельзя. Осталось лишь смириться, что я и пытался сделать.

– К директору! Живо! – крикнул учитель, повернувшись ко мне.

Я уже пару часов сидел у директора, ожидая, когда за мной придет мама. Директор позвонил ей и попросил подъехать в школу. Понятное дело, что он хотел ей всё рассказать и пожаловаться на мой поступок. Да, может мне и не стоило так сильно толкать Володю, и я немного переборщил, но я и сам не думал, что такое может случиться. Я же не знал, что он упадёт и разобьёт себе голову. Такое никто не мог предвидеть! Но с другой стороны Володя этого заслуживал.

Он постоянно норовился меня обидеть и задеть и заслужил этого. Нечего было ко мне приставать! Он сам этого добивался! А чего он ещё хотел? Неужели он думал, что я всё время буду такое терпеть?! Это было даже смешно! Но сейчас мне всё равно нужно было ждать маму и, понятное дело, что ей такое не понравится. И я точно знал, что она будет меня за это ругать и морально пытался к этому подготовиться. Уже давно меня родители ни за что не ругали, а теперь

я, можно сказать, ударил одноклассника. Ясное дело, что это серьёзно, и так просто родители это не оставят.

Я тяжело вздохнул и посмотрел на часы. Время как назло медленно шло. Мне уже хотелось поскорее пойти домой, но отпускать меня директор не собирался. Он даже мои объяснения не стал толком слушать. Ему было всё равно на то, что Володя сам меня на это спровоцировал. Он просто сразу самостоятельно решил, что я один виноват, и только меня надо наказывать, но ведь это было не так. Но доказать что-то директору у меня не получилось.

Володю отпустили домой, а меня заперли у директора. И мне было немного обидно от этого, но сделать что-то было не в моих силах. Это было несправедливо, но в мире полно несправедливости, и всем на это было почему-то всё равно. Володю сделали жертвой, а меня преступником. И мне лишь оставалось терпеть такое отношение и ждать прихода мамы.

Я уже хотел в который раз посмотреть на часы, как тут кто-то постучался в дверь.

– Войдите! – сказал директор.

Дверь открылась, и в кабинет прошла моя мама. Я сразу же с облегчением вздохнул, радуясь, что наконец-то смогу вернуться домой. Директор кинул на меня косой взгляд, но ничего говорить мне не стал и сразу перевёл взгляд обратно на маму.

– Здравствуйте! Что случилось? – спросила мама, кинув взгляд на меня и не понимая, почему я сижу в кабинете ди-

ректора и почему её сюда вызвали.

– Здравствуйте. Ваш сын, Максим, из-за чего-то поссорился со своим одноклассником, Володей, и так сильно толкнул его, что тот упал и разбил себе голову, – рассказал директор. – А может быть у него даже сотрясение мозга. Вы понимаете, что поведение вашего сына просто недопустимо в нашей школе?! У нас никто из ребят так себя не ведёт, а ваш сын позволил себе навредить своему однокласснику и, скорее всего, из-за какой-то ерунды. Я мог бы даже исключить вашего сына из школы, но на первый раз прощаю ему это. Но не желаю снова видеть нечто подобное. В следующий раз мне придётся идти на более кардинальные меры. Надеюсь, вы проведёте с вашим сыном беседу, чтобы он больше ничего подобного не делал? Ведь Володя мог ещё сильнее пострадать, и тогда бы вам не поздоровилось. Вам пришлось бы выплачивать компенсацию этому мальчику и всё закончилось бы судом. Но, к счастью, Володя вроде бы в порядке и надеюсь, что так оно и есть. Вы же меня понимаете? Я пытался сам говорить с Максимом, но он не принимает свою вину и обвиняет во всём Володю, хотя это он тут жертва. Ведь это он из-за поступка вашего сына пострадал. Вы поговорите с Максимом? Он мало того, что навредил Володе, так ещё и показал плохой пример всем ребятам. А вдруг кто-то потом решит сделать также из-за поступка Максима? Этого мне ещё не хватало! Я не собираюсь допускать в школе такое поведение. Я вас предупредил и надеюсь, вы меня услышали

и поняли.

– Да, конечно, Игорь Владиславович, – кивнула мама. – Я вас поняла и поговорю с Максимом. Не знаю, что на него нашло, что он решил такое сделать, – она тяжело вздохнула и вновь кинула на меня взгляд.

Я видел, как маме неловко от всей этой ситуации, и мне тоже становилось неловко. Я всё что угодно сделал бы, чтобы не вмешивать в это маму, но это уже было невозможно. Маму уже в это вмешали, и она была вынуждена такое слышать обо мне и краснеть.

Я опустил голову вниз, не желая видеть смущённый взгляд мамы и строгий взгляд директора. От этих взглядов мне становилось даже стыдно. Даже не от того, что сделал, а от этого, что заставил маму слушать такое и также из-за того, что теперь мама, папа, да и все остальные, думали, что я не такой уж и хороший и добрый. А я очень хотел быть хорошим и добрым в глазах других, но теперь походу изменил мнение всех людей обо мне. И это было самым ужасным! Я не хотел, чтобы всё так вышло!

– Если честно, я тоже удивлён поступком Максима, – согласился с мамой Игорь Владиславович. – Он раньше всегда вроде бы был послушным и примерным мальчиком. Я раньше никогда ничего плохого о нём не слышал, а знаю всех хулиганов. Они обычно всегда рано или поздно выдают себя, но Максим... Он меня и всех учителей очень удивил, но всё равно такое делать больше нельзя. Сейчас ему может быть,

всё немного сойдёт с рук, но в следующий раз точно нет. Это я также предупреждаю. Не хотелось бы выгонять из школы Максима. Мы же обойдёмся без этого?!

– Конечно, Игорь Владиславович, – мама слабо улыбнулась. – Спасибо, что дали Максиму шанс. Уверена, что он больше ничего подобного не сделает, и дома мы с его отцом поговорим с ним. Можете в этом не сомневаться!

– Хорошо. Рад, что вы меня понимаете, – довольно кивнул директор. – Очень надеюсь на вас. Можете забирать сына и идти домой. А ты, Максим, – обратился ко мне мужчина, но я даже не поднял на него голову, продолжая смотреть в пол, – больше не делай ничего подобного. Как бы тебя кто ни пытался вывести из себя, делать такое нельзя. А если бы Володя упал неудачно и выбил себе глаз? Тебе ещё повезло, Максим, а ведь могло не повезти.

Я ничего в ответ говорить не стал, продолжая молчать.

– Спасибо вам за всё, Игорь Владиславович, – за меня ответила мама. – Спасибо за то, что дали шанс и за то, что не стали строго относиться к моему сыну. Он, правда, больше ничего подобного не сделает. Спасибо вам. И простите за поведение Максима! Я уверена, что он сам этого не хотел или не ожидал, что так выйдет.

– Конечно, во время разговора с ним у меня сложилось другое мнение, но я принимаю ваши извинения, – улыбнулся директор. – Всё. Не буду вас задерживать. Можешь идти, Максим.

Я поднялся со стула, на котором всё это время сидел и направился к двери. Я вышел из кабинета следом за мамой и, слегка прикрыв дверь, пошёл к раздевалке. Пока я надевал куртку и переобувался, мама молча наблюдала за мной. И это меня очень сильно смущало и беспокоило. Именно молчание мамы я не понимал, и это на меня наводило ужас. Я был уверен, что она сразу же, выйдя из кабинета, начнёт меня отчитывать, но она молчала. И мне ничего не оставалось, как тоже молчать.

Через пару минут мы вместе вышли на улицу. Там я глубоко вздохнул, набирая в лёгкие как можно больше свежего холодного воздуха и пытаюсь успокоиться. Меня ещё слегка будоражило от всего произошедшего, и я не мог отойти от пережитого шока. Но мне надо было срочно успокоиться, ведь меня ждал серьёзный разговор с мамой. Это пока она молчала, но рано или поздно заговорит со мной и я должен был быть готов к этому моменту. Поэтому мне для начала надо было успокоиться, что я пытался сделать.

Погода на улице стояла просто ужасная, но подходила к моему не менее ужасному настроению. Всё небо заволкло тучами, и на улице было темно, как ночью. Казалось, что вот-вот гряхнет гром и пойдёт дождь. Но в принципе меня сейчас не порадовала бы хорошая погода, поэтому было даже хорошо, что сейчас была именно такая погода.

Мама первая спустилась по ступенькам и, обернувшись, посмотрела на меня, ожидая, когда я пойду следом за ней.

Я послушно сделал то же самое, и мы медленно пошли по дороге к воротам. Мама молчала, когда мы выходили через ворота, и молчала, когда мы двинулись в сторону дома. Минут пять мы шли молча, и я даже начинал нервничать и переживать, что мама очень сильно злится на меня. Но вот она наконец-то заговорила:

– Ну, и зачем ты это сделал, Сима? Зачем ты толкнул своего одноклассника? А если бы он, и правда, серьёзно пострадал? Ты тогда не пожалел бы о своём поступке? Сима, нельзя же так делать! Это плохо! Я не знаю, что тебе сделал этот мальчик, но всё равно ты не должен был так толкать его. Он разбил себе голову по твоей вине, и ты едва ли не нарвался на неприятности. Ну, зачем, Симочка? Зачем было такое делать? Что на тебя нашло? Ты же всегда был таким добрым, а сейчас сделал такое.... Сима, ну, скажи, хоть что-нибудь? Зачем ты его толкнул? Что на тебя такое нашло, что ты решил это сделать? Что тебе сделал этот мальчик? – мама внимательно на меня смотрела, ожидая ответа.

– Я не хотел так сильно его толкать, – выдавил я, понимая, что надо хоть что-то сказать, чтобы мама успокоилась. – Это вышло случайно. Я не думал, что так всё выйдет.

– Но это значит, что ты всё равно хотел его толкнуть, – поняла мама. – И зачем? Как тебе пришла в голову мысль толкнуть его? Ты думаешь, что это хорошо? Нет, Сима! Это плохо! Очень плохо! Думаешь, Бог гордится твоим поступком? Ты Его очень сильно расстроил этим. И нас расстроил!

Мало того, что ты попал к директору, так ещё и теперь все будут обсуждать твой поступок. Ты этого добивался, да? Тебе это было так нужно? Сима, ну, пожалуйста, объясни мне, зачем ты это сделал? Что тебе сделал Володя? За что ты так с ним поступил? Я не могу понять причину твоего поступка, пока ты это мне не объяснишь. Сима, ну, пожалуйста! Объясни мне это!

– Он это заслужил, – буркнул я.

– Почему? – удивилась мама. – Что он такое сделал тебе? Сима, почему ты так злишься на него? Я не могу понять, в чём дело. Что с тобой такое? Ты обычно никогда ни с кем не ссорился, а сейчас внезапно разозлился на своего одноклассника и даже толкнул его. Что тебя заставило это сделать? Скажи мне! Ты же мне доверяешь, Сима? Пожалуйста, расскажи мне это. Может быть, тогда я смогу тебя понять.

– Сомневаюсь, – я покачал головой, не желая маме ничего рассказывать. Конечно, обычно я всегда всё рассказывал родителям, и они очень часто меня поддерживали, но сейчас был уверен, что ни мама, ни папа меня не поддержат и лишь наругают за то, что я сорвался на Володю.

– Ты не можешь это знать, и я не могу это знать. Расскажи мне! – стояла на своём она. – Симочка, ну, прошу тебя! Я попробую тебя понять. Только расскажи мне всё!

– Он сам меня провоцировал, – выпалил я. – Он говорил плохое про моих друзей и про нашу Церковь. Я не желал такое слышать про них. Я пытался заставить его замолчать, но

он продолжал болтать, и тогда я его толкнул. Но я не знал, что он упадёт и разобьёт голову. Я просто хотел немного его проучить, но не рассчитал силы. Но всё равно он это заслужил. Он получил по заслугам! Он постоянно ко мне приставал и оскорблял меня. Теперь он больше не будет это делать. Он просто достал меня! Он невыносим! Он плохой человек, ясно?! А меня сделали виноватым, хотя я совсем не виноват. А из этого Володи сделали жертву. Это несправедливо! Я не виноват! Если бы он не приставал ко мне, то такое бы не случилось. Теперь понятно?!

– Сима, – мама тяжело вздохнула и покачала головой. – Ну, как ты так можешь?! Ты же всегда был таким добрым, а сейчас... Сима, мы же недавно про это говорили. Этот мальчик, Володя, итак страдает. Он страдает от этой злости на всех людей, и ему итак тяжело. Ты что этого не понимаешь? Он страдает и пытается эту злость вылить на тебя, ведь ты добрее и лучше его. Но ты решил стать под стать ему и таким способом отомстить ему. Но это неправильно! Да, я понимаю, что такое тяжело терпеть. Тяжело слушать такое про себя и своих близких, но надо просто не обращать внимания на его слова. А ты сорвался! Это плохо и жаль, что ты этого не понимаешь! Мы должны терпеть все эти нападки и не позволять себе злиться на других людей. Ведь сатана именно этого и хочет. Он хочет, чтобы мы сорвались и начали мстить тем, кто пытается нас обидеть. И именно это ты и сделал. Ты сделал именно то, чего хотел сатана. Но спрашивается, зачем

ты это сделал и чего ты этим добился? Мне кажется, что ничего! Ты только показал всем, что ты не такой уж и добрый и что не лучше Володи! Или ты думаешь, что это тебя сделало лучше его?! А вот и нет! Это тебя не сделало лучше его. Вот если бы ты стерпел и ничего не ответил ему, тогда ты был бы лучше его.

– Да я итак долго терпел, – мои губы плотно сжались. – И стоило мне один раз сорваться, как я тут же хуже его? Да почему? Я ничего такого ужасного не сделал! Я просто его толкнул и заставил замолчать. Что в этом такого?!

– Сима, ты сделал именно то, чего всё время добивался сатана через Володю. Ты сорвался! Ты разозлился на него. Ты что сам этого не понимаешь? Я думала, что ты в этом хорошо разбираешься. Ты же такой умненький у нас! Сима, ну, что с тобой такое? Ну, почему этот Володя тебя так раздражает?

– Да он всегда пристаёт ко мне! – я сложил руки на груди. – И постоянно обзывает меня!

– Но он же тебя не бьёт, – мама с укором посмотрела на меня. – Сима, на тебя свалилось лишь небольшое испытание. Многие христиане проходят испытания хуже, чем у тебя. А тебя просто обзывает одноклассник, и ты уже его ненавидишь.

Тебе что даже совсем всё равно на то, что ты расстроил Христа этим поступком? Ты же обычно старался всё делать

так, чтобы Его не расстраивать, а теперь.... Сима, ну, что такое?! Успокойся, пожалуйста, Сима, и подумай о том, что ты очень сильно расстроил этим Бога и нас с папой. Бог этого не хотел бы. Это же ты понимаешь? Сима, ты поступил плохо и не надо думать, что ты не виноват. Не надо говорить, что Володя во всём виноват. Володе, и правда, просто повезло, что он не пострадал сильнее. Сима, не надо больше никогда так делать. Думай, прежде чем хочешь что-то сделать. Просто, прежде чем что-то сделать, подумай, как бы поступил на твоём месте Бог или мы с папой. А мы точно не стали бы так делать! Как и Бог! Он всегда прощал тех, кто Его обижал. И мы должны так же это делать. Ты должен прощать Володю, не смотря ни на что. Ведь так бы поступил Бог. Понимаешь меня, Сима? Ты же понимаешь, что ты поступил плохо и неправильно? И, когда директор жаловался мне на тебя, мне было очень стыдно за тебя. Стыдно за то, что ты не признал свою вину и не попросил прощение. А ведь мы тебя так много учили этому, и вот ты подвёл нас в такой момент и показал себя невоспитанным сыном. Мог хотя бы попросить прощение, но ты упорно стоял на том, что ты прав, хотя это не так. Сима, ну, зачем ты так расстраиваешь нас? Неужели это так трудно признать свою вину и раскаяться в поступке? Ты вроде бы всегда это делал легко, а сейчас не можешь, и это очень грустно. Сима, ну, ты же всегда был таким умницей! Зачем ты сейчас меня расстраиваешь? Ты что специально это сделал, чтобы нам было стыдно за тебя, да?!

Сима, ну, зачем ты так с нами? – мамины глаза наполнились грустью. Я видел, как её глаза наполнялись разочарованием во мне. Ей, и правда, было стыдно за меня и это меня ещё сильнее выводило из себя.

– Классно! – моё выражение лица стало обиженным. – Я всегда поступал хорошо и правильно. Я всегда вас слушался, но стоило мне сделать что-то такое, что вы считаете неправильным, как всё. Вам тут же стало стыдно за меня, и ты разочаровалась во мне. Я же вижу это по твоим глазам. Вижу, как ты смотришь на меня. С разочарованием! Ты даже не пытаешься понять меня. Да уж! Вы хотите, чтобы я просто жил по вашей указке, и не смел, делать что-то против вашей воли. А стоило мне поступить так, как неуютно вам, вы тут же начали меня ругать. А точнее ты начала меня ругать. Ну, спасибо, мам! Я доверился тебе и всё рассказал, и вот она поддержка. А может мне вообще не стоит жить по вашей указке, раз вы не хотите меня поддерживать, когда мне это нужно? Буду жить так, как сам этого хочу, раз вы так ко мне относитесь. Я ничего такого плохого не сделал. Я уже сказал, что это вышло случайно, но тебе всё равно на это. Тебе лишь бы поругать меня! Просто супер! Тебе даже всё равно, что он этого заслужил. Вам всем лишь бы сделать меня виноватым. Одна ошибка, и я уже в ваших глазах плохой! Огромное спасибо, мам!

– Симочка, ты прости, но я, правда, не могу тебя поддержать, – покачала головой мама. – Мне очень хотелось бы, но

я не могу, ведь ты не прав. И не говори, что ты в наших глазах плохой. Я о таком даже не думала и не говорила этого. Это вовсе не так! Я знаю, что ты скоро сам начнёшь жалеть о том, что сделал, поэтому пытаюсь до тебя достучаться, но ты не хочешь меня слушать, продолжая злиться на своего одноклассника. Ты же всегда был таким добрым мальчиком, а сейчас.... Я вообще не могу понять, что на тебя такого нашло, что ты так разозлился. По твоим рассказам я поняла, что он тебе ничего серьёзного не сделал, а ты так с ним поступил.... Это же плохо.

– А может, мне просто надоело быть таким добреньким?! Всё равно это никому не нужно! Все лишь пытаются использовать мою доброту! Даже вы.... Я всегда был добрым, и стоило мне один раз сделать что-то плохое, как вы тут же все налетели на меня. Достали! Я поступил так, как считал нужным. У меня не было другого выбора и всё равно уже ничего не изменить. Но ты, нет бы, попытаться понять меня, сделала меня виноватым. Такого я от тебя, мама, не ожидал!

– Сима, ну, ладно тебе, – попыталась приободрить меня мама. – Не надо обижаться! Я пыталась тебя понять, но это факт, что ты поступил плохо. Да, может быть, ты смог постоять за себя, но мы же христиане и мы не должны так поступать. Мы должны терпеть! Мы не должны вести себя так, как ведут себя другие мирские люди. Именно этим мы и отличаемся от них. Терпением и добротой, что в нас живут. Они же всегда жили в тебе, а сейчас ты изменился. Пожалуйста,

Сима, попробуй оценить ситуацию здраво и понять меня. Не злись, Симочка! Прошу тебя! Попробуй понять, почему я не могу тебя поддержать. Сима, ведь я желаю тебе лишь добра, и сейчас ты не прав и лучше тебе смириться, и просто потом подойти и попросить прощение у своего одноклассника. Тебе же потом самому будет от этого легче! Сима, послушай меня....

– Я не собираюсь извиняться перед ним, – отрезал я, даже не дав договорить маме. – И вообще я больше не хочу про это говорить. Всё равно ты меня даже не слышишь. С меня хватит! – и ускорился, не желая продолжать бесполезный диалог.

– Сима, подожди меня, – догнала меня мама. – Хорошо. Раз ты не хочешь говорить об этом сейчас, то поговорим об этом дома, когда папа придёт. Может, у него получится до тебя достучаться. Хорошо, Сима?

Я же ничего не ответил, продолжая идти. Мы с мамой свернули за угол, и зашли в один из дворов, где сейчас не было ни души. Там стояли лишь одни старые дома, где жили в основном только пожилые люди. Но сейчас даже их не было видно, потому что погода на улице становилась всё хуже и хуже, и даже начинал накрапывать дождик. Понятное дело, что в такую погоду никто не хотел находиться на улице и все разбежались по домам. Лишь мы с мамой были на улице, но уже через пять минут должны были оказаться дома. И мы, как могли, спешили.

Я этот двор всегда недолюбливал, потому что он был таким серым и пустынным, что становилось немного по себе. Мало ли что может здесь случиться, и никто даже помочь не сможет. Пожилые люди ведь плохо слышат и точно не услышат крики или что-то вроде этого. Поэтому я всегда старался этот двор проходить как можно быстрее. Хоть и понимал, что Бог не допустит, чтобы со мной случилось что-то плохое и что Он меня сохранит, но всё равно рисковать никогда не хотел. Ведь нельзя искушать Бога, и лучше от таких мест держаться подальше. Но проходить мимо этого двора всё равно нужно было, и обойти его стороной было невозможно.

Мы медленно шли по этому двору и тут, как будто назло моим волнениям и переживаниям, нам на встречу вышло двое подозрительных мужчин. Они, окинув взглядом двор, сразу направились к нам. Мы с мамой затормозили и переглянулись, не зная, что делать. Мы уже хотели повернуть назад, как увидели идущих сзади нас ещё двоих мужчин, которые походу были с этими незнакомцами, которые всё ещё стремительно к нам приближались. Мы с мамой остановились и шагнули к одному из домов, понимая, что отступить некуда и остаётся лишь подойти к стене, чтобы они не могли напасть на нас сзади.

– Здравствуйте! – улыбнулся нам один из этих мужчин. – Не подкинете нам денег? Нам на пиво не хватает.

– У нас нет денег, – отрезала мама и встала передо мной, видимо, не желая, чтобы пострадал я. Она кинула на меня

взгляд и едва слышно прошептала: – Стой позади меня и, пожалуйста, Сима, не вмешивайся. Я со всем разберусь.

Я молча кивнул, ведь сказать что-то был не в силах. Меня начинало всего трести от страха. Я не понимал, что происходит, но осознавал, что происходит что-то плохое и это меня приводило в ужас. Сейчас я как никогда боялся за свою жизнь и за маму. Я не хотел, чтобы что-то случилось с мамой, и также не хотел, чтобы что-то случилось со мной. Я не хотел умирать! Мне нравилась жизнь, и прощаться с ней мне не хотелось.

Мои руки начали сильно трястись, и я смотрел то на двоих мужчин, которые подходили к нам с одной стороны, то на двоих мужчин, которые подходили к нам с другой стороны. Мысленно я уже начинал молиться, не желая, чтобы случилось что-то плохое с кем-то из нас. И лишь надеялся, что мама поговорит с этими мужчинами, и они не станут нас трогать.

– Вы, видимо, не поняли, – другой незнакомец усмехнулся и остановился прямо перед нами. – Живо гоните сюда деньги! – он полез в карман и достал оттуда пистолет. Тот устрашающе сверкнул, и мужчина направил его прямо на нас.

– Мам... – тихо пробормотал я и уткнулся спиной в стенку. Мне становилось ещё страшнее. В моих глазах стоял нескрываемый ужас. Я никогда прежде не видел пистолет, и теперь он мне казался таким ужасающим, что я не мог спрятать свой страх.

– Пожалуйста, не трогайте нас, – попросила мама и закрыла меня рукой, чтобы эти незнакомцы даже не видели меня. – Вы же видите, что я с ребёнком. У нас нет денег. Все деньги остались дома. Прошу вас отпустите нас! Я говорю правду!

– Давай сюда сумку, – выдал ещё один мужчина.

– Держите, – мама послушно отдала сумку и кинула на меня взгляд. Я видел, что ей тоже страшно, но она старалась держаться ради меня.

– Здесь пусто! – прорычал преступник, который рылся в маминой сумке. Он в злости кинул сумку на землю. – А ну живо говори, где ты прячешь деньги! – он налетел на маму. – Они здесь?! – схватил маму за руку и, подтащив её к себе, начал обыскивать карманы. – Я их всё равно найду. Ты их не сможешь спрятать. Поняла меня?!

– Я говорю правду, – мама попыталась вырваться. – Пожалуйста, пустите меня. У меня ничего нет. Пожалуйста, подумайте хотя бы о моём сыне. Прошу не трогайте меня! Отпустите нас. Вы же проверили мою сумку. У меня ничего нет! У нас ничего нет! Не надо! Необязательно нам вредить. Вам это не нужно!

– Ну, раз вы не можете нам дать денег, то придётся дать что-нибудь другое, – к маме шагнул ещё один мужчина и положил руку ей на плечо. – Или пострадает ваш сынок, – он кивнул на меня, а я лишь ещё сильнее вжался в стенку, с опаской поглядывая то на одного преступника, то на другого. – Вы же этого не хотите?

– Пожалуйста, не трогайте ни его, ни меня, – пыталась успокоить мужчин мама. – Если хотите, мой муж может вам принести денег. Только не надо нас трогать! Прошу вас! Я точно знаю, что вы хорошие люди и не станете нам вредить. Пожалуйста, я...

– Закрой свой рот, – маму сильно ударил самый крупный из преступников, резко подскочив к ней. Мама вскрикнула от боли и едва ли не упала, но её успели подхватить.

– Не трогайте маму! – закричал я и бросился к ней на помощь, не в силах наблюдать, как они причиняют боль маме. Я не мог просто так стоять и ничего не делать. Я должен был хоть что-то предпринять, чтобы помочь маме.

– А ну-ка стой! – меня схватил за плечи мужчина, который был ближе всех ко мне. – Лучше не стоит лезть. И лучше тебе закрыть глаза, а то придётся и тебя ударить.

– Убери от меня свои руки, – я со всей силы укусил незнакомца. Тот, не ожидая такого, зашипел от боли и отпустил меня. Я же бросился к маме. – Мама! Мамочка! – вырвался из моих уст крик.

– Тебе же сказали не лезть! – преградил мне дорогу другой преступник, не давая мне приблизиться к маме.

– Ах ты, сосунок! Иди сюда! – взревел мужчина, который до этого держал меня, видимо, придя в себя.

– Нет, пожалуйста, не трогайте его, – раздался крик мамы. Преступник, который преграждал мне дорогу, толкнул меня. Я покачнулся, но устоял на ногах. Услышав сзади себя

шаги, которые стремительно ко мне приближались, я обернулся и в этот момент кто-то чем-то брызнул мне в лицо.

– Нет! Ты что творишь?! – раздался чей-то крик.

Мои глаза начало сильно жечь, и в тот же миг их пронзила сильнейшая боль, которую я раньше никогда не чувствовал. Я закричал от боли, упал на колени и схватился за лицо, не понимая, что происходит. Но боль не проходила, а становилась лишь сильнее. Я орал, что есть силы, ничего не слыша вокруг.

– Сима! Симочка! – донёсся до меня крик мамы, и я тут же замолчал. – Не трогайте его! Уберите от него свои руки!

– Ах ты, тварь! – услышал я крик одного из мужчин.

Начался какой-то шум, возня, и тут раздался выстрел. Крик мамы, и внезапно всё стихло. Я убрал руки от лица и, хоть мне ещё было больно, открыл глаза. Но ничего не видел перед собой. Перед глазами была сплошная тьма.

– Мама! Мамочка, ты где? – тихо позвал я её. – Мам! Мама! – чуть громче позвал я её, но в ответ была полная тишина. – Мама, пожалуйста, ответь. Мама, я ничего не вижу. Мама! Мама, я не вижу тебя. Мама! Мамуля, прошу! Мамочка! Мам, мне так больно. Мама! – но ответа так и не было. – Боже, пожалуйста! – взмолил я. – Пожалуйста, помоги мне!

Я начал медленно ползти вперёд, не зная, что делать и не понимая, что происходит. Я сильно сжимал зубы, терпя острую боль, и щупал всё, что было передо мной, надеясь, что сейчас найду маму. А также надеялся, что с мамой всё

хорошо, и она просто потеряла сознание. И вот я нашёл маму. Я нащупал её руку и, не смотря на сильную боль, с облегчением вздохнул.

– Мама. Мамочка, – я начал трясти руку мамы, надеясь, что смогу привести её в себя, и она поможет мне. – Мама, пожалуйста, очнись. Мама, прошу тебя! Мама, помоги мне! Мам! Мамуля! Мамочка, пожалуйста! Мама, не бросай меня. Мама, мне так страшно. Мама, – я нащупал мамино лицо, её волосы. Я её не видел, но это не помешало мне погладить маму по её шелковистым нежным волосам. Я провёл своей рукой по руке мамы и опять начал её трясти. По моим глазам потекли слёзы. Мне было очень страшно и больно! Мне казалось, что я совсем один, а я никогда раньше этого не чувствовал. Я, как мог, тряс маму за руку, плечи, но ничего не помогало. Мама не приходила в себя и даже не двигалась. Я положил руку маме на живот и нащупал что-то мокрое и тёплое. – Мам.... – прошептал из последних сил и упал на землю рядом с ней. Мне казалось, что я умираю. Перед моими глазами стояла лишь одна тьма и ничего кроме неё.... – Боже, прошу тебя! Я не хочу умирать... – вырвалось из моих уст, и я потерял сознание.

Глава 5 «Новая жизнь... погруженная во мрак»

Вдалеке я слышал чьи-то незнакомые голоса и какой-то грохот. Мне было страшно открывать глаза, потому что боялся, что всё то, что случилось со мной и мамой правда и, когда я открою глаза – это всё подтвердится. А я хотел, чтобы всё было хорошо, и в моей душе была надежда, что всё то, что произошло, был лишь страшный сон и всё на самом деле хорошо. Поэтому продолжал лежать на чём-то мягком, стараясь не двигаться и старательно прислушиваясь ко всем звукам.

Одной рукой я щупал покрывало, на котором лежал, а второй рукой трогал одеяло, которым был накрыт. Одновременно слушая голоса и звуки, которые были где-то далеко, прислушивался к своим ощущениям. Мои глаза больше ничего не жгло, но ощущения всё равно были какие-то странные. Я был словно в какой-то прострации. Я чувствовал себя каким-то уставшим. Будто бы из меня выжали все соки.

Кто-то где-то далеко продолжал разговаривать, но так как эти люди были слишком далеко, я не мог понять ни слова. Пару минут продолжал лежать, пытаюсь понять хоть что-то, а потом понял, что проще самому открыть глаза и выяснить, где я и что происходит вокруг меня. И, недолго думая, от-

крыл глаза. Но стоило мне это сделать, как я увидел перед своими глазами лишь сплошную тьму. Я ничего не видел! Только сплошная чернота. У меня тут же началась паника.

Я вмиг сел на кровати и дотронулся до своего лица. На моих глазах была какая-то повязка. Это было ещё страннее. Я предпринял попытку её снять, чтобы хоть что-то увидеть и понять где нахожусь, но повязка была надёжно зафиксирована. Мне ничего не оставалось, как сдаться и успокоиться.

Глубоко вздохнув, я удобнее уселся на кровати, продолжая прислушиваться ко всем звукам. Я должен был понять, где нахожусь, но это у меня плохо получалось. Я помнил, что был с мамой, и мне было плохо, как походу и маме, а потом потерял сознание. Вполне возможно я был в больнице, но я в этом был не особо уверен, но, скорее всего, это было именно так. Но тогда где мама и почему она не со мной? Конечно, вполне возможно, что ей было хуже, чем мне, но я надеялся, что с ней всё в порядке, и скоро с ней встречусь.

А пока мне оставалось лишь только ждать, пока кто-нибудь придёт ко мне. И чем дольше я так сидел на кровати, тем сильнее убеждался, что точно нахожусь в больнице. Я начинал улавливать запах лекарств и, кажется, даже слышал, как поварики гремели своими кастрюлями. Я пару раз лежал в больнице и мог легко узнать этот звук. Но сейчас этот звук мне ничего не давал. Есть я не хотел. Я лишь хотел с кем-нибудь поговорить и узнать, как мама и где она. А также попросить хоть кого-нибудь снять с меня повязку, потому что

мне было невыносимо сидеть, глядя в черноту. Сейчас мне даже та ссора с мамой была неважна. Самое главное, чтобы всё было хорошо, а остальное было неважно.

Я сидел так на кровати ещё пару минут, вслушиваясь в громкий гул, голоса, шаги и ничего не понимая, но старался глубоко дышать и держать себя в руках. Но мне было очень трудно это сделать. В моей душе с каждой минутой всё больше и больше нарастала паника, и я уже не знал куда деваться и что делать.

И вот наконец-то скрипнула дверь, что означало, что кто-то ко мне зашёл. Я сразу напрягся и услышал шаги, которые медленно ко мне приближались. Возле кровати, на которой я сидел, этот человек остановился, и я повернул к нему голову, пытаясь понять, кто это. И вот этот человек опустил-ся рядом со мной на кровать и тяжело вздохнул. И по такому тяжёлому вздоху я понял, что это папа, и мне сразу стало легче. Все переживания и страхи мгновенно испарились. Папа был рядом, и мне уже было спокойнее.

– Привет, Макси, – как-то грустно проговорил он и приобнял меня за плечи. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – пожал я плечами. – Пап, мы в больнице же, так ведь?

– Да. Ты точно в порядке, сынок?

– Конечно, – подтвердил я. – Только ты можешь, пожалуйста, снять эту повязку с глаз, а то я не вижу ни тебя, ни что-то ещё. Это как-то не очень удобно. Сними, пожалуйста,

а то у меня не получается.

– Макси, её пока нельзя снимать, – покачал головой папа и снова вздохнул. – И... – он запнулся, не решаясь мне что-то сказать. Это меня сразу заставило немного напрячься. – Не волнуйся! Всё будет хорошо! Ты сейчас самое главное не переживай. Тебе нельзя волноваться.

– А в чём дело? – не понимал я. – Почему нельзя снимать эту повязку? Я же в ней ничего не вижу. Пап, в чём дело? Что не так? Она мне мешает. Сними её, пожалуйста!

– Пожалуйста, не волнуйся, Макси, – папа крепче сжал мои плечи и немного прижал меня к себе. – Всё будет хорошо! Я тебе это обещаю! Я позабочусь о тебе, и всё будет в порядке. Я тебя не брошу!

– Но я всё равно ничего не вижу, – не собирался я успокаиваться. Мне не терпелось избавиться от повязки. – Может, позовёшь врача, и он её снимет?

– Макси, я так люблю тебя! – внезапно выпалил папа и обнял меня.

– Я тоже тебя люблю, пап, – с неким удивлением в голосе сказал я и тоже обнял его. – Что с тобой такое? Может, всё-таки скажешь мне, что не так? Я же чувствую по твоему голосу, что что-то не так. Скажи, пожалуйста. Пап, я прошу тебя!

– Я просто очень переживал за тебя, – выдал папа. – Когда мне позвонили и рассказали, что случилось.... Я очень испугался и сразу приехал сюда. Вас нашла полиция.... Да-

же они не знают, сколько ты пробыл без сознания. Макси, я так переживал за тебя, – он сильно сжал меня в своих объятиях. – Боялся, что могу тебя потерять!

– А как мама? – решился я всё-таки поинтересоваться. Мне очень хотелось знать, как мама себя чувствует. – Она же в порядке, да? Ты у неё уже был? Я скоро с ней встречусь?

– Я... – папа внезапно замолчал, опять боясь мне что-то сказать. – Она... Дело в том, что она...

– Папа, что такое? – я разорвал объятия и немного отодвинулся от него, боясь услышать что-то страшное о маме. Я хотел, чтобы мама была в порядке. – Папа, что с мамой?! Пожалуйста, только не говори, что с ней что-то не так. Папа, прошу, скажи, что она в порядке, – в моих мыслях уже кроилась страшная догадка, но я хотел, чтобы это было не так. Папа что-то боялся мне сказать, но что?! – Пап, она же вовсе не?...

– Да, – с трудом выдавил тот. – Её больше нет, – голос папы предательски задрожал, выдавая его состояние. – Её очень сильно ранили, и она... не выжила... Её не успели спасти. Она потеряла слишком много крови к приезду полиции и... Макси, сыночек, мамы больше нет...

– Нет! – я не желал в это верить. На мои глаза наворачивались слёзы. Руки начинали сильно трястись, а в голове всё путалось. Мне казалось, что папа меня разыгрывает. Не могло быть такого! Мама должна была быть в порядке. Она не могла умереть! Этого просто не может быть! Бог же не мог

такого допустить. Он не мог меня лишить мамы. Я не желал её терять! – Пожалуйста, нет! Только не это! Пожалуйста, скажи, что это неправда. Прошу тебя, пап. Только не мама. Она не может.... Я ведь.... Пап, пожалуйста! – меня начало всего трясти, и из глаз хлынули слёзы.

– Иди ко мне, – папа прижал меня к себе и начал успокаивающе гладить по голове.

Я же начал просто рыдать, всё ещё не веря в то, что больше не увижу маму, не услышу её доброго и ласкового голоса и больше не почувствую прикосновения её рук. Мне казалось, что всё это страшный сон, и сейчас я вот-вот проснусь, но сон всё продолжался и продолжался, а я никак не просыпался. Я не хотел верить в то, что всё это происходит реально. Мамы больше нет! Это просто не может быть!

– Нет! Нет! Нет! – в истерике закричал я и начал вырываться из рук папы. – Ты врёшь! Этого не может быть! Это неправда!

– Тихо, Макси, тихо, – не отпускал меня папа. – Всё будет хорошо! Успокойся! Тихо! Я рядом и всё будет в порядке.

– Нет! Нет! Пусти! – я продолжал упорно вырываться.

– Держите его. Я вколою успокоительное, – раздался чей-то голос совсем рядом.

– Нет! – лишь выкрикнул я и тут почувствовал, что мне в плечо что-то вкололи. – Нет, – уже слабее и тише крикнул.

– Ложись, Макси. Тебе надо поспать. Всё будет в порядке, – папа аккуратно уложил меня в кровать и погладил по

голове. – Тебе надо успокоиться. Я тебя не брошу и буду рядом. Всегда!

Мои крики сменились тихими всхлипываниями. Мои глаза начали сами собой закрываться. Пару секунд я боролся со сном и, не удержавшись, закрыл глаза и погрузился в царство Морфея.

Проснувшись, первое, что я услышал, это чьё-то дыхание неподалеку. Мне даже не надо было гадать, чтобы понять, что это папа. Он точно не смог бы меня оставить, особенно после того, что случилось с мамой. К тому же папа мне обещал быть рядом, а он всегда сдерживал свои обещания. И не стал бы меня бросать в таком состоянии. Ведь папа понимал, что мне сейчас плохо, и он был мне нужен. Конечно, и папе было достаточно плохо, но я очень сильно нуждался в поддержке.

Вспомнив наш с папой недавний разговор и свою истерику, а также вспомнив то, что мамы больше нет, я почувствовал, как мои глаза наполняются слезами. Но опять впадать в истерику не хотел. Я глубоко вздохнул, пытаюсь успокоиться. Мне до сих пор не хотелось верить в то, что мама умерла. Это звучало нереалистично! Может быть это, и правда, был всего лишь сон, и теперь я проснулся по-настоящему? Я должен был в этом убедиться!

– Макси, ты как? – раздался голос папы сбоку от меня, и он дотронулся до моего плеча.

– Не знаю, – неопределённо пожал я плечами. Я, правда, не знал, как я. Вроде я себя чувствовал нормально, а вроде бы у меня была такая усталость, и мне было так тяжело, что хотелось кричать. А чернота, которая всё ещё была перед моими глазами, всё усугубляла. Я не мог ничего увидеть через повязку. И просто не мог понять плохо мне или нет. – Пап, а мама ведь... – я запнулся, не решившись полностью задать вопрос. Я не мог это сказать вслух, но в моей душе всё ещё была надежда, что мама жива и в порядке.

– Да, – тихо сказал папа, и мне сразу же стало ясно, что это всё был не сон, а реальность. Мамы, правда, больше не было!

Моё сердце сжалось от боли, которая охватила всю мою душу. Мне хотелось опять заплакать, но я собрал все свои силы и сдержался, не желая вновь впадать в истерику. Я должен был держать себя в руках ради папы, которому тоже было тяжело. А я точно знал, что папе не легче, чем мне, но ведь он держался. И я должен был держаться. Должен был держаться, как только мог. Но грусть и тоску на лице я спрятать не мог, и по моему выражению лица было прекрасно видно, что мне очень грустно.

Больше ничего говорить я не стал и просто лежал на кровати, не двигаясь и всматриваясь в темноту. Я прислушивался к каждому шороху и грохоту, не зная, что делать. Я не знал, сколько сейчас времени и день сейчас или ночь и даже не мог встать с кровати. А даже если бы встал с кровати, я же ничего не видел. Куда я мог бы пойти, ничего не видя?!

Никуда!

И мне оставалось просто лежать на кровати, думая лишь о том, что мамы больше нет. Больше ни о чём я думать сейчас был не в силах. Мои мысли были лишь о маме, которой я даже не успел сказать, как люблю её. А последний наш разговор был больше похож на ссору. Но самое ужасное было то, что, если бы я не толкнул Володю, мама не пошла бы за мной и ничего подобного не произошло бы. А значит, я был виноват в произошедшем.

От этих тяжёлых мыслей мне ещё сильнее захотелось плакать, но я крепко сжал кулаки и сдержался. Мысленно я спрашивал Бога, за что Он это допустил и почему отобрал у меня маму, но в ответ была лишь тишина, которая сильно давила на меня. Тишина и темнота – всё, что сейчас окружало меня! И это меня сводило с ума. Мне казалось, что я падаю в какую-то бездну, и конца этой бездны не было видно.

Тут я почувствовал папину руку, которая погладила меня по голове. Я снова вздохнул. От прикосновения папы мне стало немного лучше, но лишь совсем немного. Страх перед темнотой, которая царила вокруг меня, и боль никуда не делись. Они всё также остались со мной. Моя душа наполнялась пустотой. Сердце всё также сжималось от боли. Но теперь я хотя бы чувствовал, что не один. Папа был рядом, и я точно знал, что он не оставит меня. И сейчас как никогда был рад папе и не хотел, чтобы он уходил.

– Макси, ты... – только начал папа, как тут скрипнула

дверь, сообщая, что кто-то к нам зашёл. Папа сразу же замолчал, а я повернул голову на звук.

– Здравствуйте! – раздался незнакомый мужской голос. – Я – Константин Викторович, лечащий врач вашего сына. Я только что освободился и решил заглянуть к мальчику. Как он себя чувствует?

– Вроде нормально, – неуверенно ответил папа. – Он уже проснулся. Можете сами у него спросить, если хотите.

– Хорошо, – Константин Викторович подошёл поближе к кровати, на которой я лежал. Я опять повернул к нему голову. Конечно, я его не видел, но хотел, чтобы хотя бы врач мог видеть моё лицо. – Привет, Максим, – заговорил тот со мной.

– Здравствуйте, – поздоровался я.

– Ну, как ты? Как ты себя чувствуешь? Ничего не болит? – поинтересовался мужчина.

– Вроде нет, – как-то задумчиво ответил я, старательно прислушиваясь к своим ощущениям. У меня, и правда, ничего не болело.

– Это хорошо, – по голосу врача было слышно, что он доволен. – Тогда можно я тебя осмотрю?

– Конечно, – не стал отказывать я.

– Сядь, пожалуйста, – попросил Константин Викторович.

Я послушно сел на кровати и пододвинулся поближе к краю. Врач же подошёл ещё ближе ко мне и начал меня осматривать. Пару минут он то трогал моё лицо, то слушал моё дыхание, то просто меня осматривал, а потом отступил

от меня на один шаг и выдал:

– Думаю можно уже снимать повязку.

– Вы думаете, что уже пора? – в голосе папы я услышал волнение. – Может, ещё рано? Может, ещё немного подождать?

– Больше не имеет смысла ждать, – твёрдо сказал Константин Викторович. – Пора снимать. Какой смысл долго тянуть? Всё равно ему придётся это узнать. Лучше уж сделать это сейчас, чем долго тянуть. Пора. Скажете это сами или мне рассказать?

– Я... Я даже не знаю, – промямлил папа.

– Он должен это знать, – стоял на своём врач. – Надо сказать!

– Что сказать? – ничего не понимал я. – Что я должен знать?

– Макси, – как можно медленнее и ласковее начал папа, заставив меня сильно напрячься, – дело в том, что, когда на вас напали и в тебя брызнули химией... Ну, ты, наверное, это почувствовал... Твои глаза серьёзно пострадали! Мы не знаем, что это было, но ты получил сильный химический ожог. Врачи делали всё возможное, чтобы ты сильно не пострадал, но... зрение восстановить не получилось. И ты... Ты...

– Я больше никогда не смогу видеть? – тихо спросил я, поняв, что боится сказать мне папа. Только это он мог бояться мне сказать.

– Да, – за место папы ответил доктор.

Я лишь молча опустил голову, не ожидая такое услышать.

Это было просто ужасно!

– Макси, ты в порядке? – полюбопытствовал папа, и я почувствовал его взгляд. Он старательно вглядывался в моё лицо, видимо, пытаясь понять, насколько сильно я переживаю.

Я лишь молча кивнул. Мой язык словно онемел, и я не мог сказать ни слова. К тому же я чувствовал, что, если заговорю, то тут же расплачусь. Поэтому было лучше молчать.

– Ладно. Давай я сниму повязку, – решительно сказал врач и снова подошёл ко мне.

Я поднял голову, и Константин Викторович начал медленно и аккуратно снимать с моих глаз повязку. И вот наконец-то она была снята.

– Ну, что? – не отходил от меня мужчина. – Как ты теперь себя чувствуешь?

Я, ничего не отвечая, начал поворачивать голову из стороны в сторону. Я ничего не видел! Перед моими глазами была лишь одна чернота и ничего кроме неё. Даже не было никакого просвета, чтобы понять, где окно. Я не видел ничего! По моим щекам потекли две слезинки, которые я не смог сдержать. Осознание того, что теперь я ещё и слепой, ударило по мне очень сильно.

Папа же быстренько убрал с моих щёк капельки слёз и приобнял меня за плечи, надеясь, что так сможет поддержать и успокоить.

– Я пока оставлю вас, – врач поспешил покинуть палату, оставив меня и папу наедине.

Папа ещё крепче приобнял меня и погладил по голове. Но я даже не обратил на это внимания. Я понимал, что больше никогда не смогу увидеть папу, не смогу увидеть солнце, рассвет и закат.... Я даже не увижу больше Володю, который мне всегда так не нравился. И от этого приходил в ужас. Теперь вся моя жизнь погружалась во мрак, и изменить что-то я был не в силах. Отныне я был вынужден проживать свою жизнь вслепую, не видя этого прекрасного мира, который так любил.

– Макси, тебе надо поесть, – сказал мне папа, держа в руках тарелку с супом, который дали в этой больнице на обед. – Тебе нужны силы.

– Я не голоден, – отвернул я голову в сторону. У меня, и правда, не было аппетита, и мне кусок в горло не лез. Тем более у меня не было желания есть больничную еду, которую я не любил.

– Ну, Макси... – продолжал меня уговаривать папа.

Я же лишь покачал головой и немного отодвинулся, сидя на своей больничной кровати, от которой меня уже просто тошнило. Меня тошнило от всего вокруг. Мало того, что мне было скучно и совсем нечем заняться, так ещё я был вынужден едва ли не целыми днями сидеть на этой кровати. А что мне ещё оставалось?

Да, я иногда ходил в туалет, но на этом всё и заканчивалось. Больше я никуда ходить не мог, разве что только с папой, но он тоже не мог сидеть со мной целыми днями. А сам я ничего не видел и не мог чем-то заниматься или хотя бы ходить по коридору. Я итак ходил, пробираясь на ощупь, чтобы ни во что не врезаться и ни в кого не врезаться.

Так что я был вынужден сходить с ума от скуки на своей больничной кровати, совсем ничего не делая. Я мог только слушать музыку и всё, но у меня даже не было настроения, чтобы слушать её. Я слушал музыку лишь только тогда, когда мне становилось совсем скучно. Но сейчас хотя бы рядом со мной был папа, и я мог с ним поговорить. Только он решил зачем-то понадоедать мне с едой, которую я совсем не хотел.

– Ладно, – сдался наконец-то папа и поставил куда-то тарелку. – Может, попозже захочешь.

Не удержавшись, я фыркнул, уверенный в том, что не захочу потом этот суп. Но говорить ничего не стал. Папа всё это время, что я лежу в больнице, постоянно меня уговаривал поесть и сейчас точно от меня не отстанет и через какое-то время продолжит уговаривать. Не имело смысла ему говорить, что я точно не буду есть. Конечно же, я ел, но совсем немного. И сейчас мне ничего не хотелось. Я был не голоден! Я достаточно хорошо позавтракал, и теперь мне не хотелось есть. Тем более этот суп.

– Как ты тут вообще, Макси? – поинтересовался папа. – Держишься? Прости, что я не могу быть с тобой целыми дня-

ми. Я был бы рад, но всё-таки у меня ещё и работа.

– Ничего, пап, – покачал я головой. – Я всё понимаю. Это не страшно!

– Надеюсь, это, и правда, так, – как-то неуверенно проговорил папа и, взяв мою ладонь в свою ладонь, слегка сжал её. – Потому что я очень переживаю за тебя. Мне даже не понять, как тебе сейчас тяжело.

– Я в порядке, пап, – сказал я как можно твёрже, ведь не хотел, чтобы папа так сильно переживал за меня. – Можешь не переживать.

– Я же понимаю, Макси, что это не так, – голос папы стал грустным. – И я даже не стану тебя за это осуждать. Ты имеешь на это полное право. На тебя так много свалилось за эти дни и... Ты просто знай, что я рядом, и я тебя не брошу! У тебя всё ещё есть я!

– Конечно, пап, – из моей груди вырвался тяжёлый вздох.

– Хорошо, – папа погладил меня по плечу, и по звуку я понял, что он встал. – Тогда, может быть, сейчас тебе станет чуть лучше. Тут кое-кто хочет тебя увидеть.

– Кто? – сразу встрепенулся я. Ко мне ещё никто кроме папы в больницу не приходил за это время. Конечно, с одной стороны мне этого не хотелось, ведь я всё равно никого не увижу, но с другой стороны мне хотелось, чтобы хоть кто-то меня навещал и приходил ко мне. И тот факт, что всё же кто-то пришёл ко мне, заставил меня приподняться на кровати. Мне было очень интересно кто же это.

– Сейчас поймёшь, – как-то загадочно проговорил папа, и раздался скрип двери, а через секунду чьи-то шаги.

По шагам я понял, что человек не один, но так и не смог понять кто это. И лишь напрягся и старательно вслушивался во все звуки, пытаясь понять, кто же всё-таки пришёл ко мне. А мои гости тем временем уже подошли к кровати, и я слышал их дыхание совсем рядом.

– Симочка, привет, – внезапно раздался знакомый голос, и я сразу же понял кто это.

– Бабушка! – воскликнул я, и в моём голосе были слышны нотки радости. Как бы мне не было сейчас тяжело и грустно, я был рад, что ко мне пришла бабушка. Мы с ней уже давно не виделись и, хоть я сейчас её тоже не мог видеть, но всё равно был рад её присутствию. – Привет! Я очень рад тебе. Ты пришла меня проведать?

– Я не могла не прийти к своему любимому внуку, – я очутился в её нежных объятиях. От неё так приятно пахло, что я тут же в ответ прижался к бабушке. В её объятиях было очень уютно, а от самой бабушки пахло чем-то сладким, что навевало мысли о вкусных пирогах, которые я всегда так любил кушать, когда либо мы приезжали к бабушке, либо она приезжала к нам. – Я обязана была навестить тебя и узнать как ты!

– И я тоже пришёл к тебе, – услышал я голос дяди Саши и почувствовал его руку на своём плече. – Как ты себя чувствуешь? Ничего не болит?

– Вроде нормально, – пожал я плечами. Мы с бабушкой разорвали объятия, и она уселась рядом со мной на кровать. – Спасибо, что пришли. Я очень рад, что вы здесь.

– Мы очень хотели прийти ещё раньше, но твой папа попросил нас немного подождать, – выдал дядя Саша. – Верно, Коля?

– Ему нужно было немного освоиться и прийти в себя, – сказал в ответ тот. – Ему было очень тяжело, когда он... всё это узнал.

– Ну, это итак понятно. Любому будет тяжело узнать подобное. И любому будет тяжело ничего не видеть. Но самое главное, что ты не один, Максим, – дядя Саша сел рядом со мной с другой стороны и приобнял меня за плечи. – У тебя есть все мы! Ты не одинок!

Я лишь слабо улыбнулся, но в ответ ничего говорить не стал.

– Не поверишь, но пару минут назад я сказал ему то же самое, – сообщил папа.

– Но ведь это правда, – дядя Саша легонько похлопал меня по спине. – Некоторые в такой ситуации оказываются в одиночестве, а ты не один. У тебя есть все мы!

– И в особенности я, – присоединилась бабушка. – Внучок, что-то ты как-то похудел или мне кажется?

– Да, он стал плохо питаться, – сдал меня папа. – Почти не ест.

– Это плохо, – в голосе бабушки был слышен укор. – Ку-

шать всё равно надо. Силы же тебе нужны! Ты же хочешь поскорее вернуться домой?

– Конечно, хочу, – не стал я отрицать.

– Тогда надо больше есть, – дала наставление бабушка.

– Да не нравится мне, чем здесь кормят, – пожаловался я. – Невкусно!

– Полностью с тобой согласен, племянник! – поддержал меня дядя. – Я тоже всегда ненавидел больничную еду.

– А по мне нормально, – не согласился с нами папа. – Что вы такие привередливые? Нормальная еда!

– Но я знаю, какой можно найти выход из этой ситуации, – не дала бабушка нам начать спорить.

– Какой же выход? – стало интересно папе.

– Я напекла Симочке пирожков, – изрекла она. – Там есть и пирожки с мясом, и с капустой, и с картошкой, и даже с грибами. Так что сейчас Симочка поест и не будет голодным.

– Вечно ты его балуешь, – не порадовало это папу. – Надо же есть нормальную еду, а не пирожки.

– Ему можно и пирожки, – отрезала бабушка. – Ему всё можно! Понятно?! Саша, подай мне ту сумку.

Зашуршал какой-то пакет. Видимо, это бабушка полезла за пирожками. А у меня же, стоило мне только подумать о бабушкиных пирожках, вмиг проснулся аппетит. И проснулся сильный аппетит. Мне очень захотелось есть. Рядом с бабушкой и дядей мне стало чуть легче, и даже плохие мысли отошли куда-то в сторону. Даже чернота перед глазами не

казалось такой ужасной рядом с близкими людьми.

– Какой пирожок хочешь? – спросила у меня бабушка. – С мясом?

– Давай лучше с капустой, – я быстро решил. Я любил пирожки с капустой и мог их есть сколько угодно. Конечно, и остальные любил, но нигде не было таких вкусных пирожков с капустой, как у бабушки. Они мне казались какими-то особенными.

– Вот. Бери, – она вложила мне в руку пирожок с капустой. – Кушай!

– А я, если честно, тоже не отказался бы от одного пирожка, – неуверенно проговорил дядя Саша.

– А ты обойдёшься! – слегка прикрикнула бабушка, и раздался звук удара. Видимо, дядя потянулся к пакету с пирожками, а бабушка ударила его по рукам, чтобы он не смел их трогать. – Я их приготовила Симочке. У тебя есть дома еда и не надо прибедняться. А вот Симочке надо есть.

– Ну, ладно, ладно, – не стал настаивать тот.

Я же с удовольствием поглощал пирожок с капустой. Мне даже не надо было видеть, чтобы понять, что все на меня смотрят. Я просто чувствовал их взгляды и понимал это по наступившей тишине. Но старался не обращать на это внимания. Они все за меня переживали и хотели, чтобы у меня всё было хорошо. Никто не хотел, чтобы я страдал и мучился, но избавить меня от этого было не в их силах.

Когда я съел пирожок, папа заговорил:

– Ну, что наелся? Может, пить хочешь?

– Нет, спасибо, – покачал я головой. – Дядь Саш, а как у тебя дела? – полюбопытствовал, повернув голову в ту сторону, где, наверное, стоял дядя. – А то вы все только и делаете, что спрашиваете это у меня. Лучше сам расскажи, как у тебя дела.

– У меня всё хорошо, – голос дяди раздался с другой стороны, и я сразу же поспешил повернуть голову в эту сторону. – И мы все спрашиваем это у тебя, так как волнуемся за тебя. У нас-то всё нормально! И мы хотим, чтобы и у тебя всё наладилось.

– Было бы хорошо, – я не смог сдержать вздоха, снова поняв, что никогда ничего не наладится, ведь я всегда буду слепым. – Но это невозможно. Зрение не вернуть.

– Но и так можно жить. Тебе надо лишь освоиться, – твёрдо сказал дядя Саша. – Люди ко всему могут приспособиться. И ты сможешь! У тебя всё будет хорошо!

– Сомневаюсь... – не убедил меня дядя. Я отвернул голову в сторону, не желая, чтобы они смотрели в мои глаза. Я мог бы их закрыть, и это ничего бы не изменило для меня, но это было бы как-то неприлично по отношению к родным. Поэтому мне оставалось только отвернуться в сторону.

– Как-то ты настроен негативно. Максим, не надо себя так сразу настраивать. Самое главное, что ты жив и...

– А мама нет, – буркнул я.

– Так давайте лучше закончим с этой темой, – решитель-

но вмешалась бабушка. – Мальчику итак сейчас тяжело, а ты его мучаешь этими разговорами. Такие разговоры подождут! Можно об этом с ним разговаривать, когда он будет хоть немного к этому готов.

– Да я просто пытался помочь, – смутился дядя Саша. – Ладно. Как скажешь, мам. Ты не обижайся на меня, Максим, – он положил руку мне на плечо. – Прости меня, если я расстроил тебя и заставил вспомнить плохое. Я этого не хотел!

– Ты тут не при чём, – успокоил я дядю, повернув к нему голову. – Это не твоя вина!

– Так лучше давай поговорим о чём-нибудь другом, – решила бабушка. – Хочешь, я расскажу о том, что натворила моя кошка – Нюся?

– Давай, – не стал я отказываться.

Бабушка начала рассказывать, а дядя Саша подошёл поближе к моему папе и тихо, видимо, не желая, чтобы я услышал, попросил:

– Мы можем выйти? Мне надо с тобой поговорить.

– Конечно, – согласился папа, и они вместе покинули палату.

Как только за ними закрылась дверь, я вернулся к бабушкиному рассказу о Нюсе. Рассказ, и правда, был смешным, но я сейчас смеяться не мог. Но бабушка и не стала этого требовать и продолжила рассказывать историю за историей. И чем больше историй она рассказывала, тем сильнее мне хо-

телось своего домашнего питомца. Мне всегда их хотелось, но родители не разрешали, и сейчас я точно не стал бы никого просить у папы. К тому же я теперь просто не мог ухаживать за домашним питомцем. Мне сейчас нужно было хотя бы за собой как-нибудь научиться ухаживать. О животном было даже думать глупо. И мне лишь оставалось слушать бабушкины рассказы и пытаться себе всё это представить.

Пробыли у меня бабушка и дядя Саша около часа. Я долго общался с бабушкой и слушал её рассказы, а потом к нам присоединились папа и дядя Саша, которые, видимо, поговорили. После их возвращения мы проговорили ещё минут пятнадцать. Я успел съесть ещё два пирожка, и мне даже снова стало немного легче. Всё плохое опять начало забываться и уходить. Я смог расслабиться и просто пообщаться. Но, как бы мне не хотелось, чтобы бабушка и дядя Саша уходили, настало время, когда они поняли, что им пора ехать домой.

И мне ничего не оставалось, как попрощаться и отпустить их. Я обнялся с каждым из них по очереди, не желая их отпускать, и только после этого они ушли. В палате вновь наступила тишина, которая заставила меня погрузиться в свои мысли на этот раз не такие уж и плохие.

А думал я о недавно ушедших родных. Бабушку я просто обожал и всегда любил с ней проводить время. Она меня часто чем-то угощала и даже сейчас не смогла прийти с пустыми руками. И ещё бабушка меня очень сильно любила и, если были какие-то спорные вопросы, всегда меня поддержи-

вала. Ну, кто не любит бабушек? Мне кажется, их все любят и всем приятно с ними проводить время.

А бабушки любят слушать, как мы живём, и хотят, чтобы у нас всё было хорошо. Они готовы нам свои последние деньги отдать, чтобы только нас порадовать. И моя бабушка была такой же. Конечно, сейчас она не могла меня осчастливить, но на немного порадовать меня смогла, и это уже было хорошо. Она смогла хоть чуть-чуть развеять мои грустные мысли и помогла мне расслабиться. А мне это было очень нужно. Сам я расслабиться не мог, а у папы это не особо получалось, но мне было достаточно одного его присутствия. Ну, а дядя Саша....

С дядей мы практически всегда общались на равных. Он был мне как друг. Я мог ему всё, что угодно, рассказать и был уверен, что тот не передаст это папе. А дядя давал мне всегда умные советы или просто поддерживал меня. Я мог спокойно поговорить с ним по душам, но часто видеться с ним мы не могли. Раньше мы общались каждые выходные, а иногда он приезжал к нам и в будние дни, а также мы с ним встречались в воскресенье на собрании. Но потом дядя перестал ходить в Церковь и сменил работу.

Теперь он очень много работает, и мы редко с ним видимся. В основном мы общались по телефону. Переписывались в различных мессенджерах или просто писали друг другу сообщения, а также периодически созванивались. Но, как теперь будем общаться, я не знаю. Я вообще не представлял,

что и как будет дальше. Будущее как никогда пугало меня, и я понятия не имел, что меня ждёт дальше.

Я опять незаметно для себя начал погружаться в плохие мысли. Папа как назло молчал и ничего мне не говорил, а мне же, чем больше я погружался в плохие мысли, становилось всё страшнее и страшнее.

Тут раздался стук в дверь, который мгновенно привёл меня в себя и заставил отвлечься от плохих мыслей. Папа поднялся на ноги. Это я понял по скрипу стула, на котором он сидел. Его шаги сообщили мне о том, что он подошёл к двери. И вот раздался скрип двери. Я услышал чей-то шёпот, но понять, кто это, у меня не вышло, как бы не старался. Я тут же напрягся.

– Думаю, он захочет с вами пообщаться, – услышал я голос папы. – Мне кажется, он вам обрадуется. Давайте попробуем! Проходите.

До меня донёсся топот ног. В мою палату прошёл не один человек, а человека три точно, если не больше. Это меня удивило ещё больше. Неужели так много человек хочет меня увидеть? И самое главное, кто это? Пока понять это я не мог и замер на месте, ожидая, когда кто-нибудь заговорит.

– Макси, тут ещё кое-кто пришёл тебя проведать, – сообщил мне папа.

– Кто? – лишь спросил я.

– Твои друзья, – по голосу папы я понял, что он улыбается.

– Привет, Максим, – раздался голос Артёма.

– Ты как? – следом раздался голос Пети.

– Мы очень переживали за тебя, – проговорил Денис.

– И мы очень рады тебя видеть, – вторил ребятам Виталик.

– Все мы! – сказали одновременно Ева и Арина.

Я же замер, не ожидая, что ребята придут ко мне. Конечно, иногда я думал о них, но не слишком много, и почему-то был уверен, что они не смогут приехать ко мне в больницу. Они жили далековато от того места, где я жил, и им было невыгодно и долго ехать ко мне. Я даже смирился с тем, что, может быть, больше вообще никогда не смогу с ними поговорить. Но они были тут и это было очень здорово.

– Привет, ребята, – мои губы растянулись в слабой, но довольной улыбке. – Я очень рад, что вы пришли ко мне.

– Конечно, было очень сложно заставить родителей отпустить нас к тебе, но мы очень настаивали. Мы не могли не прийти к тебе. Мы обязаны были узнать, как ты тут, – твёрдо сказал Виталик.

– Ты же в порядке? – неуверенно поинтересовалась Арина.

– Что ты несёшь? – одёрнул сестру Виталик. – На него столько всего свалилось, а ты спрашиваешь такую ерунду. Понятное дело, он не в порядке! Максим, как ты себя чувствуешь?

– Вроде нормально, – пожал я плечами.

– Когда мы узнали, что произошло, мы... – начал Денис. – Мы были в таком шоке! Мы не думали, что такое может про-

изойти.

– Да я тоже о таком не думал, – нехотя согласился я. – Но это произошло!

– Это ужасно! – Артём сделал шаг ко мне. – И мы очень соболезуем и тебе и вам, дядь Коля.

– Спасибо, – сказал папа в ответ. – Давайте я лучше оставлю вас наедине. Пообщайтесь. А я буду рядом с палатой. Хорошо?

– Да. Замечательно. Спасибо, – в голосе Пети была слышна радость. Видимо, ему было не очень удобно общаться со мной в присутствии моего папы, и он был рад его уходу. Мне же было как-то всё равно, был он тут или нет. Мне это ничего не давало.

– Ну, давай, Максим, рассказывай, – Артём подсел ко мне на кровать. – Как тебя здесь кормят?

– Ну, жаловаться глупо, но мне всё равно не особо нравится, – честно ответил я. – Еда на любителя. Папе нравится, мне нет.

– Я тоже ненавижу больничную еду, – признался Виталик.

– А ты разве лежал в больнице? – удивился Петя.

– Да, лежал, но давно и недолго, – выдал тот. – Но за это время я успел возненавидеть больничную еду.

– Понятно всё с тобой, – фыркнул Петя.

– Ребята, мы сюда приехали не вас обсуждать, а поговорить с Максимом и узнать, как у него дела, – одёрнул их Денис. – Максим, а можно тебе задать один вопрос? Точнее по-

интересоваться... Мне, правда, очень интересно!

– Конечно. Давай, – не стал я отказывать другу.

– Как ты всё воспринимаешь? – задал какой-то непонятный вопрос он. – Ну, в смысле... Ты же нас не видишь. Как теперь это всё для тебя? Ты теперь только на слух всё делаешь или...

– Дэн, невежливо такое спрашивать, – зашипела на него Арина.

– Да нет. Всё нормально, – поспешил я успокоить ребят.

– Тогда мне тоже интересно, – присоединился к Денису Артём.

– Нам всем интересно, – поддакнул Петя.

Я чувствовал внимательные взгляды ребят на себе и поспешил начать всё им объяснять.

– Ну, теперь мне остаётся только на ощупь и на слух реагировать на всё. Так я хожу, понимаю, что кто-то заходит ко мне в палату, а также по звуку слышу, когда везут еду. И по слуху контролирую, чтобы ни в кого не врезаться в тот момент, когда иду. И это всё очень сложно! Не представляете насколько! Для меня всё новое и... Я теперь ничего не вижу и никогда не увижу! И я... И я не представляю, как буду дальше жить. Понятия не имею!

– Ну, ты самое главное молись Богу, и Он тебе во всём поможет, – посоветовал Артём. – Доверь всё Ему! Он сам всё устроит и облегчит твою жизнь! Зачем так переживать из-за этого, если у тебя есть Бог? Молись Ему, и всё будет хорошо!

– Сомневаюсь, – неуверенно сказал я и покачал головой, вспомнив, сколько всего плохого произошло за это время, а Бог всё это допустил.

– Ты же Ему ещё доверяешь, да? – с интересом посмотрел на меня Виталик. – У тебя всегда была такая сильная вера, а теперь такое чувство, что ты совсем не веришь Богу, и не доверяешь Ему.

– Да, доверяю, но... – я запнулся. – Столько всего произошло! Трудно после такого просто верить, что всё будет хорошо.

– Мы понимаем, что это сложно, но ты должен доверять Богу, – твёрдо сказал Артём. – Он может во всём помочь. Это в Его силах! Но ты должен в Него верить и взывать к Его имени. И тогда Он придёт на помощь!

Я в ответ лишь поморщился. Сейчас я был не готов всё это слышать. Мне было слишком тяжело. Я старался не злиться на Бога за то, что произошло и не обижаться на Него, но это было сложно. Ведь я не понимал, почему Бог такое допустил со мной и мамой. Мне это было не понять и оставалось лишь гадать, пытаясь понять Божий замысел в этом. Но пока у меня ничего не получалось, и я терялся в догадках и мучился, не зная, как на это всё реагировать.

Я старался, как мог, сохранять веру и надежду на Бога, но это было всё труднее и труднее, потому что очень хотелось обвинить во всём произошедшем Его. Но это делать было нельзя. Я должен был пройти через всё это, не потеряв веру

в Бога и продолжая полагаться на Него. Ведь Он всё ещё был рядом со мной, и я это точно знал. Он не бросил меня и должен был мне помочь. Но обсуждать пока всё это с ребятами я не мог.

Борьба внутри меня была слишком сильна, и вмешивать в это кого-то у меня не было желания. Даже друзей в это вмешивать не стоило. Я должен был разобраться сам. Конечно, мне казалось, что любовь к Богу угасла, но, наверное, это было из-за того, что мне было очень плохо и тяжело. Ведь Бог не теряет к нам любовь каждый раз, когда мы делаем Ему больно. И я должен был продолжать любить Бога и благодарить Его за всё, что только мог, как бы это ни было сейчас тяжело, а сейчас это было очень тяжело. Я не должен был отворачиваться от Бога и более того не хотел этого. Только Он был последней моей надеждой и опорой. Только на Него я мог надеяться!

– А ещё у тебя есть твой папа, который тебе во всём поможет и поддержит тебя, – поспешила вставить Ева, увидев, как мне тяжело всё это обсуждать. – На него ты тоже можешь надеяться. Он вон как рядом с тобой крутится! Твой папа точно тебя не оставит!

– Это я знаю. Ладно. Спасибо, что так волнуетесь за меня, но я как-нибудь выкарабкаюсь. Вы правы, и папа мне поможет. А теперь лучше расскажите, что у вас нового.

– Но мы же пришли поговорить о тебе, – напомнил Петя. – Мы хотели узнать, как у тебя дела. Лучше ты рассказывай

нам, как ты тут.

– Мне нечего рассказывать, – отрезал я. – К тому же я уже вам всё о себе рассказал. Больше мне добавить нечего. Вы итак всё видите! На улицу я ещё ни разу не выходил и сижу целыми днями тут. У меня нет ничего интересного! Я лучше хотел бы послушать, что у вас нового. И что нового и интересного произошло в Церкви. Так что давайте рассказывайте!

– Хорошо, – сдался друг. – Кто начнёт?

– А можно я? – подала голос Ева.

– Давай. Начнём с самых младших, – разрешил говорить ей Артём.

– Я совсем недавно начала писать свои стихи, – сказал девочка. – У меня они, конечно, пока получаются не очень красивыми, но я очень стараюсь.

– Она даже один стих посвятила мне, – отозвался довольный Виталик. – И, между прочим, он мне очень понравился.

– Да. Я очень старалась, – по голосу Евы было слышно, что она смутилась. – Я даже в школу один стих принесла, и мне за него дополнительную оценку по литературе поставили.

– Ты молодец! – похвалил я девочку. – Когда я начинал писать стихи, у меня тоже не очень получалось, но самое главное не сдаваться. Мне вот папа очень хорошо помогал. Бывает, что у меня и сейчас некоторые стихи не очень хорошо получаются, но я также очень стараюсь.

– Мне твои стихи очень нравятся, – сообщила она. – Они

очень красивые!

– Спасибо, – мои губы расплылись в лёгкой улыбке.

Мы продолжили говорить с ребятами. Они наперебой рассказывали, что у них нового, а потом приступили рассказывать всякие новости из Церкви. Их также было очень много. Было много смешных историй, над которыми мы даже немного посмеялись. Я лишь похихикал, так как нормально смеяться и веселиться был пока не в силах. Мы даже не заметили, как пролетело время за нашим разговором. Мы могли бы и дальше говорить и говорить, но тут в палату зашёл папа.

– Ребята, вы уж извините, я не хочу вас отвлекать, но вам пора идти домой, – выдал он. – Уже много времени, и к тому же Максиму надо отдыхать.

– Но я не устал, – попытался я возразить.

– На сегодня общения достаточно, – стоял на своём папа. – К тому же ребятам ещё надо ехать домой. Так что прощайтесь.

– Ладно. Вы правы, – не стал спорить с ним Артём. – Нам, и правда, пора уже ехать домой. Пока, Максим. Давай тут не унывай! Держись! Мы с тобой!

– Пока, Максим, – сказал в свою очередь Виталик. – Поправляйся и возвращайся к нам поскорее!

– Пока, Максим, – говорили все ребята по очереди, медленно покидая мою палату.

– Пока, ребята, – пришлось сказать мне в ответ.

Я тяжело вздохнул. У меня не было никакого желания

прощаться с друзьями. Я так давно не общался с ними, что даже забыл каково это. А общаться с ними мне очень понравилось! С ними было очень просто, легко и весело. Но им пора было уходить, и я должен был их отпустить. Держать их тут я не мог. Ребятам тоже хотелось домой.

И вот все друзьям покинули мою палату, и в ней остались лишь только мы с папой. Я продолжал вспоминать разговор с ребятами и еле сдерживал улыбку, вспоминая смешные истории друзей. Но полностью погрузиться в мысли мне не дал папа.

– Макси, может быть, ты хочешь поесть? Пока вы тут общались, давали ужин. Я вот взял тебе пюре и котлету. Хочешь?

– Ну, давай, – согласился я. Мне, и правда, хотелось немного поесть. Отказываться от ужина точно не стоило. Я не хотел, чтобы папа сильно переживал за меня из-за того, что я мало ем.

– Замечательно, – было слышно, что я обрадовал папу. – Вот. Бери!

Папа дал мне в руки тарелку и вилку. Я начал не торопясь есть. Конечно, еда была не особо вкусной, и есть её было не очень приятно, но я всё равно ел, заставляя себя. Мне приходилось есть через силу. Правда немного о себе говорил и голод, а иначе я вообще бы не смог заставить себя съесть еду, но в основном всё равно заставлял себя есть. С трудом, но я съел почти всё содержимое тарелки и отдал тарелку папе.

– Молодец, Макси, – похвалил меня он. – А теперь попей сок. Между прочим, твой любимый сок. Манго!

– О! Давай, – я с удовольствием выпил весь сок, что был в стакане. Этот сок я, правда, очень любил и не понимал, как его можно не любить. Он же был таким вкусным!

Выпив сок, я также отдал стакан папе. Тот поднялся на ноги и покинул палату. Тарелки нам давали вместе с едой, и потом их надо было возвращать, чтобы их могли помыть. Я же, пока папы не было, откинул голову назад. Мне уже хотелось вновь погрузиться в мысли о недавнем разговоре с друзьями, как я понял, что, и правда, очень устал и хочу спать. Меня сильно клонило в сон, и я даже чувствовал, что мои глаза закрывались. Бороться со сном у меня желания не было, и я улёгся на кровать, опустив подушку. Я вполне имел право поспать, и больше мне в принципе было нечем заниматься. Я точно знал, что папа будет не против того, что я посплю, но предупредить его всё равно надо было.

Поэтому я дождался его возвращения и, как только услышал шаги, выдал:

– Пап, я, пожалуй, спать лягу.

– Хорошо. Ложись. Я был уверен, что ты устал. Давай, – он помог мне накрыться одеялом. – Засыпай! Я буду рядом.

– Хорошо, – я повернулся на бок и закрыл глаза, начиная погружаться в сон.

Пока я, благодаря общению с ребятами, ни о чём не переживал и не волновался. Мне как никогда за это время было

хорошо и спокойно. Поэтому я смог быстро и легко уснуть, не думая ни о чём плохом.

– Макси, ты готов? – спросил у меня папа. – Выписку уже отдали, и мы можем спускаться вниз.

– Ну, как я могу быть не готов? – не удержался я от сарказма. – Себя взял, одеться не забыл и уже хорошо. Это для меня самое главное!

– Пожалуйста, давай серьёзно, Макси, – мне даже не надо было видеть лицо папы, чтобы понять, что он нахмурился. Он всегда хмурился, когда ему что-то не нравилось. Я понимал папу. Ему было очень тяжело. Он разрывался между работой и мной. Он понимал, что мне нужна помощь и поддержка, и старался со мной проводить как можно больше времени. Но и на работе нужно было появляться. Там входили в его положение, но совсем от работы освободить не могли. Поэтому папа всё время нервничал, переживал за меня и работу и был чрезмерно серьёзным. И вот опять он был чересчур серьёзным и очень переживал. А больше всего ему было тяжело от того, что мне было плохо, а он совсем не мог мне помочь. – Я не хочу здесь что-то забыть, – выдал папа. – У меня нет желания сюда возвращаться.

– Да, у меня тоже, – согласился я. – Но я не могу проверить всё ли мы взяли.

– Я понимаю, – папа тяжело вздохнул и начал осматривать каждую полочку. – Так. Ладно. Вроде всё взяли. Пойдём! –

он взял меня под руку, и мы вместе вышли из палаты.

Я пролежал в больнице достаточно долго. Меня ещё пару раз успели навестить друзья, и не один раз навещали бабушка и дядя. Ко мне даже успели приехать многие из Церкви, желая проведать и узнать, как у меня дела. Но их приход меня не особо порадовал. Да, мне было приятно, что все за меня волнуются и хотят, чтобы у меня всё было хорошо, но приход знакомых меня очень сильно напрягал. С друзьями и родными мне было легко и просто, а вот с ними....

Я не знал, как с ними себя лучше вести. Притворяться, что всё хорошо ради них мне было сложно, а быть самим собой.... Так я тоже не мог в их присутствии. Ведь все меня знали как весёлого и простого мальчика, а теперь я был как его серая тень. Да, можно было понять, почему я сейчас такой, но всё равно мне было тяжело в присутствии знакомых из Церкви. А всё осложняло то, что я их даже не видел и некоторых не мог узнать по голосам и удивлялся кто это. С друзьями я общался много и их голоса знал просто замечательно, но вот голоса знакомых из Церкви....

Некоторых я узнавал, но многих не узнавал, и чувствовал как им неловко от этого, а мне было ещё более неловко. Это всё заставляло меня ещё сильнее напрягаться и, пока они со мной общались, я лишь молился, чтобы они поскорее ушли. Конечно, это было немного некрасиво, но я ничего поделать с собой не мог. С ними мне было трудно общаться. Но вот наконец-то можно было ехать домой.

По идее это должно было меня радовать. Ну, кто любит больницы? Никто их не любит, и я их не особо любил, но и новость о том, что мы едем домой, меня несильно обрадовала. А чему мне радоваться? Дома каждая вещь будет напоминать о маме и о том, что я больше её не вижу. А это было слишком больно, и в какой-то степени я даже не хотел возвращаться домой. Но выбора у меня не было. Пора было возвращаться в место, где всё будет напоминать о самом тяжёлом и болезненном.

В больнице я как мог, держался, чтобы не впасть в депрессию. Конечно, это было сложно, но папа, все родные и друзья меня поддерживали и помогали мне. Я даже частенько общался с родными и друзьями по телефону. В этом мне помогал папа. Он набирал их номера, а я уже с ними говорил. Это мне очень помогало держать себя в руках и не погружаться в тоску и грусть, которые так и норовили заполнить меня. Но я не был уверен, что дома также смогу держаться, и уже чувствовал, как мне становится всё хуже и хуже. Грустные мысли наваливались со всех сторон. Я не мог не думать о маме и о том, что ничего не вижу. Даже не так! Я думал только об этом!

– Вот так. Садись в машину, – за своими мыслями я даже не заметил, как мы спустились вниз, вышли на улицу и подошли к машине.

Всё это время папа меня вёл, направляя и говоря, что и как надо делать. Я же делал всё на автомате, подчиняясь па-

пе и послушно выполняя все его приказы. И вот папа уже сажал меня в машину. Я также послушно опустился на сиденье и глубоко вздохнул. Самое тяжелое мы прошли, и осталось доехать и пройти в дом. Нелегко было идти, ничего не видя. Дома я хотя бы примерно помнил, где и что находится и мог ориентироваться, но тут я ничего не знал, и мне было как-то не по себе идти. Но это уже было позади и надо было готовиться к возвращению домой.

Подумав о доме, я вновь погрузился в грустные мысли. Я как мог, пытался себя отвлечь от этих мыслей, но получалось у меня это очень плохо. Папа тем временем, убрав мои вещи в багажник, уселся за руль, и мы не спеша поехали по дороге в сторону дома. Больше следить за дорогой я не мог, и это было ещё одной грустной потерей из-за утраты зрения. Не удержавшись, я грустно вздохнул. Я всё что угодно отдал бы, чтобы сейчас видеть и иметь возможность смотреть в окно. Но, чтобы я не отдавал, вернуть зрение было невозможно, и от этого становилось ещё тоскливее.

До дома мы доехали достаточно быстро, или это я за своими мыслями опять не заметил, как пролетело время. Но вот мы остановились перед домом. Это я понял, когда почувствовал, что папа паркует машину. Он заглушил мотор и только после этого заговорил:

– Ну, вот мы и дома. Пошли я тебе провожу в дом и потом уже заберу вещи. Хорошо?

– Давай, – не стал я спорить и, не дожидаясь, когда папа

выйдет из машины, открыл дверцу и самостоятельно покинул салон.

– Пошли, – папа аккуратно взял меня за локоть и повёл к дому.

Он быстро открыл дверь дома и вместе со мной прошёл внутрь. Там мы остановились. В доме было непривычно тихо. Обычно, когда мы с папой откуда-то возвращались домой, нас встречал вкусный запах и мамин голос, но теперь не было ничего. В воздухе совсем ничем не пахло, и царила гробовая тишина. Всё напоминало о том, что мамы больше нет.

Ну, а для меня ещё наиболее ужасным было то, что я ничего не видел. Вокруг меня была одна сплошная тьма, а тишина в доме ещё сильнее давила. Мне хотелось развернуться и стремглав убежать из дома, где всё напоминало о нашей счастливой жизни, что причиняло мне сильную боль. Но убежать было глупо. Да и куда бежать? Мне некуда было бежать! От себя не убежишь, как и от прошлого, какую бы сильную боль оно не причиняло.

– Тебя в комнату проводить или ты тут хочешь посидеть? – поинтересовался у меня папа. Видимо, он сам не решился пойти дальше. Было понятно, что ему тоже тяжело возвращаться сюда, где всё напоминало о маме. Ведь он любил её, а без неё... Без неё всё уже было не так, и я не представлял, как мы будем дальше одни. Нам уже было тяжело без неё, а дальше будет ещё тяжелее.

– Лучше пока посижу тут, – решительно сказал я.

– Хорошо. Садись, – папа помог мне дойти до дивана и усадил на него. – Я пойду за вещами.

Он покинул дом, а я откинулся на спинку дивана. В моей памяти тут же промелькнул тот день, когда мы все вместе сидели в комнате. Мы с мамой были на диване, а папа на кресле. Мы читали Библию, обсуждали притчи, и нам было очень хорошо. Но больше никогда такого не будет! И не только потому, что я больше не вижу. Это было бы не так ужасно, как то, что мамы больше нет. Она умерла, и это было ужаснее всего! От воспоминаний на мои глаза навернулись слёзы. Я вспоминал, как нам было хорошо в тот день, а потом в моей памяти возник тот день, когда мамы не стало, а я лишился зрения. По моей щеке потекла первая слеза, которую я не смог сдержать.

В этот момент раздались папины шаги, что означало, что он возвращается в дом. Я тут же отвернулся в сторону, не желая, чтобы папа увидел мои слёзы и понял, как мне плохо. Ему было нелегче, и я не хотел, чтобы он волновался за меня.

– Ну, вот и всё. Всё принёс. Я помогу тебе разобрать вещи чуть позже, а сейчас думаю нам надо немного перекусить и отдохнуть после дороги. Пойду что-нибудь приготовлю. Ты же будешь кушать?

– Наверное, – неопределённо сказал я, отвернув голову.

– У тебя тут всё в порядке? – поинтересовался папа, и я почувствовал на себе его обеспокоенный взгляд.

– Конечно, – как можно увереннее сказал я. – Просто устал.

– Ну, тогда отдыхай, – папа направился к кухне. – А я пока что-нибудь приготовлю.

Стоило ему пройти на кухню, как я, не удержавшись, просто тихо заплакал. С моих глаз текли слеза за слезой, и я не мог остановиться. Мне было сейчас слишком плохо и тяжело. Боль сдавливала мою грудную клетку, и мне хотелось просто выть, но я мог лишь тихо плакать, не желая, чтобы папа меня услышал и пришёл меня успокаивать.

– Макси, может, я просто сделаю омлет? – раздался голос папы. – Могу добавить сосиски и помидоры. Думаю, будет вкусно. Хочешь омлет? Ты его вроде бы всегда любил. Я могу тебе ещё налить твоего любимого сока или могу дать газировки. Её все подростки любят. А хочешь куплю тебе чипсов? Или можем заказать пиццу! Мы давно её не ели! – но я ничего не отвечал в ответ на слова папы, пытаюсь успокоиться, чтобы тот не заметил мои слёзы. Тихий всхлип меня выдал. – Макси, ты чего? – папа приблизился ко мне. – Ты что плачешь? – зачем-то спросил он, прекрасно зная ответ на свой вопрос.

Я вмиг отвернул голову в сторону и начал вытирать слёзы. – Нет, – покачал головой я. – Тебе показалось! Я не плачу! Конечно, я понимал, что врать плохо. Тем более плохо врать папе, но мне очень не хотелось его расстраивать своими слезами. Он так старался ради меня... Он как мог, уте-

шал меня, поддерживал, был со мной рядом и пытался мне помочь, но облегчить мои страдания и боль у него не получалось. И я даже представить себе не мог, как ему от этого было тяжело, но я точно это знал. Любому родителю будет больно видеть, как страдает его ребёнок.

– Макси, ну, что ты? – папа подсел ко мне на диван и приобнял меня за плечи. – Не плачь, пожалуйста. У нас всё будет хорошо! Мы со всем справимся. Вместе! Ну, почему ты плачешь? Что не так?

– Ничего не будет хорошо, – сдавленным голосом пробормотал я, и с моих глаз с новой силой хлынули слёзы. Я больше даже не пытался их сдерживать, и это не имело смысла. Ведь папа уже увидел, что я плачу и можно было не стараться это скрывать. – Больше никогда ничего не будет хорошо! Ведь мамы больше нет, а я... Я больше никогда не смогу видеть!

– Макси, – папа тяжело вздохнул и прижал меня к себе, – ну, зачем ты так говоришь? Всё обязательно наладится. Да, может, ты не сможешь больше видеть, но самое главное, что ты жив. Мы справимся со всем, и всё наладится. Обязательно наладится! Надо просто верить в это и не сдаваться. Хорошо?

Я отвечать не стал. У меня не было на это сил. Всё моё лицо залили слёзы. Я всхлипывал и даже не мог сказать ни слова.

– Да уж, Макси, – папа вновь вздохнул. – Успокаивать я не

особо умею. Будь мама здесь, она знала бы, что тебе говорить и как тебя утешить. Она всегда это умела! А я не знаю, что тебе говорить и как тебя успокоить. Прости меня! Прости, что не смог защитить тебя и твою маму. И прости, что не знаю, что делать и что говорить.

– Ничего, – смог я выдать из себя. – Самое главное, что ты рядом. И ты ни в чём не виноват. Я знаю, что тебе тоже тяжело так же, как и мне.

– Мы прорвёмся, Макси, – как можно убедительнее сказал папа. – Можешь не сомневаться в этом!

Я лишь кивнул головой, продолжая всхлипывать.

Так мы сидели ещё минут пятнадцать. Папа пытался меня успокоить, и постепенно я сам начал успокаиваться. Слезы переставали литься, и мне становилось лучше. Когда я совсем успокоился, папа отпустил меня.

– Ну, что мы сейчас всё-таки перекусим или ты не хочешь? Только, пожалуйста, не ври мне. Лучше говори правду. Не надо думать, что, если ты соврёшь, мне будет легче. Лучше говори, как всё по-настоящему чувствуешь. Не надо притворяться. Если ты не хочешь кушать, то так и скажи. И если тебе плохо, то тоже так и скажи. Я всё пойму. Хорошо?

– Хорошо. На самом деле я не особо хочу есть. Мне хочется полежать и немного отдохнуть.

– Ладно. Тогда я сейчас тебя провожу в твою комнату. Но сначала.... Не знаю, как ты к этому отнесёшься, но думаю, что нам надо помолиться. Хотя бы кратко! Ты не возража-

ешь? Мы вернулись домой и должны поблагодарить за это и призвать имя Божье. Ты же согласен помолиться? А то ты всё это время в больнице не молился... Надо хотя бы сейчас помолиться. Про Бога забывать нельзя. Хорошо? Помолимся?

– Давай, – не стал я отказываться. С одной стороны мне не хотелось молиться, потому что было слишком тяжело и грустно. Я не хотел это делать в таком состоянии. А с другой стороны помолиться стоило. Может, мне станет легче, если я это сделаю. Хотя я был в этом не уверен, но попробовать стоило. К тому же если бы я сейчас отказался, я очень удивил бы и расстроил папу, а ещё сильнее его расстраивать не хотел.

– Замечательно, – в голосе папы я услышал радость. Своим согласием я его порадовал, и это было очень хорошо. – Тогда я буду молиться, а ты... Ты просто тихо поддерживай меня. Ну, ты знаешь... Хорошо. Давай встанем.

Мы поднялись на ноги. Папа глубоко вздохнул, видимо, готовясь к молитве, и начал:

– Дорогой Отец, мы благодарим Тебя за то, что вернулись домой. За то, что мы живы и можем призывать Твоё имя. Прости нас за то, что мы иногда сомневаемся в Тебе и теряем в Тебя веру. Прости за то, что я... – его голос задрожал. – Прости, что мы забыли про Тебя и всё это время не призывали Твоё имя. Ты велик, Боже! И мы славим Тебя за всё, что Ты посылаешь и даёшь нам. Дай нам силы пройти

все испытание, что Ты нам послал. Дай силы моему сыну, Макси, пройти через всё, что ему ещё предстоит выдержать. Будь рядом с ним и поддерживай его. Я его очень люблю и знаю, что Ты его любишь. Не оставляй его! Ты видишь, как ему тяжело и больно! Помоги ему и мне выдержать потерю мамы. Помоги ему не бояться и доверять Тебе! Ему так тяжело.... Будь рядом с ним...

Папа продолжал молиться. Я его внимательно слушал, закрыв глаза. Глаза я закрыл чисто по привычке, потому что всегда так делал во время молитвы. А не молился сам я пока только потому, что мне было интересно, как будет молиться папа. И, услышав его молитву, я тоже начал взывать к Богу:

– Дорогой Иисус, я Тебя прошу, дай мне силы, – тихо заговорил я. – Дай силы всё это выдержать. Ты знаешь, как мне тяжело и страшно. Как мне больно от того, что мамы больше нет рядом. Я не знаю, зачем Ты её забрал и зачем она Тебе нужна, но дай мне силы смириться с этим. Я её так любил, и её больше нет.... Дорогой Иисус, мне так больно и тяжело... – мои губы задрожали, но я смог сдержаться, чтобы опять не заплакать. – Прошу Тебя! Я знаю, для Тебя нет ничего невозможного, и Ты это допустил не просто так, но умоляю Тебя, верни мне зрение. Я хочу вновь видеть. Боже, я не могу так! Умоляю Тебя! Я не хочу всю оставшуюся жизнь прожить в этой тьме. Не допусти этого, Боже! Верни мне зрение, пожалуйста! – я продолжал шёпотом умолять Бога вернуть мне зрение, и тут услышал, что папа уже заканчивает молит-

ву. Я тут же поспешил успокоиться и, когда настало время говорить слово «аминь», сказал вместе с папой: – Аминь!

– Ну, вот и помолились, – удовлетворённо проговорил папа. – Уже хорошо. Теперь пойдём, провожу тебя в твою комнату. Ты же хотел полежать.

– Не надо, пап, – остановил я его. – Я сам дойду. Я помню что здесь и как. Сам смогу дойти. Тут мне не надо помогать. Но спасибо большое за предложение.

– Ну, хорошо, – не стал настаивать папа. – Попробуй сам. Тебе это будет полезно! Ты же должен учиться всё делать заново самостоятельно. Начнём с самого простого. Самое главное на лестнице не спеши. Не хочу, чтобы ты упал и что-нибудь сломал себе.

– Хорошо. Обещаю, что спешить не буду, – успокоил я папу и направился в ту сторону, где всегда была лестница.

Я на ощупь нашёл её и начал медленно подниматься. Я примерно помнил, сколько ступенек было на этой лестнице и оставалось только не оступиться. Я ступал как можно осторожнее, делая маленькие шажки и трогая ногой ступеньку. И вот так потихоньку благополучно поднялся на второй этаж. А там было ещё проще. Я прекрасно знал, где моя комната. В доме я помнил всё, как, наверное, и помнят остальные люди.

В родном доме всегда легко ориентироваться и многие могут с закрытыми глазами ходить по дому и ни во что не врезаться, ведь помнят, где что стоит. Вот теперь и я узнал, могу ли так ориентироваться в доме. Но мне для этого не

надо было закрывать глаза, ведь я итак ничего не видел.

До своей комнаты я дошёл легко и быстро. А там уже добрался до кровати и завалился на неё. Я глубоко вздохнул и закрыл глаза. Я вновь был дома и на своей кровати, но всё уже казалось каким-то другим. Не новым, но и не старым. Просто другим! Вот и начиналась моя новая жизнь. Жизнь, погруженная во мрак....

Глава 6 «Тускнеющий лучик света...»

– Макси, пора вставать, – раздался голос папы и щёлкающий звук, что означало, что он включил в комнате свет. Но, понятное дело, мне это ничего не дало, ведь я ничего не видел.

Я сонно потянулся в кровати, но глаза открывать не стал. Мне всё ещё хотелось спать. Во сне мне было не так тяжело, как наяву. Во сне все проблемы уходили, и становилось легко и просто. Наяву же мне приходилось очень туго. С момента моего возвращения домой прошло уже несколько недель. И я даже не представлял, что мне будет настолько тяжело.

Дома ещё было более менее, хоть мне и было сложно делать что-то самостоятельно. Я не мог даже банально сделать себе чай, так как не особо помнил, где находится чайник, где лежат пакетики с чаем и где сахар. Я даже не говорю про ложки, вилки и прочее, что мне тоже периодически было нужно. Обычно же мне мама готовила чай и всё остальное, и мне не было нужды искать всё самому. Ещё со зрением я смог бы всё найти, но не слишком быстро, а вот вслепую у меня вообще это не получалось.

Конечно, мне помогал папа, но не способность сделать это всё самостоятельно очень сильно давила на меня. Мне бы-

ло тяжело от этого. А когда я пытался хотя бы залить себе в чашку горячую воду, постоянно то лил мимо, то наливал слишком много воды, и она переливалась. Пока у меня ничего самостоятельно не получалось. Я не мог ничего по дому делать самостоятельно!

А ещё и скука сводила меня с ума. Папа целыми днями дома сидеть не мог и, когда его не было, мне было особенно скучно. Я не мог ни читать книги, ни смотреть что-нибудь, ни играть на гитаре, что так любил делать. Я понятия не имел, как играть на гитаре вслепую, поэтому даже пока не подходил к ней. Единственное, что пока старался сделать – это научиться ориентироваться по дому. Я расхаживал по дому и старался запомнить, где и что находится, чтобы ни во что не врезаться и быстро всё находить.

Конечно же, пока у меня это не особо получалось, и я часто обо что-то спотыкался и во что-то врезался, но мне ещё очень помогал папа. Он тоже хотел, чтобы я научился хорошо ориентироваться по дому, и водил меня по квартире, всё показывая и подсказывая где и что находится. Достаточно легко я научился ориентироваться в спальне и ванной комнате, где проводил до этого очень много времени. Но вот на кухне пока ориентироваться было сложно, но сдаваться было глупо, и мне просто нельзя было сдаваться.

Я всё равно должен был научиться ориентироваться в доме, начиная от своей комнаты и заканчивая прихожей. Должен был заново запомнить, где и что находится, чтобы потом

всё делать машинально и чтобы постоянно не зависеть от папы. Тот же не мог всегда быть рядом со мной и, чем скорее я смогу начать хорошо ориентироваться в доме, тем легче будет нам обоим, и тем скорее он сможет спокойно ходить на работу и оставлять меня одного. Но до этого ещё было далеко, ведь пока у меня даже не с первого раза получалось найти на кухне микроволновку, чтобы хотя бы подогреть себе еду и также не всегда получалось найти вилку.

Впереди у меня было ещё очень много работы, чтобы научиться жить без зрения в полной темноте. Конечно, я очень боялся, что не смогу никогда научиться всему и всегда буду зависеть от папы, но постоянно гнал эти мысли прочь, потому что верил, что у меня всё получится и рано или поздно я смогу жить нормально. Насколько это возможно....

Если у меня дома было много трудностей, то на улице.... На улице мне было ещё тяжелее. Там я вообще не мог ориентироваться и не знал, куда идти и что делать. Там я просто замирал и не мог идти самостоятельно и, если бы не папа, который вёл меня за руку, то я вообще не выходил бы на улицу. За эту неделю мы лишь пару раз с папой выходили на улицу. А в основном я предпочитал сидеть дома и не желал идти гулять, так как дома мне не было так страшно, как на улице.

Там я вздрагивал и шарахался от любого громкого звука. Будь это чей-то крик или просто машина.... Всё вокруг меня пугало, и я не знал, куда деваться от этих громких пугающих

звуков! Ведь я не видел источника звука и не знал, откуда он исходит. Я мог лишь догадываться, но это меня не особо успокаивало. Папа, конечно же, был рядом и сразу же обнимал меня, начиная успокаивать и объясняя, что это и откуда исходит звук, но страх всё равно оставался.

Папа даже купил мне специальную трость для слепых, но даже с ней мне было тяжело перемещаться по улице. Самостоятельно там я пока вообще ходить не мог, да и не решался это делать. Уж больно мне было страшно на улице. Папа пытался сам меня учить пользоваться этой тростью и различать звуки, но это у него не особо получалось. Однако он очень старался, и ради него я тоже пытался научиться. Тем не менее со страхом всё равно ничего поделывать не получалось и я продолжал вздрагивать и шарахаться от громких звуков. Желания выходить на улицу, и гулять у меня не было. Мне было достаточно хорошо и спокойно дома. Хоть мне и было скучно тут, зато не было такого страха.

Я даже и не предполагал, что мне будет настолько тяжело после потери зрения. Ещё в больнице всё не казалось таким ужасным, но теперь я был просто в ужасе от того, что мне ещё предстояло пережить. А мне предстояло пережить ещё много всего и всё только начиналось. Скоро должно было начаться лето. Я уже смирился с тем, что не смогу закончить этот учебный год, да это и не представлялось возможным.

Летом мне ещё будет легко, ведь не надо будет никуда ходить и чем-то заниматься. Я просто полностью займусь адап-

тацией. Мне ничего другого больше и не оставалось. Но, вот когда лето закончится, меня ожидала школа, и я не представлял, как потом буду учиться. Ведь больше я видеть не мог и, понятное дело, получать знания тоже не мог. И это меня немного пугало. Но я старался об этом не думать, ведь это было нескоро. Пока у меня была только одна задача – научиться ориентироваться дома и на улице. Я должен был сосредоточиться только на этом.

Всё это время, что я провёл дома, мы с папой не ходили ни на одно собрание. Папа не решался меня бросать одного дома, поэтому как мог, проводил эти служения со мной. Конечно, это было не так, как раньше, но это было лучше, чем вообще не проводить собрания и забывать про Бога. Отдавать Ему время всё равно было нужно, как бы ни было сейчас тяжело. А звать меня в Церковь папа даже не пытался, потому что видел, как мне тяжело ориентироваться дома и на улице и понимал, что мне ещё более тяжелее будет в Церкви, где всегда много народу. Подвергать меня такому стрессу он не хотел, поэтому пока предпочитал меня не везти туда.

И я был этому рад, потому что мне самому не хотелось туда ехать. Конечно, мне хотелось встретиться с друзьями и пообщаться с ними, но кроме друзей там ещё много кто есть, а с ними общаться у меня желания не было. Я не хотел слышать такие вопросы вроде: «Как у тебя дела? Как ты себя чувствуешь?» и подобное. Ведь, если им сказать правду, они всё равно не поймут и начнут давать глупые советы, которые

ничего не дадут. А также будут говорить что-то в таком духе: «Всё будет хорошо!». А это тоже ничего не даст и их слова бессмысленные и смешные. Слышать такое я не хотел! Поэтому было лучше пока обойтись без этого и побыть дома, что мы и делали.

– Макси, ну, что ты лежишь? – не отставал от меня папа. Он подошёл ко мне и подёргал меня за руку. – Вставать пора! Давай же! Хватит спать. Я уже приготовил завтрак.

– Хочу ещё поспать, – простонал я и отвернулся от папы. – Пожалуйста, можно я посплю?

– Нет, Макси, – отрезал он. – Уже много времени. Уже одиннадцать часов. Сколько можно валяться на кровати? Вставай!

– Ну, и что, что уже одиннадцать часов? – нахмурился я. – Мне всё равно. Я хочу ещё спать.

– Макси, перестань! – голос папы стал строгим. – Прекрати уже! Тебе надо позавтракать, и мне нужно будет уехать. Я не могу уехать, пока ты не позавтракал. Так что давай! Просыпайся!

– А куда тебе нужно? – поинтересовался я и наконец-то открыл глаза. Мне не очень понравилась та новость, что папе нужно куда-то ехать. Остаться дома одному мне не очень хотелось.

– Мне нужно будет на пару часов съездить на работу. У меня мало времени, Макси! Пожалуйста, не задерживай меня. Я вернусь как смогу. Честное слово!

– Хорошо. Встаю, – сдался я, понимая, что без папы не смогу добраться до кухонного стола и взять ту еду, что он мне приготовил. Именно поэтому папа пока не мог уехать и ждал, пока я встану. Задерживать его я не хотел. Он итак много времени проводил со мной и редко был на работе.

– Замечательно, – обрадовался папа. – Я буду тебя ждать внизу. Ты же сам справишься или тебе нужна помощь?

– Справлюсь, – уверенно сказал я. – Не волнуйся.

Папа покинул мою комнату. Как только за ним закрылась дверь, я начал медленно вставать с кровати, сонно потерев глаза и зевнув. Хотя я сейчас и спал много, но выспаться у меня всё равно не особо получалось. И, наверное, это было из-за того, что я подолгу не мог уснуть. Но сейчас всё равно надо было вставать и с этим ничего поделать было нельзя.

Кровать я, понятное дело, застилать не стал, да у меня это и не вышло бы. Иногда её застилал папа, а зачастую она оставалась на целый день не застеленной. Да и зачем её застилать? На протяжении дня я часто на неё ложился, и застилать кровать не имело смысла.

Поднявшись с постели, я потянулся и не спеша поплёлся в ванную комнату. Мне надо было умыться и привести себя в порядок. Поэтому, пройдя в ванную комнату, я первым делом, как следует, умылся, а потом встал под тёплый душ.

Мне нравилось принимать с утра тёплый душ. Когда я, стоя под тёплым душем, закрывал глаза, мне начинало казаться, что всё как прежде. Что мама жива, я зрячий и всё

в порядке. Тёплые капли душа, которые скользили по телу, успокаивали меня. Но рано или поздно воду приходилось выключать и всё становилось снова ужасно. И теперь снова постояв какое-то время под душем, мне пришлось выключить воду и вылезти наружу. Я тщательно вытерся, оделся и, слегка пригладив волосы, поспешил вниз к папе. Пора было завтракать.

По лестнице я смог спуститься легко и быстро, так как за эти несколько недель привык по ней ходить. От скуки мне приходилось по раз десять спускаться и подниматься по лестнице, а может даже чаще. Поэтому спускаться и подниматься по лестнице, мне уже было достаточно легко. Спустившись на первый этаж, я направился в сторону кухни.

– О! Ты уже тут, – обрадовался мне папа. – Садись сюда, – он помог мне сесть за стол. Я перед тем, как опуститься на стул, дотронулся до него, не желая сесть мимо и упасть, а у меня такое пару раз было. – Вот. Я приготовил нам с тобой омлет с ветчиной и сыром, – папа поставил передо мной тарелку. – Кушай.

Я пощупал место справа от тарелки, куда папа обычно клал вилку для меня. Вилка была, как всегда, там. Взяв её в руки, я приступил к еде. Недалеко от меня сидел папа, но, видимо, не ел, а пил чай. Скорее всего, он уже давно поел. Это я понял по звонкому стуку чайной ложки об кружку. Этот звук я мог узнать легко.

Завтракать быстро я не мог, так как мне надо было, как

следует, уцепиться вилкой за омлет, чтобы он не упал, пока я буду нести его ко рту. Ну, а также мне надо найти вилкой еду на тарелке, но это было не так уж и сложно, так как омлет занимал всю тарелку. И вот так постепенно я ел омлет, кусая хлеб, который всегда был передо мной в хлебнице.

Омлет был достаточно вкусным. Конечно, не таким вкусным, как могла бы сделать мама, но папа тоже готовил вполне хорошо. Мне нравилось. Его еда была лучше больничной, и у меня хотя бы дома был аппетит. Я с удовольствием съел омлет, и запил его чаем, который папа также поставил передо мной. И вот наконец-то с завтраком было закончено.

Посуду папа помыл сам, так как я её больше мыть не мог. Пока он мыл посуду и прибирался на столе, я продолжал сидеть на своём месте. И вот папа остановился.

– Ну, что ж... – он замолчал. – Мне пора, Макси. Справишься тут дальше сам? Я вернусь как смогу.

– Хорошо. Конечно, справлюсь. Езжай, – кивнул я головой. В принципе мне и не с чем было справляться. Поесть я поел, и теперь мне надо было лишь чем-нибудь себя занять, пока папы не было. А занять себя было почти нечем.

– Ладно. Пока, Макси. Не скучай тут, – папа поцеловал меня в лоб и поспешил к входной двери. Через минуту уже раздался хлопок двери, и щёлкнул замок. Я остался один.

Какое-то время я продолжал сидеть за столом и вслушиваться в тишину. Но так сидеть было невыносимо и очень скучно. Так что через какое-то время я поднялся на ноги.

Аккуратно задвинув стул, медленно пошёл вперёд, трогая всё на своём пути. Вот было продолжение стола, ещё стулья, а потом пошли кухонные тумбы, микроволновка, плита, холодильник. Я сделал круг, обойдя полностью кухню и старательно пытаюсь запомнить, где и что находится. Пока что я помнил это плохо, но запомнить было необходимо.

Выйдя из кухни, остановился, пытаюсь придумать, куда бы сейчас пойти, чтобы побороть скуку. Немного поразмышляв, я свернул в комнату, где мы всегда проводили собрания. Там опустился на диван. Я провёл по поверхности дивана рукой. Раньше я никогда не замечал, какой диван на ощупь приятный. Лишь когда потерял зрение, я обратил на это внимание. Мне нравилось трогать диван руками. Он был на ощупь такой шелковистый, приятный и всегда был таким мягким и тёплым.

Последнее время мне полюбилось вот так сидеть на диване, забравшись на него с ногами, щупать его и водить по нему рукой. Этот диван навевал такие приятные и тёплые воспоминания. В основном они все были о маме и о том, как мы проводили вместе время. Сначала мне было больно это всё вспоминать, и я старался это делать как можно реже. Конечно, мне и сейчас было немного больно от этих мыслей, но уже не так сильно как раньше. Мне больше было приятно от этих мыслей, чем больно.

Я очень часто сжимал в руках покрывало, которым мама любила накрываться, когда ей было холодно. Любил об-

нимать его руками и вспоминать маму. Это покрывало было шершавым на ощупь и пахло мамой. Иногда, когда был один, я начинал плакать от нахлынувших воспоминаний, но сейчас мне плакать не хотелось. Я просто сидел, поглаживая руками мягкую и шелковистую поверхность дивана, и вспоминал, как раньше было хорошо. От этих воспоминаний мои губы были слегка растянуты в лёгкой улыбке.

Так я просидел достаточно долго. Конечно, я не мог знать, сколько прошло времени, но мне показалось, что прошло много времени. Сидеть на диване становилось скучно. Хоть мне и нравилось вспоминать прошлое, но вспоминать слишком долго его не стоило. Так можно было легко погрузиться в депрессию, а мне уже становилось немного грустно от различных воспоминаний.

Поэтому я поскорее качнул головой, приходя в себя, и поднялся с дивана, желая продолжить ходить по квартире. Глубоко вздохнув, я двинулся вперёд. Мои ноги уткнулись в небольшой журнальный столик, про который я совсем забыл. Я дотронулся до его поверхности. Поверхность журнального столика в отличие от поверхности дивана была холодной и гладкой. На журнальном столике лежала лишь одна папина Библия, которую он недавно читал. Трогать Библию я не стал и, выпрямившись, пошёл дальше.

Я медленно расхаживал по квартире, ходя из угла в угол и трогая различные шкафчики, столики, стулья, комоды и прочее. Мне было невыносимо скучно. Я просто не знал,

чем занять себя и куда деться. И вот моя рука дотронулась до перил. Дальше была лестница. Я повертел головой, подумал немного и начал подниматься наверх. Ждать внизу папу больше было невыносимо.

Быстро поднявшись на второй этаж, я в том же неторопливом темпе пошёл по коридору. Возле комнаты родителей на секунду притормозил. У меня было огромное желание туда зайти. Мы там часто, сидя с мамой на кровати, общались. Я дотронулся до дверной ручки, желая открыть дверь и зайти внутрь, но в последний момент отступил назад. Я не мог это сделать. Не мог туда зайти и сидеть там в одиночестве. Я направился к своей комнате.

В комнате я подошёл к кровати и присел на неё. Но долго так просидеть не смог, потому что было слишком скучно просто так сидеть. Я вновь поднялся на ноги и уже хотел подойти к столу, как ноги меня сами понесли к гитаре, которая была недалеко от кровати. Я дотронулся до гитары.

Все эти две недели я к ней даже не прикасался и вот наконец-то дотронулся до неё. Сначала я просто трогал её, а потом нерешительно взял в руки, присев на стул, который был неподалеку. Я всегда на нём сидел, когда играл на гитаре. Я потрогал струны, которые издавали такие знакомые и приятные звуки. Мне нестерпимо хотелось поиграть на гитаре, но боялся, что теперь просто не смогу на ней играть.

Пару минут я просто держал в руках гитару, борясь с желанием поиграть на ней. Но вот не выдержал и начал играть

мелодию одного псалма, который мы с папой недавно пели. Сначала у меня всё получалось, но потом я начал сбиваться. Пальцы путались, и я касался не тех струн, до которых нужно было касаться. Я не мог играть вслепую! У меня не получалось!

Из моей груди вырвался тяжёлый вздох. Я поставил гитару на место и отступил в сторону.

– Я могу тебя заново научить играть на гитаре, – внезапно раздался папин голос, который заставил меня вздрогнуть. Я даже не слышал, как открывалась входная дверь, поэтому не знал, что папа уже дома. – Извини. Я тебя напугал? Я не хотел. Думал, что ты слышал, как я входил.

– Не слышал, – я покачал головой.

– Макси, я могу тебя заново научить играть на гитаре, – повторил папа. – Не переживай так.

– Я не разучился играть на гитаре, – отрезал я и опустился на кровать. – Я просто не могу играть, пока.... Точнее....

– Я понял тебя, – не стал папа заставлять меня это говорить. – Но играть на гитаре можно и вслепую. Для того чтобы играть на ней, необязательно видеть. Самое главное чувствовать инструмент, на котором ты играешь. То же самое и фортепиано, и скрипка и остальные инструменты. Твои пальцы помнят все струны. Тебе не нужно их видеть! Когда ты будешь думать только о песне, твои пальцы будут сами двигаться так, как нужно и трогать только те струны, которые нужно трогать. Чувствовать их вполне достаточно! И я могу помочь

тебе научиться играть на гитаре вслепую. Ты сможешь вновь играть на гитаре! Я помогу тебе в этом.

– Не уверен, что смогу, – покачал я головой. – У меня не получится. Не стоит на это тратить время. У тебя его итак мало! Ты итак слишком много его на меня тратишь. А если мы ещё и этим будем заниматься... Всё равно ничего не выйдет!

– Зачем ты так говоришь? – по голосу отца я понял, что он нахмурился. Ему не нравились мои слова. – Во-первых, я на тебя трачу столько времени, сколько сам хочу. И не считаю, что трачу на тебя много времени. Мне наоборот кажется, что я часто пропадаю и часто бросаю тебя одного. Во-вторых, не смей говорить, что у тебя ничего не получится. Ты ещё даже не попробовал. Я вот уверен, что у тебя всё получится. А знаешь почему? Потому что у тебя есть хороший учитель. Я! Я многих научил играть на инструментах, и были самые настоящие бездарности, которые даже особо не хотели учиться играть на инструментах. А ты у меня очень талантливый! Или ты уже забыл, как хорошо играл на гитаре? Твои пальцы так и бегали по струнам, и тебе для этого не особо и нужно было зрение. Ты в основном смотрел в текст песни. И теперь ты решил просто сдать свой талант. А это плохо! Очень плохо! Я тебе не разрешаю это делать! Понятно?! Мы с тобой займёмся этим, и ты вновь начнёшь играть на гитаре, как и прежде.

– Боюсь как прежде я больше не смогу играть, – я снова

тяжело вздохнул, вспомнив, как играл на гитаре раньше.

– Сможешь, – твёрдо сказал папа и, подойдя ко мне, сел рядом на кровать. Он приобнял меня за плечи. – Всё будет хорошо, Макси! Ты же мне веришь? Я сказал, что ты сможешь снова играть на гитаре, и ты сможешь. Почему ты не веришь в себя? Ты что не хочешь больше играть на гитаре? Ты больше не любишь это?

– Почему? Хочу, но...

– Никаких «но», – не дал папа мне договорить. – Ты хочешь и это самое главное. И ты сможешь! Понятно тебе всё?!

– Понятно, – я слабо улыбнулся.

– Значит, ты согласен? – вопросительно смотрел на меня папа.

– Ну, давай попробуем, – сдался я. – Но всё равно сомневаюсь, что у меня выйдет и мне не очень хочется, чтобы ты терял на это время.

– Макси, хватит сомневаться в том, что у тебя получится, – строго проговорил папа. – У тебя получится! Ты должен быть в этом уверен! Если ты будешь стараться, и у тебя будет желание добиться этого, то ты всё сможешь. И я сам хочу научить тебя этому, и для меня это не будет какой-то пустой тратой времени. Мне будет приятно научить тебя заново играть на гитаре. Потому что это нужно тебе. Когда ты научишься снова играть на гитаре, тебе уже не будет так скучно. Ты не будешь часами слоняться по квартире от скуки. Ты уже сможешь чем-нибудь себя занять. А это уже хорошо!

Ведь так?

– Ну, да. Тогда давай попробуем. Будет здорово снова играть на гитаре.

– Вот! Это уже другое дело, – обрадовался папа. – Бери гитару, – он вложил мне в руки инструмент. – И начнём!

Я обхватил гитару руками и дотронулся до струн. Вот и начинался наш первый с папой урок игры на гитаре вслепую. И я уже горел надеждой, что смогу научиться играть на гитаре вслепую и мне, и правда, больше не будет так скучно. Я смогу хоть чем-то заняться в папино отсутствие. Папа был прав. Попробовать стоило!

Я сидел на диване на первом этаже, и уже который час слушал музыку в наушниках. Правда, папа был дома, но был занят личными делами, и мне приходилось чем-то занимать себя, чтобы не мешать ему. И мне как раз захотелось послушать музыку, и я решил посидеть на диване и понаслаждаться красивой музыкой. Я мог сколько угодно так сидеть, слушая музыку. Когда я её слушал, мне даже не хотелось ни о чём думать. Я просто расслаблялся, и моя голова отдыхала от всех проблем, невзгод и прочего. В такие мгновения мне было просто хорошо.

Опустившиеся на мои плечи папины руки заставили меня вздрогнуть, ведь я был в наушниках и не слышал, как папа подходил ко мне. Я поспешил снять наушники и повернуть к нему голову.

– Что такое? – выражение моего лица было удивлённым. Я был уверен, что папа ещё долго будет занят.

– Я уже освободился, – выпалил он и уселся рядом со мной на диван. – Спасибо, что так терпеливо ждал меня.

– Да я просто решил музыку послушать. Я вовсе не ждал, когда ты. . .

– Да это неважно, – махнул рукой папа. Я почувствовал лёгкое дуновение ветерка. – Я освободился и предлагаю пойти погулять.

– Если честно, мне не особо хочется идти гулять, – честно ответил я. – Давай лучше дома посидим? Чем-нибудь тут займёмся. . .

– Макси, ты итак целыми днями сидишь дома. Тебе тоже надо выходить на улицу. Хотя тебе и тяжело там ориентироваться, но воздухом дышать полезно, – стоял на своём папа. – Хотя бы иногда и со мной тебе надо выходить на улицу. И вот сейчас как раз подходящий момент. На улице чудесная погода, и ты просто обязан выйти из дома и прогуляться. Это не так уж ужасно и страшно! Пойдём! Хватит сидеть дома. Ты тут изнываешь от скуки. Я же вижу!

– Как будто там мне будет весело, – едва слышно пробурчал я.

– Что? Я тебя не расслышал.

– Говорю, что мне и тут хорошо и совсем не скучно. Не хочу идти на улицу, – отрезал я. – Хочу побыть дома. Там тоже будет особо нечем заняться. Лучше уж тогда тут побыть.

– Не соглашусь с тобой! – папа поднялся с дивана и схватил меня за руку, желая заставить пойти на улицу. – На улице будет гораздо интереснее, чем дома. Тебе самому не надое-ло сидеть в четырёх стенах? Надо немного развеяться. Давай хотя бы ненадолго выйдем, и если тебе будет совсем скучно на улице, вернёмся домой. Хорошо? Договорились? Сидеть дома каждый день тоже плохо, а ты итак почти не выходишь на улицу. Так что пошли! Давай, Макси. Всё будет хорошо! Не бойся!

– Ничего я не боюсь, – буркнул я и всё-таки поднялся с дивана, не желая, чтобы папа меня успокаивал и просил не бояться улицы, хоть я всё равно её боялся. Мне даже сейчас с папой было страшно выходить на улицу, но выглядеть тру-сом я не хотел. Я должен был перебороть себя и выйти на улицу. – Хорошо. Пошли.

– Тогда давай иди, одевайся, – по голосу папы было по-нятно, что он доволен.

– Уже иду, – я направился к лестнице, на ходу складывая наушники и убирая в карман свой плеер.

– Буду ждать тебя здесь, – сказал мне вслед папа.

Видимо, он был уже готов к выходу и изначально знал, что сможет меня заставить выйти на улицу. Ну, да.... У него это всегда получалось. Отказать ему было трудно. И вот сейчас я опять не смог это сделать и поднимался на второй этаж, чтобы переодеться и пойти на улицу, хоть мне этого совсем не хотелось. Мне было хорошо и дома, а на улице мне было

гораздо хуже. Но отступить уже было поздно.

Переодевался я как можно медленнее, желая потянуть время. Но, как бы я не старался тянуть время, миг, когда надо было спускаться вниз, всё равно настал. И я нехотя пошёл вниз, где меня уже с нетерпением ждал папа.

– Ну, наконец-то ты оделся, – услышал я голос папы, стоило мне ступить на последнюю ступеньку. – Я уже хотел за тобой идти. Пойдём скорее.

– Такое чувство, что это не я редко бываю на улице, а ты, – пробубнил я.

– Мне не хватает прогулок с тобой. Так что пойдём. Вот. Возьми, – папа дал мне в руки белую трость, которой я пока только учился пользоваться. – А теперь пойдём, – он взял меня под руку и вышел вместе со мной из дома.

Оказавшись на улице, я глубоко вздохнул, набирая в лёгкие как можно больше свежего воздуха и одновременно пытаюсь успокоиться. Мне надо было как-нибудь унять страх, который уже начинал внутри меня разгораться. Показывать его мне не особо хотелось, поэтому надо было как можно скорее успокоиться. Но глубокий вздох ничем мне не помог, и страх лишь быстро усиливался. У меня возникало сильное желание развернуться и побежать обратно домой. Однако папа уже закрыл дверь на замок, и надо было собраться, чтобы хотя бы часик побыть с ним на улице. Всё равно папа сейчас мне не позволит сразу пойти домой, и нужно было немного потерпеть, как бы мне ни было страшно.

– Ну, что? – он повернулся ко мне, и я тут же сменил испуганное выражение лица, наполненное ужасом, на каменное выражение лица. Я не хотел, чтобы папа понял, что мне страшно. Он, конечно, мог об этом догадываться, но одно дело догадываться об этом, а другое дело видеть страх на моём лице и понимать, что мне, и правда, страшно. Я предпочитал не показывать это папе в открытую. Хотя бы пока что. – Куда пойдём? Просто походим или может, сходим в парк?

– Мне всё равно, – качнул я головой. – Решай сам.

– Хорошо, – не стал спорить папа. – Тогда пошли пока вперёд, – он, продолжая придерживать меня за руку, двинулся вперёд.

Я послушно пошёл по дороге рядом с ним, держа в руках палку, но, пока не пользуясь ей.

– Ты лучше используй трость, – посоветовал папа, увидев, что я просто держу её в руках. – Тебе же надо тренироваться.

– Конечно, – кивнул я и выдвинул вперёд белую трость.

Я начал водить палкой перед собой, пытаюсь понять, что находится передо мной и куда мне лучше дальше ступить. Но трость мне совсем не помогала и, когда на пути встретился бордюр, я благополучно об него запнулся.

– Осторожней, Макси, – придержал меня за локоть папа, не желая, чтобы я упал. – Ты старайся делать вот так, – он показал мне как лучше держать трость и как лучше ею всё вокруг «ощупывать».

– Хорошо, – я покорно начал делать так, как мне предло-

жил папа, но это также ничего не давало. У меня не получалось пользоваться тростью для слепых. Я сам не понимал, куда тыкаю этой палкой. Я даже не представлял, как это выглядело со стороны, но был уверен, что это было максимально нелепо и смешно.

Тут буквально рядом со мной страшно взревел мотор. Я вздрогнул и дёрнулся в сторону, боясь, что этот транспорт наедет на меня. Папа тут же схватил меня за плечи и отодвинул в сторону. Видимо, я наоборот подпрыгнул к дороге.

– Спокойно, Макси, – успокаивающе проговорил папа. – Это всего лишь мотоцикл. Всё хорошо.

Звук мотора начал отдаляться от меня, что означало, что мотоцикл уезжает. Как только этот страшный звук совсем стих, я с облегчением вздохнул. Но моё сердце продолжало сильно биться от пережитого страха. Быть слепым не так уж и легко. Кому-то может показаться смешным мой испуг, но для меня же это не было смешно. Мне было очень страшно, ведь я не видел этот мотоцикл, а он мог быть где угодно и мог спокойно наехать на меня.

– Всё хорошо? – папа внимательно вглядывался в моё лицо, переживая за меня. – Ты в порядке?

– Да. Всё нормально, – как можно увереннее сказал я, хотя это было совсем не так. Мне всё ещё было страшно, и у меня не было ни малейшего желания идти дальше. Мне очень сильно хотелось вернуться домой, но наша прогулка только недавно началась, и надо было дальше терпеть. Папе ведь то-

же хотелось гулять, а из-за меня он не мог себе это позволить. Надо было потерпеть хотя бы ради него. – Просто не ожидал, что раздастся такой громкий звук.

– Я всё понимаю, – папа погладил меня по плечу. – Можешь не объяснять. Тогда пошли дальше?

– Пошли.

Мы с папой не торопясь пошли дальше по дороге. Я старательно тыкал палкой вперёд, пытаюсь научиться ей пользоваться, но чем дольше это делал, тем более бесполезным мне это казалось. Мне это никак не помогало, и в основном меня вёл папа. Без него я уже давно вышел бы на дорогу. Также я старательно вслушивался в звук машин, пытаюсь привыкнуть к этому рёву и рычанию автомобилей, которые меня немного пугали. Но привыкнуть к этому было трудно.

Каждый раз, когда мотор машин рычал слишком громко, я вздрагивал, и мне хотелось отшатнуться в сторону, но, благодаря папе, который был рядом со мной, я сдерживался и оставался на месте. Я понимал, что папа меня вёл правильно, и мы точно были в безопасности, а значит, мне не о чем было переживать. Но даже громкая музыка, которая играла из автомобилей, заставляла меня вздрагивать и дёргаться.

И вот папа заставил меня свернуть направо, и мы походу зашли в какой-то двор. Это я понял по стихшему гудению машин. Конечно, я всё ещё их слышал, но гудение уже было не таким громким как раньше. Я только расслабился и был уже готов обрадоваться, что больше не придётся так вздра-

гивать и пугаться, как тут раздался крик какого-то человека совсем рядом. Я снова вздрогнул и повернул голову в ту сторону, от которой шёл крик. Но от этого мне спокойнее не стало.

Мы продолжали идти и разнообразные звуки вроде проехавшего мимо велосипеда, тархтения самоката, криков детей, плача младенцев и так далее заставляли меня напрягаться или даже вздрагивать. Полностью расслабиться у меня не получалось. Я всё равно был напряжённый.

Какое-то время мы ходили по дворам. Я уже даже начинал уставать, и мне хотелось либо вернуться домой, либо присесть на лавочку. Конечно, мне больше нравился первый вариант, но я не был уверен, что прошло много времени, и мне не хотелось расстраивать папу столь ранним возвращением домой. Правда, мне казалось, что уже прошло очень много времени, но вряд ли это было так, поэтому было лучше ещё чуть-чуть побыть на улице, чтобы папа мог подольше насладиться прогулкой. Я только хотел предложить ему сесть на лавочку, как резко споткнулся об бордюр или ступеньку, чтобы это ни было.

– Аккуратнее, Макси, – удержал меня на ногах папа. – Ты, наверное, устал, да? Может, давай немного посидим на лавочке?

– Да, давай, – согласился я. – Только хотел тебе это предложить.

– Тогда точно надо сесть, – папа повёл меня в лавочке. –

Вот и лавочка. Присаживайся, – он усадил меня и сел рядом. – Ну, как тебе наша прогулка? Не так уж и ужасно, не так ли?

– Нормально. Сойдёт, – махнул я рукой, вертя головой в разные стороны.

В одной стороне были слышны крики детей, а вот с другой стороны до меня доносилось какое-то раздражающее бречание. Я качнул головой, стараясь не обращать внимания на эти звуки. Я облокотился об спинку лавочки и только хотел расслабиться, как тут прямо перед нами пролетел кто-то на скейте. Это я понял по характерному звуку. Один раз этот звук уже меня напугал и заставил сильно подскочить. Папа тогда мне объяснил, что это было, и этот звук я хорошо запомнил. Но и сейчас, так как я расслабился и не ожидал такого, этот звук заставил меня вздрогнуть, но я хотя бы не подскочил и остался на своём месте.

– Давайте скорее! – заставил меня вздрогнуть крик какого-то мальчишки. – Будем играть в салки. Идите сюда! – раздался топот ног, что означало, что кто-то бежит к нему.

– Я первый буду считать, – выдал кто-то из детей. – Давайте. Начнём. Эники-беники ели вареники, Эники-беники – хоп! Ты выбываешь! – мальчик продолжил считать, и так продолжалось ещё раз пять. И вот он выдал: – Ты вода! Бежим!

По звукам стало понятно, что дети разбегаются. Я тяжело вздохнул, вспомнив, как также играл с друзьями. Мы люби-

ли после собрания играть в салки на улице, но больше это было невозможно. Я больше ни с кем и ни во что не мог играть, ведь потерял зрение. Я мог сейчас лишь слушать, как играют другие дети, что и делал. Больше мне ничего не оставалось, а игра у них тем временем была в самом разгаре. Они бегали друг за другом, громко смеялись, и им было весело.

Я только сосредоточился на звуках игры ребят, как резко зажужжавшее насекомое прямо возле моего уха заставило меня вздрогнуть и вскочить с лавочки.

– Ты чего, Макси? – удивился папа. – Это всего лишь муха. Всё хорошо. Садись обратно, – он вновь усадил меня на лавочку.

Я опять попытался расслабиться и сосредоточиться на звуках игры детей, как тут раздался какой-то громкий гудок, который вновь заставил меня вздрогнуть, и я даже подскокил на своём месте, но с лавочки на этот раз не встал. Я повернул голову в ту сторону, откуда раздался этот звук, но всё внезапно стихло. Из моей груди вырвался тяжёлый вздох. Вновь расслабиться я даже не успел, так как тут меня напугал упавший на меня с дерева лист. Я был настолько напряжён, что даже обыкновенный лист заставил меня вздрогнуть и дёрнуться.

– Макси, на тебе лица нет, – положил руку мне на плечо папа. – Ну, что с тобой такое? Тебе что настолько тяжело на улице? А ты не пытался просто ни на какие звуки не обращать внимания? Просто попробуй расслабиться и ничего не

слушать. Хорошо?

– Да я уже пробовал, – буркнул я. – Но у меня ничего не получается.

– Попробуй ещё раз, – не желал сдаваться папа. – Просто дыши свежим воздухом и слушай шелест листьев. Сосредоточься на этом! Хорошо? Ты же сам прислушиваешься ко всем звукам вокруг, поэтому всего пугаешься. Сосредоточься на чём-то одном! Не надо слушать что-то другое. Попробуй! Ладно? Ты попробуешь?

– Хорошо. Попытаюсь, – ничего не оставалось мне, как только кивнуть.

Я вновь откинулся на спинку лавочки и расслабился, пытаясь сконцентрироваться на звуке ветра и шелесте листьев. Первые минуты всё было хорошо. Я слушал лишь шелест листьев и даже начал этим наслаждаться. Но потом... Любой шорох или подозрительный звук заставлял меня вздрагивать, дёргаться и поворачивать голову в ту сторону, откуда исходил этот звук. Я вновь стал напряжённым и дёрганным. И вот когда я в очередной раз дёрнулся и повернул голову в сторону, папа поднялся с лавочки и выдал:

– Ладно. Кажется, нам пора домой. На сегодня прогулки хватит.

– А что такое? – сделал я удивлённое лицо, хоть внутри был рад, что мы наконец-то идём домой. – Что-то не так? Тебе надоело гулять?

– Я не могу больше смотреть, как ты дёргаешься и пуга-

ешься любого звука, – выпалил папа. – И не надо притворяться, что всё в порядке. Всё на твоём лице написано, Макси. Так что лучше пойдём домой. На сегодня достаточно! Ты молодец, но лучше вернуться домой.

– Хорошо. Пошли.

– Ты уже давно хотел домой, ведь так? – догадался он.

– Если честно, да, – признался я. – Уже давно хочу домой.

– И зачем ты терпел так долго? Просто сказал бы мне, и мы вернулись бы домой. Зачем мучиться? Оно тебе надо? Я же вижу, как тебе тяжело. Ты любого шороха пугаешься и от всех шарахаешься. Зачем ты терпел? Чего ты ждал?

– Просто хотел, чтобы ты нагулялся, – тихо сказал я, понимая, как это звучит глупо. – Ты же целыми днями сидишь дома, и ты сам сказал, что тебе не хватает прогулок. Я же понимаю, что тебе тяжело постоянно сидеть со мной, а уйти один и бросить меня ты не можешь. Вот и решил немного потерпеть, чтобы ты мог насладиться прогулкой. Мне-то она не особо нужна. Мне и без неё хорошо. А вот тебе нужна...

– Макси, ну, ты чего? – папа приобнял меня за плечи. – Я выхожу сюда только ради тебя и мне это не особо и нужно. Мне приятно гулять с тобой, но, если тебе на улице плохо, мне от этого не лучше. А так мне вполне хватает прогулок по магазинам или поездки на работу. Мне не нужно гулять. Это должно быть нужно тебе, ведь тебе нужно дышать свежим воздухом и просто бывать на улице, чтобы привыкать к этому шуму. И мне вовсе не тяжело сидеть с тобой целы-

ми днями. Мне это даже нравится! Я провожу с тобой так много времени... Это же замечательно! Меня это вовсе не раздражает. Ты не можешь меня раздражать. Поверь мне на слово! И больше не надо терпеть! Если тебе совсем тяжело на улице, то так и говори сразу. Не терпи! Хорошо? Не будешь больше терпеть и заставляя себя мучиться?

– Хорошо. Не буду. В следующий раз скажу тебе сразу, что хочу домой, – твёрдо сказал я, только сейчас поняв, что мог так долго не мучиться. – Но, если честно, мне хотелось домой сразу же, как только мы вышли на улицу.

– Макси, ты ещё привыкнешь к улице, – папа повёл меня по дороге. – Это тебе сейчас так тяжело, а потом станет легче. Просто тебе надо ещё чаще бывать здесь, чтобы привыкнуть к этому всему. Раньше ты пугался ещё сильнее этого шума, а теперь ты реагируешь чуть лучше. Настанет день, когда тебя этот шум будет и вовсе не пугать. Надо только тренироваться. Хорошо? Просто будешь чаще выходить со мной на улицу, и мы будем устраивать такие прогулки. И всё будет хорошо!

– Надеюсь, – лишь вздохнул я.

– А теперь давай, скорее, вернёмся домой, – папа, держа меня за руку, ускорил шаг, видимо, желая поскорее вернуть меня домой, в безопасность, туда, где мне не так страшно.

И, к счастью, мы смогли до дома дойти достаточно быстро. Может быть, это было потому, что мы шли гораздо быстрее, чем шли, когда только покинули дом. А может быть потому,

что я всю дорогу думал о доме и горел надеждой поскорее там оказаться.

И вот мы наконец-то прошли туда. Папа закрыл входную дверь. Я же с облегчением вздохнул и, повесив трость на её положенное место, прошёл вглубь квартиры. Ноги сами повели меня к дивану, на котором я сидел до того, как папа потревожил меня и вытащил на улицу.

– О! Ты сам пришёл сюда, – воскликнул папа, увидев меня. – Я как раз хотел тебе предложить хоть немного почитать слово, попеть и помолиться.

– Только давай недолго, а то я устал, – простонал я и откинулся на диван.

– Я буквально одно место прочитаю, – папа шагнул к журнальному столику и скорее всего, взял с него свою Библию. – Оно как раз у меня в голове всю нашу прогулку вертелось. Потом мы споём и помолимся. А дальше уже посмотрим. Хорошо?

– Ну, давай, – я лишь махнул головой, как бы позволяя папе начать.

– Вот. Такое место, – он зашелестел листьями. – 1-е Коринфянам 1 глава с 18 стиха. «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия. Ибо написано: «погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну». Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премуд-

рости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев – соблазн, а для Еллинов – безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, – Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков. Посмотрите, братья, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом. От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением, чтобы было как написано: «хвалящийся хвались Господом». Вот! Такое место я хотел прочесть. Думаю здесь ничего объяснять не надо. Итак, всё понятно? Верно, Макси?

– Да, – я положительно кивнул головой. Мне, и правда, всё было понятно и мне не особо хотелось, чтобы папа погружался в подробные объяснения этого места.

– Тогда давай споём, – он открыл псалтирь. – Какой псалом хочешь спеть?

– Выбери сам, – не желал я напрягать свою голову.

– Давай споём псалом «О, я грешник бедный!».

– Давай, – безразлично пожал я плечами.

– Я начну, – решительно сказал папа. Он выждал минуту и запел: – О, я грешник бедный, правда, я таков!

Если Бог бессмертный не был полн даров.

Не был полн любовью и не спас меня,

То погиб давно бы в мире этом я.

– Буду с верой в сердце я к Нему смотреть, – присоединился я к папе на втором куплете, не удержавшись. Петь я всё равно, не смотря ни на что, любил и мне это очень нравилось. Можно было просто расслабиться, и песня сама лилась из моих уст. – Если «Мир» не скажет – мне им не владеть.

Если ж я услышу слово от Него —

Буду славить сердцем, буду петь Его.

Мы пропели ещё два куплета и замолчали. Я чувствовал на себе внимательный папин взгляд и не решался что-то первый заговорить. А тот, видимо, тоже не решался это сделать. Мы так хорошо вместе спели, и испортить этот момент папа не желал. Но вот он глубоко вздохнул и заговорил:

– Теперь надо бы помолиться. Макси, может, на этот раз ты помолишься?

– Я? – не ожидал я такого. – Почему я?

– Ну, последнее время постоянно беру молитвы я, – напомнил папа. – Помолись на этот раз ты. Хотя бы кратенько.

– Ну, хорошо, – не стал я отказывать и медленно поднялся с дивана.

– Замечательно. Давай, Макси, – попытался приободрить

меня папа.

Я же тяжело вздохнул, набрал в лёгкие как можно больше воздуха и начал:

– Дорогой, Иисус, я благодарю Тебя за этот день. Я благодарю Тебя за то, что Ты всегда с нами, за то, что Ты охраняешь и оберегаешь нас. Слава Тебе за пищу, за одежду, за хлеб и за всё, что Ты нам даёшь и посылаешь, – с трудом молился я. Каждое слово я говорил с большим трудом. Слова словно застревали в глотке и не хотели идти наружу. С трудом, но я продолжал молитву, понимая, что молиться надо. Но мне этого не особо хотелось.

– А теперь давай что-нибудь споём, – решил папа. – Какой псалом ты хорошо знаешь и сможешь сыграть?

– Ну, наверное... – я задумался, пытаюсь вспомнить какой-нибудь псалом. – Наверное, псалом «Ты для меня Спаситель», – неуверенно сказал. – Его вроде бы помню, как играть. Но может, всё-таки лучше ты сыграешь, а я просто буду петь?

– Макси, ты сможешь сыграть этот псалом, – уверенно сказал папа и положил мне на колени гитару. – У тебя уже хорошо получается, и знакомый псалом ты точно сможешь сыграть. Давай! Смелее!

– Ну, хорошо, – сдался я и, взяв в руки гитару, начал играть этот псалом. Папа дождался вступления и запел.

Уже пролетели целые две недели. Все эти две недели мы

с папой усиленно занимались. Он старательно учил меня играть на гитаре вслепую. Конечно, ему было трудновато меня учить, ведь он не знал каково это быть слепым. Но он очень старался, а я в свою очередь старался выполнять его требования и делал всё, как он говорил. Я очень хотел научиться играть на гитаре вслепую, и у меня это получилось. Мы с папой смогли сделать это! Мы вместе добились этого! Добились, чего хотели! И я наконец-то смог вновь играть на гитаре, чему был очень рад.

Понятное дело, меня это радовало, ведь больше я не был вынужден так умирать от скуки, как раньше. Теперь я мог хоть чем-то заняться. К тому же за то время, что я был слепым, я успел очень сильно соскучиться по гитаре, и возможность вновь играть на ней очень меня осчастливила. Да и я ведь до этого был уверен, что больше не смогу играть на гитаре и даже не верил в это, но оказалось, что это вовсе не так, и папа был прав. На гитаре можно было играть и вслепую. И я сейчас играл на ней и за эти две недели научился играть на ней достаточно неплохо.

Сейчас у нас, как обычно, было домашнее служение. Сегодня было воскресенье, и мы просто обязаны были устроить такое собрание, и папа его устроил. Я же просто не стал спорить и послушно уселся с ним в зале. Хотя бы мне не нужно было скучать в комнате, и можно было хоть чем-то заняться. И можно было заняться не просто чем-то, а заняться полезным. А отдавать Богу время было нужно, и это было полез-

но. И мы сейчас как раз-таки этим занимались. Я был рад с папой попеть и также поиграть на гитаре, а вот всё остальное....

Я был бы рад обойтись без этого, но это было невозможно. Иначе это было бы уже не служением. Во время нормального служения всегда читают Библию, рассуждают, молятся, ну и, конечно же, поют, что мне как раз-таки больше всего и нравилось. Остальное я лишь просто терпел, понимая, что это тоже нужно, и не желая папу расстраивать своим нежеланием обсуждать слово Божие и молиться. Ну, а как можно хотеть что-то обсуждать, когда ты даже не можешь видеть текст стихов, что папа прочёл?! Мне даже было тяжело сосредоточиться на том, что папа читал. Если бы я мог видеть эти стихи, мне было бы гораздо проще, но так.... Было не особо интересно!

Ну, а про молитвы даже не стоило говорить, ведь у меня до сих пор слова застревали в горле, и было сложно что-то говорить во время молитвы. Хотелось просто молчать. Но и молчать было нельзя, ведь тогда папу это очень сильно расстроило бы, а мне этого не хотелось. Приходилось себя заставлять и через силу молиться. Один час нашего собрания прошёл, и оставалось потерпеть лишь ещё чуть-чуть.

– Ну, вот! У тебя получилось, – сказал папа, когда псалом закончился. – Я же сказал, что ты сможешь сыграть знакомый псалом. И ты сыграл очень даже хорошо. Молодец!

– Спасибо, – лишь слегка улыбнулся я.

– Так. Мы спели и теперь надо бы прочитать какое-нибудь место. У тебя есть идеи, что можно почитать? – спросил у меня папа.

– Выбирай сам.

– Хорошо. Как скажешь, – не стал папа спорить. – Значит так, – он начал листать свою Библию, – я прочитаю 2-е Коринфянам 6 главу с 1 по 10 стихи. «Мы же, как споспешники, умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами. Ибо сказано: «во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе». Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения. Мы никому ни в чем не полагаем преткновения, чтобы не было порицаемо служение, но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем». Вот такое вот место! Теперь давай обсудим его.

– Ну, давай, – махнул я головой.

– Тебе всё понятно в этом месте? – задал мне вопрос па-

па. – Может, у тебя есть вопросы? Задавай. Я попробую объяснить.

– Ну, я даже не знаю, – неопределённо сказал я, не зная, что спрашивать у папы. То место, что папа читал, я прослушал вполуха, и не имел понятия, о чём говорить. – Ну, объясни первый стих.

– Первый стих? – в голосе папы было слышно удивление. – Ну, ладно. Давай я прочитаю его ещё раз. «Мы же, как спешники, умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами». Это место тебе непонятно?

– Ну, может и не это, – смутился я.

– Может, ты хочешь, чтобы я ещё раз всё прочитал? – предложил папа, поняв, что я всё прослушал.

– Давай, – я тяжело вдохнул, поняв, что папа всё равно так просто от меня не отстанет и придётся слушать его и обсуждать то место, что он прочитал.

Папа тем временем начал перечитывать это место, а я старался как можно внимательнее его слушать, не желая опять всё прослушать.

– Ну, вот. Я перечитал, – проговорил папа, когда закончил читать. – Теперь ты надеюсь, меня услышал? У тебя есть вопросы? Тебе всё понятно?

– Ну, вот например последний стих, – начал я. – Там сказано, что «нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но».... Забыл! – я поморщился, поняв, что не помню, что дальше папа говорил. – Можешь, пожалуйста, прочитать ещё

раз последний стих?

– Конечно, Макси. «...Нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем». Ты же про него, да?

– Да. Вот что это значит? Как можно радоваться, когда нас огорчают? И как можно быть нищим, но всех обогащать? Да и.... «Мы ничего не имеем, но всем обладаем».... Не понимаю, что это значит.

– Ну, начнём с первого. Да, тяжело радоваться, когда нас огорчают, но, когда с нами Бог.... Как можно расстраиваться из-за какой-то ерунды, когда нас ждёт вечная жизнь с Богом? Мы будем с Ним вечность и какая-то мелочь вроде чьё-то оскорбление или неуважение со стороны какого-то человека не должно нас огорчать. Мы должны излучать радость и счастье, ведь, пока с нами Бог, у нас всё будет хорошо. У нас всё наладится. А когда нас пытаются огорчить и расстроить.... Это надо принимать как испытание, которые мы должны просто пройти. А испытание это всегда хорошо, ведь Бог их допускает не просто так. Он хочет нас исправить, сделать лучше и искоренить ненужное. Эти испытания надо принимать с радостью и гордостью. Понимаешь?

– Если честно, не особо, – отрезал я.

– Ну, да, – по голосу папы было понятно, что он как-то погрустнел. – Ведь ты сейчас немного изменился. Раньше ты всегда был таким весёлым. Мама тебя всё время сравнивала с солнышком. Ты был нашим лучиком счастья. Постоян-

но улыбающийся, весёлый и простой! Тебя ничто и никто не мог расстроить, и ничто не было способно испортить тебе настроение. Ты всегда был радостным, не смотря ни на что! А сейчас... Сейчас ты постоянно грустный и не можешь даже понять такое простое место.

– Сам бы попробовал побывать на моём месте, – едва слышно пробурчал я.

– Ладно. Тогда давай лучше пойдём дальше, – поспешил сменить тему папа, видимо, услышав мои слова. – Дальше идёт «мы нищи, но многих обогащаем». Как я понимаю, здесь речь идёт о двух вещах. Первое, мы порой готовы отдать последнее. Мы можем иметь мало, но, если встретим человека, у которого вообще ничего нет, отдадим ему последнее. Ведь ему нужнее! Вспомним хотя бы историю про бедную вдову. Давай я лучше её прочитаю, – он начал активно искать это место. – Вот оно. Я зачитаю.

«Иисус учил однажды в храме, говоря: «Остерегайтесь книжников, любящих ходить в длинных одеждах и принимать приветствия в народных собраниях, сидеть впереди в синагогах и возлежать на первом месте на пиршествах, – сии, посядающие дома вдов и напоказ долго молящиеся, примут тягчайшее осуждение». Потом Иисус сел напротив сокровищницы храма и смотрел, как народ кладет деньги в нее. Многие богачи клали много. Среди них была одна бедная вдова, положившая в сокровищницу две лепты. Подозвав к Себе Своих учеников, Иисус сказал им: «Истинно говорю

вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу, ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое».

Это [Евангелие от Марка 12 глава с 38 по 44](#) стихи. Надеюсь, эту историю ты понимаешь? Эта вдова отдала всё, что имела. Также должны делать мы и многие делают. Ну, а также, второе, мы ведь богаты в Боге. И очень богаты! Мало того, что у нас есть жизнь вечная, так ещё и у нас есть много всего того, что не имеют другие. А это плоды духа! Но это я зачитаю чуть позже. Думаю теперь тебе это место понятно. Ведь так?

– Вполне, – махнул я рукой, желая поскорее закончить с этим обсуждением.

– Тогда пошли дальше. Дальше у нас.... – папа, видимо, заглянул в Библию. – «Мы ничего не имеем, но всем обладаем». Это место тебе было не особо понятно?

– Да, я уже понял. Можешь не объяснять. Я понял. Это почти то же самое, что и прошлый стих. Не надо объяснять.

– Ну, хорошо, что ты понял, – был доволен папа. – Тогда давай обсудим остальное. Давай по порядку будем обсуждать каждый стих.

Я тяжело вздохнул, а папа начал рассуждать о каждом стихе данного места. Мне же ничего не оставалось, как молча слушать его. Мне больше хотелось попеть псалмы, чем слушать папины рассуждения. Но вот ему очень нравилось раз-

бирать различные места из Библии, и он мог это делать по долгу. Раньше мне тоже это нравилось, но теперь не особо.

А папа, скорее всего, очень скучал по нормальному служению, и его можно было понять. Для него ведь почти ничего не изменилось. Ну, не считая потерю мамы. Но на служения его всё равно тянуло, и это было заметно. Особенно заметно это было по огромному папиному желанию обсуждать слово и молиться. И вот теперь он опять погрузился в рассуждения и всё говорил и говорил.

Рассуждал папа достаточно долго. Он никак не мог остановиться. Он и на самом служении в Церкви любил так по долгу говорить проповеди, но раньше для меня это никогда не было таким мучительным. А сейчас для меня это было мучительным, и мне хотелось, чтобы он поскорее закончил, и мы смогли бы спеть какой-нибудь псалом. Конечно же, после молитвы.

И вот папа наконец-то замолчал. Я только хотел с облегчением вздохнуть, как тут папа выдал:

– Так. А теперь я хотел зачитать место про плоды духа и дела плоти. Сейчас найду, – он зашелестел листочками Библии.

– А разве этого недостаточно? – подал я голос, желая остановить папу. – Ты итак много прочитал и долго рассуждал... Может, надо помолиться и спеть какой-нибудь псалом?

– Но я же хотел после рассуждения прочитать это место, – напомнил папа. – Я просто прочту его. Не буду ничего гово-

рить и обсуждать это. Тут и обсуждать нечего. Я просто прочитаю, и мы пойдём дальше. Хорошо? Это ненадолго. Тебе что так хочется попеть?

– Вообще-то да, – честно сказал я.

– Ну, потерпи ещё немного. Я быстро. Вот оно. Уже нашёл! «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, [соблазны,] ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют. Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона». Вот и всё! Здесь всё вполне понятно. Мы должны стремиться к тому, чтобы в нас были только плоды духа, а дела плоти должны исчезать, ведь это всё грехи. Конечно, это сложно, ведь мы люди, но с Богом нет ничего невозможного. С Ним можно всё! Вот так вот! Но думаю, это ты итак сам прекрасно понимаешь. Так что останавливаться на этом месте не станем. Думаю, пора помолиться, а потом наконец-то будем петь.

– Замечательно, – я глубоко вздохнул и поднялся на ноги.

Молитва у нас, к счастью, была краткой. Я тоже старался молиться, но в основном молился папа. Я лишь вяло его поддерживал, желая поскорее подойти к пению псалмов. Мне уже не терпелось взять в руки гитару и что-нибудь сыграть.

И к моему великому счастью этот момент настал буквально через пару минут. Мы вернулись на свои места, и папа продекламировал:

– Теперь можно и что-нибудь спеть. Что предложишь? У тебя, наверное, уже есть идеи?

– Вообще да, – кивнул я головой. – Я уже давно хотел спеть эту песню, и я её хорошо помню. Только это не псалом! Мы эту песню как-то пели вместе на собрании. С нами ещё была мама... – тихо добавил я.

– Что за песня? Случайно не «Тобою дышу»?

– Да. Она самая, – подтвердил я, и моё выражение лица стало удивлённым.

– Я просто тоже подумывал её спеть, – признался папа. – Уже давно о ней думал. Но просто не решался тебе предложить её спеть. Я почему-то думал, что ты откажешься её петь.

– С чего это?

– Ну... – папа запнулся. – Вдруг она на тебя навевает грустные воспоминания.... Но я рад, что ты предложил её спеть. Это хороший выбор. Полностью поддерживаю тебя! Давай её споём! Ты же помнишь, как её играть?

– Да, помню.

– А петь одновременно сможешь? – решил уточнить папа. – Если хочешь, давай я буду играть.

– Нет, не надо. Я смогу. Я попробую.

– Ну, ладно. Давай попробуем. Начинай.

Я взял в руки гитару. Пару секунд я вспоминал, как играть эту песню и только хотел начать, как папа подал голос:

– Подожди! Я тоже хочу сыграть. Но я буду играть на пианино. Так будет гораздо красивее.

– Ну, давай, – не стал я спорить.

– Всё. Я готов. Ты начинай, – скомандовал папа.

Я послушно начал играть на гитаре. Через пару секунд папа присоединился ко мне и начал играть на пианино. Мы вместе сыграли вступление и, не прекращая играть, запели:

– Ты держишь меня, в руках нежных своих

В них нахожу я покой.

Мне без Тебя, незачем жить

Счастье моё лишь с Тобой.

Тобою дышу, Тобою живу

Всю полноту в Тебе – нахожу

Моя душа, Тобою живёт

И для Тебя лишь поёт, – пропели мы с папой первый куплет и припев.

Пели мы очень хорошо и слаженно. Уже давно мы так хорошо не пели и не получали от этого такое наслаждение. А музыка, которую мы проигрывали каждый на своём инструменте, добавляла некий шарм и делала эту песню ещё красивее. Ещё никогда раньше у нас не получалось так хорошо петь эту песню, и сейчас мы сами себя удивляли. Я даже слегка прикрыл глаза. Мне казалось, что всё как прежде. На душе становилось спокойно и хорошо. На моих губах по-

явилась улыбка, которую я не смог сдержать. Тем временем песня продолжалась:

– Вся сила в Тебе, Величье и Власть

Ты есть любовь и огонь.

Ты есть везде, Ты есть во всём

Ты есть во мне Господь мой, – пропели мы очередной куплет и опять приступили к припеву. Нам не хотелось прекращать петь, ведь эта песня была просто прекрасна, и она навевала воспоминания о тех временах, когда мы были все вместе, и всё было хорошо.

– Всю полноту, и любви глубину

Святого Духа, Сына, Отца

Милость Твою, не объять никогда

Жертву Твою, не понять до конца, – продолжали мы с папой петь.

Песня близилась к концу, и от этого становилось даже немного грустно, ведь так сильно не хотелось, чтобы песня кончалась. Но этого было не избежать.

– Тобою дышу, Тобою живу

И для Тебя лишь пою... – пропели мы вместе конец, протянув последнее слово. Но, закончив петь, не прекратили играть. Ещё минуту мы играли на инструментах и, доведя музыку до завершающего конца, остановились.

– Здорово! Нет, правда. Замечательно вышло! – вырвался у папы возглас. – Мне очень понравилось. Ты большой молодец, что предложил спеть эту песню.

– Ага, – лишь проговорил я в ответ. Больше я не улыбался, и мне опять стало грустно, ведь мне пришлось открыть глаза и из мира, где было так хорошо, я вновь очутился в мире, где вокруг была лишь одна тьма. И это было ужасно! Я никуда не мог деться от этого мира. Теперь я всю жизнь был вынужден пребывать в таком мире, и изменить это было невозможно.

– Так. Сколько у нас времени? – папа, видимо, посмотрел на часы. – Так, ну, уже много времени, так что думаю можно напоследок помолиться и завершить наше собрание. Хорошо? Ты не возражаешь? А то мне ещё сейчас надо нам с тобой обед сделать, а в холодильнике ничего нет. Сейчас пойду в магазин.

– Да, конечно, я не возражаю. Мне как раз хочется немного полежать.

– Тогда точно пора заканчивать. Давай. Вставай.

Я нехотя поднялся с дивана, отложив в сторону гитару. Папа произнёс последнюю молитву. Как обычно, я пытался его поддерживать, но в этот раз ещё более вяло, ведь мне, и правда, очень хотелось вернуться в комнату и хоть немного полежать. Но, к счастью, папа не стал молиться слишком долго. Он молился минут пять, а потом начал читать молитву «Отче наш». Я эту молитву знал прекрасно, поэтому начал её читать вместе с ним:

– Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости

нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

– Ну, вот мы и закончили, – сказал папа. – Можешь идти в комнату, а я в магазин. Постараюсь побыстрее.

– Хорошо, – я слегка улыбнулся ему. – Буду ждать, – с этими словами двинулся к лестнице, прихватив с собой гитару.

Шёл я, не торопясь, и даже не успел зайти в комнату, как услышал хлопок входной двери и щёлканье замка. Папа ушёл в магазин, и я опять оставался один. Пройдя в комнату, я глубоко вздохнул и уже хотел поставить гитару на её положенное место и пойти к кровати, чтобы полежать на ней, как внезапно остановился.

Мне не хотелось убирать гитару. Я хотел ещё немного на ней поиграть, и сейчас в моей голове вертелась лишь одна песня, которую мне очень сильно хотелось спеть. Я не стал себя мучить и, усевшись на стул, начал наигрывать мелодию этой песни. А потом запел:

– Ты знаешь, Боже, мое желанье,
Мои молитвы слышишь Ты;
Тебе известно мое страданье,
Мои стремленья и мечты.
Ты знаешь, Боже, что не ищу я
Богатств и почестей земных;
Моим всем сердцем Тебя люблю я,
Хочу с Тобой быть каждый миг.

После каждого слова этой песни моё сердце сильно сжималось, и мне хотелось просто плакать. Эта песня сейчас олицетворяла мои мысли и чувства. Мне сейчас было очень грустно, и каждое слово этой песни будто бы выходило из моей души, сообщая всем вокруг о моих переживаниях. Но я был один, и никто меня сейчас не слышал. Я мог просто петь, передавая через эту песню в небо всю свою боль, которая была огромной.

– Скорблю я часто, душа томится,

Не вижу радости бытия...

Я одинокий, как в клетке птица,

И умолкает песнь моя, – продолжал петь, а на мои глаза медленно наворачивались слёзы, которые я с трудом сдерживал. Но мои руки продолжали играть на гитаре, а уста пели. Мне не хотелось замолкать и хотелось петь и петь, ведь моя боль тоже не умолкала, и её куда-то надо было деть. Оставалось только попробовать её утопить в этой грустной песне, но пока у меня ничего не получалось. Мне становилось лишь больнее и тяжелее от каждого слова этой песни. Будто бы что-то давило на меня сверху, отчего я не мог избавиться.

– Никто не знает, не спросит даже,

Куда и что меня влечет,

И кто утешит, кто путь укажет,

Когда на сердце тяжкий гнет? – по моей щеке потекла первая слеза, которую я не смог сдержать. Я набрал в лёгкие как можно больше воздуха. Мне хотелось допеть эту песню. Я

не должен был останавливаться, не смотря ни на что. Как бы мне ни было больно, надо было продолжать петь. И я продолжал:

– Мне мир чужим стал, и я – для мира...

О Боже, дай мне Твой покой!

Устал бороться, слабеют силы,

А путь далекий предо мной.

К небесной дали душа стремится.

Пушкай бушует ветер злой,

Я верю, Боже, Твоя десница

Всегда пребудет надо мной, – закончил я петь, и из моей груди вырвался тяжёлый вздох. По моим щекам продолжали течь слёзы.

Я отложил в сторону гитару и только хотел шагнуть к кровати, как внезапно рухнул на колени. Сейчас мне было так больно, как никогда не было. Потеря мамы, потом потеря зрения.... Я ведь не заслуживал всего этого! За что мне было всё это?! Чем я это заслужил?! Мне было это непонятно. И я, еле сдерживая рыдания и тихонечко всхлипывая, взмолил:

– Боже, за что мне это всё?! Пожалуйста, помоги мне! Ты видишь, как мне тяжело! Ты всё видишь! Прошу тебя, избавь меня от этой боли. Я тебя умоляю! Верни мне хоть немного зрения, чтобы я мог видеть хоть что-нибудь. Прошу Тебя, дорогой Иисус! Я умоляю! Ну, почему Ты не хочешь мне вернуть зрение? Я просто не понимаю, Боже! Что я делаю не так?! Что я такого сделал?! За что мне всё это?! – на этой но-

те я не выдержал и просто зарыдал. С моих глаз быстро текли слёзы, но губы продолжали шептать молитву. Я умолял Бога вернуть мне зрение и помочь выдержать все эти страдания. Я больше не хотел чувствовать эту боль внутри, но, сколько бы ни молился, мне не становилось лучше. Я ничего не чувствовал. В душе была лишь одна пустота!

Я уселся на полу, облокотившись об кровать. Я думал о маме, о том, как раньше было хорошо, когда я видел и обо всём хорошем, что происходило в моей жизни. Вспоминал ту сильную веру, которая у меня была раньше. Раньше никто даже не мог поколебать мою веру, а теперь.... Теперь от этой веры почти ничего не осталось.

В моей голове внезапно возникла недавняя картина, которая произошла между мной и папой. Мы с ним обсуждали одно место. Я тоже старался, как мог обсуждать это место, но постоянно забывал слова, что там были написаны. Я раз пять, если не больше, просил его перечитать это место. Как же мне было неловко перед папой.... Ему приходилось не по одному разу открывать Библию и читать это место. Я даже под конец начал извиняться перед ним. И хоть он и сказал, что это ничего страшного и ему несложно перечитать это место, мне всё равно было неловко. И с этой неловкостью я ничего не мог поделать.

Мне даже сейчас опять стало неловко, когда я это вспоминал. Конечно же, это было не очень приятно. Кому понравится быть беспомощным, а именно таким я себя постоянно

чувствовал. Я до сих пор многие вещи не мог сделать без папиной помощи, и это было ужасно! Я от этого себя чувствовал просто ужасно! Ну, кому понравится быть слепым и даже не иметь возможность прочесть пару строчек? Понятное дело, что никому! И это очень сильно давило на меня. Но Бог будто бы назло не хотел возвращать мне зрение.

И я это просто не понимал. Я всегда так в Него верил и так Его любил, а сейчас Он будто бы отвернулся от меня и не хотел мне помочь. Я просто не мог понять, в чём дело! Мне даже начинало казаться, что всё это бесполезно. Все эти молитвы, чтение Библии, песнопения.... Всё это не имело смысла, ведь ничего не менялось! Сколько бы мы с папой не молились, и сколько бы я не просил Бога вернуть мне зрение, ничего не происходило.

Я каждое утро просыпался, и всё было как прежде. Я оставался слепым! Бог будто бы не слышал меня! А может быть, Его даже и вовсе не было.... Даже такие мысли у меня начинали промелькать. А иначе, почему Он молчал? Почему Он не отвечал на мои молитвы?! Оставалось только такое объяснение! Но это было ужасное объяснение, и мне оно вообще не нравилось!

Ведь это означало, что я всё время ошибался и, когда Володя говорил мне, что Бога нет, это была правда. А мне этого совсем не хотелось. Мне хотелось, чтобы Бог был. От этого на сердце становилось немного легче и приятнее. Но сейчас мне хотелось просто прекратить всё это делать. Прекратить

молиться Богу, умолять Его вернуть мне зрение и даже прекратить верить в Него. Эта вера мне сейчас казалась такой глупой и бесполезной. Она ничего не давала! Проще было отступить и сдаться.... Так было легче....

Стоило мне об этом подумать, как тут у меня в голове возник стих, который как-то в воскресенье читала Таня во время собрания. Этот стих мне очень сильно запал в душу, и вот сейчас в моих ушах будто звучал её голос:

– Как часто страшную картину
Ты представляешь пред собой,
Что ты идёшь – и дуло в спину,
И ты за Господа герой...
Как часто Пётр всплывает в мыслях?
Глаза Христа. Крик петуха.
И слов лукавых дешевизна,
И послекусие греха...
Как часто мы, ища ответы
На важном интервью с собой,
Не узнаём автопортреты
И спорим со своей душой?
Мы говорим себе: "Возможно,
Когда-нибудь наступит час
И приподнимется безбожье,
И брата брат врагу предаст,
И если вдруг меня повяжут,
Железом будут жечь уста

И отречься мне прикажут
От веры в Господа Христа,
Я и у смертного порога
Не испугаюсь, не сломлюсь!
К стене поставят, но от Бога
Я ни за что не отрекусь.
Я не предам! Я не посмею.
Я выдержу! Я всё пройду.
Своей души не пожалею."
Но здесь... Давай начистоту!
Остановись. Копни поглубже
И максимально приглядишь
В мотивы, увлечения, нужды -
Чем ты наполнил эту жизнь?
Зачем нам представлять, что будет
И как мы верностью блестяем!?
Если сегодня нас так мутит,
Что мы зачёты не сдаём.
Зачем нам ждать времён гонений!?
Скажи, к чему нам жечь уста,
Если на них от осуждений,
И без железа – чернота...
В наш век другие инструменты,
И методы врага хитрей,
И отречения моменты
Всё незаметней для людей.

Условия для нас лучше...
И мы порой почти глухи,
Когда нам правду прямо в уши
Кричат до хрипа петухи...
Зачем о будущем!? Сегодня...
Сегодня ты готов страдать?
Когда открыта преисподня,
Чтоб даже избранных сломать.
Проверь себя. Не отречёшься,
Когда наступят на мозоль?
Спроси себя, над чем смеёшься?
Как реагируешь на боль?
Быть может время для молитвы
Ты разменял на суету
И даже не заметил битвы
За верность Господу Христу?
Что нам за будущее братья?
Может давно мы отреклись,
Когда предпочитаем сдатьсь,
Идя с грехом на компромисс?
Когда не брезгуем соблазном,
Щепоткой лжи, блуда, суда...
И в обольщении опасном,
Кричим: "Я б умер за Христа!"
Но надо ли нас ставить к стенке?
Ведь отречение – внутри.

Его прозрачные оттенки
Найди в себе! И рассмотри!
Не надо ждать расплаты кровью.
Не жди и дуло у виска...
Ты лучше в интервью с собою
Сегодня не предай Христа.

Нет! Я не должен позволять таким мыслям заполнять мою голову! Я не должен был даже допускать подобные мысли. Эти мысли были ужасны! Я не должен был переставать верить в Бога и предавать Его! Это было недопустимо! Я обязан был оставаться Ему верен, и продолжать надеяться, что Он мне поможет. Он меня не бросил и точно придёт на помощь. Я был в этом уверен! Мне же нельзя было сдаваться и отворачиваться от Бога, ведь Он никогда не отворачивается от нас. И мне нельзя было это делать! Ни в коем случае!

Я поспешно качнул головой, приходя в себя и избавляясь от этих мыслей, которые нельзя было даже допускать. Мысленно я себя ругал за такое, и в мою душу опять возвращалась надежда на Бога и вера в Него.

– Я встану, завтра утром и снова вокруг будет мрак... Или нет! Лучше сказать: я встану, завтра утром и снова вокруг будет тьма, – пытался я петь новую песню. – Нет! Что-то не так! Да что ж это такое?! – зарычал я от досады.

– Макси, у тебя что-то случилось? – заглянул ко мне в комнату папа.

– Всё хорошо, – буркнул я и отложил в сторону гитару.

– А что это ты тут делаешь? – поинтересовался он. – Мне показалось, что я слышал какую-то незнакомую мелодию.

– Пытался писать новую песню, – сообщил я. – Но у меня ничего не получается. Мелодию я вроде придумал, но текст.... Ничего не выходит!

– А что у тебя уже есть? Хотя бы первая строчка есть?

– У меня есть только это: «Я встану, завтра утром и снова вокруг будет тьма», – брякнул я. – Ну, или «Я встану, завтра утром и снова вокруг будет мрак». Пока ещё не решил как лучше. Но есть только это!

– Ого, Макси, – в голосе отца было слышно удивление. – Как пессимистично!

– Но зато реалистично, – отрезал я, поняв, что папу удивило. – Ведь это правда! А я не хочу врать в своих песнях. Но всё равно придумать текст не получается. Есть только эта глупая фраза!

– Может, тебе надо расслабиться? – предложил он. – Или попробовать написать что-нибудь более оптимистичное и весёлое? Помнишь, какие у тебя раньше были песни? Попробуй спеть что-нибудь о Боге!

– Не хочу, – покачал я головой и, отвернувшись в сторону, опять взял в руки гитару. – Хочу написать эту песню. Может, сейчас и придёт что-нибудь в голову.

– Макси, а помнишь, как ты в восемь лет пытался сочинить песню о кузнечике? – засмеялся папа. – Ты там такой

смешной текст сочинил. То у тебя кузнечик общался с бабочкой, то с муравьём, то с помидорами... – он ещё веселее засмеялся.

– Не помню я такого, – нахмурился я. – И вообще при чём здесь это? Я сейчас занят. Дай мне сочинить песню.

– Макси, может тебе, и правда, не стоит сочинять такую... грустную песню, – неуверенно проговорил папа. – Попробуй сочинить что-нибудь более лёгкое!

– Нет! Хочу сочинить эту песню.

– Ну, ладно, ладно, – сдался папа. – Тогда не буду тебе мешать. Продолжай! – он поспешил покинуть комнату, оставив меня наедине с гитарой и музыкой.

Я же, как только за папой закрылась дверь, вернулся к написанию новой песни. Но, сколько бы я не наигрывал мелодию новой песни и не пропевал первые строчки, придумать ничего не получалось. Слова просто не шли, и ничего придумать не получалось. Так я мучился достаточно долго. Я сам не знал, сколько так сидел. Но, в конце концов, у меня не выдержали нервы и я, бросив гитару на кровать, покинул комнату. Мне надо было срочно успокоиться, а для этого нужно было немного пройтись по дому. Только так у меня получалось успокаиваться и приходить в себя. И сейчас сделал то же самое.

Покинув комнату, я решительно направился к лестнице. На первый этаж я спустился быстро, а там прислушался, пытаясь понять, где находится папа. Но царил полная тишина,

что означало, что папы даже не было дома. Конечно, можно было бы предположить, что он просто сидел на диване и не замечал меня, но обычно он всегда сообщал мне, где находится, когда я спускался вниз. Конечно же, если он находился на первом этаже.

Папа всегда слышал, как я спускался по лестнице и ни разу не было такого, чтобы он этого не услышал. Я сам удивлялся, как у него это выходит, но он это делал и так мне очень хорошо помогал. Мне если что не надо было искать его, и я точно знал, где он. Но, раз была тишина, значит, его просто не было дома, ведь на втором этаже он почти никогда не сидел. Правда, было странно, что его не было дома, ведь он всегда меня предупреждал, когда уходил куда-то. Но заморачиваться из-за этого я не стал и сразу двинулся к дивану. Удобно усевшись на него, я откинулся на спинку дивана. Из моей груди вырвался тяжёлый вздох.

Я не мог не переживаться из-за того, что у меня не получалось написать песню. Я более двух месяцев этим не занимался, сначала боясь, что у меня вообще больше не получится играть на гитаре, а потом, боясь, что не смогу сочинять свою музыку. Но вот музыку у меня сочинить получилось, а сам текст песни.... Тут у меня ничего не получалось!

В голову шла лишь какая-то ерунда, а придумать нормальный текст песни не выходило. И от этого мне было очень тяжело. Возникали даже мысли, что я больше никогда не смогу писать свои собственные песни. А я ведь так любил это

делать! Музыку то я мог писать, но какая песня может быть без текста?! Текст был просто необходим. Без него всё было не так!

Я был полностью погружен в свои тяжёлые мысли о песне, и рассуждал о том, какой текст подойдёт лучше, но звук открывающейся входной двери всё равно услышал. Я сразу пришёл в себя и повернул голову к прихожей.

– О, Макси, ты тут сидишь, – удивился папа, увидев меня. – Не думал, что ты здесь. Думал, что ты всё ещё в комнате. Ты же песню сочинял... Ты уже всё сочинил, что ли?

– Нет, – я отрицательно качнул головой. – У меня ничего не получается. Решил лучше немного пройтись по дому. А ты куда ходил?

– Мне надо было сходить по одному делу, – кратко ответил папа. – Ну, раз ты здесь, то мне как раз надо с тобой поговорить.

– О чём? – с тяжёлым вздохом спросил я. Мне сейчас не особо хотелось обсуждать что-то важное. Мои мысли были заняты совсем другим.

– Ты знаешь, Макси, – начал папа, не обратив внимания на мой вздох, – мне последнее время на тебя так сложно смотреть. Ведь раньше ты всегда был таким весёлым... А теперь... Теперь на тебя без слёз невозможно смотреть, – я чувствовал на себе пристальный папин взгляд, и мне пришлось отвернуть голову в сторону, чтобы папа не рассматривал моё лицо. – Ты постоянно такой грустный, погружен

в себя и почти не улыбаешься и не смеёшься. Даже когда я пытаюсь с тобой шутить или вспоминаю с тобой что-то весёлое, ты остаёшься серьёзным. И мне очень тяжело от этого! Мне очень тяжело тебя таким видеть. И я хочу попробовать это изменить. У меня для тебя кое-что есть. Это сюрприз! Я его уже давно тебе готовил и наконец-то готов подарить.

– Что за сюрприз? – без тени радости спросил я. Конечно, мне было любопытно, что это за сюрприз, но вряд ли он был способен мне как-то помочь.

– Он тебе понравится, – с уверенностью в голосе сказал папа и поднялся со своего места. Раздались шаги. Папа направлялся к прихожей. Там он чем-то прошуршал и двинулся обратно ко мне. – Это твой новый друг, – сказал папа и с этими словами положил что-то мне на колени.

Я же замер не понимая, что это такое и пытаюсь руками щупать то, что было у меня на коленях. Это был какой-то небольшой пушистый комочек, который к тому же ещё и шевелился. Но пока я не мог понять, кто это, но уже понимал, что это какое-то животное, и мне даже не верилось, что папа решил мне купить домашнего питомца. Я так давно этого жаждал, и вот кто-то был у меня на руках, но я не мог даже понять, кто это, ведь не видел. И мне оставалось лишь только щупать это животное, что я и делал. Этот комочек был очень пушистым, мягким и тёплым. Я нежно погладил его по шерстке, и тут это животное лизнуло мою руку.

Я был готов всё что угодно отдать, чтобы увидеть это жи-

вотное и понять, кто же это. Внезапно до меня донеслось тихое тьявканье, и в ту же секунду до меня дошло, что это щенок. В такое я даже поверить не мог. Ведь папа всегда мне отказывал в покупке собаки, когда я у него её просил. Даже когда предлагал просто взять собаку с улицы, он вновь отказывал.

И теперь она была у меня на руках, и я был просто в шоке. Я даже не верил, что папа может мне её дать. Особенно теперь, когда был слепым. Я почему-то был абсолютно уверен, что теперь в моей ситуации мне не светит собака. Но она была у меня на руках, и это был факт. Видимо, папа меня решил так удивить и сделать мне приятно. А собака не могла не порадовать меня, ведь я всю жизнь о ней мечтал. Ведь собака – это преданный друг и существо, которое будет любить тебя всегда, не смотря ни на что, и в тяжёлую минуту заставит улыбнуться. Что может быть лучше собаки? Ничего! И можно было с уверенностью сказать, что папин сюрприз удался.

– Это что собака? – на всякий случай спросил я, продолжая гладить щенка. Мне до сих пор не верилось, что я держал на руках собаку. Это даже звучало как-то невероятно. Словно это была какая-то сказка!

– Да, – твёрдо сказал папа. – Надеюсь, ты рад? Мой сюрприз удался? – я точно знал, что он внимательно смотрел на меня, ожидая моей реакции и боясь, что собака меня не обрадует. Но она просто не могла не обрадовать меня.

– Ты ещё спрашиваешь? – на моих губах появилась улыбка, которую я не мог сдержать. – Но ты же ведь не хотел мне покупать собаку, – решился напомнить я. – Я же столько у тебя её просил, и ты мне всегда отказывал...

Между тем я успевал гладить щенка по голове, а его голова всё время тянулась к моим рукам, чтобы ещё раз в знак любви и дружбы облизать ладони своего хозяина, то есть мои. И мне это безумно нравилось! Мне всё нравилось в собаках и даже то, что они любят облизывать людей. Ведь они нас так любят и таким способом показывают свою любовь и преданность. И это прекрасно!

– Я передумал и решил тебе сделать сюрприз, чтобы ты перестал ходить с таким грустным личиком, – ответил папа и потрепал меня по щеке. – Я же сказал, что не мог больше смотреть на твоё грустное личико. А если честно.... Эта собака подходит в качестве поводыря. Порода этой собаки – колли. Это мальчик. Они интеллигентные и спокойные. Это идеальный помощник человека. Представители этой породы хорошо чувствуют настроение человека.... А ещё, между прочим, они терпеливы и очень внимательны. Именно поэтому я её и купил для тебя. Я её купил ещё пару месяцев назад, когда ты только потерял зрение. Я знал, что тебе будет сложно жить без своего зрения, и мне пришла в голову идея купить тебе собаку и сделать из неё поводыря. Мало того, что ты всегда любил собак и уже давно хотел её завести, так ещё тебе нужен был помощник, а собака идеально для это-

го подходит. Она способна и осчастливить тебя хоть немного и помогать тебе. Конечно, можно было бы обратиться в специальную компанию, где для тебя подготовили бы твоего личного поводыря и всё сделали бы... Но там пришлось бы очень долго ждать, а я не хотел, чтобы ты так долго ждал и мучился. И к счастью у меня есть знакомая, которая смогла немного подготовить твою собаку в качестве поводыря. Конечно, она подготовила её не до конца, но хоть немного помогать тебе собака сможет. По крайней мере, ты уже вместе с ней не попадёшь под машину и можешь через какое-то время выходить из дома один. Собака будет тебе помогать. Это мой подарок тебе, Макси! Не хочу, чтобы ты так сильно грустил. Я готов пойти на любые жертвы ради тебя. И не беспокойся, я буду тебе помогать о ней заботиться. Это не будет проблемой!

– Спасибо большое, пап, – я обнял папу, который уже давно успел сесть рядом со мной. – Я так рад, что ты это сделал ради меня. Спасибо! Я всегда так мечтал о собаке и теперь... – мои губы задрожали, и голос выдал моё состояние. По щеке потекла слеза, но уже не от грусти, а от радости, что папа сделал такое ради меня, и что теперь у меня была своя собственная собака, о которой я всегда мечтал.

– Так, так, Макси, – папа решительно отодвинул меня в сторону и погладил по спине. – Только не надо, пожалуйста, плакать. Давай лучше без этого!

– Хорошо. Ладно, – я глубоко вздохнул, приходя в себя,

и провёл рукой по щеке, убирая слезу. – Но я очень рад, что ты это сделал ради меня и... Я очень рад твоему сюрпризу!

– Это замечательно! Это прекрасно! – я почувствовал, что папа тоже улыбается. – Тогда давай придумаем имя для твоего пса. Как назовёшь его? Есть идеи? Я сам назвать его не посмел и оставил это право тебе!

– Хорошо. Назову его... – я запнулся, пытаюсь придумать кличку для щенка. Но сейчас от всех этих эмоций и радости, что теперь бушевала внутри меня, я не мог придумать кличку, хотя раньше любил сидеть и мечтать о том, что у меня будет собака. Я даже мысленно придумывал кличку для этой собаки, но теперь у меня правда была собака, и мне в голову не шло ни одно имя. Может быть, если бы я видел пса, было бы проще его называть, но увидеть его было невозможно, и надо было придумывать кличку так.

– Может, тебе помочь? Хочешь, я тебе что-нибудь посоветую?

– Подожди, – не хотел я, чтобы папа помогал мне называть пса.

– Хочешь, я расскажу о том, как он выглядит? – предложил он. Я тут же повернул к нему голову, заинтересовавшись, и папа начал: – Он чёрно-белый. Ушки у него чёрные, носик тоже, а вот около носика всё белое. И лобик немного тоже. У него от носика до лба будто бы белая волна идёт. Шейка белая, передние лапки тоже, как и животик. А вот почти вся спинка, бока и задние лапы черные. Хвост чёрно-бе-

лый. Всего поровну. Глаза у него карие. А так к слову он ещё тот красавчик! И так преданно и с такой любовью смотрит на тебя.... Это словами не передать!

Я улыбнулся, представив себе собаку. Тут как раз в моей голове промелькнула кличка, и я понял, что именно так надо назвать собаку.

– Говоришь это колли?

– Ну, да. А что? – не понял моего вопроса папа.

– Пусть он будет Лордом, – уверенно выдал я.

– Лордом? – в голосе папы было слышно удивление. Видимо, он не думал, что я дам такую кличку. Но тут щенок громко залаял и, запрыгнув на мою грудь, а передние лапы, поставив мне на плечи, начал активно лизать моё лицо. Я, не ожидая такого, засмеялся, и папа меня поддержал. – Ему, наверное, нравится такая кличка, – сквозь смех сказал папа, а потом поинтересовался: – А почему именно Лорд?

– Даже не знаю, – пожал я плечами. – Вспомнил эту кличку, и она мне нравится. К тому же это же колли! Нельзя его называть обычным именем. Ему нужна красивая кличка.

– Это верно, – согласился папа, а щенок продолжал лизать мне лицо. – Но манеры у него точно не лордовские, – снова засмеялся он, видимо, наблюдая за тем, как Лорд лизал моё лицо.

– А ты чего хотел? Это же собака, – улыбнулся я и, аккуратно взяв собаку на руки, посадил обратно себе на колени. Конечно, мне нравилось, что щенок лизал мне лицо, но он

стоял не слишком удобно. Мне сейчас больше хотелось его гладить.

– Значит, тебе мой подарок понравился, – подвёл итог папа. – Это замечательно! Я рад, что тебе этот щенок поднял настроение. Этого я и хотел! Кстати, с ним уже можно гулять. Хочешь, погуляем с ним вместе?

– Конечно, хочу, – сразу кивнул я головой. – А когда мы пойдём?

– Да хоть прямо сейчас, – выпалил папа. – А потом когда вернёмся, поедим. Хорошо?

– Конечно, – не стал я спорить.

– Тогда беги скорее одеваться, а я пока приготовлю собаку к выходу. Ей надо надеть ошейник и поводок.

– Уже бегу! – я помчался на второй этаж, думая лишь о том, что скоро буду гулять со своей собакой. Что могло быть лучше этого?! И сейчас меня как никогда раньше тянуло на улицу. Я, не смотря ни на что, был готов выйти со своей собственной собакой на улицу, и мне уже не было так страшно. Наоборот я жаждал прогулки, и все страхи были вмиг забыты. Я думал лишь о том, как будет здорово гулять с Лордом.

Время шло медленно. Точнее оно до этого медленно шло, а с того момента, как у меня появился Лорд, оно начало лететь быстрее. Мне уже было чем заняться. Я много играл с Лордом, начал гулять с ним и даже порой выходил с ним на улицу без папы. Но только далеко не уходил, потому что без

папы всё равно было не по себе далеко уходить от дома. Но Лорд оказался просто прекрасным псом. С ним было очень весело, и он всегда хорошо меня вёл по дороге и даже помогал переходить через дорогу. Он и дома порой мне очень хорошо помогал.

За весь этот месяц, что быстро пролетел, мы стали с ним настоящими друзьями. И я его просто обожал. С первых минут, что у меня на руках был Лорд, я влюбился в него, а теперь просто обожал его. И не понимал, как его можно было не обожать, ведь он был таким добрым, дружелюбным и невероятно умным псом. Даже когда я у него просил что-то мне подать, он это выполнял, чем очень меня удивлял и восхищал.

Даже папу это восхитило. И ему тоже нравился Лорд. Папа даже начал меня учить самостоятельно ухаживать за псом. Он «показывал» мне, как его мыть, расчёсывать и выполнять прочие необходимости. И я понял, что это вполне не так уж и сложно, как мне казалось до этого. Это было достаточно просто. Хоть и были с некоторыми вещами сложности, но я продолжал учиться, и мне очень нравилось заниматься Лордом. Мне нравилось его мыть, расчёсывать его мягкую шерсть, накладывать ему в миску корм и наливать воду.

Я даже в процессе ухаживаний за Лордом научился многому всему другому, что нужно было мне, а не ему. Например, понял, как лучше наливать воду в кружку. Для меня это перестало быть такой проблемой, какой было раньше. Я

просто научился в этот момент ориентироваться на слух и у меня это получилось. Я научился и многому всему другому и теперь точно знал, что смогу научиться делать всё то, что делал раньше, вслепую. Но просто на это нужно было время.

Я даже был так поглощён проводимым временем с Лордом, что забыл, что уже приближался учебный год. Мне это было и неважно, ведь теперь мне было достаточно хорошо. Больше я дома никогда не умирал от скуки, и мне всегда было чем заняться. Конечно, я не мог ещё читать и писать вслепую, а также не умел делать многие другие вещи, но у меня всё было впереди, и теперь я не хотел спешить. Можно было не торопиться. Всему было своё время, и я был уверен, что сейчас мне просто нужно освоиться к нормальной жизни дома и, как следует, привыкнуть к прогулкам с собакой, чем был ещё занят. К тому же я ещё не научился нормально ходить с тростью для слепых и о другом точно и речи пока не могло быть. Я и не собирался об этом думать.

Папа всё ещё проводил со мной достаточно много времени и редко бывал на работе. Он постоянно переживал за меня и до сих пор пытался поддерживать, как мог, желая, чтобы я всему научился. Папа мне во всём помогал, и я был ему за это благодарен. И даже удивлялся, откуда у него столько терпения на меня. Ведь он разрывался между работой и мной, а это точно было нелегко.

Папа был вынужден после времени проведённого со мной бежать на работу, потом с работы бежать ко мне и гулять со

мной и Лордом, а потом кормить нас обоих и снова мчаться на работу. Я был уверен, что он очень сильно устаёт, но помочь ему никак не мог. Мне-то теперь стало гораздо легче, а вот папе не было легче, и я это прекрасно чувствовал. У папы постоянно был уставший голос, но он всегда старался притворяться, что у него много сил и он ничуть не устал. Но получалось у него это плохо.

И вот наступил очередной выходной. Я постарался пролежать в кровати как можно дольше, чтобы папа мог побольше поспать и лучше отдохнуть. И у меня это получилось. Видимо, я лежал в кровати так долго, что папа даже встал पहले меня. Только после этого я тоже поднялся с кровати. Мы с папой, как обычно, вместе позавтракали, а потом двинулись на прогулку с Лордом.

День прошёл так же незаметно, как и утро. Мы три раза с папой выходили на улицу. Ведь Лорду надо было гулять, как и мне. Днём мы также всё время чем-то занимались, и я сам не заметил, как наступил вечер. Я сидел на диване вместе с Лордом, глядя его по мягкой шелковистой шерстке. Папа что-то делал на кухне. Я внимательно прислушивался к звукам на кухне и тут всё стихло. Папа затих, и не было слышно ни звука. Сначала меня это насторожило, но, когда я услышал папины шаги, которые приближались ко мне, сразу успокоился.

– Макси, – я почувствовал на своём плече папину руку, – я должен кое-что тебе сказать.

– Что же это, пап? – с лёгкой улыбкой на губах спросил я.

– Я... – папа запнулся, не решаясь что-то сказать мне. – Ты должен знать, что мне это решение далось с трудом. Я долго не хотел это делать, но у меня не было выбора. Я не хочу, чтобы ты злился или обижался на меня. Прошу попробуй меня понять. Хорошо? Я это делаю ради тебя! Это тебе во благо! Это просто необходимо и для тебя и для меня.

– Что такое? – я перестал улыбаться и вмиг напрягся. – Что-то не так?

– Пару недель назад мне кое-что посоветовали, – решительно начал папа. – Одну школу-интернат для слепых ребят.... – речь папы вновь оборвалась, а моё сердце просто замерло от этого слова. Мне было даже страшно слушать, что папа скажет дальше, потому что я предполагал, что он скажет. Но не верил, что он так поступит со мной. Он не мог так поступить со мной! – Я все эти две недели колебался, стоит ли это делать, но потом понял, что это нужно. Только там тебя смогут всему научить. Я не смогу это сделать. Я не могу постоянно разрываться между тобой и работой. Меня так рано или поздно уволят или мне придётся бросить тебя, а не один из этих вариантов мне не нравится, ведь я понимаю, что без меня тебе тут будет тяжело. Ты не сможешь справляться со всем один. А там.... Там тебе и помогут, и научат всему, и о тебе хорошо позаботятся. Позаботятся так, как я не могу позаботиться. Я это решение принял пару дней назад, но всё это время не мог тебе это сказать. Знаю, что ты сейчас дума-

ешь и понимаю, что тебе этого не хочется, но и мне нелегче тебя туда отправлять. Но это сделать надо! Это нужно тебе! Там тебя научат всему тому, чему я не могу научить, и твоя жизнь станет легче. Поверь мне, Макси! Только не расстраивайся, пожалуйста. Я буду тебя там навещать! Даю слово!

– Нет, пап, пожалуйста, – я не мог допустить этого. Не мог допустить, чтобы папа меня отправил в какой-то интернат. Я хотел быть дома и должен был срочно переубедить папу и упросить его оставить меня тут. Он не должен был меня туда отправлять. – Не делай этого! Прошу тебя! Я хочу остаться дома. Пожалуйста! Я буду всему учиться тут. Я буду очень стараться. Я уже многое умею, а скоро ты сможешь совсем не сидеть тут со мной. Я справлюсь, папа! Только не надо, пожалуйста, меня никуда отправлять. Я не хочу ехать в интернат. Пожалуйста, не надо, пап! Прошу тебя! Я хочу остаться с тобой. Ты итак хорошо заботишься обо мне, и у тебя всё хорошо получается. Ты меня многому научил и сможешь научить остальному. Пожалуйста, папа, только не отправляй меня в интернат. Я не хочу туда! Мне и тут хорошо!

– Макси, пожалуйста, не начинай! Это просто необходимо! Я не могу так больше разрываться. У меня уже просто нет сил. А скоро учебный год... Тебе срочно надо всему учиться, а научить тебя всему остальному смогут только в школе-интернате. Поверь мне, Макси, мне это очень не нравится. Но это нужно! На каникулы ты будешь возвращаться домой, а остальное время тебе придётся быть там. И, между

прочим, ты сможешь взять с собой Лорда. Я там обо всём договорился и его можно будет взять с собой. Ведь чисто формально это твой поводырь, и вы должны привыкать друг к другу. Так что ты будешь не один! С тобой будет Лорд. А я буду лишь приезжать к вам двоим, привозить разные вкусы и иногда буду гулять с вами. Макси, всё будет хорошо, – папа приобнял меня за плечи. – Я тебя не брошу! И я тебя не бросаю. Я тебя отправляю туда не потому, что ты мне надоел. Ты мне не надоел и никогда не сможешь надоест! Я тебя отправляю потому, что только там тебя смогут научить читать, писать и всему остальному, что тебе просто необходимо. Поверь мне, Макси, это нужно! Ты сам не заметишь, как освоишься там, и тебе там ещё понравится. Найдёшь там себе друзей! Будет здорово, Макси....

– Не хочу! – отрезал я. Слова папы мне вообще не нравились. Я всё равно не желал ехать в этот интернат. – Папа, прошу тебя, не делай этого! Я, правда, смогу всему научиться сам. Я научусь всему дома. Пап, пожалуйста! Я умоляю тебя, – мои губы задрожали, и я уже был готов заплакать от отчаяния. А именно оно начинало овладевать мной. Я не желал отправляться в какой-то интернат для слепых и ещё жить там. Я хотел остаться дома. – Я не хочу туда! Хочу быть дома! Пап.... Пожалуйста!

– Так, Макси, перестань! – строго оборвал меня папа и поднялся с дивана, видимо, не желая видеть моё лицо и дрожащие губы. У папы никогда не получалось устоять передо

мною, если я начинал из-за чего-то плакать. И походу сейчас он предпочёл просто не смотреть на меня. – Прости меня! Мне очень жаль! Мне жаль, что я должен это делать. Но у меня нет выбора! Потом ты поймёшь меня, а сейчас.... Сейчас я просто ставлю тебя перед фактом, что с сентября ты отправляешься в школу-интернат и будешь там жить и всему учиться. Думаю, ты меня понял. Выбора у тебя нет! Я уже обо всём договорился. Я даже ради тебя договорился о том, чтобы тебе разрешили взять с собой собаку, хоть и обычно такое не разрешено. Но это твой поводырь и вас не имеют права разъединять. Так что, как видишь, я хоть что-то сделал ради тебя. Сам ты не сможешь научиться читать и писать, а я не смогу тебя этому научить. Так что ты отправишься в школу-интернат и это решено. И не надо плакать, пожалуйста! Сейчас на меня это не подействует, а тебе пора бы уже становиться взрослее. Ты должен быть в обществе и скоро там окажешься. Я просто решил тебя предупредить заранее, чтобы ты успел подготовиться к этому дню. Меньше чем через неделю мне придётся тебя туда повезти. Так что.... Будь готов, пожалуйста, и попросу без эксцессов. Мне твои истерики не очень уж и нужны в такой ситуации. Мне тоже тяжело, чтобы ты знал. Не обижайся на меня, пожалуйста. Я делаю это в основном только ради тебя. Ты должен там учиться, Макси, и этого не избежать. Всё! Я всё сказал! Дам тебе время всё переосмыслить! – с этими словами он поспешил удалиться, оставив меня наедине со своими мыслями.

Я же просто застыл. Мне до сих пор не верилось, что всё, что сейчас произошло, реально. Папа меня отправляет в школу-интернат. Избавляется от меня! Это было слишком ужасно, чтобы так быстро это осмыслить. Я был просто в ужасе от этой новости и не знал, как на неё реагировать и как себя вести. Я просто замер. Мне казалось, что и моё сердце остановилось от боли и ужаса, которые на меня нахлынули.

Да, я понимал, что папа сильно устаёт, но и мне было нелегче, а он решил просто избавиться от меня и отправить в этот интернат. Это было равносильно предательству с его стороны. Просто как удар под дых. Такого я от него не ожидал и не думал, что папа так со мной поступит. Но он так со мной поступил, и во мне начинала разгораться обида на него за то, что он сделал. Ведь только всё наладилось и стало хорошо, и тут он решил всё испортить. И он смог это сделать!

Моё настроение становилось всё хуже и хуже, и даже Лорд, который положил свою голову мне на колени, не мог улучшить мне настроение. Ведь совсем скоро я должен был покинуть дом и отправиться в совершенно незнакомое мне место. А мне этого совсем не хотелось, но я не знал, что делать и как всё изменить. На папу я подействовать не смог. Я ничего не мог сделать! Я вновь был беспомощен!

Глава 7 «Самый лучший друг!»

– Ну, что ты все вещи собрал? – поинтересовался у меня папа, поставив в прихожую мой чемодан.

– Откуда я могу знать? Я ведь слепой! – буркнул я, усевшись на диване. Рядом со мной лежал Лорд. Я ласково гладил его рукой по голове, наслаждаясь последними минутами, что проводил дома. Совсем скоро папа должен был меня отвезти в школу-интернат, где я буду вынужден жить ближайšie пару месяцев до каникул, а может быть даже полгода. Я ещё не знал когда каникулы в этой школе-интернате, но мне даже и дня не хотелось находиться в этом месте. Но выбора у меня не было. Я вынужден был смириться с неизбежным и делать всё, что говорил папа, ведь выбора он мне не предоставил и решил всё за меня, решив, что моё мнение не имеет никакого значения.

– Макси, соберись, пожалуйста, – попросил папа. – Ты должен сам убедиться, что ничего не забыл. Если ты что-то забудешь, то я не смогу сразу тебе привезти эту вещь. Поэтому не надо ничего забывать! Проверь, пожалуйста, ещё раз!

– Да не забыл я ничего, – отрезал я. – В любом случае, какая тебе разница? Ты всё равно меня отправляешь в этот интернат... – я обиженно скривился и отвернул голову в сторону.

– Макси, пожалуйста, не надо на меня обижаться, – шаг-

нул ко мне папа. – Ты сам не заметишь, как пролетит время. Ты освоишься, и всё будет хорошо! Мы будем часто созваниваться. Я тебя научил пользоваться телефоном, и ты сможешь и мне звонить, когда захочешь и бабушке, и дяде. И я буду тебе часто звонить! А ещё я буду к тебе приезжать туда. И на каникулы ты приедешь домой. Так что всё будет хорошо! А ещё с тобой будет Лорд. Разве всё так плохо? Почему ты так обижаешься на меня? Я же это делаю ради тебя.

– Нет. Ты это делаешь ради себя, – пробурчал я. – Просто я тебе надоел, и ты решил от меня избавиться.

– Ну, что ты такое говоришь? – по голосу я понял, что папа поморщился. Понятное дело, ему не понравились мои слова. – Ты должен всему научиться и только там тебя смогут всему научить. Так что это нужно тебе. Ты просто это ещё не понял, но потом поймёшь. Потом ещё спасибо мне скажешь, что я тебя туда отправил. Это сейчас ты на меня злишься, а потом, когда научишься вновь читать и писать, будешь мне благодарен и будешь рад, что всему этому научился. Тебе это нужно!

– Может, мы уже пойдём в машину, а? – предложил я и поднялся с дивана. Лорда я взял на руки, не желая на него надевать ошейник и поводок ради того, чтобы дойти до машины. – Что болтать?

– Хорошо. Пошли, – сдался папа. – Мне казалось, что ты не хотел в интернат, а сейчас так спешишь в машину....

– Всё равно ты меня туда отправляешь, – пробормотал я. –

Лишние минуты дома ничего не изменят.

– Это верно, – согласился со мной папа. – Пошли! – он положил руку мне на плечо и повёл к выходу из дома.

Я лишь обречённо пошёл вместе с ним к входной двери. Конечно, мне хотелось сопротивляться, кричать и броситься обратно в свою комнату, но всё это не имело смысла. Папа всё равно заставит меня поехать в школу-интернат, и я ничего изменить не мог. Это было не в моих силах. Сейчас мне лишь оставалось послушно выйти из дома и сесть в машину, что я и сделал.

Те пару дней, что у меня оставались до сентября с момента, когда папа мне рассказал о том, что отправляет меня в школу-интернат, пролетели просто мгновенно. Я сам не заметил, как они пролетели, и настал день, когда надо ехать в школу-интернат. Вещи мне помогал собирать папа. У меня вообще не было настроения и желания это делать, и я в основном просто просидел сначала на своей кровати, а потом на диване. Всю основную работу делал папа. Как бы он не пытался меня расшевелить, у него это не вышло.

Мы вообще эти пару дней, что оставались до сентября, общались не очень хорошо, и я всем своим видом пытался показать папе, что обижаюсь на него, надеясь, что это подействует на его решение отправлять меня в интернат. Но это ничего не дало. Папа, конечно, много разговаривал со мной и упрашивал меня не злиться и не обижаться на него. Но как можно не злиться на своего родителя, когда тебя бросают в

какой-то интернат, чтобы только ты не мешался под ногами? Именно так я это «видел». И очень сильно обижался на него.

И как бы я не пытался понять папу, всё равно не мог. Я не понимал его поступок, и в моих «глазах» его поступок был просто ужасен. Я точно знал, что мама так со мной никогда не поступила бы, но, к сожалению, мамы больше не было. А папа спокойно смог так со мной поступить. Он только дождался подходящего момента и тут же сделал это. Я не собирался верить в то, что папе это было тяжело делать. Я был уверен, что ему это было легко сделать и почему-то мне казалось, что он хотел это сделать сразу. Но просто решил немного подождать, думая, что я не буду сильно обижаться на него. Но не обижаться я не мог! И я даже не пытался скрывать свою обиду на папу. Пусть он знает, что я чувствую! Может быть, хотя бы это ударит по его совести!

А сейчас у нас впереди была дорога до школы-интерната. Пока я сидел в машине вместе с Лордом на руках, папа убрал в багажник все мои вещи и только после этого сам сел в машину. Я сидел на заднем сиденье, потому что только там нам с Лордом было удобно. До школы-интерната надо было ехать пару часов точно. Нужно было подготовиться к долгой дороге. А также мысленно попрощаться с домом, но, сколько это ни делай, уезжать легче не будет. Но папа даже не дал мне мысленно попрощаться с домом. Стоило мне только начать это делать, как машина тронулась с места и помчалась по дороге.

Я тяжело вздохнул и в который раз погладил Лорда. Единственное что меня утешало во всей сложившейся ситуации это то, что со мной в интернате будет Лорд. Только это меня успокаивало, и только благодаря этому я не впадал в истерику, а мне этого хотелось. Без своего пса я точно никуда бы не смог поехать и всё сделал бы, чтобы папа меня никуда не отправлял. А с Лордом... Конечно, мне всё равно в интернат не хотелось, но понимание, что мой пёс будет там со мной, немного успокаивало меня и помогало держать себя в руках. Я даже думать не хотел, чтобы сейчас со мной было, если бы папа мне не купил собаку и решил бы меня отправить в интернат.

От одной этой мысли меня бросало в дрожь. Конечно, меня в дрожь бросало и от мысли, что я скоро буду далеко от дома, и мне придётся жить в незнакомом месте и незнакомыми людьми, но, когда я гладил Лорда, всё внутри меня успокаивалось и мне становилось немного легче. Мне до сих пор немного не верилось, что всё это реально и что теперь я несомненно вернусь домой. Мне казалось, что мы с папой просто отправились в какую-то поездку и вечером вернёмся домой, но это было вовсе не так.

Меня вновь начинало всего трясти от ужаса, что меня наполнял. Мне становилось страшно от того, что будет там, в интернате, когда папа меня туда привезёт. Ничего хорошего я себе представить не мог. Представлял себе лишь какие-то кошмары, которые пугали меня ещё сильнее. Я только хотел

открыть рот и начать вновь упрашивать папу отвезти меня обратно домой, как тут Лорд начал лизать мою ладонь, этим успокоив меня. Я тихонечко вздохнул и, положив руку на шерсть пса, откинул голову назад. Впереди была тяжёлая дорога, и надо было набраться терпения, чтобы её выдержать.

Ехали мы достаточно долго. Всю дорогу я переживал и волновался, и лишь Лорд меня успокаивал. С папой мы на протяжении всего пути обменялись лишь парой слов, и он то спрашивал у меня, хочу ли я есть, то спрашивал, не надо ли мне в туалет. Больше мы с ним ни о чём не говорили. И, когда машина начала останавливаться, я понял, что мы приехали.

Моё сердце бешено забилося. Казалось, что оно вот-вот выскочит из груди. Мне даже не хотелось выходить из машины, и я был готов схватиться за сиденье, сопротивляться и упираться, когда папа начал бы меня вытаскивать из салона. Но это было бы очень глупо. К тому же папа попросил без истерик, и он был очень решительно настроен. Спорить с ним не имело смысла. Поэтому, когда он открыл дверь заднего сиденья, я покорно вышел из машины, держа Лорда на руках.

– Лучше давай наденем ему ошейник, – проговорил папа, и я почувствовал, как он забрал у меня Лорда. – Держи лучше его за поводок, – папа дал мне в руки поводок, который я сразу сжал в руках. – А теперь пошли. Иди за мной.

Раздался тихий скрип открывшегося багажника, что означало, что папа полез за моими вещами. Через минуту раз-

дался хлопок. Папа достал мои вещи. Только после этого он тронул меня за руку, показывая, куда нужно идти. И вот папа двинулся вперёд по дороге. Я пошёл следом за ним, в одной руке держа поводок, а во второй трость. Но ориентировался не с помощью трости. Я ориентировался только на папины шаги и шёл вслед-вслед ему. Я не хотел потеряться или во что-то врезаться, а я мог легко это сделать, если не следовать прямо за папой. Поэтому шёл строго за ним, не отклоняясь ни на миллиметр.

– Подожди! – внезапно сказал папа, заставив меня притормозить. – Тут ступеньки. Давай аккуратнее, – он помог мне подняться по ступенькам. – Теперь пошли дальше.

Раздался какой-то подозрительный скрип, и мы походу зашли в здание. Это я понял по звукам, которые внезапно стихли. Стало очень тихо. Даже не было слышно звука ветра, что означало, что теперь мы точно в помещении. А это меня совсем не радовало. Мы оказались в интернате, и это было просто ужасно. Совсем скоро нам с папой придётся попрощаться, и он оставит меня здесь одного и, скорее всего, надолго. Хоть я и пытался с этим смириться, у меня ничего не вышло. Да с этим и невозможно было смириться. Как с таким можно смириться?! Мне хотелось обратно домой. Я не хотел жить в интернате. Мне хотелось быть дома с папой и Лордом, но папе, скорее всего, было на это всё равно, а иначе он не привёз бы меня сюда.

– Макси, постой немного здесь, – попросил папа, остано-

вившись. – Я сначала немного поговорю наедине с директором этой школы, а потом уже ты тоже зайдёшь в кабинет. Хорошо?

– Ладно, – махнул я рукой. Мне было абсолютно всё равно, что и как дальше делать. Ведь это ничего не могло изменить, и я всё равно был вынужден тут находиться.

– Я быстро. Не скучай, – папа нежно потрепал меня по плечу и зашёл в какой-то кабинет.

Я остался наедине с Лордом посреди какого-то коридора. Это я понял потому, что мы с папой пару минут точно шли, прежде чем остановиться перед этим кабинетом. И теперь оставалось только подождать, пока папа поговорит с директором и тогда он точно оставит меня здесь и уйдёт. Бросит меня! Меня вновь начинало трясти.

Я старался держать себя в руках, но мне это давалось с трудом. Я ещё ни разу не оставался далеко от дома совсем один в незнакомом месте, с незнакомыми людьми и в особенности надолго. Это было впервые! А самым ужасным было то, что я ещё был и слепым. Будь я зрячим, мне может было бы легче пережить подобное. Но папа бросал меня в таком незащитном и жалком состоянии. И его можно было понять. Ведь со мной сейчас было очень трудно, и ему просто надоело так возиться со мной. Отдать меня в интернат было намного проще. Ведь теперь ему не придётся так много сил и времени тратить на меня, и он сможет просто сосредоточиться на своей работе. Ему станет намного проще! Но

мне от этого было ничуть не проще!

Мне было очень страшно. Я чувствовал, что здесь что-то случится и от этого страх становился лишь сильнее. Как же мне хотелось отсюда убежать, но куда?! Я же ничего не видел и понятия не имел, где находился. Ну, я знал, что находился в интернате, но что было вокруг и куда мне надо было идти, чтобы вернуться домой?! Этого я не знал! Внутри меня начинала разгораться паника.

– Гав! – раздалось снизу. Лорд пытался привлечь моё внимание. Он будто бы чувствовал, как мне плохо и тяжело. Он точно это чувствовал. Он всё чувствовал.

– Всё хорошо, Лорд, – я встал на корточки и погладил собаку. – Всё будет хорошо! Я очень надеюсь на это! Самое главное, что мы есть друг у друга. И я очень рад, что ты есть у меня. Без тебя я не смог бы! Ты меня очень хорошо понимаешь. В отличие от него... – я кивнул в ту сторону, в которую ушёл папа. – Ты хороший друг, Лорд, – я почесал шею моего лучшего друга, а тот довольно засопел.

Мне стало чуть лучше, но страх от предстоящего всё равно не уходил. Я не зря боялся того, что будет в будущем. И пока мне всё происходящее не нравилось! Я даже и представить себе не мог, что всё так будет. Что всё будет так ужасно!

– Макси, ты можешь заходить, – скрипнула дверь, и среди тишины прозвучал голос папы.

Я нехотя выпрямился и вместе с Лордом прошёл в кабинет. Папа зашёл следом за мной и прикрыл дверь. Я же замер

на месте, не зная, что делать дальше. Я чувствовал на себе чужой взгляд, но, понятное дело, понять, кто это, не мог.

– Здравствуй, Максим, – заговорил со мной женский голос. – Я директор этой школы, Зинаида Александровна. Я рада тебя здесь видеть! Как у тебя дела? – но я ничего отвечать не стал, молча стоя на своём месте. У меня не было желания отвечать. А что отвечать? Соврать что всё хорошо? Я не хотел врать, но и правду говорить у меня не было желания. – Я понимаю, как тебе тяжело, Максим, – ласково проговорила женщина. – Мне твой папа рассказал, что ты потерял зрение совсем недавно, а до этого у тебя всё было хорошо. То, что произошло с тобой, это ужасно, но это ещё не конец. Мы тебе здесь поможем, Максим. Мы научим тебя многому, что сможет тебе существенно упростить жизнь. Не волнуйся! Наша школа очень хорошая и буквально через пару лет ты сможешь делать всё то, что сейчас у тебя не получается. Конечно, сразу всему научиться хорошо не получится, но я уверена, что ты умный и старательный мальчик и всё сможешь! Мы здесь обучаем наших учеников многому. Помимо стандартного образования дети здесь осваивают компьютерные умения и, между прочим, многие в этом весьма преуспевают. Также здесь ты сможешь приобрести навыки ручного и машинного вязания, что может тебе очень пригодиться в жизни. А также макраме, «оригами», наши учителя здесь обучают владению тростью, пространственной ориентировке и мобильности, помогают лучше развить речь и ося-

зательное восприятие окружающего мира. Ты можешь здесь получить прикладные знания по социально-бытовой стороне жизни, научиться мимике и пантомимике, самоконтролю и самопроверке. А также самое главное ты сможешь здесь научиться применению рельефно-точечной системы Брайля и формированию на её основе навыков письма и чтения. Это тебе точно пригодится в жизни! Здорово же, да? – по голосу директора я понял, что она улыбается, но мне было не до улыбки. Я опять промолчал, не желая ничего отвечать. – Ладно. Надеюсь, через какое-то время ты мне доверишься и начнёшь со мной говорить, ведь я хочу стать для тебя другом. Ты всегда можешь ко мне обратиться и попросить у меня помощи. Мы тут как одна большая семья!

Я в ответ лишь нахмурился и отвернул голову в сторону.

– Ну, что ж думаю, больше не имеет смысла держать твоего папу здесь, – констатировала Зинаида Александровна. – Я дальше помогу вашему сыну. Мы здесь о нём позаботимся. Вы можете попрощаться с ним и ехать обратно.

– А я хотел отнести вещи в его комнату, – неуверенно пробормотал папа, видимо, не ожидая, что всё будет так быстро.

– Мы всё сделаем сами, – успокоила его директор. – Можете прощаться. Не буду вам мешать, – она отошла в сторону, дав нам возможность попрощаться.

– Ну, хорошо, – папа глубоко вздохнул и подошёл ко мне. – Пока, Макси. Я буду по тебе скучать. Пожалуйста, не обижайся на меня. Это нужно ради тебя же! Ты даже не за-

метишь, как пролетит время, – он слегка обнял меня. – Всё будет хорошо! О тебе здесь будут хорошо заботиться, и помогать тебе. Тебя здесь многому научат, и ты перестанешь так зависеть от других. Тебе самому от этого станет проще и лучше. Поверь мне, Макси! Я люблю тебя, и ты мне вовсе не надоел. Я просто не могу больше уделять тебе так много времени. Я хотел бы, но не могу. Прости меня, что я это делаю. Мне это очень не нравится, но это нужно. Если что-то будет не так, ты звони мне, и я всё улажу. Хорошо, Макси? – говорил папа, но я молчал. У меня не было ни малейшего желания что-то ему отвечать. Ведь он меня бросал. Оставлял меня здесь одного! Этому не могло быть никаких оправданий! Я даже не обнял папу в ответ, продолжая в одной руке сжимать трость, а в другой поводок Лорда. – Ладно? – продолжал говорить со мной папа. – Ну, прошу, скажи хоть что-нибудь, Макси..

– Ты итак меня бросаешь. Что я тебе ещё должен говорить? – скривился я.

– Нет, нет, Макси, – папа отодвинулся от меня и заглянул мне в лицо. – Это вовсе не так! Я не бросаю тебя! Я буду приезжать к тебе, и звонить тебе. Ты должен многому научиться, а этому всему ты сможешь научиться только здесь. Пожалуйста, Макси, доверяй мне. Хорошо?

– Езжай уже отсюда, – буркнул я. – Всё равно ты не хочешь меня брать с собой. Ты хочешь меня оставить здесь. Так не задерживайся! Можешь возвращаться домой, а меня кидай

здесь!

– Ну, Макси, ну, зачем ты так? – папа погладил меня по голове. – Не обижайся на меня! Я же так постарался, чтобы тебе тут было хорошо. Я договорился, чтобы тебе разрешили взять с собой Лорда. Я понимал, что без него ты не станешь никуда ехать. Ну, что тебе ещё надо? Ну, чего ты хочешь? Хочешь, я сейчас заеду тебе за пиццей, и ты её здесь поешь? Хочешь? И я могу попросить тут немного с тобой посидеть. Давай? Я могу попросить.

– Лучше просто забери меня с собой и не надо меня здесь бросать, – выдал я. – Пожалуйста, пап. Я же тебе сказал, что могу всему научиться сам. Не бросай меня здесь! Я не хочу здесь оставаться!

– Прости, Макси, но это я сделать не могу, – отрезал папа. – Взять тебя с собой я не могу. Ты должен остаться тут. Ладно. Мне пора. Пока, Макси! Ты освоишься тут. Не волнуйся! Всё будет хорошо. Не скучай! – он ещё раз обнял меня и направился к двери. – До свидания, Зинаида Александровна.

– До свидания, – проговорила директор.

– Пап... – вырвалось из моих уст. Мне хотелось броситься следом за ним и умолять его забрать меня, но раздался звук закрывшейся двери, что означало, что папа ушёл. Он оставил меня.

– Ну, что, Максим, пошли я отведу тебя в твою комнату, – подошла ко мне женщина.

Я же лишь тяжело вздохнул. Теперь я точно не мог никуда деться, и был вынужден тут находиться. Папа бросил меня здесь! То, чего я боялся, всё же случилось, и я ничего не мог исправить! Я остался практически один в этом страшном месте. Да, со мной был Лорд, но даже он не мог заменить папу. И мне вновь становилось очень страшно.

Оказалось всё немного не так, как я себе представлял. Конечно же, те кошмары, что я себе напридумывал и не могли исполниться. Но больше всего я боялся того, что мне придётся жить с кем-то в комнате, а мне этого совсем не хотелось, ведь я привык, что комната была только моя. К счастью, заселили меня в одноместную комнату, и соседей у меня не было. Конечно же, меня это обрадовало, ведь мне не нужно было ни с кем сближаться и постоянно общаться.

А сделали это учителя школы-интерната в основном из-за Лорда. Они не хотели, чтобы мой пёс мешал остальным детям, и решили поселить нас отдельно. Ну, конечно, ведь не все любят собак, а некоторые их ещё и боятся. Тем более слепые дети. Также учителя и директор дали мне один день на самоадаптацию в комнате. Ведь мне надо было «осмотреть» эту комнату, понять, где что находится и самое тяжёлое – разложить свои вещи по шкафам и полочкам, а это всё очень трудно для слепого. Понятное дело, учителя и директор постарались мне показать и рассказать, что есть в моей комнате, но этого было мало. Я должен был сам всё пошу-

пать и почувствовать.

И во многом благодаря тому, что мы с папой приехали вечером, встречаться и общаться мне ни с кем особо больше не пришлось. Ну, кроме учителей, которые ещё пару раз ко мне заходили, чтобы проверить как у меня дела, а также, чтобы рассказать и показать, где ванная и туалет, которые к моему великому облегчению оказались частью моей комнаты. Но, если в первый день моего пребывания в школе-интернате всё прошло достаточно хорошо, то вот на следующий день....

На следующий день начались почти все те кошмары, что я себе представлял. Мне пришлось покинуть мою комнату и без Лорда, которого мне запретили брать с собой на уроки, отправиться в класс, где мне предстояло встретиться с другими детьми. Конечно, я сначала пытался сопротивляться и говорил, что мне надо погулять с Лордом, но это ни на кого не подействовало. Один из учителей лишь сказал мне, что сегодня он сам погуляет с псом, а я должен отправляться знакомиться со своим классом, а потом идти на завтрак. И мне пришлось смириться и скрепя зубы оставить Лорда. Как же мне не хотелось этого делать, но выбора не было!

Только вот когда я пришёл в класс, куда мне, понятное дело, помогли дойти, знакомиться ни с кем у меня желания не было. Меня усадили на свободное место, и я тут же замер. Вокруг было много незнакомых голосов. Мне хотелось просто убежать или спрятаться куда-нибудь, чтобы не слышать эти голоса, которые были вокруг меня. Сначала никто ко мне

приставать с разговорами не стал, но потом пришла директор и представила меня всем, и тут же начались приставания ребят.

Я не хотел ни с кем общаться, но отвечать на многочисленные вопросы ребят пришлось. Всех интересовало, откуда я и как давно потерял зрение. А самое главное как. Спасла меня от расспросов учительница, которая позвала нас всех на завтрак. Но, ясное дело, что это меня ненадолго спасло и потом началось всё снова. Я общался со всеми нехотя и через силу, и походу ребята это почувствовали и всё-таки оставили меня в покое, предоставив мне моё любимое одиночество.

Вот только дальше было только хуже. Ещё расспросы ребят и разговоры с ними были не так ужасны, как то, что началось дальше. А дальше начались мучительные уроки, которые мне совсем не понравились. Мне не понравился учитель, который их вёл, мне не понравилось, как он их вёл и как говорил с нами. Мне не нравилось ничего. Я с трудом стерпел первый ужасный день, а впереди их у меня было ещё много.

Немного скрасила всё это вечерняя прогулка. Мне же надо было и вечером гулять с Лордом. Один я пойти не мог, и меня вызвалась сопровождать одна учительница. Но к огромному моему счастью она не стала мне надоедать никакими разговорами, и я смог спокойно насладиться прогулкой с псом.

А, когда настало время ложиться спать, я был просто вы-

жат как лимон. Мне так сильно хотелось домой, что я был готов просто разрыдаться от этого желания и понимания, что это невозможно. Папа не мог меня забрать домой и, скорее всего, он этого даже не хотел, а иначе что-нибудь придумал бы. Мне нестерпимо хотелось позвонить ему и попросить забрать меня домой. Но надо было потерпеть хотя бы немного, чтобы папа смог отдохнуть от меня и может тогда он сжалится и заберёт меня из этого ужасного места. Именно на это я рассчитывал и надеялся, что это произойдёт.

Я не знал, сколько смогу здесь продержаться. Дома мне было так хорошо, а здесь.... Здесь всё давило на меня! Вокруг было так много незнакомых учителей и ребят плюс незнакомое место.... Я пока не знал, где здесь что находится и не мог просто так выйти из комнаты и куда-то пойти. И я был без понятия, как здесь буду жить и как долго смогу выдержать нахождение здесь! Но пока надо было терпеть и держаться, как только могу.

Долго я продержаться не смог. Меньше чем через неделю мне было уже невыносимо здесь находиться. С одной стороны мне было очень скучно от того, что я ни с кем не мог общаться. Но с другой стороны у меня не было никакого желания общаться с этими ребятами. У нас с ними не было ничего общего. Ну, кроме того, что мы были слепые. О чём мне было с ними говорить? Ни о чём! Дома я хотя бы мог общаться с папой, а тут кроме Лорда у меня никого не было. Но, к сожалению, пёс мне не отвечал и общения с ним мне

не хватало.

Даже игра на гитаре, которую я взял с собой, не могла меня успокоить и компенсировать нормальное общение. Конечно, папа мне почти каждый день звонил, но говорили мы очень мало, и дело было в том, что мне почти нечего было ему говорить. У меня было желание начать его упрашивать забрать меня отсюда, но каждый раз я сдерживался, понимая, что прошло ещё слишком мало времени. И из-за этого наше общение в основном состояло из вопросов, что папа мне задавал. Я почти ничего не говорил, и из-за этого мы не могли долго говорить. Но как бы я не старался держаться и не пытался привыкнуть к новой жизни, это у меня не получилось.

И в один день я после очередного мучительного урока и нудного краткого общения с ребятами, которое состояло только из обсуждения нашей проблемы, не выдержал и, как только смог уединиться в комнате, набрал папин номер. Пару минут шли гудки, и вот он ответил.

– Макси, привет. Рад, что ты мне позвонил. У тебя что-то случилось? – раздался в трубке папин голос.

– Пап, можешь, пожалуйста, приехать за мной? – тихонечко и неуверенно проговорил я.

– Приехать за тобой? – переспросил папа. – А что такое? Тебя там кто-то обидел?

– Я просто хочу, чтобы ты меня забрал отсюда, – чуть громче сказал я. – Пап, пожалуйста, приезжай за мной. Я те-

бя прошу! Ты приедешь?

– Макси, – он тяжело вздохнул, – ну, что не так? Тебе там, что так плохо? Там много твоих сверстников и ребят похожих на тебя. Попробуй подружиться с ними и тебе не будет так тяжело там. Макси, если ты там с кем-нибудь сдружишься, то время будет лететь быстрее. Ты же это понимаешь?

– Не собираюсь я ни с кем сдружаться, – отрезал я. – Мне здесь не нравится! Пожалуйста, папа, забери меня отсюда!

– Макси, не надо так категорически настраивать себя. Там дети ничуть не хуже тебя. Просто поговори с ними, и они тебе понравятся. Понимаю, что лучше твоих друзей никто быть не может, но надо заводить и новых друзей. И это сейчас твой шанс. Что не так, Макси? Ты же всегда легко заводил друзей. Так займись сейчас этим, а не сиди в одиночестве. Тебе от этого лучше не будет!

– Да я пытался с ними подружиться, но у меня ничего не выходит, – брякнул я. – Никто не хочет со мной дружить! Пап, мне здесь плохо. Я хочу домой! Пожалуйста....

– Макси, перестань, – оборвал меня отец. – У меня сейчас много работы, а ты опять приступаешь за своё! Ну, что тебе всё не нравится? У тебя там даже своя комната и у тебя есть Лорд. Почему тебе там плохо? О тебе заботятся, ты в окружении своих сверстников, с тобой занимаются.... Всё же хорошо! Макси, ты сможешь привыкнуть к жизни в этой школе. Просто надо ещё немного времени. Просто потерпи ещё! И потом ты даже не захочешь ехать обратно домой. Те-

бе там понравится, Макси! Поверь мне! Я тут о тебе сейчас заботиться толком не смогу и тем более не смогу тебя ничему учить. Тебе лучше оставаться там. Макси, я очень хотел бы, чтобы ты здесь был со мной. Я хотел бы тебя забрать, но не могу. Прости меня, Макси! Доверься мне. Постарайся найти с кем-нибудь общий язык. Я не поверю, что там все такие плохие, и никто не хочет с тобой дружить. Уверен, что это просто ты ко всем поворачиваешься спиной. А надо наоборот тянуться к ребятам и тогда другие потянутся к тебе. Хорошо, Макси?! Постарайся подружиться с ребятами. Расскажи им про Лорда, скажи, что умеешь играть на гитаре.... Ты их вмиг заинтересуешь! Давай, Макси! Я верю, что ты сможешь наладить контакт с ребятами.

– Нет, папа, – мой голос задрожал. Мне хотелось заплакать от собственной беспомощности. Папа словно меня не слышал, и я обязан был достучаться до него. – Я больше не могу здесь находиться.... Я больше здесь не выдержу! Пожалуйста, папа, прошу тебя, забери меня домой. Я могу всему и дома научиться, и тебе не придётся быть со мной целыми днями. Ты будешь ходить на работу, а я уже и сам могу гулять и занимать себя чем-нибудь. Прошу тебя, папа, приезжай за мной. Я не хочу больше здесь быть. Хочу домой! Хочу быть с тобой! Мне с тобой будет лучше. Правда-правда, пап! Мне здесь совсем не нравится. Папочка, ну, я прошу тебя. Забери меня домой! Забери меня отсюда! Ну, пожалуйста....

– Макси, я очень хотел бы это сделать. Правда... – папа

снова вздохнул. Видимо, ему было тяжело это слышать. – Но я не могу! Я не могу сейчас даже приехать за тобой, и понимаю, что здесь тебе не будет легче. Я знаю, что сейчас тебе тяжело привыкнуть к новому месту, но ты привыкнешь. Просто будь сильным! Как бы хотела мама....

– Мама не отправила бы меня сюда, а ты отправил, – обиженно пробормотал я.

– Так, Макси, не надо об этом, – остановил меня отец. – Я не хочу с тобой ссориться. Просто соберись и потерпи! Старайся там.... Если ты будешь старательно учиться и начнёшь общаться с ребятами, даже не заметишь, как пролетит время, и я тебя заберу обратно домой. Макси, всё будет хорошо! Правда! Не надо только так настраивать себя и думать о плохом. Ведь всё хорошо! Мне очень много хорошего рассказывали про эту школу. Там и хорошо учат, и ребята хорошие учатся. Ты привыкнешь к этому месту, и всё наладится. А сейчас ты просто ещё не привык к этой школе, поэтому тебе так хочется домой. Не надо переживать и волноваться! Там тебя не обидят! Ладно, Макси, мне пора бежать. Я тебе ещё вечером позвоню. Хорошо? Не грусти там! Просто верь мне и прислушайся к моим советам. Я тебе никогда плохого не советовал. Пока, Макси!

– Нет, папа, подожди! Пожалуйста, забери меня отсюда! Я больше не могу.... – но тут папа сбросил вызов, даже не дослушав меня.

Из моей груди вырвался тяжёлый вздох. Папа забирать ме-

ня отсюда не желал, а я больше не мог здесь оставаться и должен был хоть что-то предпринять, чтобы вернуться домой. Сдаваться я не хотел. И надежда оставалась только на дядю Сашу, который меня всегда так хорошо понимал. Он точно сейчас сможет меня понять и поможет мне. Я в этом не сомневался. Он точно меня заберёт из этого ужасного места! И я решительно набрал его номер и прижал телефон к уху.

– Алло. Слушаю, – после пары гудков раздался голос дяди.

– Привет, дядя Саша, – поздоровался я.

– О! Племянник! – по голосу дяди я понял, что он улыбается. Он был рад меня слышать. – Привет, Максим. Это здорово, что ты мне позвонил. У тебя всё хорошо?

– Вообще-то нет, – сразу приступил я к делу.

– Что такое? – заволновался дядя Саша. – Что-то случилось?

– Да. Папа меня отправил в школу-интернат. Представляешь?

– Да. Я это слышал! – это меня немного насторожило. Дядя был в курсе, что папа меня отправляет в школу-интернат, но не отговорил его от этого?! Это было странно! Я почему-то был уверен, что дядя Саша даже не знает это, но он знал. Несмотря ни на что мне надо было говорить дальше.

– Дядь Саш, мне здесь не нравится, – заявил я. – Мне здесь очень плохо, и я хочу домой. Пожалуйста, можешь поговорить с ним и уговорить его забрать меня домой? Я здесь больше не выдержу. Поговори с ним! Прошу тебя! Я пытал-

ся его сам убедить забрать меня домой, но он меня будто не слышит. Заладил, что мне здесь будет хорошо, и я должен здесь оставаться. И ему всё равно, что мне здесь плохо и что я не хочу тут быть. Ты поговоришь с ним?

– Максим, ты прости, но я считаю, что твой папа прав, – неуверенно проговорил дядя Саша, видимо, боясь меня этим обидеть. Но стоило ему это сказать, как моё сердце тут же замерло. Неужели он мне не поможет? – Тебе полезно там пожить. Ты многому научишься и твой папа, и правда, не может постоянно разрываться между тобой и работой. Там о тебе лучше смогут позаботиться и многому научат. Я, правда, не понимаю, почему тебе там не нравится. Ведь там с тобой есть твоя собака! Ты взял с собой гитару и тебе есть чем занять себя. Просто общайся с ребятами, учись, развлекайся.... Живи как обычно! Точнее постарайся жить как обычно. Понимаю, что это не дом и тебе сейчас тяжело, но надо привыкать к новой жизни. Если ты через это не пройдёшь, то ничему не научишься. А ты должен научиться заново жить. А этому тебя смогут научить лишь только там. Папа прав и тебе лучше будет в этой школе. Просто попробуй его понять и привыкнуть к этой школе! Да, это трудно, но просто необходимо. Необходимо для тебя же! Или ты не понимаешь, что не сможешь самостоятельно научиться всему тому, чему учат тебя там? Даже папа и я не сможем тебя этому научить. Или ты этого не понимаешь?

– То есть ты мне не поможешь, да? Ты не поговоришь с

ним? – догадался я. Моя надежда медленно угасала, как и вера в то, что дядя Саша мне поможет. – Ты мне не поможешь вернуться домой?

– Максим, ну, что ты всё заладил? Зачем тебе домой? – не понимал меня дядя. – Заведи там друзей и тебя не будет так тянуть домой. В чём проблема? Конечно, я не был на твоём месте, и не понимаю каково тебе, но боюсь, что даже я не смогу ничем тебе помочь. Даже если я попробую поговорить с твоим папой, что это даст? К тому же я на его стороне. Ты прости меня, но боюсь тебе надо смириться и просто делать то, что надо. Жизнь суровая штука, племянник, и порой у нас нет выбора. В данном случае у тебя нет выбора. Прости! Мне, правда, жаль тебя, но помочь не могу. И папа тебе не может помочь. Думаешь, ему было легко отдавать тебя туда? А вот и нет! Ему было очень тяжело. Поверь мне на слово!

– Очень сомневаюсь в этом. Он меня легко отдал сюда и быстро ушёл. Ему даже всё равно, что мне тут плохо.

– Ему не всё равно. Ему тоже тяжело. Думаешь, я этого не вижу? Я знаю, что ему нелегче, чем тебе. А ты думаешь только о себе. Тебе там плохо и ты хочешь, чтобы тебя забрали домой. А ты не подумал, что будет дальше? Ты не сможешь самостоятельно гулять, ходить по улице и даже не сможешь работать. Это же ужасно! Максим, ты должен потерпеть. Понятно тебе это?!

– Но я больше тут не выдержу. Я хочу домой... – мой голос стал совсем тихим. Я понимал, что всё это уже бесполезно.

Дядя не поможет мне!

– Выдержишь ты всё! Я в тебя верю, и точно знаю, что ты продержишься. Ну, хочешь, я приеду к тебе на следующей неделе? Навещу тебя! Пообщаемся с тобой, погуляем.... Хочешь?

– Ну, давай, – согласился я, хотя понимал, что мне это ничего не даст. Я хотел домой, а не просто погулять.

– Вот. На этом и закончим. А то мне надо бежать уже. Меня ждут. Ты давай там не раскисай, Максим. Всё будет круто! Не надо кукситься и грустить! Ладно? Давай. Пока, – и дядя, не дожидаясь пока я тоже с ним попрощаюсь, скинул вызов. Пошли гудки.

Я медленно уронил телефон на кровать, на которой сидел. По моему лицу текли горячие солёные слёзы, которые обжигали мои щёки. Я не мог их сдерживать. У меня просто не было на это сил. Я чувствовал себя одиноким и никому не нужным. Никто не хотел помочь мне. Никто не хотел забрать меня из этого ужасного места! Даже дядя, на которого я так надеялся, оказался на папиной стороне и отказался помогать мне.

Мной овладевала сильная тоска и грусть, с которой я не мог бороться. Я, правда, не мог больше здесь находиться. Я не желал больше быть здесь ни одну минуту. Но и уйти я не мог, ведь не знал куда идти. Я был беспомощным! Я никогда себя не чувствовал таким беспомощным. Я упал на подушку, продолжая плакать от собственной беспомощности и ни-

чтожности.

– Боже, за что мне всё это? – начал бормотать. – Как же я хочу домой! Мама, ну, почему ты меня бросила? Почему ты оставила меня?! Я не могу без тебя, мама! Мама, пожалуйста, помоги мне. Я больше не могу здесь находиться. Я больше не хочу здесь оставаться! – всё моё тело просто трясло от безудержного и тихого плача. Я понимал, что плакать громко нельзя, ведь кто-то может меня услышать. А я не хотел, чтобы меня пришли успокаивать. И тут почувствовал, как Лорд начал вылизывать моё мокрое от слёз лицо. Он опять почувствовал, что что-то со мной не так и забрался на мою кровать, чтобы успокоить меня. – Только ты у меня остался, Лорд, – я обнял его, прижав к себе.

Какое-то время по моему лицу продолжали течь слёзы, а потом я начал немного успокаиваться. Я сидел так на кровати в обнимку с Лордом. Тот периодически облизывал меня и тихо скулил, как бы поддерживая меня. У меня не было никакого желания вставать и куда-то идти. Мне было хорошо сидеть с моим лучшим другом.

Тем более я не хотел возвращаться в класс и находиться в компании остальных слепых ребят и учителей. У меня не было ни малейшего желания уходить с кровати и уходить от Лорда. С ним мне было хорошо, а с остальными было плохо. Мне было абсолютно всё равно на совет папы подружиться с кем-то и найти себе друзей. Я ни за что не собирался это делать! Я не собирался заводить здесь себе друзей-калек. Они

были такие же, как я. Они были слепые! Говорить с ними о слепоте я не желал! Мне итак было тяжело, а от разговоров с ними легче точно не станет.

Тут раздался скрип двери моей комнаты, что означало, что кто-то ко мне заглянул.

– Максим, – раздался голос одного из моих учителей, – ты чего здесь сидишь? У тебя скоро урок. Пора идти в класс. Пойдём, я тебя провожу.

– Я никуда не пойду, – отрезал я, не отрываясь от Лорда и даже не повернувшись к учителю. – Я останусь здесь!

– Почему? – удивился мужчина. – Ты не ладишь с ребятами? Или тебе здесь не нравится?

– Я хочу домой, – лишь буркнул в ответ я.

– Понимаю, – учитель сделал ко мне шаг. – Тебе здесь тяжело. Ты здесь новенький, а таким всегда сложнее. К тому же ты совсем недавно потерял зрение и не привык к такому. Но мы тебе не враги, Максим. Мы хотим тебе помочь. Позволь нам стать для тебя друзьями. Дай мне свою руку и позволь тебя отвести в класс! – он положил руку мне на плечо.

– Я же сказал, что никуда не пойду, – я дёрнулся в сторону, не желая, чтобы учитель трогал меня. Я повернул голову к мужчине и нахмурил брови, пытаюсь показать всем своим видом, что не желаю никуда идти, раз он не понимал слов. – Я хочу остаться здесь!

– Ну, ты чего, Максим? Не надо плакать! Ты же такой взрослый мальчик, а плачешь, – как можно ласковее загово-

рил со мной учитель и хотел пододвинуться ко мне, но на него зарычал Лорд. Я тут же прижал к себе пса. Я не хотел, чтобы он кому-то навредил. Тогда ему точно не разрешат здесь находиться и заставят папу забрать его. А без Лорда я не смогу здесь продержаться. – Максим, – продолжал мужчина, – понимаю, что ты хочешь домой и тебе здесь плохо, но не надо нас считать своими врагами. Мы наоборот хотим тебе помочь. Хочешь пойти погулять? Возьмём с собой твоего пса и вместе пойдём на улицу. Заодно поговорим. Тебе надо проветриться. Хочешь?

– Нет! – отказался я. – Хочу остаться тут. Я не хочу идти ни на улицу, ни в класс, ни на урок. Хочу просто посидеть здесь. Можно?

– Хорошо, – сдался учитель и сделал шаг в сторону, давая понять, что не будет меня заставлять куда-то идти. – Ты можешь тут остаться, раз так этого хочешь. Думаю, тебе можно один день отдохнуть от всех этих занятий. Отдохни! Поспи, посиди со своей собакой.... Я поговорю с остальными учителями, чтобы они к тебе не приставали. Но, Максим, пожалуйста, не надо плакать. Знаю, что тебе тяжело и больно от всей этой ситуации, но ты не один. У тебя вот есть твой верный друг, – мужчина, скорее всего, кивнул на Лорда. – Так что ты не одиночек! Не надо грустить и впадать в депрессию. От неё тебе лучше не станет. Лучше постарайся развеселиться. У тебя вон есть гитара. Поиграй на ней, поиграй со своим псом.... И всё наладится! Отдохни немного и скорее прихо-

ди в себя! Ты такой замечательный мальчуган.... Не хочу, чтобы ты грустил из-за ерунды. Это место же может для тебя стать вторым домом. К нам, учителям, ты можешь всегда обратиться со своими проблемами, а с остальными ребятами ты можешь просто общаться и играть. Мы как единая большая семья! – по его голосу я понял, что он улыбается. Но я даже не улыбнулся, оставаясь хмурым. – Ладно. Не буду пока тебе надоедать своим общением. Отдыхай! – он легонечко хлопнул меня по плечу и вышел из комнаты.

Я снова остался наедине с Лордом. Как только я услышал звук закрывшейся двери, вновь обнял Лорда и прижался к нему.

– Значит так, теперь аккуратно переставляйте трость вперёд и слегка постукивайте её по земле, – командовал учитель. – Старайтесь прислушиваться к своим ощущениям. Вы можете почувствовать, что находится рядом с вами. Вы даже можете почувствовать, что рядом есть здание. Надо лишь постараться. Кожей можно почувствовать на расстоянии – что тут находится какая-то масса. Главное – внимание и сосредоточенность. Вы можете даже слышать, как стоит машина на тротуаре. Дом напротив можете почувствовать кожей, как я уже ранее сказал.

Понимаю, что вы теперь слепые и вам очень тяжело. У вас будет много преград на пути: люки, ямы, столбы, деревья, машины, припаркованные на тротуарах. Но с хорошим на-

выком ориентирования в пространстве вы сможете слышать, как стоят деревья и машины. Для этого нужно постучать тростью об асфальт и уловить отражение звука. Вы также должны не забывать слушать, ведь благодаря слуху вы сможете понять, что на вас идёт человек или что слева от вас движется машина. Ваш слух и ощущения – это всё, что у вас теперь есть. Но это не так уж и ужасно, как вам может показаться.

Порой вы сможете замечать то, что не замечают другие. Люди иногда так куда-то спешат и летят, что не слышат и не видят то, что происходит вокруг них. А слепые умеют ориентироваться в городе на слух и на осязание, на шорох и прикосновение – замечая то, чего не видят зрячие. Вы должны быть на улице полностью сосредоточены на звуках и своих ощущениях и это ваша сила! Вы всегда должны быть сосредоточены и напряжены! Расслабляться вы можете дома, в машине, но никак не на улице. На улице вы должны быть всегда сосредоточены, даже если идёте с кем-то. Ведь ваш спутник может что-то проглядеть, а вы почувствуете, что перед вами здание или машина. А трость, что вы сейчас держите в руках, это ваш главный помощник. Ей вы можете нащупать, что впереди бордюр или что перед вами стоит припаркованная машина.

Считайте, что трость – это продолжение вашей руки и ей вы можете всё ощупывать и узнавать, что перед вами находится. Никогда не убирайте её и не расслабляйтесь, даже если идёте по знакомой дороге. Ведь внезапно перед вами мо-

жет оказаться машина, которую припаркуют в том месте, где её никогда не было. А также могут внезапно поставить столб в том месте, где его никогда в жизни не было. Доверяйте лишь своим ощущениям, слуху и трости, что у вас в руках. Они ваши главные помощники! Ну, вы также можете купить себе собаку-поводыря, которая будет вам помогать и облегчать жизнь. Но не у каждого получится её приобрести.

Вот сейчас она есть у вашего одноклассника, Максима, но вам может не так повезти, как ему. Так что лучше вам хорошо научиться ориентироваться самим в пространстве. Ну, и тебе это нужно, Максим, – обратился ко мне учитель. – Хорошо. Теперь давайте попробуем. Идите вперёд. На вашем пути встретятся некоторые препятствия. Постарайтесь их обойти. Будьте осторожны и доверяйте своим ощущениям и слуху.

И мы пошли вперёд. Я шёл не спеша, сжимая в руке поводок Лорда, который был безумно рад, что я взял его с собой на улицу на наш урок. Да, у нас был урок на улице. Они у нас периодически проходили на улице, но это было редко и в основном на этих уроках нас учили пользоваться тростью. Эти уроки я любил, ведь на них мог взять с собой Лорда. Мне сразу разрешили его с собой взять, и мне даже не пришлось просить об этом. Все понимали, что Лорд – это мой будущий поводырь, и он должен тренироваться вместе со мной. И вот мы сейчас занимались с ним вместе, и он меня старательно вёл через все препятствия, что встречались на пути. Мы бы-

ли как единая команда.

Я два дня просидел в своей комнате, почти не выходя из неё. Я не ходил на уроки и даже почти не ходил есть. Никто не мог заставить меня выйти из комнаты. У меня просто не было желания что-либо делать. Так и могло бы дальше продолжаться ещё долго, но приехал папа, которого позвали взволнованные учителя. И после его угрозы, что, если я не буду ходить на уроки, он не заберёт меня домой на каникулы и мне придётся все каникулы просидеть тут, я понял, что надо хотя бы начать ходить на уроки.

Проводить каникулы в этой школе у меня желания не было! К тому же может быть, хотя бы, если ходить на уроки, быстрее пройдёт время, и быстрее наступят каникулы, на что я очень рассчитывал. Да, ведь, и правда, полезно было хоть чему-то научиться. Может быть, так я хотя бы смогу сам ходить гулять, и меня не будет постоянно кто-то сопровождать. А я очень хотел этого.

И после этого разговора с папой я продолжил ходить на уроки и даже начал больше стараться, ведь больше мне заняться было нечем. Надо было хоть как-то убивать время, и это был единственный способ. Конечно, сдружиться я так ни с кем не смог, хоть и попытался это сделать, но это меня не слишком расстроило. У меня был Лорд и больше мне никто был не нужен! Друзья мне были не особо нужны.

– Молодец, Максим, – похвалил меня учитель. – У тебя хорошо получается! Продолжай в том же духе!

Сейчас у нас был в самом разгаре урок, и впереди было ещё пару подобных уроков. Я старался, как мог, прислушаться ко всем советам учителя и полностью напрягал свой слух, прислушивался к ощущениям и старался пользоваться тростью. Благодаря Лорду у меня получалось достаточно хорошо, но, понятное дело, осечки были. И вот учитель вновь нас собрал и начал давать наставления, которые я старался внимательно слушать.

– Белая трость, которая есть у каждого из вас, может «нащупывать» очертания предмета. Когда ваша трость утыкается в препятствие, она может описать фигуру по контуру, «нащупывая» очертания предмета. Это сейчас вам кажется сложным, но когда-нибудь вы сможете это делать, и это для вас будет проще простого, – услышал я слова учителя. – А пока давайте продолжать тренировки.

И урок продолжился. Ещё какое-то время он продолжался, и мы все ходили по улице, учась ориентироваться в пространстве с помощью трости. Я же это попутно использовал и как возможность погулять с Лордом, а прогулок с ним мне очень сильно не хватало. Ведь теперь мы не могли слишком часто гулять вместе. С утра у нас не всегда получалось погулять вдвоём, и оставалась только вечерняя прогулка.

Дома же мы раза по три гуляли вместе с Лордом. И хотя бы сейчас я мог немного насладиться прогулкой с ним и наслаждался. Даже когда у меня была депрессия, и я сидел в своей комнате, я выходил на прогулку с Лордом, так как

не мог лишиться его улицы, как бы не чувствовал себя. Я понимал, что ему надо двигаться, и он тоже хочет гулять. И я предоставлял ему эту возможность. Но сейчас мне уже было лучше, и я мог спокойно и с наслаждением гулять с ним. А возможность побыть с Лордом на улице в течение дня была просто блаженством для меня.

Когда урок закончился, нам разрешили разойтись по комнатам. Ведь нам надо было переодеться, немного отдохнуть после прогулки, а мне к тому же ещё и нужно было помыть лапы Лорду, что я давно привык делать и делал уже на автомате. А что я ещё мог здесь делать? Только ухаживать за псом и играть на гитаре. Больше ничего я здесь делать не мог. Поэтому, вернувшись в комнату, я помыл лапы Лорда, переоделся, привёл себя в порядок, принял лёгкий душ, насыпал в миску корма и завалился на кровать. Я хотел, как следует, отдохнуть и подготовиться к дальнейшим урокам.

А дальнейшие уроки прошли достаточно быстро. Я старательно вникал в слова учителей и старался делать всё то, что мне говорили. Конечно же, мне до сих пор хотелось домой, но после того звонка папе и дяде я ещё ни один раз им звонил и просил меня забрать из школы-интерната. Но ничего не действовало, и забирать меня домой никто не желал. Мне ничего не оставалось, как смириться со своей тяжёлой судьбой и просто делать всё, чтобы быстрее прошло время и скорее вернуться домой. Это всё что мне оставалось, и уже неделю я старался только этим и заниматься, мучаясь в сте-

нах этой ужасной школы.

Когда прошли все уроки, нас сначала накормили, а потом разрешили пойти в свои комнаты. Некоторые из ребят изъявили желание остаться в коридоре, где было оборудовано место для отдыха и где можно было спокойно посидеть. Остальные же решили пойти в свои комнаты. Я тоже пошёл в комнату. С ребятами мне точно делать было нечего.

В комнате я опустился на кровать. Лорд вмиг запрыгнул ко мне на постель и сел рядом. Я погладил его по голове и слегка улыбнулся. Сейчас мне надо было лишь придумать, чем себя занять, пока у нас снова не начнётся что-нибудь интересное.

А иногда нас зазывали в общий зал и занимали всякими заданиями, упражнениями и конкурсами, чтобы, во-первых, закрепить пройденные уроки и, во-вторых, чтобы нам было не скучно. Это было не в обязательном порядке, но в основном шли почти все, так как в комнатах было сидеть скучно, и нам почти нечем было заняться. Но пока было свободное время, и я пытался придумать, чем же заняться.

Долго думать мне не пришлось, потому что у меня сразу промелькнула мысль, что надо бы поиграть на гитаре. Последнее время я играл на гитаре редко, а потерять навыки мне не хотелось. Поэтому я решительно взял в руки гитару и задумался. Мне надо было придумать какую песню сыграть.

После недолгих размышлений я понял, что хочу сыграть песню, которую уже давно слышал. Её пел кто-то из Церкви,

и она мне очень понравилась. Я даже потом, вернувшись домой после собрания, нашёл эту песню в интернете и научился сам её играть и петь. Она была очень красивой и имела большой смысл. И сейчас я уверенно начал играть мелодию песни, радуясь, что хорошо помню её. Проиграв вступление, запел:

– Я разучился любить.... Я разучился прощать...

Так лучше не находить, чтоб больше не потерять

Чего ж ещё мне желать...?

Как тень проносятся дни.... Бегут года как вода...

Я не умею любить, я не хочу больше жить!

Зачем идти в никуда?

Сломаны крылья – душа не может летать

Робко смотрю в небеса, хочу понять:

«Но почему же жесток этот мир?..»

Только жить, не любя не могу я, и летит в небеса жалкий
стон,

Боже мой, без Тебя пропаду я! И растаю как сон!!!

Боже мой, не молчи!! Умоляю! Моей бедной душе дай покой...

И сквозь слезы дождя слышу голос: – Иди за Мной, – пропел я первый куплет и припев. Сделав глубокий вздох, продолжил: – Не плачь дитя... это жизнь, но знай, Я рядом с тобой

Свой взор ко Мне обрати, в молитве беды свои

Отцу смиренно открой...

Я знаю что значит боль, Я Сам её перенёс...

Я знаю, как трудно жить, когда вокруг столько лжи,
Страданья, горя и слез...

Дам тебе крылья – и ты сумеешь летать

Я победил этот мир – должна ты знать!

Нас не разлучит никто никогда!..

На Голгофском кресте умирая, я на древо вознёс все грехи

Стон летел в небеса, боль преодолая – Авва, Отче! прости, прости им, прости!

Кровь струилась из ран, озаряя землю грешную. Я – победил

Тот, кто верит в Него – не погибнет за него, Я сполна заплатил...

Теперь смогу я любить.... Теперь смогу я прощать

Теперь смогу я любить.... Теперь смогу я прощать, – пропел я концовку и замер.

Пропев эту песню, я осознал, что очень сильно скучаю и по дому, и по Церкви и по своим друзьям. Я так давно с ними не говорил.... Они приезжали ко мне домой, когда я ещё там был, лишь пару раз, а мне этого было очень мало. И теперь походу мне не святило скоро с ними пообщаться.

И не святило в скором времени поиграть с папой на музыкальных инструментах и попеть вместе, а по этому я также скучал. Ведь я очень любил это делать. Наш дуэт с папой всегда был прекрасным, и мы с ним вместе получали от него

наслаждение. Но папа отправил меня сюда, и попеть вдвоём мы точно сможем нескоро.

Я грустно вздохнул, от нахлынувших тяжёлых мыслей. Мне надо было как-нибудь отвлечься от этих мыслей, ведь ничего хорошего от них не было. Впадать в депрессию мне снова было нельзя. Поэтому я вновь сосредоточился на музыке и хотел заиграть ещё одну песню, как тут раздался чей-то голос:

– Круто играешь!

Я вздрогнул и обернулся, не понимая, кто это и откуда этот человек взялся в моей комнате. Я вообще не слышал, что кто-то зашёл ко мне.

– Ты прости, что я зашёл к тебе без разрешения, – продолжал говорить этот незванный гость. – Я просто проходил мимо и услышал, как ты играешь на гитаре и поёшь, и мне очень понравилось. Не смог пройти мимо и не похвалить тебя. Кстати, я Костя, – представился он. – Мы учимся в одном классе, но ты какой-то необщительный и скованный, поэтому я никогда с тобой не разговаривал. Но вот настало время познакомиться. И я рад наконец-то познакомиться с тобой. Ну, то есть нормально познакомиться.... – поправился мальчик.

– Хорошо. Спасибо за комплимент, – сухо ответил я. Особого желания говорить с ним у меня не было. Мало того, что он без спросу зашёл ко мне, так ещё подслушивал, как я играю и пою, а мне это не особо нравилось.

– Ты уже давно играешь на гитаре? Кто тебя научил на ней играть? – поинтересовался Костя.

– Я уже давно умею играть на гитаре. Меня папа научил заново на ней играть, когда я потерял зрение.

– Да, это полезный навык, – никак не желал уходить мальчик. – А поёшь ты... Очень круто! Петь тебя тоже научил папа?

– Типа того, – неопределённо ответил я, всем своим видом пытаюсь дать понять Косте, что ему пора уйти. Мне хотелось побыть одному и ещё поиграть на гитаре, а он мне не давал это сделать.

– Ты, наверное, много поёшь, да? – догадался Костя. – У тебя с работой точно не будет проблем. А твой папа вообще кто?

– Преподаватель в институте музыки.

– Тогда понятно, почему ты так хорошо играешь на гитаре и классно поёшь. У тебя папа, видимо, тоже и играет на инструментах и поёт... Это круто! А мама? Она тоже связана с музыкой?

– Она умерла, – буркнул я. Вот эта тема мне точно не нравилась, и обсуждать её с незнакомцем мне не хотелось.

– О! Мне очень жаль, – по голосу Кости было понятно, что ему стало неловко. – Извини! А что с ней...

– Слушай, я не очень хочу это обсуждать, – поспешил я оборвать его.

– Понимаю, – не стал настаивать мальчик. – Ещё раз из-

вини. Я тогда, наверное, пойду, – наконец-то дошло до него, что я не хочу ни с кем общаться. – Не буду тебе мешать. Пока. Ещё встретимся.

– Ага, – лишь проговорил я напоследок.

Когда за Костей закрылась дверь, я с облегчением вздохнул. Сжав в руках гитару, я погладил Лорда, который всё также сидел рядом со мной на кровати. С трудом, но я смог избавиться от незваного гостя. Ну, не мог же я напрямую ему сказать, что не желаю с ним общаться! Это было бы некрасиво и невежливо, а портить итак натянутые отношения с одноклассниками я не хотел. Ведь я ещё должен был провести с ними много времени и надо было иметь хотя бы более менее нормальные отношения.

К счастью этот Костя оказался смышлёным и достаточно быстро понял, что лучше уйти. И я наконец-то мог вернуться к игре на гитаре, чего мне сейчас так хотелось. Я только хотел начать играть следующую знакомую песню, как тут услышал телефонный звонок. Кто-то звонил мне. Я поспешил достать из кармана телефон и ответить на звонок.

– Слушаю, – проговорил я, как только принял вызов и приложил телефон к уху.

– Здравствуй, Симочка, – услышал голос бабушки.

– Бабушка! Привет! – мои губы расплылись в радостной улыбке. С бабушкой я уже давно не говорил, и мне было в радость слышать её голос и иметь возможность с ней говорить.

– А я вот решила тебе позвонить, – сообщила она. – Захотелось услышать голос внучка. Ты же рад моему звонку?

– Очень рад, бабушка, – совершенно искренне сказал я. – Как я могу быть не рад твоему звонку? Я рад, что ты мне позвонила. Я хотел и сам позвонить тебе, но что-то всё время забывал. Извини, пожалуйста.

– Да ничего страшного, внучок. Лучше расскажи, как ты там, Симочка? Как у тебя дела?

– У меня? – зачем-то переспросил я. – Ну...

– Надеюсь, ты там не поссорился с папой? – любопытствовала бабушка. – Вы должны быть дружными и поддерживать друг друга. В вашей-то ситуации...

– Ну, у нас... – я вновь запнулся. По вопросам бабушки мне становилось ясно, что она не была в курсе, что я нахожусь в школе-интернате, и это было нестранно. Я точно знал, что она была бы против этой затеи папы и не позволила бы ему меня сюда отправить. И у меня сейчас была возможность сказать ей всю правду, и она точно смогла бы мне помочь. Она смогла бы достучаться до папы и добиться того, чтобы он меня забрал. Но я не мог это сделать. Я просто сразу представлял себе, как бабушка начнёт за меня переживать, и как она будет ругать папу. А потом он может на меня разозлиться.... Да, я хотел домой, но только не такой ценой. Волновать бабушку мне не хотелось, да и ссориться с папой особого желания не было. Надо было найти другой выход из моей ситуации. Поэтому скрепя зубы, и еле сдерживаясь, чтобы

не сказать правду, я выдал: – У нас всё хорошо, бабушка. Не волнуйся! Мы не ссоримся. Из-за чего нам ссориться? У нас всё замечательно.

– Правда? – в голосе бабушки было слышно неверие. – Ну, если что-то будет не так, то ты только скажи, и я попробую всё уладить. Я хочу, чтобы у тебя всё было хорошо, Симочка.

– Конечно, скажу, бабушка, – попытался я успокоить её. – Как я могу тебе врать? Я точно скажу тебе правду и расскажу, если у нас что-то случится. Можешь в этом даже не сомневаться. Ты самая первая об этом узнаешь.

– Рада это слышать, Симочка, – в голосе бабушки я услышал радость. – Кстати, я слышала, что папа тебе подарил собаку.... Это правда?

– Истинная правда, – подтвердил я.

– И что же ты это мне ещё про неё ничего не сказал? – укорила меня бабушка. – Я что должна всё вытаскивать из тебя клещами? Или ты не был рад собаке?

– Конечно же, я был рад, – я натянул улыбку, понимая, что по моему голосу бабушка может понять, что что-то всё-таки у меня не так. А надо было беззаботно и с радостью начать говорить о Лорде. Я был рад, что тема сменилась, и этим надо было воспользоваться. – Просто ты меня сейчас застала врасплох.

– Тогда давай рассказывай мне про неё. Хочу знать всё! – потребовала бабушка.

– Ну, начну с того, что собака просто чудо! – приступил

я к рассказу. – Это колли. Зовут его Лорд! Он такой умный, добрый, понимающий и даже чувствует перемену в моём настроении. Он уже успел стать моим самым лучшим другом. Я всегда мечтал о собаке и очень рад, что наконец-то она у меня есть. Он мой друг и помощник! Он самый лучший!

– Я очень рада, что он стал для тебя самым лучшим другом, но не забывай про настоящих людей. С ними тоже надо общаться!

– Это понятно, – я снова натянул улыбку. – Ни за что не забуду. Ну, а как у тебя дела, бабушка?

– Ну, уж нет! Мы будем говорить о тебе и твоём новом друге, – решительно заявила она. – Рассказывай дальше про Лорда. Или ты всё уже рассказал?

– Вообще нет, но...

– Тогда рассказывай дальше. Хочу знать про него всё!

– Ну, хорошо, – на этот раз я улыбнулся искренне, радуясь, что бабушка так сильно хочет знать про моего пса. Глубоко вздохнув, я с радостью и наслаждением начал ей рассказывать про Лорда, стараясь ничего не говорить про интернат. А про пса я мог рассказать много всего и едва ли не взахлёб начал говорить бабушке о своём любимце.

Я лежал на кровати. В руках у меня была гитара, и я пытался сочинить какую-нибудь песню, но у меня это плохо получалось. Слова путались, мелодия сбивалась.... Идеи не шли. Песня никак не получалась. Я уже даже начинал отчаи-

ваться и боялся, что у меня больше никогда не получится написать свою песню. Ну, а что ещё мне оставалось думать? Я уже столько раз предпринимал попытки написать свою песню и у меня ничего не выходило. И вот опять!

Я тяжело вздохнул и продолжил пытаться написать песню. Я не должен был сдаваться. Ведь раньше у меня это хорошо получалось. И сейчас рано или поздно я смогу всё-таки написать новую песню и в этом не сомневался. Самое главное было не сдаваться и продолжать стараться, что я и делал сейчас.

Прошла ещё целая неделя. За одну неделю почти ничего не изменилось. Единственное только у меня улучшились навыки пользования тростью, и я уже даже сам понемногу начинал гулять с Лордом. Я запомнил, как идти к выходу из школы, а, если вдруг забывал, куда надо идти, мне помогали. Конечно, меня не всегда отпускали одного, потому что пока боялись за меня и, скорее всего, когда я гулял с Лордом, за мной следили, но это уже был большой прорыв.

И, понятное дело, я счёл нужным похвастаться и папе, и дяде своими успехами, когда те звонили мне, а, когда они приехали, я даже показал им, как уже хорошо могу ходить по улице. К счастью, когда они приехали ко мне, нам разрешили не сидеть в здании интерната, а погулять по территории.

Ещё мы пару раз выходили за территорию и гуляли по городу. Естественно это было под строгим надзором учителя, так как никто не хотел, чтобы с нами что-то случилось. А

учитель просто хотел, чтобы мы тренировались в пользовании тростью не только на территории школы, но ещё и в других обстановках. Ведь мы должны были привыкнуть к шуму машин, к снующим туда-сюда людям и к прочим шумам. И урок прошёл достаточно успешно.

Правда один мальчик едва не попал под машину, но всё обошлось, и потом учитель сделал ещё один такой урок. Нам такой урок очень понравился. В особенности мне, так как я даже соскучился по этому шуму машин. Теперь я этого шума не боялся, и это также было очень хорошо. Когда мы выходили за территорию школы, я постарался запомнить, как и куда надо идти. Конечно, мне это может и не пригодиться, но на всякий случай я старался запомнить всё. Мало ли что случится, и надо было быть готовым ко всему.

Сейчас шёл очередной день. Уроки у меня все уже закончились, и мне лишь оставалось лежать на кровати и развлекать себя игрой на гитаре. Больше мне было нечего делать.

Я был полностью сосредоточен на своей гитаре и не сразу услышал чьи-то голоса и шаги, которые приближались к моей комнате. Раздался скрип двери. Человек, который хотел отвлечь меня от важного дела, сделал шаг в комнату.

– Максим, а ты не хочешь... – начал говорить этот человек, как тут же Лорд с громким лаем вылетел из моей комнаты. – А ну стой! – услышал я крик, и именно этот крик меня тут же привёл в себя. – Вернись сюда, глупая псина! – учитель, а именно он попытался зайти ко мне и помешать

мне, видимо, бросился следом за Лордом, который не пойми куда помчался.

Я подскочил с кровати. Подобного я точно не ожидал. В спешке кинув гитару на кровать, я выскочил из комнаты следом за учителем, ведь не хотел, чтобы с Лордом что-то случилось. Такого я точно пережить не смогу. А также я не хотел, чтобы пёс что-нибудь натворил. Но, выскочив из комнаты, я замер, не зная куда дальше надо идти. Поэтому мне ничего не оставалось, как прислушаться, чтобы понять, куда делись учитель и Лорд.

– А ну живо иди сюда! – донёсся до меня крик учителя.

– Гав! Гав! – гавкал пёс, видимо, не желая выполнять приказ.

Я бросился в ту сторону, откуда шли голоса. По звукам я понимал, что учитель пытается поймать собаку, но у него ничего не выходило. Значит, мне точно надо было спешить.

– Лорд! Лорд, ко мне! – крикнул я, когда был совсем недалеко от учителя и своего пса.

Собака мгновенно бросилась ко мне, оставив учителя в покое.

– Извините, пожалуйста, – начал я извиняться. Мне было неловко, что пёс начал себя так вести и доставлять другим дискомфорт. Понятное дело, что мне этого не хотелось. – Не знаю, что на него нашло. Он обычно себя хорошо ведёт. Простите!

– Может быть, ты будешь следить за своим псом?! – на-

летел на меня учитель. – А если бы он что-нибудь сломал? Или кому-нибудь навредил? У нас тут школа полная слепых детей, а ты притащил сюда пса!

– Лорд добрый, и он не способен кому-то навредить, – отрезал я. – Это просто случайность! Я слежу за ним. Просто.... Это вышло случайно! Простите! Я не хотел, чтобы подобное случилось. Я же не нарочно. Наверное, просто Лорд устал сидеть взаперти. Больше такого не повторится! Честное слово!

– Это мы ещё посмотрим, – буркнул мужчина. – И вообще собакам здесь не место. Это школа, а не приют для собак. Кто тебе только позволил её сюда привести? Безобразие! Надо чтобы твой отец забрал собаку домой. Я поговорю с ним. Она должна быть дома, а не здесь мешаться. Понятно тебе это?!

– Но я же.... – у меня словно язык онемел. Я не мог сказать ни слова.

– Всё. Хватит уже. Иди в свою комнату, – приказал учитель. – Нечего стоять здесь со своим псом. Уведи его уже.

Я медленно развернулся и побрёл вместе с Лордом к своей комнате. Благо найти я её смог. В комнате я тихо закрыл дверь и опустился на свою кровать. Лорд тут же уселся рядом со мной и начал облизывать мне руку, как бы извиняясь передо мной за свой поступок. Я лишь потрепал шерсть пса, но внутри всё ещё пытался прийти в себя.

Эти слова учителя.... Именно эти слова я всё время боялся услышать. Боялся услышать, что Лорду здесь не место

и что надо прогнать его из школы. Я понимал, что без него просто не смогу продержаться в этом месте. Только с помощью пса я терпел нахождение здесь, а, если папу заставят забрать его.... Я просто не смогу.... Не смогу выдержать жизнь в этом месте. Лорд был здесь моим самым главным и лучшим другом. Кроме него у меня здесь не было никого. Никого кто мог бы меня поддержать и развеселить. Вообще никого! Только один Лорд был способен поддержать меня. И меня хотели его лишить!

Учитель сказал, что поговорит с папой, а тот точно не станет ни с кем ссориться и сделает это. Я не мог этого допустить! Я не желал этого допускать! Кого-кого, а Лорда я точно никому не отдам. Но с папой или учителем договариваться точно не имело смысла. Им всем было словно всё равно на меня. Оставалось только одно... сбежать. Я уже много раз об этом думал. Я об этом думал, когда только заселился сюда, и когда папа и дядя отказывались мне помочь и забрать меня отсюда. Но каждый раз я отметал эти мысли, так как это был слишком кардинальный ход. Но походу сейчас только это мне и оставалось.

Понятное дело, что меня это немного пугало. В моей-то ситуации было нестранно, что это меня пугало. Ведь я не знал куда бежать. Я же ничего не видел. Но бежать всё равно надо было. Надо было срочно бежать из этого места, пока у меня не отобрали Лорда. Своего друга я никому не отдам! Конечно, это было немного глупо, ведь меня могли лег-

ко поймать и вернуть назад и этого бы ничего не изменило. Но чем дольше я думал об этой идее, тем лучше понимал, что именно я должен делать.

Даже если меня поймают, я знал, что надо предпринять. Надо биться, сопротивляться, но настоять на своём переезде к бабушке. В крайнем случае, можно будет ей позвонить. Лучше жить с ней, чем с папой, который готов при любом удобном случае избавиться от меня. Я точно знал, что не стану допускать потерю Лорда и теперь ни за что не отступлю и сделаю всё, чтобы добиться своего.

А пока мне надо было готовиться к предстоящему побегу. Бежать надо было как можно скорее, чтобы не успели позвонить папе или договориться между собой, пока на время изъять у меня Лорда, чтобы, видите ли, он никому не навредил. Я должен был защитить своего лучшего друга, который всё также преданно сидел рядом со мной.

Грохот в коридоре заставил меня подскочить со своего места и броситься собирать вещи. Все вещи я, понятное дело, собрать не мог. Мало того, что это будет бросаться в глаза, так ещё замедлять меня. Надо было взять лишь самое необходимое. А самое необходимое я собрал достаточно быстро. И теперь оставалось лишь дожидаться нужного момента и бежать.

Как только в коридоре стало тихо, я взял свой портфель, надел куртку, взял в руки Лорда, но сразу приготовил поводок, и только после этого вышел из комнаты. По коридору я

пробирался как можно тише и аккуратнее. Как только слышал голоса, я сразу затаивался за углом и только после того, как стихали шаги, шёл дальше.

Так потихоньку я дошёл до выхода. Вышел из школы как можно быстрее и сразу же быстрым шагом пошёл в ту сторону, в какую мы шли, когда выходили в город. Отпустил Лорда я в тот же момент, когда вышел за ворота школы. Теперь можно было идти не так быстро, ведь тут меня никто из школы точно не увидит.

Меня никто не остановил, и мой побег удался. Я был доволен собой, но теперь осталось уйти как можно дальше от школы. Но самое сложное было выполнено. Я так боялся, что у меня это не получится и меня остановят на выходе из школы, но всё достаточно хорошо вышло, и теперь я был свободен. Теперь точно никто у меня не отберёт Лорда и более того меня больше не держали в школе. Я мог спокойно идти туда, куда хотел. И я решительно пошёл вдоль дороги, не желая пока уходить вглубь города.

Я медленно шёл по дороге. Меня уже всего трясло от холода. Я не знаю, сколько уже так ходил, но мне казалось, что очень долго. Всё тело ныло от усталости, хотелось кушать и пить.... У меня уже не было сил так ходить. Я уже даже начинал немного жалеть, что ушёл из школы. Там хотя бы было тепло и нас вкусно кормили. А тут.... Мне хотелось просто завалиться на землю и больше никуда не идти, но так делать

было нельзя. Надо было продолжать идти вперёд.

Каждый раз, когда у меня возникало сожаление об уходе из школы, я старался вспоминать, почему ушёл, и сожаление вмиг исчезало. Я понимал, что поступил правильно, и жалеть было глупо. Я сделал это ради своего питомца, а ради него я был готов на всё.

Мне больше нельзя было оставаться в этой школе и надеюсь, так у меня получится достучаться до папы и всё объяснить ему. А если не получится, то это сделает бабушка. Она точно сможет достучаться до него. Я в этом был уверен. У бабушки всегда получалось подействовать на папу. Конечно, это ещё получалось и у мамы, но её же теперь не было. Оставалась надежда только на бабушку, если мой поступок никак не повлияет на папино решение.

Я вновь поёжился от холода и обнял себя руками. Холод на улице стоял просто жуткий. И почему именно в тот день, когда я решил сбежать, стало так холодно?! Это мне было непонятно! Ещё вчера на улице было достаточно хорошо, а сейчас было просто ужас как холодно. Я уже не знал, куда деться от этого холода. Лишь Лорду было хорошо. Ну, конечно, ведь у него была шуба, и ему было тепло. Не то, что мне.... И ему было в радость так долго гулять со мной. Он, наверное, был бы рад каждый день так со мной гулять.

Ну, а мне надо было срочно что-нибудь придумать, чтобы совсем не околеть от этого холода. Но даже с помощью своей трости, которой я сейчас активно пользовался, я не мог

понять, где нахожусь и есть ли рядом какие-то магазины, где можно было бы спрятаться и немного согреться. Или хотя бы лавочка, куда можно было бы присесть и чуть-чуть отдохнуть, а отдохнуть мне очень хотелось. Я не знал местность рядом со школой-интернатом и не мог знать, где и что находится. Так что мне оставалось идти вперёд и, сжав крепко зубы, терпеть жуткий холод.

Мимо меня на большой скорости пролетало множество машин. Они уже меня даже не пугали, ведь я точно знал, что рядом со мной есть Лорд, и он точно не допустит, чтобы я попал под машину. К тому же я старался держаться подальше от дороги и шёл не торопясь и аккуратно. Но с каждой минутой машин становилось всё меньше и меньше, что говорило о том, что время близилось к вечеру, а я всё ещё был на улице и не знал куда деваться.

Тут я услышал, что едет ещё одна машина, и тяжело вздохнул. Хотя кто-то ехал домой и был сейчас в тепле, а я был вынужден терпеть холод. Я продолжал медленно идти по дороге, ёжиться от холода и в одной руке сжимать трость, а в другой поводок Лорда.

И идя по дороге, я осознал одну вещь. Машина, которую я слышал пару секунд назад, не проехала мимо меня. Куда она тогда делась?! Это меня насторожило, и я тут же напрягся. Понятное дело, что это было странно. Но стоило мне об этом подумать, как я услышал знакомый голос:

– Ну, и куда ты собрался? Думаешь, так далеко сможешь

уйти? – я остановился и медленно обернулся. Человек, что заговорил со мной, сделал ко мне шаг. – Неужели у тебя какой-то поход?

– Дядя Саша? – неуверенно спросил я. – А что ты тут делаешь?

– Если честно, ищу тебя, – ответил он и дотронулся до моей руки. – Ого! Да ты весь ледяной. Тебе надо срочно в машину. Пойдём. Согреешься заодно!

Я послушно пошёл следом за дядей. Тот усадил меня в машину, помог забраться в машину Лорду и после этого уселся рядом со мной.

– Ну, и что же это было? Что ты делаешь совсем один посреди улицы? – задал мне вопрос дядя Саша.

– Я не один, – качнул я головой, продолжая слегка трястись от холода. Мне уже было теплее, но надо было чуть лучше согреться.

– Ну, да, с тобой Лорд, – не стал спорить дядя. – Но ты понял, что я имел в виду.

– Лучше скажи, что ты тут делаешь? – вопросом на вопрос ответил я. – Тебя тоже не должно быть здесь. Откуда ты здесь взялся?

– Я же сказал, что ищу тебя, – повторил он. – Тебя все потеряли в школе. Ты внезапно пропал! Как можно так исчезать?! Там все так испугались.... Начали звонить твоему папе, но не смогли ему дозвониться. И им пришлось позвонить мне. Хорошо, что брат оставил мой номер, а иначе тогда

не знаю, что было бы. Я примчался, как только смог и сразу бросился на твои поиски. Что ты вообще пытался сделать? Зачем тебе это было нужно?! Ты так замёрз.... Куда ты шёл?

– Просто шёл, – кратко ответил я, не решаясь сказать, что пытался сбежать.

– Ладно. Грейся пока, а я пока доеду до интерната. Там поговорим, и расскажешь, что у тебя такое случилось, что ты втихую сбежал из школы и куда-то пошёл. Это был, кстати, глупый шаг, племянник. Ты уж извини, но я говорю правду. Хорошо, что ты не смог слишком далеко уйти. Только благодаря этому я смог тебя найти, а если бы ты ушёл ещё дальше.... Не знаю что было бы.... Так что тебе повезло, Максим, – дядя Саша поехал по дороге, а я сидел молча, пытаюсь согреться.

Я понимал, что надо сказать правду, но пока был не способен это сделать. Я лишь был рад, что наконец-то могу немного погреться. И даже был благодарен дяде, что тот нашёл меня. Сам я уже не знал, что делать и куда деваться от этого холода. А так дядя Саша можно сказать меня спас и оставалось лишь дожидаться, когда он остановит машину. Тогда я точно скажу всю правду и поставлю ультиматум. Возвращаться в интернат я не желал.

Добрались до интерната на машине мы достаточно быстро. Дядя припарковал машину и, открыв дверцу своего сиденья, хотел уже выйти из салона со словами:

– Ну, вот и приехали. Пошли, провожу до школы и там

поговорим.

– Я никуда не пойду, – твёрдо сказал я.

– Что? – остановился дядя и повернулся ко мне.

– Я никуда не пойду, – ещё твёрже повторил я, оставаясь на своём месте.

– Это ещё почему? – не понял дядя Саша. Я его удивлял всё больше и больше. – Что-то не так?

– Я не желаю туда возвращаться. Я останусь в машине. Я не пойду обратно в интернат! Ясно?!

– Если честно, не особо ясно, – покачал головой дядя. – Что там у тебя случилось? Тебя кто-то обидел что ли?!

– Я просто не желаю туда возвращаться! – буркнул я. – Я просто хочу домой. Я не пойду обратно в интернат. Не хочу!

– Опять двадцать пять... – по голосу дяди я понял, что его это раздражает. – Опять ты за своё! Сколько уже можно?! Мне что надо тебя силой вытащить из машины? Не очень хотелось бы это делать. Давай просто сам выходи из машины, и пойдём в интернат. Что ты опять принимаешься за свою песню?

– Дядь Саш, просто поверь мне на слово, что там просто ужасно. Я не хочу туда возвращаться. И больше не хочу там жить. Я не хочу, понятно?! Я просто хочу домой. Мне там не нравится. Ну, что вам так сложно отвезти меня домой? Почему вы меня не слышите?! Почему вы не хотите сделать то, что я прошу? Я что так многого прошу?

– Максим, твои доводы, что тебе просто там не нравится,

не звучат убедительно, – пояснил дядя Саша. – Это вообще не признак того, что тебя надо срочно оттуда забрать и увезти домой. Это совсем маленькая причина и не знак этого! Ты должен придумать что-нибудь более важное и серьёзное для того, чтобы кто-то из нас тебя оттуда забрал. Мне тоже, знаешь ли, многое не нравится. Например, не нравится много работать. Всем школьникам не нравятся школы. А ты ещё и живёшь в ней... Ясное дело, что тебе это не нравится. Мы это всё понимаем. А ты просто видел бы себя со стороны! Ты как малый ребёнок жалуешься нам, что тебе в школе не нравится, и просишь тебя забрать. Надо же становиться взрослее и понимать, что это нужно для тебя. Это нужно не мне, не твоему папе, а только тебе. Понимаешь это? Надеюсь, что понимаешь. А теперь пойдём уже в школу. Сколько можно сидеть в машине? Там из-за тебя все волнуются. Между прочим, очень сильно за тебя переживают. Они там все так перепугались... Не знали где тебя искать и что делать. Так что надо пойти и всех успокоить. И как можно скорее! Пойдём!

– Нет! – стоял я на своём. – Не пойду я никуда! Я останусь тут! Я никуда не пойду!

– Максим, перестань уже! – слегка повысил голос дядя. – Не вынуждай меня заставлять идти туда. Я думал, что ты умный мальчик и всё понимаешь. Сколько можно спорить?!

– Я же сказал, что мне там не нравится, и я больше не стану там жить. Да, ты можешь меня силой заставить выйти из машины и зайти туда. Но я опять сбегу и буду сбегать каж-

дый раз, пока папа меня не заберёт из этой ужасной школы. Я уже сказал своё слово и, если оно ни для кого из вас не имеет значения, значит, мне придётся действовать по-другому. Я просто буду сбегать и всё! Понятно?!

– Ого! – не ожидал такого от меня дядя. – Ну, хорошо! Пусть будет по-твоему. Если ты так этого хочешь, то ладно. Но в интернат зайти всё же надо. Надо всех успокоить и я должен поговорить с твоим директором. Попробую упротить его отпустить тебя со мной. Надеюсь, получится.... Теперь пойдёшь туда?

Я задумался. Теперь вполне можно было зайти туда с дядей, ведь мы всё обсудили, и он вроде даже согласился отвезти меня домой. Я смог добиться чего хотел, но мне почему-то в это не верилось. Было какое-то странное чувство.... Дядя достаточно быстро сдался, и меня это немного настораживало и даже напрягало. Но обижать его своим недоверием я не хотел. Надо было доверять ему. К тому же я ему всё сказал, и он вроде бы меня понял. Так что подвести меня по идее он не должен был.

– Ладно. Пойдём, – кивнул я.

– Вот. Это другое дело! – был доволен дядя Саша. – Пошли. Лорда не забудь. А портфель можешь оставить здесь.

– Хорошо, – я положил портфель на сиденье и вместе с Лордом вышел из машины.

– Пошли скорее! Тут, и правда, холодно, – дядя быстрым шагом двинулся к интернату.

Я шёл следом за ним, стараясь не отставать. В здание школы мы зашли вместе, но только потому, что дядя подождал меня возле дверей. Стоило нам пройти в школу, как я тут же услышал знакомые шаги и громкий голос директора:

– Вы нашли его! Как я рада, что вы нашли его. Мы уже боялись, что с ним что-то случилось. Максим, ну, что на тебя нашло? Что произошло? Почему ты ушёл? Мы так переживали за тебя... Пришли звать на ужин, а тебя в комнате нет. И твоей собаки нет! Мы не знали что думать! Мы подняли на уши всех учителей и искали тебя по всей школе, но тебя нигде не было. Это был просто ужас какой-то! Ну, зачем ты так с нами? Мы бросились звонить твоему папе, но он не отвечал, и нам пришлось звонить твоему дяде. Какое счастье, что он тебя нашёл. Мы так вам благодарны! Спасибо вам большое! Мы обычно хорошо следим за нашими учениками, а тут такое... Нам так стыдно за это! Мы даже сами не думали, что может нечто подобное случиться. Никогда такого не было! Спасибо вам большое ещё раз.

– Не стоит благодарностей, – махнул рукой дядя. Видимо, его эти благодарности лишь смутили. – А вообще я хотел с вами поговорить. Можно где-нибудь уединиться, чтобы спокойно с вами побеседовать?

– Да, конечно, – не стал спорить директор. – Думаю, мой кабинет для этого подойдёт. Максим, а ты можешь...

– Пусть он тут посидит, – не дал договорить директору дядя Саша. – Максим, садись, – он усадил меня на какую-то

лавочку. – Жди меня здесь.

– Ну, пусть тут посидит, – опять не стала возражать женщина. – Пойдёмте!

Дядя вместе с директором пошли дальше по коридору, а я уселся поудобнее на лавочке, держа Лорда рядом с собой. Я не знал, сколько придётся ждать, но надеялся, что ждать придётся недолго. Мне уже поскорее хотелось домой. И к моему счастью ждать, и правда, пришлось недолго. Я успел лишь пару раз подняться с лавочки, чтобы немного пройтись, и тут раздались шаги дяди, которые стремительно приближались ко мне. Я в который раз приподнялся с лавочки, готовый уже пойти с ним обратно к машине.

– Я обо всём договорился, – заговорил дядя Саша, ещё даже не подойдя ко мне. – Они согласились тебя отпустить, но пока только на один день, а дальше уже этот вопрос придётся обсуждать твоему папе с ними. Они понимают, что ты сбежал не просто так и не хотят, чтобы это повторилось. Поэтому решили, что тебе лучше хотя бы один день побыть дома. Так что мы с тобой едем домой!

– Это замечательно! Это очень здорово! – мои губы тут же растянулись в радостной улыбке. Я, правда, был очень рад, что смог добиться своего и наконец-то еду домой. Хоть меня пока и отпустили на один день, но я был уверен, что теперь смогу добиться, чтобы мне больше не пришлось приезжать в этот интернат и жить тут. Самое главное быть настойчивым и стоять на своём. А я точно знал, что смогу это сделать.

– Так стой тут пока что, – скомандовал дядя и пошёл куда-то в сторону.

– Ты куда? – тут же испугался я, что он хочет меня бросить. Страх мгновенно захватил меня. Я не хотел вновь оставаться в этой школе. – Не смей меня здесь бросать! Не оставляй меня. Не надо меня им отдавать. Пожалуйста, не уходи! Только не уходи.

– Эй! Эй! – поспешил успокоить меня дядя. – Не бросаю я тебя. Сейчас вернусь. Не бойся так! Я быстро. Мне просто надо ещё поговорить с одним учителем, и я сразу вернусь к тебе. Хорошо?

– Ладно, – кивнул я, поняв, как сейчас сглупил. – Я подожду.

– Замечательно, – дядя Саша продолжил идти, а я опустился на лавочку и глубоко вздохнул.

Можно было наконец-то успокоиться, и перестать так сильно переживать. Я добился, чего хотел, и дядя не собирался меня бросать. Всё было хорошо!

Как и обещал дядя Саша, он поговорил с учителем достаточно быстро и вернулся ко мне. Мы вместе покинули интернат, и пошли к машине. Вновь заговорили только в автомобиле.

– Ну, что поехали домой?

– Поехали, – я вновь глубоко вздохнул и улыбнулся. Мне даже не верилось, что я еду домой. И мне очень не терпелось оказаться дома.

Машина дёрнулась с места и поехала по дороге, мчась в сторону моего дома.

– Как ты мог на такое пойти? – возмутился папа.

Дядя Саша и папа уже десять минут говорили на кухне, а точнее папа его ругал за то, что тот пошёл у меня на поводу, как сказал он сам, и привёз меня сюда. Папе это очень не понравилось, как и то, что я сбежал из интерната.

Когда мы с дядей только приехали к дому, нас уже встречал папа, и он был очень зол и максимально недовольным. Ему успели позвонить и рассказать обо всём произошедшем, но, понятное дело, куда-то ехать папе смысла не было, так как ему сказали, что меня забрал его брат и везёт домой. Так что, когда мы прошли в дом, папа хотел сразу же налететь на нас обоих, но дядя Саша попросил сначала наедине поговорить с ним, видимо, думая, что сможет ему всё объяснить и смягчить его гнев. Но судя по их разговору, у дяди это не особо получалось. Потому что папа все эти десять минут возмутился и до сих пор не желал успокаиваться.

Я тяжело вздохнул. Слушать их разговор мне было просто невыносимо. Я сидел на диване, поджав под себя ноги. Лапы Лорду я уже успел помыть, и он лежал возле дивана. А мне лишь оставалось сейчас ожидать своей участи. Конечно же, я немного переживал, так как не думал, что папа будет так зол из-за меня. И мне было страшно, что я не смогу отстоять свою точку зрения, и завтра или того хуже сегодня он меня

отвезёт обратно в интернат. Я этого не хотел!

И сейчас рьяно сочинял разговор с папой, пытаюсь придумать, что лучше говорить ему, чтобы повлиять на его решение. Но слова путались, а звуки, шедшие из кухни, не давали мне сосредоточиться и даже немного пугали меня. Мои уши сами были направлены в сторону кухни, и я внимательно слушал всё, что там происходило. Я просто не мог не слушать их разговор. Это было выше моих сил. Я должен был знать, чем закончится их разговор и сможет ли дядя Саша хоть что-то объяснить папе.

Я провёл рукой по дивану, пытаюсь хоть немного успокоиться. А мне надо было успокоиться, ведь во время разговора с папой я должен был быть как можно спокойнее. Только в этом случае разговор сможет пройти нормально. Но как бы я не старался успокоиться, у меня это не особо получалось. Сердце сильно билось, пульс в висках бешено стучал от волнения, ладони потели. ... Я не мог больше ждать. Мне хотелось уже просто поговорить с папой и перестать так переживать. Ожидание всегда самое тяжёлое и сейчас мне становилось всё труднее и труднее ждать.

В этот момент тихонечко гавкнул Лорд, как бы пытаюсь поддержать меня. Я наклонился и погладил его, в который раз вздохнув. Я чувствовал, что говорить с папой придётся уже скоро. И как бы в ответ на моё предчувствие, голоса на кухне стихли. Пару секунд царила тишина, а потом раздались шаги дядя Саши и папы, которые приближались ко мне.

Я тут же опустил ноги с дивана и напрягся. Моя спина вытянулась как струнка. Разговор с папой должен был начаться с минуты на минуту.

– Ну, всё. Мне пора домой, – заговорил дядя, подойдя поближе ко мне. – Всем пока! Пока, племянник. Пока, Коля. Разбирайтесь здесь дальше сами. Я уже сделал всё, что мог. Удачи, Максим! – он хлопнул меня по плечу и направился к входной двери, оставив меня наедине с папой, строгий взгляд которого я уже прекрасно чувствовал.

– Пока, – тихо попрощался я с дядей, и буквально через секунду хлопнула входная дверь, что означало то, что тот ушёл.

Я понимал, почему он не захотел больше оставаться с нами и поспешил уйти. Ему итак крепко попало от папы. Продолжать наблюдать за разборками он, понятное дело, не желал. Кто их любит? Понятно, что никто. И дядя их тоже не любил, и мешать нам выяснять отношения не хотел. К тому же в нашем препирании дядя должен был занять чью-то сторону, а ссориться ни со мной, ни с моим папой он не хотел. Он итак уже меня немного поддержал и за это разозлил папу. Больше влезать ни во что дядя не хотел. Поэтому он так поспешил уйти домой.

К тому же ему ещё надо было добраться до своего дома и у него были свои личные дела. Он итак потратил много времени на меня. Больше его держать здесь не надо было, да и смысла в этом не было. Дальше уже мы с папой долж-

ны были сами разобраться. Конечно, я был бы рад, если бы дядя остался, но говорить это не стал и не осуждал дядю за его уход. Мне лишь надо было набраться храбрости и начать разбираться с папой.

После ухода дяди папа молчал пару минут, заставляя меня сильнее нервничать. Но вот он наконец-то заговорил:

– Ну, и что ты творишь, а? – его голос был очень строгим и даже злым. Мне было непривычно слышать такой папин голос. Он, конечно, бывало, строго со мной говорил, но чтобы в голосе была такая злость.... Это было непривычно и даже немного страшно. – Надо же додуматься до такого. Сбежать из интерната! Тебе что заняться нечем?! Ты что вообще удумал? Это что очередной способ обратить на себя внимание? Что тебе просто не сидится в школе? Ладно, ещё просить тебя забрать оттуда. Но сбежать.... Это уже перебор, Максим! Или ты сам этого не понимаешь?! Ты вообще понимаешь что натворил? Мало того, что ты там всех перепугал, так ещё твоему дяде пришлось сорваться и поехать тебя искать, потому что до меня у них не получилось дозвониться. Тебе хоть стыдно или нет?! Совесть у тебя вообще есть? Такое натворить.... Ты хоть представляешь, что мне пришлось пережить, когда я узнал, что ты сделал?

– Пап, просто выслушай меня, пожалуйста, – я тяжело вздохнул. – Я сделал это не просто так. Просто....

– Да знаю я всё! – перебил меня папа. – Мне уже рассказали, что там случилось. Лорд сбежал у тебя из комнаты, учи-

тель бросился за ним и накричал и на тебя и на твоего пса. Он сорвался на вас двоих! Мне уже сказали, что такое недопустимо. Учителя не имеют права срываться на своих учеников, чтобы не происходило. Это была досадная случайность и этого учителя уже наказали. Если он ещё раз подобное делает, его уволят. И Лорда никто не посмеет выгнать из школы. Так что ты можешь ни о чём подобном не беспокоиться. Директор сама лично извинилась передо мной и перед тобой за то, что случилось. Она понимает, что ты обиделся и испугался за своего питомца, но причин для переживаний нет. Так что твой побег был максимально глупым! Максим, ты хоть голову иногда включай. Почему твой дядя должен был ездить по городу и искать тебя? А потом терпеть твою истерику. Мне стыдно за тебя, Максим! Такого я от тебя не ожидал! Но не надо думать, что это что-то изменит. Тебе придётся вернуться обратно в школу и продолжить там учиться. Тебе всё ясно? И только попробуй ещё раз что-то подобное сделать. Ты меня понял?! – как можно строже спросил он, думая, что я тут же соглашусь с ним. Но у меня в планах не было ничего такого. Я не планировал сдаваться и подчиняться папе. Я собирался держать оборону до конца.

– Нет! Я не вернусь туда. А если ты меня заставишь вернуться туда, то я сбегу опять. И буду сбежать каждый раз, пока ты будешь меня туда возвращать. Я не сдамся, понятно?! Я не вернусь туда! Я не хочу больше там находиться. Не хочу, понятно?! Не хочу и всё!

– Да как ты смеешь спорить со мной? – у папы просто перехватило дыхание от такого. Он точно не ожидал, что я начну с ним препираться. – Ты будешь делать так, как я тебе скажу. Тебе это ясно?! И я сказал, что ты вернёшься туда и будешь там жить, как миленький. И не смей спорить со мной! Ты будешь делать, как я сказал! Тебе всё понятно или ещё раз объяснить?

– Нет! Не буду я делать то, что ты сказал! – стоял я на своём, не желая сдаваться. Конечно, папа говорил очень строго, и у меня даже уже начинало появляться желание сдаться, но делать это ни в коем случае было нельзя. Надо было стоять до конца! – Я тебе уже много раз говорил, что мне там не нравится, но ты меня словно не слышишь. И я больше не вернусь туда. Ни за что на свете! С меня хватит! Не буду я больше там жить. Там ужасно! Я хочу быть дома! Ты меня не заставишь туда вернуться. Ты меня не заставишь там жить.

– Максим, немедленно прекрати! – прикрикнул на меня папа. – Да что с тобой происходит? Что на тебя нашло?! Ты что забыл всё, чему я тебя учил? Ты забыл, как я в Библии тебе много раз читал, что надо слушаться родителей? Ты что решил больше не подчиняться слову Бога? Бог говорит тебе, что ты должен меня слушаться и подчиняться мне, а ты что сейчас делаешь? Ты проявляешь непослушание! Это грех! Что на тебя нашло-то, а? Немедленно перестань так себя вести. Слушайся меня и делай, что я тебе говорю. Это нужно для тебя же. Ты должен учиться в этой школе! Ты должен

там оставаться до тех пор, пока всему не научишься. И тебе остаётся лишь смириться с этим. У тебя нет выбора! Ты меня понял?! Это в твоих же интересах и я не понимаю, почему ты сопротивляешься и не хочешь там учиться. Что хочешь всю жизнь висеть то у меня на шее, то у кого-то другого? Тебе оно надо?! Что самостоятельности не хочешь? Ты не сможешь ничему научиться сидя дома. Ты обязан учиться! Это твоя обязанность! Я тебе нашёл хорошую школу, а ты ещё споришь со мной и сопротивляешься. Совсем не понимаешь, что это тебе нужно? Или тебе всё как маленькому ребёнку надо объяснять? Я не желаю постоянно бояться за тебя и вертеться возле тебя. Мне надо работать! А своим поведением ты не даёшь мне нормально работать.

– Ой, ну, извини, что мешаю тебе, – моё выражение лица стало обиженным. Слова папы очень сильно били по мне. Я с трудом держал себя в руках. – Но, чтобы ты знал, ты меня не спрашивал, хочу я в этот интернат или нет. А он мне не нужен! Я не желаю там жить и учиться. Не хочу, понятно тебе это?! Ты просто решил всё за меня. Тебе моё мнение было даже неважно! – тут мой голос предательски задрожал, выдавая моё состояние. – Ну, почему тебе нет дела до моего мнения? Когда была мама, всё было нормально. А стоило ей... всё тут же пошло не так! Почему тебе так хочется избавиться от меня? Я тебе уже сказал, что не хочу там жить, но ты всё равно хочешь меня туда сбагрить, будто бы я тебе тут мешаю. Хотя я уже многое умею делать и могу попробовать

всему остальному научиться сам. Можно же найти какой-нибудь другой выход. Необязательно сразу меня туда гнать. Ты что не видишь, что мне там не нравится?! Мне там плохо! Я хочу оставаться дома! Почему тебе всё равно на это? Почему тебе всё равно на мои чувства? Почему, пап?! – на мои глаза стали наворачиваться слёзы. – Ведь до этого всё было нормально, а потом ты решил просто выбросить меня в эту школу, будто бы я тут больше не нужен и мешаю тебе. Да что не так-то, а?! Что я сделал не так?!

– Макси, – тут же сменил гнев на милость папа, видя, в каком я состоянии и что я вот-вот могу заплакать, – ты мне вообще тут не мешаешь и я вообще, как ты говоришь, не пытаюсь тебя сбагрить, выбросить в эту школу или... Это вообще не так! Я просто хочу, чтобы ты всему научился, а только там тебя смогут всему научить, и ты сможешь стать независимым и самостоятельным молодым человеком. Неужели ты сам этого не хочешь? Тебе же это нужно. Ты должен лишь немного потерпеть и потом....

– Не желаю я терпеть! – выкрикнул я. – И не желаю туда возвращаться! Ты что меня совсем не слышишь?! – по моим щекам потекли горячие слёзы, которые я не мог сдержать. Я вновь начинал чувствовать себя беспомощным. – Не хочу всего того, о чём ты мне говоришь, такой ценой. Я не стану там жить! Я этого не хочу! Ты меня не понимаешь, что ли?! Почему ты не хочешь меня слышать?

– Максим, успокойся! – папа глубоко вздохнул. Его голос

вновь стал строгим. – Это ты меня походу не слышишь. Я всё делаю ради тебя, а ты так себя ведёшь! И что опять началось? Что это за слёзы, а?! Хватит уже плакать! Я что тебя ударил или чем-то обидел? Я просто пытаюсь тебя чему-то научить. Я хочу, чтобы ты вырос самостоятельным, ответственным и независимым парнем. Ты этого совсем не понимаешь? Я ведь....

– Каким ещё независимым? – поморщился я. – Я всегда буду от кого-то зависеть. Я слепой! Я никогда не смогу видеть! А значит, мне всё время нужна будет чья-то помощь. Это никогда не изменится. Или ты этого совсем не понимаешь? Ты не знаешь, каково мне! Я ничего не вижу! Совсем ничего! Я даже не могу ориентироваться там, где впервые нахожусь. Не могу справляться с этим самостоятельно. И, видимо, поэтому ты решил от меня избавиться. Сбросить груз с плеч, так ведь?! Я тебе просто тут мешаю! Признай это! – буквально кричал я, а с моих глаз продолжали течь слёзы. – Я просто стал для тебя обузой. Если ты думаешь, что я когда-то смогу стать независимым от других, то тебе проще избавиться от меня. Хотя.... Ты же это пытаешься сделать....

– Макси, ну, что ты такое говоришь? – было ясно, что папе это неприятно слушать. Да кому будет приятно такое слышать? Но и мне было нелегче, а он это не понимал! – Да, я, и правда, не знаю, каково тебе, но именно поэтому я отправил тебя в эту школу. Чтобы тебе стало легче ориентироваться в этом мире. Да, у тебя теперь много трудностей, но я готов

тебе помогать. И начал с того, что отправил тебя туда, где тебе могут помочь лучше, чем я. Там тебя могут многому научить, а я....

– Я хочу быть с тобой, а не в этой школе. Или ты что больше не хочешь быть со мной? Значит, я точно стал для тебя обузой, а ты ещё и отрицаешь это. Зачем отрицать очевидные вещи?! Я уже итак это понял. Можно же просто признать, что это так! Тебе просто не понять какво это ничего не видеть и ещё к тому же быть целыми днями в окружении абсолютно чужих мне людей. Будь ты на моём месте, ты точно захотел бы быть в окружении семьи. Но ты никогда не окажешься на моём месте. Это я теперь слепой на всю жизнь, а не ты!

– Хватит уже меня перебивать! – старался сохранять спокойствие папа. – Во-первых, ты мне не обуза и никогда не будешь обузой. Во-вторых, я уже сказал, что да, ты прав. Мне не понять, какво тебе. Но, если бы я оказался на твоём месте, я точно захотел бы научиться всему тому, что позволит мне нормально жить. А ты не хочешь ничему учиться.

– Я хочу учиться, но не в этой школе!

– А где? Где ещё ты сможешь всему этому научиться?! – выходил из себя папа. – Дома? Самостоятельно? Я тебя точно ничему научить не смогу. Сам ты тоже ничему научиться не сможешь. Остаётся только школа. И тебе придётся туда вернуться и продолжить обучение, потому что так надо.

– Нет! Не вернусь! – крикнул я.

– Вернёшься! У тебя просто нет выбора. Хватит глупить!

– Не вернусь!

– Прекрати! Сколько можно?!

– Я не вернусь, ясно?! Не вернусь! – у меня уже начиналась чуть ли не истерика. – Сколько можно заставлять меня?! Говоришь, что я для тебя не обуза, но ты готов прогнать меня из дома, лишь бы я тебе здесь не мешал.

– Да прекрати ты уже!

– Так! Достаточно! – внезапно раздался голос бабушки, которая не пойми, откуда взялась. Как только я услышал её голос, мгновенно встрепнулся. Я даже не знал, что бабушка здесь. Что она здесь делает? Она же не должна была быть здесь! – Мне уже надоело слушать ваш разговор. Это просто невыносимо! Я всё это время его слушала и просто в шоке. Даже не так.... Я в ужасе! Сколько можно так набрасываться друг на друга? Коля, что ты творишь?! Ты готов бедного мальчика довести до истерики! – бабушка подошла ко мне и положила руку мне на плечо. Другой рукой она ласково погладила меня по голове.

– Ты что на его стороне? – в голосе папы было слышно удивление.

– Я поддерживаю вас обоих, но... – она запнулась. – Просто позволь мне поговорить наедине с Симой. Я считаю, вы оба правы, но мне надо с ним поговорить спокойно и кое-что объяснить. Позволишь поговорить нам?

– Конечно, – не стал спорить папа. – Я пока пойду наверх.

Не буду вам мешать.

– Иди, иди, – поторопила его бабушка.

Папины шаги начали отдаляться. Когда они совсем стихли, я повернулся к бабушке.

– Бабуль, что ты тут делаешь? – спросил я.

– Вообще я приехала к вам в гости. Хотела проведать тебя и папу, а тут такая история... Вовремя я приехала! Решила навестить вас, а тут такая новость... Ты в школе-интернате, папа сам тебя туда отправил, а потом ты, оказывается, сбежал оттуда. А по телефону ты мне сказал, что у тебя всё в порядке.

– Бабушка, ты, пожалуйста, поговори с ним. Я тебе сказал по телефону, что всё хорошо только потому, что не хотел тебя волновать. Но раз ты тут, то поговори с ним, пожалуйста. Я прошу тебя! Я не хочу туда возвращаться. Убеди хоть ты его! Пожалуйста! – чуть ли не плакал я, понимая, что у меня убедить папу вообще не получается и оставалась надежда на бабушку, которая, и правда, вовремя появилась.

– Так! Для начала тебе надо успокоиться, Симочка, – она вытерла мне слёзы и обняла меня. – Всё хорошо. Я всё улажу! Не волнуйся! В чём-то твой папа и прав, но и ты прав. Я тебе сейчас кое-что объясню, но сначала успокойся. Хорошо?

– Ладно, – я глубоко вздохнул. Рядом с бабушкой мне становилось спокойнее. Мне уже было не так страшно, и я верил бабушке, что она всё уладит.

– Всё? Успокоился? – спросила она у меня через пару минут молчания.

– Да. Спасибо большое, – я слабо улыбнулся и откинулся на спинку дивана.

– Теперь я могу начать, – бабушка сделала глубокий вздох, как будто готовилась к тяжёлому разговору. – Я начну с того, что папа прав и тебе точно стоит учиться в школе-интернате, куда он тебя отправил.

– Но ведь... – только хотел я начать.

– Подожди, Симочка, – остановила меня бабушка. – Но раз тебе там не нравится, то ты не должен там жить. Ты должен жить дома. Здесь твоё место!

– Но это же невозможно, – сразу погрузился я. – Как это получится сделать? Ничего не выйдет!

– Выйдет, – твёрдо сказала она. – Потому что я приняла решение и перееду к вам.

– Что? – меньше всего я ожидал такого расклада.

– Да, да. Я перееду к вам, – повторила бабушка. – Я вижу, что папа не справляется с тобой. Он не может разрываться между работой и тобой, и его можно понять. Ему было очень тяжело, и он принял не менее тяжёлое решение отдать тебя в интернат. Я, конечно, не совсем согласна с его решением, но и осуждать его за это решение не стоит. Его можно понять! Он просто не справлялся! Конечно, если бы он обратился ко мне и попросил у меня помощи, я согласилась бы помогать и переехала бы к вам сразу. Но он решил всё взять на себя.

Это было неправильное решение с его стороны. Но теперь я буду жить с вами и буду во всём помогать. И начну с того, что договорюсь с твоими преподавателями, чтобы они разрешили каждый день приезжать за тобой и забирать тебя домой. Ты будешь там только чисто ради уроков. Будешь приезжать туда как в обычную школу. Я буду тебя забирать обратно домой и, как ты и хотел, ты будешь жить дома. Учиться тебе всё равно нужно, ведь ты должен всему научиться, чтобы твоя жизнь стала более простой и лёгкой. Конечно же, совсем она лёгкой не станет, но жизнь гораздо упростится. И только благодаря этим урокам. Тебя же такое устраивает? Или нет? Это самое оптимальное, что мы можем сделать в твоей ситуации. Учиться тебе, и правда, надо. Ты же ведь это понимаешь?

– А что можно так? – просто застыл я, даже не предполагая ранее, что можно было так сделать. – Можно чтобы меня забирали домой после уроков?

– Конечно, можно. Ты же согласен на такое?

– Конечно, я согласен, – мои губы растянулись в счастливой улыбке. – Я даже не знал, что так можно. Спасибо большое, бабушка. Если бы я знал, что так можно, то... А папа что тоже о таком не знал?

– Знал, но он же не мог постоянно после работы ехать за тобой, а потом домой. Это было бы слишком накладно для него. Он тратил бы слишком много бензина и всё равно привозил бы тебя домой слишком поздно. А я... Я смогу тебя

забирать сразу и так будет гораздо лучше. И для тебя, и для нас всех! Верно же?!

– Верно. Спасибо большое, – я потянулся и попал в объятия бабушки.

– Не за что, Симочка, – она погладила меня по голове. – Я ещё поговорю об этом с папой, но убедить его в этом точно труда не составит. Так что теперь я буду жить с вами. По крайней мере до того момента, пока ты не окончишь эту школу. А дальше посмотрим. Здорово же, не так ли?!

– Это очень здорово. И я очень рад, что ты теперь будешь с нами. Я очень рад! Правда, бабушка! Я тоже думаю, что папа на такое согласится, и не будет возражать. И это.... Я даже о таком не мечтал! Понимаю, что учиться надо и мне даже немного нравится там учиться. Но вот жить.... Жить мне там не нравится!

– Ну, вот теперь тебе больше не придётся там жить! Ладно. Мы всё обсудили и теперь.... Мне кажется, что ты устал с дороги. Не хочешь поесть, а потом лечь в кровать? Я как раз приготовила лазанью. Папа в твоё отсутствие стал совсем плохо питаться, и мне пришлось что-нибудь приготовить. Ты же будешь лазанью?

– С радостью её съем. Я очень голоден, – в этот момент я почувствовал, что, и правда, очень сильно хочу есть. Последний раз я ел лишь в обед и сейчас был очень сильно голоден.

– Тогда пошли скорее. И Лорда накормим, – бабушка, видимо, наклонилась и погладила пса. Это я понял по одобри-

тельному лаю моего питомца. – Какой он красавчик! Я как раз хотела его увидеть.

– Ну, я его ни разу не видел.

– Но ты его чувствуешь сердцем, а это гораздо важнее! – подчеркнула бабушка.

– Это верно!

– Всё. Пошли скорее!

Я поднялся с дивана и вместе с бабушкой направился к кухне. Наконец-то все проблемы были улажены. Идея бабушки была просто прекрасна, и я даже на такой исход не надеялся. Но она предложила просто идеальный выход из нашей ситуации и спасла и меня и наши отношения с папой. Ведь неизвестно что было бы с нашими с папой отношениями, если бы не бабушка. Но она всё исправила. Она точно вовремя приехала. Если бы не она, всё было бы много хуже.

А теперь я верил, что всё наладится. И наладится в лучшую сторону, ведь пока всё шло просто прекрасно. Я вновь был дома, и мне больше не надо было бояться, что папа меня отправит обратно в интернат. Я, не без помощи бабушки, всё-таки смог добиться своего и наконец-то мог расслабиться.

Прозвенел звонок, сообщая о том, что последний урок завершился. Я мгновенно оживился, ведь сейчас поеду домой. Уроки были не такими мучительными и долгими, когда было понимание, что после них ты сможешь поехать домой.

Да, я поеду домой. Папа дал своё согласие, чтобы бабушка переехала к нам, и чтобы каждый день забирала меня из школы-интерната и отвозила туда, и ему даже понравилась эта затея. Ну, как он мог на такое не согласиться? Это лишь упрощало ему жизнь! И он согласился на радость мне и бабушке, которая была лишь рада пожить с нами и заботиться обо мне.

Мне теперь было даже немного приятно посидеть на уроке и поучиться. Это навевало мысли о той прошлой школе, где я раньше учился. Я только скучал по своим старым друзьям, а так меня всё устраивало. Здесь хотя бы не было такого задаваки, как Володя. Вот по нему я точно не скучал. В этой школе было даже немного лучше, чем в той. И не просто лучше, мне было полезнее здесь учиться. Но, как только прозвенел звонок, я поспешил к выходу к бабушке, которая уже должна была меня ждать.

Оказалось, что многие из ребят приезжают только на уроки. Не все остаются на ночь и живут здесь. А я раньше даже об этом не догадывался. Но теперь это знал и сам так приезжал. И мне так очень нравилось. Я даже стал больше общаться с некоторыми из ребят, но друзьями пока обзавестись всё равно не смог. Я уже не возражал с кем-то сблизиться, но и смысла особого в этом не было. Ведь я здесь был лишь до обеда, а потом после обеда ехал домой. В дружбе большого смысла не было. В принципе мне хватало обычного общения с одноклассниками.

Когда я подошёл к выходу, там, и правда, меня уже ждала бабушка. Но पहले бросилась ко мне не бабушка, а Лорд, который увидел меня издали. Он с громким лаем побежал ко мне, приветствуя меня и радуясь мне. Да, да, теперь Лорда приходилось оставлять дома, и на уроках я был без него. Учителя согласились, чтобы меня каждый день забирали домой, но вот по поводу пса сразу сказали, что он теперь со мной быть не может.

Это раньше они вошли в мою ситуацию и поняли, что без своего поводья я не смогу тут жить, но теперь, раз я приезжал в интернат только чисто как в школу, в Лорде необходимости не было, и я мог вполне обойтись без него. Меня это не особо расстроило, ведь он итак целыми днями сидел в комнате, а я был на уроках. Так что в принципе ничего не менялось. Но вот для Лорда, видимо, поменялось, потому что он каждый раз так радовался мне, будто бы неделю меня не видел.

И вот сейчас опять бросился ко мне и не мог успокоиться, пока не облизал мне всё лицо и руки.

– Как же он тебе рад! – подошла к нам бабушка, и я понял, что она улыбается. Да это было и нестранно. Я сам улыбался. Сложно было сдержать улыбку, когда видишь совершенно искреннюю любовь собаки к тебе.

– Ладно, ладно, Лорд, – попытался я остановить его. – Я тоже тебе рад, – я погладил своего питомца по голове. – Успокойся, пожалуйста! Пойдём лучше уже на улицу.

– Это же твой пёс, про которого ты мне столько говорил? – раздался голос Кости. Да, ещё я стал немного общаться с тем самым Костей, который тогда без спросу подслушал, как я играю на гитаре и пою, а потом также без разрешения зашёл ко мне в комнату. Он оказался достаточно хорошим парнем и самое интересное, что его также постоянно забирали из школы интерната. Он тут не жил на постоянной основе. Мог лишь иногда ночевать, но в основном уезжал домой. И, когда я к нему подошёл и начал говорить с ним, узнал о нём много всего интересного и тут же пожалел, что сразу не начал с ним общаться.

– Да, – подтвердил я. – Хочешь его погладить?

– А он не укусит? – с улыбкой на губах спросил Костя.

– Нет, – я тоже улыбнулся. – Он очень добрый. Я же тебе говорил.

– Да я просто шучу, – мальчик подошёл ко мне. – Хорошо. Иди сюда, Лорд. Дай я тебя поглажу, – он потянулся к псу, который сидел возле меня и тяжело дышал после своих проявлений любви ко мне. – Ого! – воскликнул одноклассник, видимо, погладив Лорда. – У него такая мягкая и пушистая шерсть. За ним, наверное, очень тяжело ухаживать.

– Ну, не так уж и тяжело. К тому же мне это в радость. Он же ведь мой питомец. Мне нравится заботиться о нём. А если что мне помогает папа или бабушка.

– Да. Мы готовы Максиму помочь во всём, – поддакнула бабушка. – Давай, Максим, прощайся со своим другом, и

пойдём в машину. Пора ехать домой.

– Да. Конечно, – кивнул я и повернул голову к Косте.

– Что нравится тебе приезжать только ради уроков? – заинтересовался он у меня.

– Очень нравится! – не стал я врать.

– Оно и видно! – я снова понял, что мальчик улыбается. – Ты сразу так изменился, когда перестал тут жить и начал приезжать только ради уроков. Раньше ты был таким зажатым, хмурым, необщительным... А теперь другое дело! Оказалось, что с тобой можно даже общаться.

– Ну, спасибо, – засмеялся я.

– Ну, что поделать? Говорю правду. Ладно. Тебе уже пора. Да и за мной скоро приедут. Пока! Иди уже!

– Давай. Пока. Увидимся завтра! – попрощался я с Костей и, взяв поводок Лорда, направился к выходу из школы, где меня ждала бабушка.

– Ага. Увидимся! – в спину бросил мне одноклассник.

– Хороший у тебя друг, – заявила бабушка, когда мы с ней и Лордом вышли на улицу.

– Да, он прикольный, – согласился я. – Классный парень!

И вроде понимает меня.

– Это хорошо, что ты тут начал заводить друзей, – радовалась бабушка. – Папа рассказал, что ты до этого вообще не хотел ни с кем общаться. А теперь наконец-то начал заводить друзей. Молодец!

– Стараюсь, – лишь слегка улыбнулся я.

– Мы все понимаем, что теперь тебе тяжело заводить друзей, но двигаться то дальше надо. А друзья всегда нужны.

– Это верно, – не стал я спорить. – Но у меня есть друг. И самый лучший друг!

– Лорд не в счёт! Это просто твой пёс!

– Нет. Это мой лучший друг, – возразил я и, наклонившись, потрепал Лорда по голове.

– Ну, ладно, ладно, – сдалась бабушка. – Пусть будет так! Садись в машину, – она открыла передо мной дверцу машины.

Я послушно уселся в салон. Лорда мы усадили на заднее сиденье. Он быстро выросстал и уже был достаточно большим. Больше на моих коленях или в моих ногах он сидеть не мог. Но его в принципе устраивало и заднее сиденье. Ведь он всё равно был вместе с нами. Бабушка села в машину только когда усадила меня и Лорда. Она завела автомобиль, и мы поехали домой.

Ехали мы на папиной машине. У бабушки своего автомобиля не было, поэтому мы брали машину папы. Тот не возражал, ведь он в основном ездил на общественном транспорте. А мы с бабушкой могли спокойно доехать до школы-интерната и вернуться домой. Рано утром бабушка меня отвозила в интернат и сразу уезжала, чтобы сделать дома дела. Пару раз она оставалась, и все уроки сидела и ждала меня. Но потом она перестала это делать, ведь уроки шли очень долго, и ей было тяжело ждать меня. Проще было вернуться домой, а

потом съездить за мной. Хотя и на дорогу приходилось тратить почти два часа, но так было гораздо удобнее. Бабушка сама это сказала. Да и я это понимал. Мне вообще было самое главное, чтобы меня отвезли и забрали. Остальное было неважно.

До дома мы добирались, как всегда, почти два часа. Я почти всю дорогу слушал музыку, либо болтал с бабушкой, которая всегда была рада рассказать что-нибудь интересное. А интересных историй из жизни у неё было множество, и она могла говорить и говорить. И так за разговорами мы даже не заметили, как добрались до дома. А, добравшись до дома, бабушка припарковала машину и только после этого выпустила нас с Лордом из машины и вышла сама.

– Иди, переодевайся, Максим, а потом кушать, –скомандовала она, когда мы прошли в дом.

– Хорошо, – не стал я спорить. – Только мне ещё надо Лорду лапы помыть. А потом я сразу спущусь.

– Давай, – не стала задерживать меня бабушка.

Я повесил свою трость на крючок и вместе с Лордом отправился на второй этаж. Первым делом я вымыл лапы Лорду, чтобы он ничего не испачкал. Только после этого поспешил в свою комнату, желая поскорее переодеться и пойти кушать. А кушать мне очень хотелось. Я любил еду бабушки, и она всегда угощала меня чем-то вкусным и необычным. Так что я переделся просто мгновенно и побежал вниз к бабушке.

– Я всё! – продекламировал я, пройдя на кухню.

– О! Какой ты шустрый, – не ожидала бабушка, что я сделаю всё так быстро. – Но у меня всё равно уже всё готово. Для начала я приготовила тебе суп с фрикадельками.

– Обожаю его, – выдал я.

– Хорошо. Значит, кушай, – бабушка поставила передо мной тарелку с супом.

Я взял в руки ложку и начал с удовольствием поедать суп, периодически покусывая хлеб. Суп я съел буквально за пять минут. Будь у меня зрение, я съел бы его ещё быстрее. С довольным видом отодвинув в сторону тарелку, проговорил:

– Спасибо, бабушка. Очень вкусно!

– Это ещё не всё! – она забрала у меня тарелку. – Я ещё приготовила тебе пирожков. Вот на тебе твои любимые пирожки с капустой.

– Ого! – восхитился я и тут же взял в руки пирожок с капустой. – Ты меня сегодня решила побаловать, что ли?

– Я же твоя бабушка, – она улыбнулась. – Это моя работа баловать тебя! Все бабушки балуют своих внуков, и я буду тебя баловать. А теперь буду делать это часто, ведь живу с тобой.

– Я не возражаю, – пробормотал я с набитым ртом.

– Кушай! Не буду тебе мешать. Вот ещё тебе сок, – бабушка пододвинула ко мне стакан с соком. – Приятного аппетита!

– Большое спасибо! – всё также с набитым ртом сказал я.

Бабушка лишь засмеялась, радуясь, что смогла меня вкусно накормить, и вышла из кухни. Понятное дело, что ей было радостно видеть меня в таком состоянии. Когда она видела меня в больнице, я был очень грустным, и меня было трудно развеселить.

А теперь я с довольным видом поедал бабушкины пирожки, и она была рада, что я наконец-то мог улыбаться и перестал быть таким грустным. А я лишь был рад, что был дома и не был вынужден мучиться в школе-интернате, где мне было так плохо. И с огромным удовольствием съедал пирожок за пирожком. Пирожки словно таяли у меня во рту, и мне хотелось ещё и ещё.

Дома время летело незаметно. И сегодня, как обычно, время пролетело быстро, и настал вечер. Мы с папой виделись в основном лишь вечерами, когда он приходил после работы. У нас не всегда выходило общаться, потому что папа часто очень уставал и хотел отдохнуть. Теперь ему приходилось работать в два раза больше, ведь он один должен был обеспечивать меня, себя, Лорда, а теперь ещё и бабушку, которая жила с нами и не могла работать, так как заботилась обо мне. Папа не жаловался нам, но мы видели, что он устаёт и сами к нему не лезли. Но, не смотря на это, папа старался проводить время со мной и бабушкой. Он старался уделять нам хотя бы немного времени и этого вполне хватало.

Сегодня папа, как всегда, вернулся домой поздно вече-

ром. Он покушал и пошёл в свою комнату, желая немного полежать на кровати. Мы его задерживать не стали. Мы с бабушкой и Лордом уселись на кухне. Пёс лежал у меня в ногах и мирно спал, а бабушка крутилась на кухне, делая себе и мне чай.

На ужин она приготовила вкусное печенье. Бабушка приготовила его так много, что оно до сих пор осталось и именно его мы хотели сейчас поесть. Чай она сделала быстро и уселась со мной за стол. Около получаса мы так сидели, жуя печенье, запивая его вкусным сладким чаем и обсуждая всё на свете. Мы могли так сидеть сколько угодно, но бабушка внезапно вспомнила о каких-то делах и поспешила уйти на второй этаж. Я же остался на кухне, продолжая попивать чай. Мне спешить никуда не надо было. Дел у меня никаких не было и мне хотелось просто вот так вот посидеть за столом и ничего не делать.

Шаги папы на лестнице заставили меня встрепнуться. Мы с папой до сих пор не поговорили обо всём произошедшем, и я надеялся, что разговор об этом даже не зайдёт. Мне не очень хотелось это обсуждать. Папа спустился на первый этаж и направился в сторону кухни. Но, не заходя на кухню, остановился. Шаги его затихли. Видимо, он увидел меня. Пару минут папа стоял на своём месте, скорее всего, раздумывая зайти на кухню или нет. Я слегка напрягся, но старался не показывать виду, что папино присутствие заставляет меня напрягаться. И вот он решил и прошёл на кухню.

Папа уверенно подошёл ко мне и сел рядом за стол.

– Макси, я хочу с тобой поговорить, – нерешительно начал он.

– Конечно. А о чём?

– Я... – папа запнулся. Он глубоко вздохнул и положил руку мне на плечо. – Я хотел перед тобой извиниться. Прости, что был так резок и так говорил с тобой. Мне очень жаль. Я не хотел тебя обидеть. Прости меня! Не знаю, что на меня нашло, что я себя так вёл с тобой. Я просто не понимал, как тебе тяжело. Извини! Я слышал, что ты говорил, что тебе плохо в этом интернате, но даже не задумывался насколько тебе плохо. И я так налетал на тебя, так кричал... Пожалуйста, прости меня, Макси! Я очень не хотел ссориться с тобой и тем более обижать тебя.

– Да ничего страшного, пап, – махнул я рукой, не желая, чтобы он себя в этом винил. Теперь всё было хорошо, и остальное было неважно. К тому же я не хотел, чтобы папа себя за что-то ругал. Мне становилось от этого неловко. – Всё нормально! Я сам себя вёл не лучше, и ты можешь не винить себя ни в чём. Всё хорошо! Я не обижаюсь на тебя.

– Нет, Макси, – остановил меня папа. – Ты вёл себя как отчаявшийся и обиженный подросток. Ты не знал, что ещё делать и тебе оставалось лишь вести себя так. Тебя можно понять! А вот я... Я вёл себя кошмарно! Думал только о себе и считал, что лучше тебя всё знаю. Решил всё за тебя. Это было ужасно! Я вёл себя ужасно! Я вёл себя просто кошмар-

но по отношению к тебе. Извини! И я тебе наговорил столько ужасных вещей, которыми обидел тебя.

– Пап, я вовсе не.... – хотел я возразить.

– Макси, подожди немного, – не дал он мне договорить. – Я ещё не закончил. Мне очень стыдно перед тобой. И самое главное я должен тебе объяснить одну вещь, которую тогда в порыве злости проигнорировал и не сказал тебе. Макси, ты говорил про то, что ты, видите ли, стал для меня обузой. Это вовсе не так! Сынок, ты должен понимать, что родной человек никогда для тебя не будет обузой. Я тебя люблю, Макси, и ты никогда в жизни не станешь для меня обузой. Ты не будешь мне в тягость. Просто помни это и никогда не допускай такие мысли. Эти мысли ужасны и такого никогда не будет. Ты же мне веришь? Человек, которого ты любишь, никогда не станет для тебя обузой! Я готов заботиться о тебе, сколько это будет необходимо, и я даже не хочу, чтобы ты думал, что ты для меня обуза. Конечно, безусловно, я не хочу, чтобы мой сын был слепым, но это совершенно другое и обещаю тебе, что всегда буду рядом и никогда не брошу тебя. Но, Макси, просто послушай меня: чтобы с тобой не происходило, и каким бы ты ни был, ты не будешь для меня обузой! Даже если бы с тобой произошло что-нибудь более ужасное, ты не был бы для меня обузой. Ты мой сын, и я даже представить себе не могу, как родной сын может быть обузой. Я даже не понимаю, откуда в твоей голове возникли эти мысли. Но прошу тебя, больше не допускай такие мысли. Хорошо?

– Хорошо, пап. Я тебя понял, – на моих губах появилась улыбка. – Я сам, если честно, не понимаю, как мне это пришло в голову. Но рад, что ты решил со мной это обсудить.

– Я не хочу быть с тобой врагами, Макси, – папа приобнял меня за плечи. – Хочу, чтобы мы общались как раньше. Ты же этого хочешь?

– Конечно, хочу, пап, – уверенно сказал я.

– Вот и замечательно! – был доволен он. – Тогда можно я тут с тобой попью чаю? Бабушка сделала просто восхитительное печенье. Хочу съесть ещё пару штук.

– Конечно, можно, пап. Как я могу возражать? Я наоборот буду рад, если ты мне составишь компанию.

– Хорошо, – отец начал готовить себе чай.

Пока он делал себе чай, на кухне царила тишина. Я погружился в свои мысли. Мне хотелось кое-что узнать у него, но я боялся, что из-за этого мы вновь начнём ссориться. А мне этого совсем не хотелось. Когда папа сделал себе чай и уселся за стол рядом со мной, я выждал пару минут и начал разговор:

– Пап, а можно у тебя кое-что спросить?

– Конечно, спрашивай, – не стал отказывать он, с интересом посмотрев на меня.

– Почему ты не хотел, чтобы я был дома? – задал я свой вопрос. – Ведь дома мне так хорошо.... Ты, что не хотел, чтобы я был с тобой?

– Не в этом дело. Я думал, что тебе будет лучше постоян-

но находиться в интернате. Там же твои сверстники. Думал, что тебе с ними будет интереснее, чем со мной. Ты общался бы с ними, вы делились бы друг с другом опытом. . . . Я точно знаю, что, только находясь там целый день, ты сможешь научиться всему лучше, ведь там ты находишься в обществе. А так это для тебя как обычная школа и ты всему обучаешься не так хорошо. Я был уверен, что так тебе будет лучше!

– Мне лучше дома. С тобой и Лордом, – твёрдо сказал я.

– Теперь я это понимаю. Прости, что раньше не понимал этого. Или не хотел понимать. . . . – папа тяжело вздохнул. – Если бы я знал, что тебе будет так хорошо учиться, таким образом, то сразу позвал бы бабушку к нам домой. Попросил бы у неё помощи и договорился бы, чтобы она забирала тебя из интерната. Но я почему-то об этом не подумал. Хотел решить всё сам и не хотел никого вмешивать в наши проблемы. Но в одиночку у меня всё вышло не так хорошо, как я себе представлял. С моей мамой вышло всё гораздо лучше!

– Ну, наконец-то! Наконец-то! – раздался голос бабушки, и она прошла на кухню. Я даже не слышал её шаги и, услышав её голос, вздрогнул от неожиданности. – Наконец-то ты это понял, Коля. А я вот всё думала, почему ты меня раньше не звал. А оказывается вот оно в чём дело. . . . Попробовал решить всё сам! Я не чужой человек и всегда рада помочь. Видишь, как всё хорошо вышло, когда я пришла к вам на помощь? И Сима доволен, и я и ты. Все довольны! А ты хотел решить всё сам. Неправильно это было!

– Ну, теперь я это понял. И даже рад, что так всё вышло, – признался папа. – Я даже забыл, как здорово, когда Максим дома, и я могу его каждый день видеть. Я скучал по тебе, Макси!

– А я по тебе, пап, – ответил я.

– Кстати... – он внезапно замолчал. – Я тут подумал кое о чём... Раз ты теперь дома, Макси, и уже умеешь более менее ориентироваться в пространстве... Тогда значит, что мы можем теперь снова вместе ездить на собрания, верно? Ты же не возражаешь?

– Конечно, не возражаю, – улыбнулся я. – Я наоборот буду рад снова сходить на собрание. А ты думал, я буду возражать?

– Надеялся, что нет, – честно сказал папа. – Ммм. Мама, твоё печенье просто чудо! Очень вкусно!

– Кушай, кушай, папаша, – проговорила бабушка.

– Макси, а ты случайно не хочешь сыграть на гитаре и спеть какую-нибудь песню? – внезапно предложил папа, когда съел первое печенье. – А то мы уже давно вместе не пели, а сейчас так хорошо сидим... Когда мы ещё будем так сидеть? Хочешь?

– Вообще-то хочу! – кивнул я. Мне, и правда, хотелось поиграть на гитаре и попеть с папой. Мне уже давно этого хотелось, но с моего возвращения домой всё время было не до этого. А сейчас мы наконец-то могли это сделать, и самое главное это предложил папа. Терять возможность я не желал.

– Здорово. Тогда я сейчас схожу за гитарой, – папа поспешил на второй этаж. – А ты сиди, Макси! Я всё принесу.

Я послушно остался на своём месте, не спеша, попивая чай. Папа вернулся буквально через пару минут.

– Вот. Твоя гитара, – вручил её мне в руки папа. – Ты сам выбери псалом и споём его.

– Хорошо, – я поудобнее уселся, отодвинул подальше кружку и приготовился играть на гитаре.

– Мам, а ты с нами споёшь? – спросил папа у бабушки.

– Конечно, – положительно ответила она. – Как я могу не спеть с вами?

– Замечательно! – был доволен папа, а я лишь улыбнулся. – Ну, что выбрал псалом? – задал он мне вопрос.

– Ещё как! Вы все его знаете. Сейчас поймёте, что это за псалом, – я начал играть на гитаре, радуясь, что наконец-то всё стало так хорошо. Мы хорошо общались с папой и вновь могли вместе петь. А ещё с нами была бабушка. Что могло быть лучше? Я проиграл на гитаре вступление и запел: – Где б ни шёл я жизненной тропюю,

Сколько бы тревог не встретил я,

Чувствовал я, что всегда со мною

Добрая Спасителя рука!

И даже если на пути уставал,

И силы не было идти,

Ты нежно так меня всегда поднимал

И вновь надежду дарил!

– Ты всегда со мной, Ты всегда со мной! – присоединились ко мне во время припева папа и бабушка, вспомнив этот псалом. Это была одна из первых песен, что я пел во время собрания в воскресенье. Мне так понравился этот псалом, что я потом ещё долго пел его дома, во время семейных праздников и заставлял всю семью его петь. Так что все прекрасно знали этот псалом и надолго его запомнили. Ни для кого не было проблемой спеть его и сейчас мы все вместе спокойно пели. – Знаю твёрдо, что всегда со мной Твоя рука:

Ты всегда со мной!

Пусть вокруг темно, но на душе светло,

Потому что знаю я, я верю, Ты всегда со мной!

– Если мрак сгущался надо мною, – папа и бабушка позволили мне следующий куплет запеть самому, видя, как мне нравится снова петь этот псалом. – И оставили меня друзья,

Было мне нестрашно, ведь с Тобою

Шёл по этой бурной жизни я!

И чтобы не случилось в жизни со мной,

Готов не плакать я, а петь!

Мне хорошо уже от мысли одной:

Ты можешь сердце согреть!

– Ты всегда со мной, Ты всегда со мной! – припев они вновь запели со мной. – Знаю твёрдо, что всегда со мной Твоя рука:

Ты всегда со мной!

Пусть вокруг темно, но на душе светло,

Потому что знаю я, я верю, Ты всегда со мной!

Потому что знаю я, я верю, Ты всегда со мной!

Глава 8 «Дыра в груди»

Десять лет мне пришлось обучаться в школе для слепых. Это были длинные десять лет и достаточно тяжёлые. Мне приходилось многому учиться и всё заново осваивать. Я должен был заново научиться жить и очень старался этого достичь. Я должен был до конца пройти период адаптации, чтобы приступить к новому периоду жизни.

Период адаптации прошёл, но ничего не изменилось. Да, я научился многому, что упростило мне жизнь и сделало её чуть проще. Я мог сам спокойно передвигаться по улице, куда-то ездить и не чувствовал себя таким уж зависимым от других. Но всё равно не видел и почти ничего не изменилось. Я всё так же был слепым и был вынужден оставаться слепым всю оставшуюся жизнь. Ещё когда я учился в школе и привыкал к такой жизни, мне было не до подобных мыслей, и не рассуждал о том, каково мне будет, когда я стану постарше.

А вот когда я вырос.... Тогда я осознал весь ужас моей слепоты. Мне почти ничего не дало то, что я научился нормально жить. Я к этому приспособился, но боль от осознания того, что я теперь больше никогда ничего не увижу, осталась и вновь загорелась с той же силой, как раньше, когда я только потерял зрение. Я вновь понимал, что не увижу заката, рассвета, солнца, не увижу этого прекрасного мира, что был вокруг меня.... Не увижу другие города, страны, красивые

места, куда хотел поехать.... Не увижу ничего!

Да я даже не увижу свою жену, если, конечно, кого-то смогу полюбить. Но я в этом очень сомневался. Как можно полюбить кого-то вслепую? Мне кажется, что это невозможно. Я был уверен, что влюбляются не только в душу человека, но и в его маленькие черты, которые делают этого человека особенным и потрясающим. Например, его красивые глаза, которые настолько глубокие, что там разве что только не тонешь. Или его губы. Такие пухленькие, розовые, нежные, которые так и тянут к себе....

Всё это, понятное дело, я выяснил не на собственном опыте, которого у меня просто нет, а читая книги. Только читая их, с помощью шрифта Брайля, которому меня научили в школе для слепых, я смог всё это выяснить. Смог выяснить и многое другое.

Я вообще был рад, что научился заново читать, хоть и на ощупь. Это уже было хоть что-то и это во многом облегчило мне жизнь. Что-то, а терять возможность читать мне никогда не хотелось. И та возможность, что мне предоставила школа слепых, меня очень обрадовала. Но даже книги мне особо не могли помочь. Они помогали лишь в моём детском возрасте, но потом, стоило мне стать взрослее....

Взрослая жизнь оказалась гораздо тяжелее, чем я её себе представлял. Когда я в ней очутился, у меня возникло ощущение, что меня окунули сначала в чан с ледяной водой, а потом в чан с кипятком. Настолько тяжело мне было! В шко-

ле было просто, но во взрослой жизни... Не каждый был готов принять слепого парня. Возникало ощущение, что мне нигде нет места.

Я должен был либо идти на работу, либо поступать в институт, но когда передо мной встал этот выбор, я не знал что делать. Ведь там и там мне предстояло мучиться из-за того, что я ничего не видел. Конечно же, папа настоял, чтобы я поступил в институт, где он работает, и я сделал это. Но всё равно мне казалось, что это неверное решение, ведь я пока даже понятия не имел, как буду учиться в этом институте. Когда-то я мечтал в нём учиться, но теперь был слепой, и для меня уже всё было не так.

Я даже уже не знал, чего хочу. Но хотя бы поступить в институт мне было не так уж и сложно. Играть на инструментах я умел хорошо, а за это время папа смог заново научить меня играть на пианино. Я смог освоить многие другие навыки, касаемые музыки, которые могли мне хотя бы немного облегчить обучение.

А ещё поступление в институт облегчило то, что, во-первых, мой папа там работал, и, во-вторых, моя слепота. Всех восхитило то, что я слепой, но умею играть на инструментах и даже принял решение поступить в институт. Мне просто не смогли отказать. Но всё равно мне казалось, что это плохая идея, и я не смогу нормально учиться. Но это был единственный выход из моей ситуации, ведь работать мне точно было идти некуда. Кому нужен был на работе слепой парень?

Точно никому! Поэтому я поступил в институт и начал там учиться.

Учиться там оказалось также тяжело, как я и думал. Мне приходилось всё делать на слух, а это было очень тяжело. Некоторые ребята пытались мне помочь, войдя в моё положение и тоже, видимо, восхищаясь тем, что я, не смотря на то, что слепой, умею играть на инструментах, и поступил в институт музыки. Но и нашлись те, кто плохо ко мне относился, и их было много. Кого-то злило, что, такого, как я, приняли в институт, кого-то просто я раздражал, ведь я умел играть на гитаре и фортепиано получше некоторых. Нашлись даже те, кто обвинял в том, что меня приняли в институт только благодаря моему папе.

Понятное дело, всё это было очень обидно, но я как мог, терпел всех их и продолжал учиться, понимая, что учиться просто необходимо. Мне уже было двадцать два года, и я должен был многому научиться, чтобы потом хоть как-то жить. И сквозь боль и злость я старался, как мог, желая научиться всему, чему обучали в институте. Благодаря папе, ребят, которые меня поддерживали, и своему старанию, у меня это получалось.

Пока что получалось, ведь я поступил в институт только недавно, и у меня ещё всё было впереди. Моя взрослая жизнь только начиналась, и пока я не представлял себе как что будет дальше. Но почему-то у меня было предчувствие, что дальше будет только хуже, чем сейчас.

Рядом с родными, мне становилось легче, и было уже не так тяжело. Я мог спокойно общаться, смеяться и даже шутить. Но стоило мне остаться одному или пойти на учёбу, как мне тут же становилось гораздо хуже. В обществе я в основном себя чувствовал лишним. Чувствовал себя каким-то изгоем. И это было нестранно. Ведь я был не такой, как все. Я был инвалидом, а у таких ребят обычно либо нет друзей, либо мало друзей.

Я не сказал бы, что у меня были друзья. Я общался лишь с несколькими ребятами из моей группы, и то эти ребята имели своих друзей, с которыми в основном болтали. Обычно все не понимали о чём со мной говорить. Я не знал никакие новинки, не видел никакие фильмы, так как не мог их видеть, не знал никаких знаменитостей, потому что мне было даже это не интересно.... Я был, словно отодвинут от всего мира. Всё самое интересное и увлекательное происходило вдали от меня, а со мной все могли говорить лишь о музыке и больше ни о чём.

Я не мог никому рассказать о том, что у меня лежало на сердце, и не мог рассказать о своих эмоциях и переживаниях. Никому не было до этого дела! Конечно, я мог бы это всё рассказать родным, и им было это важно, но я не хотел их волновать. Они итак очень переживали за меня и часто интересовались всё ли у меня хорошо. Волновать их ещё больше мне не хотелось, и в основном я старался делать вид, что всё хорошо. И я замечал, как их это успокаивало. Но знали

бы они, что в тот момент, когда я делаю вид, что у меня всё хорошо, моя душа мечется на части и не может найти себе место. Но они это знать не могли, ведь я им это не показывал! Старался не показывать....

Я общался лишь с некоторыми ребятами из школы, но и то это была не дружба, а обычное редкое общение. Мы лишь иногда созванивались и говорили о чём-нибудь. В основном рассказывали друг другу, как у кого сложилась жизнь. А у всех она сложилась по-разному. Я немного общался с тем самым Костей, но он вообще уехал с родителями за границу и, понятное дело, общаться с ним часто я никак не мог. У меня не оставалось ни одного друга. Я был совсем один, и одиночество разъедало меня на части.

А ещё не менее ужасным было то, что я начинал забывать, каково это видеть. Забывал как прекрасен рассвет, закат, солнце в самый пик своего восхода и как прекрасны цветы.... Забывал даже как выглядела мама и как выглядит папа.... Это всё было очень ужасно!

Когда я сказал об этом папе в первый раз, он начал мне терпеливо объяснять что и как выглядит, как выглядела мама и как выглядит он. Но я не мог каждый раз заново требовать у него этих рассказов, а забывал всё быстро. Раньше я мог представить себе небо, солнце, закат, рассвет, лицо мамы, папы.... Мог себе представить, как разлетается одуванчик на части в тот момент, когда на него дует ветер. Я просто обожал это делать весной, но больше не мог это делать и

даже представить себе это не мог. Я пытался, как мог это всё представить, но больше у меня это не выходило. Всё то, что раньше меня так восхищало и приносило мне такую радость, было бесследно утеряно.

И это было безумно тяжело и больно! Забывать, как выглядят твои родные и как прекрасен этот мир, что нас всех окружает.... Что может быть хуже?! Я точно знал, что ничего хуже и быть не может. Это самое худшее, что может произойти с человеком. Забывать, как выглядит всё, что ты любишь.... По мне это даже хуже смерти! Смерть в моём случае была бы более милостивой, но я старался отгонять эти ужасные мысли, ведь эти мысли ничего хорошего не давали. Лишь вгоняли в депрессию и тоску, а они итак мне не давали покоя. Размышления о том, что может быть, всё было бы проще, если бы я умер, ни к чему не приводили. Об этом вообще думать лучше не надо было.

И я старался об этом не думать, просто проживая день за днём. Я никогда не представлял такую свою жизнь. Я жил просто по инерции, не видя другого выхода. Каждый день было одно и то же. День сменялся другим днём.... Моя жизнь была очень скучной, и я даже сказал бы нудной. Но выбирать мне не приходилось.... Та случайность, которая лишила меня зрения, решила всё за меня, лишив меня права выбора. У меня не было надежды на то, что моя жизнь станет лучше. Я просто в это не верил! Это было невозможно! Я вынужден был страдать до конца своей жизни.

Я мирно спал в своей кровати, и будильник, который резко зазвенел, заставил меня вздрогнуть и проснуться. Сегодня у меня была бессонная и тяжёлая ночь. Мало того, что мне пришлось до часу ночи доделывать задания из института, так ещё я потом не мог долго заснуть из-за мыслей, что меня мучили. В итоге я заснул лишь под утро, и вот меня уже разбудил будильник.

Я нехотя его выключил и приподнялся на кровати. Необходимо было вставать, чтобы успеть перед уходом выгулять Лорда и сделать всё необходимое. Но вставать вообще не хотелось. У меня так было почти каждое утро. Ну, у кого будет желание ехать в место, где тебя не особо-то и ждут, и где ты сам не очень хочешь находиться? Ни у кого! Но просто надо! Есть же такое слово: «надо». Просто надо и всё! Выбора нет! И я, как обычно, нехотя встал с кровати и начал сонно потягиваться.

Первым делом мне нужно было принять душ, чтобы немного взбодриться. И я решительно отправился в ванную комнату. Лорд тут же вскочил и радостный бросился следом за мной, видя, что я встал и, понимая, что мы скоро пойдём вместе гулять. Я лишь немного потрепал его по голове и вместе с ним прошёл в ванную комнату. Там Лорд смиренно уселся в углу ванной комнаты, не желая мешаться мне.

Я же быстро разделся и залез в душевую кабинку. Нашупав кран, открыл горячую воду. По мне потекли горячие кап-

ли воды, которые быстро скользили по моему телу, заставляя его покрываться мурашками. Я прикрыл глаза от наслаждения и залез под душ полностью, чтобы вода обдавала и мою голову. Так я стоял минут пять, а может десять. Но вылезать из душа мне всё равно не хотелось. Но надо было, и мне пришлось пересилить себя, выключить воду и вылезти из душевой кабинки. Взяв в руки своё полотенце, я начал не спеша вытираться. Лорд же опять оживился. Ему уже не терпелось пойти на улицу.

Я быстренько покинул ванную комнату и вернулся в свою спальню. Одежда у меня уже была готова с вечера, так что оделся я достаточно быстро. Поправив футболку и застегнув ремень, я пригладил волосы и натянул на голову шапку. Волосы у меня были мокрые, а сушить их у меня желания не было. Заболеть мне тоже не хотелось, поэтому было лучше надеть шапку. Только после этого я вместе с Лордом спустился на первый этаж. Папа уже возился на кухне, готовя нам завтрак. Заходить туда я не стал и сразу проследовал в прихожую. Надев на Лорда поводок и шлейку, я наконец-то вышел на улицу.

Гулять с псом с утра пораньше я любил. На улице было тихо, спокойно и можно было вдоволь насладиться этой атмосферой и расслабиться. Я неторопливым шагом двинулся по знакомому маршруту, вдыхая всей грудью холодный воздух. Когда был помладше, я не особо любил такие прогулки, потому что зачастую мне было просто лень вставать с утра

и куда-то идти. Конечно, мне и сейчас было лень вставать с утра и куда-то идти, но теперь я хотя бы любил эти прогулки. Эти прогулки помогали мне расслабиться и забыть, что я какой-то не такой. Я мог просто быть самим собой.

По крайней мере, до тех пор, пока снова не начинали гудеть машины, а люди не начинали сновать туда-сюда, как будто это их главный смысл жизни. Зачем вообще так суетиться и бегать? Мне было это вообще непонятно! Можно же всё делать спокойно. Можно встать пораньше, чтобы не пришлось бежать на электричку или автобус. К чему вся эта спешка?!

Я специально вставал пораньше, чтобы всё успеть, а многие люди, видимо, предпочитали подольше поспать, и потом им приходилось бегать, чтобы успеть на работу или учёбу. Но глупо было осуждать других людей, ведь вполне возможно, что, если бы я не потерял зрение, я был бы таким же, как они. Это сейчас мне приходится вставать пораньше, ведь я всё делаю на ощупь и даже быстро ходить не могу. Вставать впритык, и опаздывать мне было просто недопустимо.

Я внезапно остановился. Я точно знал, что рядом была небольшая лужайка с кустами. Именно здесь Лорд обычно справлял свои нужды. Он никогда не тянул поводок и не заставлял меня пойти куда-то в другое место. Даже если я шёл слишком медленно, он терпел до последнего, ведь понимал, что мне будет небезопасно идти слишком быстро или сворачивать на другой маршрут. А моя безопасность была для

него очень важна.

Когда он ещё только появился у меня, он был не таким опытным поводырем, и это было понятно. Его не успели до конца всему обучить, и он имел ограниченный опыт, знания или как лучше сказать... Но, когда я вернулся домой из интерната и стал снова жить достаточно нормальной жизнью, приехала папина знакомая, которая всему и обучала Лорда. И она помогла ему стать полноценным поводырём. Она обучила его всему остальному, чему не успела обучить и даже поработала со мной. Ведь мы должны были работать как единый организм. И вот теперь Лорд был не только моим лучшим другом, но и тем, кто всегда оберегал меня и помогал мне. И я был очень доволен и рад тому, что у меня был такой друг и поводырь.

Я опустился на лавочку, которая также была рядом с тем местом, где мы с Лордом гуляли. Откинувшись на спинку лавочки, глубоко вздохнул. Я мог позволить себе немного посидеть на лавочке и просто отдохнуть. Лорд меня не торопил и был занят чем-то своим. Я же просто расслабился и наслаждался покоем и тишиной, которые пока что всё ещё царили на улице. Я мог сидеть так достаточно долго, но внезапно загудевшая машина совсем неподалеку заставила меня вздрогнуть.

Тяжело вздохнув, я полез в карман за телефоном. Мне надо было проверить, сколько уже времени и понять пора ли идти домой. Сейчас я мог с лёгкостью это сделать, ведь за то

время, что я был слепым, папа успел мне купить телефон, который был предназначен для людей с такими же проблемами, что была у меня. Управление этим телефоном можно было вести при помощи голоса, но кроме этого смартфон был оборудован 12 кнопками. Вообще это был хороший телефон, который имел и клавишное управление, и озвученный интерфейс. Он заменял мне мобильник и во многом облегчал мне жизнь.

Я долгое время не мог пользоваться никаким телефоном и, когда папа мне купил такой смартфон, и я научился им пользоваться, это было огромное облегчение для меня. И сейчас я с лёгкостью, благодаря этому телефону, узнал время и понял, что пора возвращаться домой. Я даже слишком долго находился на улице, чем надо было, и теперь мне надо было немного поспешить.

Я не стал тянуть время и, поднявшись с лавочки, направился вместе с собакой к дому.

– Лорд, домой! – скомандовал я.

Пёс сопротивляться не стал, хоть и было件нятно, что он хочет ещё погулять. А до дома мы дошли быстро, ведь в этот раз я шёл не медленным шагом, а обычным. Я вообще никогда далеко от дома не уходил во время прогулок с Лордом. Точнее обычно далеко от дома не уходил. Иногда мне хотелось прогуляться в парке, но это было редко.

Зайдя обратно в дом, меня встретил ароматный запах папиного омлета. Мне очень хотелось сразу пойти на кухню,

так как я был очень голоден, но я знал, что сначала надо помыть лапы Лорду. И мне пришлось пересилить себя и пойти на второй этаж. Конечно, пёс вытирал лапы об дверной коврик и этому он научился сам, но лапы ему всё равно нужно было мыть, чтобы он, если что не испачкал нам одежду или не испачкал диван. Это никому не было нужно. Я как можно скорее вымыл лапы Лорду и поспешил на кухню, где папа уже меня ждал.

– Ну, наконец-то ты пришёл! – проговорил папа, увидев меня. – Доброе утро, Макси!

– Доброе утро, пап, – кивнул я в ответ. – Ты приготовил свой любимый омлет?

– Я думал, он твой любимый.

– Ну, он мне нравится, но он не то чтобы мой любимый, – смутился я, не желая обижать папу.

– Да я шучу, – поспешил успокоить меня отец. – Он мой любимый. Но я рад, что он тебе нравится. Садись скорее за стол. Вот твой омлет и чай, – он поставил всё на стол на моё место.

– Спасибо большое, пап, – я опустился на стул и пододвинул к себе тарелку. – Я хотел ещё раньше прийти, но надо же гулять с Лордом.

– Да нет. Ты молодец, что гуляешь с ним, – похвалил меня отец. – Я, если честно, не думал, что ты будешь с ним гулять каждое утро после поступления в институт, а ты молодец. Ему же тоже надо бывать на улице!

– Это верно. Лишать Лорда улицы я ни за что не стал бы! И мне нравится с ним гулять. Это так тебе на заметку!

– Ладно. Ты молодец! Лучше кушай, давай. Не отвлекайся! А мне надо одеваться, – папа покинул кухню, оставив меня наедине с завтраком.

Я стоял посреди коридора гудящего института. Все вокруг меня болтали, смеялись, кричали что-то, шумели, суетились, бегали туда-сюда и, проще говоря, жили своей жизнью. Я же просто стоял на своём месте, ожидая звонка. Мне никуда идти не надо было, да и не было особого желания. Мои уши были направлены на голоса моих однокурсников, которые были неподалеку от меня и обсуждали что-то своё.

Кабинет, где у нас должны быть пара, был пока закрыт и мы были вынуждены стоять в коридоре вместе с остальными студентами. Я никому мешать не желал, поэтому мне приходилось стоять посреди коридора, ведь места около стен все были заняты. Я мог бы, конечно, попробовать отойти подальше, но не хотел потерять своих однокурсников и потом искать нужный кабинет. Конечно, я за время обучения в институте научился искать нужный кабинет, но не особо это любил и просто предпочитал держаться рядом с ребятами. Так было проще и легче!

Резкий толчок в плечо заставил меня вздрогнуть, пошатнуться и ненадолго потерять координацию в этом шумном коридоре. Конечно, я привык, что меня задевают посреди ко-

ридора, но этот толчок был слишком резким и сильным. Я его никак не ожидал.

– Ой! – услышал я голос своего однокурсника – Славы. – Прости, пожалуйста, Максим. Я тебя даже не заметил! Как я могу быть таким слепым?

Я поморщился, но ничего отвечать не стал. Слава постоянно подкалывал меня, пытался задеть, и я почему-то был уверен, что толкнул он меня никак не случайно, а нарочно. Я в этом даже не сомневался. Вячеслав был одним из тех ребят, что недолюбливали меня. Точнее он был худшим из них. Он самый первый обвинил меня в том, что, видите ли, я попал в институт, благодаря своему папе, и сказал, что мне тут вообще не место. Но его быстро одёрнули преподаватели, которые это услышали и потребовали, чтобы он больше так не говорил и не смел обижать меня.

И теперь Слава постоянно пытался обидеть меня и зачастую преподносил это так, будто бы просто шутит и не желает мне зла. Но я прекрасно слышал смешки остальных ребят, что были рядом с ним и чувствовал усмешку на лице однокурсника. И язвительный тон я мог с лёгкостью распознать. Но Вячеслав был уверен, что раз я слепой, то ничего подобного замечать не могу. Я же Славе об этом не говорил, так как знал, что он всё равно меня не поймёт. Я в основном просто молчал и изредка что-то отвечал. Вообще отвечать ему было бессмысленно, как и другим ребятам, но иногда я был вынужден это делать.

– Слава, ну, ты чего? Он же слепой. Ты его этим можешь обидеть! – сделал вид, что одёрнул Славу, его друг – Олег. Но я-то знал, что это вовсе не так. Они так всегда делали со мной, а потом пытались меня задеть ещё сильнее.

– Ну, вот! – театрально вздохнул Вячеслав. – Опять я наложил. Прости, Максим! Я бываю порой таким глупым. Но ты не обижайся на меня, ладно?! Я помню, что ты слепой, но просто не знаю, что на меня находит. Забыть, что ты слепой тяжело. Это прекрасно видно по трости в твоих руках. Или по твоим очкам, – с этими словами он дотронулся до моих очков и попытался их снять с меня, но я его опередил, не желая давать ему это сделать. Однокурсник уже делал это пару раз, и вновь позволять ему это я не желал. Он потом ещё начинал шутить надо мной и не хотел мне их отдавать, а находиться без очков мне было некомфортно. – Ладно. Не скучай тут, слепой друг! – Слава достаточно сильно хлопнул меня по спине. – Мы если что рядом и всегда готовы помочь, – и они наконец-то ушли, оставив меня в покое. Отойдя от меня на пару шагов, они громко засмеялись, думая, что я их не слышу.

Я вновь поморщился. Какие-то недоумки не должны были испортить мне настроение, но уже неприятный осадок от их слов был. Мне было неприятно, и это был факт. А кому будет приятно слышать подобное?! Никому! Я поправил очки и сделал глубокий вздох, вновь прислушавшись к голосам однокурсников, которые всё ещё были рядом. Я не должен

был отвлекаться.

И да, я теперь носил очки. Я понимал, что не всем приятно видеть мои глаза, ведь они были не такими, как у других. А приносить кому-то дискомфорт от моих глаз не хотел. Поэтому я предпочитал их прятать за очками. Так было проще и лучше, чем, если бы я ходил без очков. В школе я так спокойно мог ходить, ведь там все ребята были такие же, как и я. Но теперь я был в институте, и учился с нормальными ребятами, и больше так ходить было нельзя. Я сам принял это решение, а папа даже не стал со мной спорить и только постоянно требовал, чтобы я дома не надевал очки. А мне дома и не было нужды их надевать. Дома мне было и без них хорошо.

Тут наконец-то зазвенел звонок, который сигнализировал о начале пары. Мои однокурсники начали заходить в кабинет, и я проследовал за ними. Я дождался, пока все рассядутся на свои места и только после этого прошёл к парте, за которой всегда сидел. Она была чисто моей, и никто никогда её не занимал. Все знали, что за ней сижу я. И я, как обычно, сел за парту и начал доставать все нужные вещи.

Через пару минут после звонка в кабинет прошёл преподаватель и начал пару. Я старался как можно внимательнее слушать его и всё по возможности запоминать, но он говорил и диктовал текст так быстро, что я ничего не успевал. Я в основном просто пытался вникнуть в слова преподавателя и понять, что он говорит, но, пока в это вникал, преподаватель

уже менял тему. Мне было очень тяжело. Зрячим людям никогда не понять, каково слепым.

В такие минуты на паре, когда у меня ничего не получалось и преподаватель говорил слишком быстро, я начинал жалеть, что поступил в этот институт и начал тут учиться. Мне начинало казаться, что мне тут не место. Но такие пары были не всегда. Бывали и такие пары, где у меня всё хорошо получалось. В основном это были практические пары, когда надо было играть на инструментах.

Такие пары я любил и был на них едва ли не самым лучшим. Ну, правда, у меня всё так хорошо получалось на этих парах благодаря ребятам, которые мне объясняли, что мы поём или играем. Иногда сам преподаватель уделял внимание и помогал мне. Без них у меня ничего не получалось бы даже на практических занятиях.

А вот на таких парах, какая была сейчас, мне приходилось терпеть и прилагать всё своё старание. Знания ведь я всё равно должен был получать, и мне надо было записывать или запоминать всё, что только мог. И сейчас я делал также, но уже чувствовал, что у меня заканчивалось терпение. Мне хотелось всё бросить и перестать слушать преподавателя. Но надо было ещё немного потерпеть.

Преподаватель начал говорить ещё быстрее, как мне показалось. Я тяжело вздохнул и отложил в сторону бумагу, на которой обычно всегда писал лекции. Это была необычная бумага. Она более плотная, чем обычная бумага. Как нор-

мальные люди я больше писать не мог, поэтому мне приходилось писать, используя язык Брайля. Этому было также тяжело научиться, как и читать с помощью языка Брайля. Но это мне очень нужно было в жизни и очень помогло мне и даже существенно облегчило жизнь.

Благодаря способности писать с помощью языка Брайля, я мог писать лекции на парах и получал хоть какие-то знания. Бумажная страница, а точнее бумага, на которой я писал лекции, была разбита на 432 сектора. В каждом секторе при помощи специального грифеля можно сделать от 1 до 6 «нажимов». Язык Брайля был уникальным и для изображения букв используются шесть точек. Они расположены в два столбца. При письме точки прокалываются, и поскольку читать можно только по выпуклым точкам, «писать» текст приходится с обратной стороны листа.

Текст пишется справа налево, затем страница переворачивается, и текст читается слева направо, как и читают остальные люди. Но я же не просто читал, а читал наощупь. Для обозначения строчных и прописных букв перед нужными буквами ставились специальные символы. Для изменения начертания текста (жирный, полужирный, курсив), при записи верхнего и нижнего индекса, при записи математического корня, до и после текста ставились также специальные символы: один символ ставился в начале текста, другой – в конце. Да, это всё было сложно, но я уже привык, и для меня это не было чем-то таким тяжёлым. Раньше это было труд-

ным для меня, но теперь для меня было гораздо труднее поспевать за преподавателем и писать конспект. Вот это было, правда, тяжело!

Для того чтобы писать на этой специальной бумаге мне было недостаточно этой бумаги и рук. Мне нужен был также грифель и прибор. Именно они мне облегчали процесс написания текстов, но как бы они мне не помогли, поспевать за преподавателем всё равно было тяжело. И сейчас у меня больше не было желания мучиться и пытаться успеть что-то записать. Я просто закончил предложение и откинулся на спинку стула, позволяя себе немного расслабиться.

– Максим, – услышал я голос Вити, который всегда сидел передо мной, – ты почему ничего не пишешь?

– Не успеваю за преподавателем, – честно ответил я. – Он слишком быстро диктует.

– Он сейчас что-то пишет на доске. Хочешь, я тебе продиктую всё, что ты не успел? – предложил парень.

– Давай, – тут же согласился я. Витя всегда мне старался в чём-то помочь, за что я ему был очень благодарен. И вот он опять увидел, что мне нужна помощь и сам предложил мне её.

– На чём ты остановился? – спросил он.

Я прочитал вслух последнее предложение, что записал. Однокурсник пару секунд молчал, а потом начал диктовать то, что я не успел записать. Он диктовал медленно и понятно, давая мне время записать каждое из предложений. Я мог

спокойно и не спеша записывать все те предложения, что не успел записать под диктовку преподавателя. И мне было просто непонятно, почему преподаватель не может также диктовать. Ведь это совсем несложно! Зачем так спешить? Ведь за ним никто не успеваает. А может быть, я один за ним не успевал....

В любом случае говорить что-то преподавателю я не хотел, так как мне вообще особо не хотелось обращать на себя внимание преподавателя и однокурсников. Я предпочитал тихо сидеть на паре и не подавать голоса. Так было проще! Мне нравилось, что никто меня в основном не замечал, и я был едва ли не невидимкой.

Ведь стоило мне обратить на себя внимание, как кто-то тут же начинал мне что-то говорить или пытался подшутить надо мной. А мне это не нравилось, как и насмешливые взгляды однокурсников. И я предпочитал обойтись без этого. Но сейчас благодаря помощи Вити я смог записать всё то, что не успел. Я как раз записывал последнее предложение под диктовку парня, как тут до нас донёлся голос Славы:

– Ну, и что ты с ним нянчишься? Заняться нечем? – по рядам пошли смешки.

– Не твоё дело! – парировал Виктор. – Займись лучше делом, а не смотри сюда! Или это тебе совсем заняться нечем?

– Ну-ну! Нянчись дальше, если так нравится, – фыркнул Вячеслав.

– Максим, – вновь обратился ко мне однокурсник, – если

хочешь, я тебе могу потом все лекции скинуть. Или продиктовать всё, что ты не успеешь записать.

– Да, я был бы очень тебе благодарен, – слабо улыбнулся я.

– Значит, скину, – твёрдо сказал Витя.

– Спасибо большое!

– Не за что, – махнул рукой тот, и в этот момент преподаватель снова начал что-то говорить. Парень отвернулся от меня, продолжив слушать лекцию.

Я также поспешил это сделать. Теперь у меня всё было написано и надо было вновь сосредоточиться.

Пары тянулись очень долго и мучительно. Как обычно, это был очень тяжёлый день и, когда закончилась последняя пара, я был уставшим и измученным. У меня было только два желания: добраться до дома и лечь спать. У меня было так всегда после пар. Они меня эмоционально и умственно изнуряли так сильно, что в конце мне ничего не хотелось. Я был слишком напряжённым на протяжении всего дня, и в конце дня у меня совсем не оставалось сил на что-то ещё. А мне ещё нужны были силы, чтобы добраться до дома, но хотя бы на счёт этого я мог не особо волноваться, ведь домой всегда добирался вместе с папой.

Мы, конечно, и в институт часто приезжали вместе, если папе надо было к первой паре, но вот из института всегда уезжали вместе. Папа всегда ждал меня, если заканчивал раньше, а порой мне приходилось ждать его, но это было го-

раздо реже. Папа сам захотел так добираться до дома. Так он меньше за меня переживал и мог со мной по дороге поговорить, ведь дома мы частенько были заняты каждый своими делами. Отец выполнял дела по работе, а я задания по учёбе или просто играл на гитаре и писал песни.

И только это время, что ехали до дома, мы могли спокойно поговорить. Я не возражал добираться до дома вместе с папой, ведь сам понимал, что очень сильно устаю, и с ним было гораздо безопаснее. С ним я хотя бы во время пути мог быть не напряжённым и имел возможность немного расслабиться. Я даже не стал спорить с папой, когда он предложил вдвоём ездить домой, и согласился с ним. Это его, понятное дело, обрадовало.

С того момента, как я поступил в институт, мы с папой стали гораздо меньше общаться, ведь теперь не только он был часто занят, а ещё и я. Отца это очень сильно расстраивало, а меня не особо. Ведь, когда мы говорили, было сложно делать вид, что у меня всё хорошо, и я в порядке. Оставалось лишь реже общаться с папой, ведь так мне было гораздо легче и проще.

К счастью, мне даже добиваться этого не приходилось, потому что всё было именно так, как я хотел. Но, понятное дело, папе я об этом не говорил и даже порой делал вид, что тоже расстраиваюсь из-за того, что мы стали реже общаться. А это я делал исключительно ради отца. Да, мне всё ещё нравилось общаться с ним, и порой нам было очень здорово

общаться, но слишком частого общения с ним мне не хотелось. Теперь в нынешнем моём состоянии это было бы лишнее для меня.

И вот сейчас я стоял в шумном коридоре, который так и кишил студентами спешащими домой. Я уже был полностью одет и готов к выходу, и мне лишь оставалось дожидаться папу, который должен был вот-вот подойти ко мне. Мы всегда встречались на одном и том же месте, и сейчас я стоял именно в этом месте. Отец обычно спускался через десять минут после звонка, а сейчас прошло только минут пять, если не меньше. Это я слишком быстро спустился вниз и оделся, и причина была в том, что наша пара была на первом этаже недалеко от гардероба.

Так что забрать свою куртку я смог быстро, а так обычно долго не мог её взять, и папе приходилось ждать меня. Но сегодня всё было наоборот и это было к лучшему. Я предпочитал просто стоять на одном месте и ждать отца, чем толкаться с другими студентами в попытке забрать свою куртку.

Очередной ощутимый толчок в спину заставил меня скривиться. Это меня уже начинало раздражать. Я не понимал, неужели так сложно обойти человека? Обязательно проходить рядом с ним и толкать его?! Я понимал, что, скорее всего, это не назло, но меня уже столько раз толкнули за этот день, что это уже начинало злить. Ещё когда ты видишь, это, наверное, не так раздражает, так как ты можешь увидеть человека и если что увернуться, но в моей ситуации... Я не

мог увернуться, а все будто специально ходили вокруг меня и толкали. Они видят же, что стоит слепой парень. Можно же аккуратно рядом с ним пройти! Но зачем кому это нужно? Все думают лишь о себе!

Ещё один толчок, но в этот раз в плечо, заставил поморщиться, так как в этот раз меня даже немного больно зацепили.

– Прости, пожалуйста, Максим, – вновь раздался раздражающий голос Славы. – Я опять тебя не заметил. Прости меня! Я такой неловкий. Как я могу быть таким слепым?! Упс! Опять! Извини! Не знаю что со мной такое.

Его друзья, которые были рядом с ним, захохотали. Вячеслав похлопал меня по плечу и, засмеявшись вместе с остальными, пошёл прочь, не став больше меня трогать.

Я дёрнул плечом, в который раз скривился и повернул голову в другую сторону. Мне хотелось, чтобы папа уже поскорее пришёл. Мне не терпелось поехать домой.

– Я уже здесь, – внезапно раздался папин голос рядом со мной. – Ты меня долго ждёшь?

– Нет, – отрицательно качнул я головой.

– Это хорошо. Прости, что задержался. Студенты долго уходить не хотели, – начал оправдываться отец.

– Это не ты опоздал, а я рано, – махнул я рукой.

– Ну, тогда ладно. Пойдём к выходу?

Я кивнул, и первый направился к выходу из института. Папа шёл следом за мной, и я чувствовал его внимательный

взгляд на себе. Когда мы вышли из института, покинули территорию вуза и пошли по дороге, папа догнал меня и задал вопрос, который его, видимо, сейчас волновал:

– Макси, у тебя всё хорошо? Ты какой-то странный. У тебя что-то случилось?

– Просто очень устал, – лишь сказал я в ответ.

Ну, не мог же я рассказать папе о том, как мне тяжело в институте. Он просто не смог бы меня понять. Он не смог бы понять, как тяжело учиться в институте, когда ты ничего не видишь. И как тяжело терпеть насмешки твоих однокурсников. Для папы все эти проблемы были мелочью, а вот для меня эти проблемы были очень важны. Для меня они были всем! Ведь это всё сильно давило на меня и мою душу и не давало мне покоя. Сложно жить, когда тебе нет места в этом мире. Точнее когда ты чувствуешь себя везде лишним и едва ли не обузой. А я чувствовал себя везде лишним и это был факт! А кому был нужен слепой парень? Никому!

И был уверен, что папа предпочёл бы, чтобы я был нормальным. Да и я это предпочёл бы. Конечно, отец этого не говорил и всегда меня поддерживал, но я сам это понимал. Да, может быть, дома я был и не лишним и никогда не буду лишним, ведь это дом. Но вот в институте я практически всегда чувствовал себя лишним и обузой для других. Для однокурсников, что пытались мне помочь, для преподавателей, что меня обучали.... Для всех! Поэтому сейчас лучше было папе ничего не говорить. Лучше было соврать. Так бу-

дет легче и ему, и даже мне, ведь не придётся ничего рассказать и вновь чувствовать эту боль.

– Ну, ничего, – папа потрепал меня по плечу. – Скоро мы будем дома, и ты отдохнёшь. Осталось лишь немного потерпеть.

– Ага, – сказал я в ответ без особого энтузиазма.

А какой смысл был в этом отдыхе? Я отдохну сегодня, но завтра опять также устану, и так будет продолжаться и продолжаться! И закончится это лишь только тогда, когда я окончу институт, а, что будет дальше, я понятия не имел, и у меня даже не было желания об этом думать. Ведь эти мысли лишь заставляли меня мучиться.

Я не знал, что меня ждёт после окончания института, но что-то мне казалось, что ничего хорошего не будет. А разве может быть что-то хорошее у слепого парня? Вряд ли у меня где-то получится пробиться. Я либо и правда стану обузой для папы и всех остальных родных, либо буду до конца своей жизни мучиться на нелюбимой работе, а мне не хотелось ни того ни другого. Но выбирать мне не приходилось. Я не верил, что смогу добиться в жизни чего-то стоящего. Даже нормальные люди без таких проблем, как у меня, порой не верят в себя. А как я мог верить в себя? Это было слишком сложно. Я в институт смог пройти лишь чудом, а работа.... Здесь точно будет ещё тяжелее и мне никто не сможет в этом помочь.

Пока я был погружён в свои мысли, мы с папой успели по-

дойти к автобусной остановке. Теперь нам лишь оставалось дождаться автобуса, а его никогда ждать долго не приходилось. К счастью, автобусы ходили часто, а после наших пар он приезжал буквально через пять минут, как мы подходили к остановке. И вот сейчас он приехал точно так же, и мы прошли в автобус.

Я дождался, пока папа оплатит за проезд, и только после этого пошёл дальше. Отец нашёл нам свободные места и, усадив сначала меня на это место, сел рядом. Конечно, свободные места в автобусе были не всегда, но мне постоянно кто-то пытался освободить место. Людям было неловко, что слепой парень стоял, ведь многие понимали, что стоять мне тяжело. Правда, это было не совсем так, но от места я никогда не отказывался. А зачем мне это делать? Сидеть лучше, чем стоять. Ведь автобус постоянно трясёт и тебя тянет то взад, то вперёд, то налево, то направо.... Не очень приятно! Сидеть приятнее. Но сейчас, видимо, мест было много, и мы с папой смогли сесть вместе.

– Ну, что как у тебя прошёл день, Макси? – начал он разговор. – Что было интересного?

– Да ничего интересного не было. Всё как обычно. А день прошёл... – я запнулся, потому что день прошёл просто ужасно, но папе это сказать я, понятное дело, не мог, – нормально! – Оставалось лишь сказать мне.

– Ты всегда так отвечаешь, – подметил отец.

– Потому что у меня всегда всё нормально. Или ты хо-

чешь, чтобы у меня было всё плохо? – я повернул к нему голову, чтобы он видел моё лицо.

– Нет, – отрезал папа, – но я хочу, чтобы у тебя в жизни происходило что-то интересное. А то, как тебя послушать, у тебя всегда всё скучно и ничего нового не происходит.

– Но ведь это, и правда, так. Или мне надо тебе врать? Я могу тебе соврать, если ты так хочешь.

– Нет. Врать не надо. Но ты же учишься в институте, а мне казалось, что у студентов всегда случается что-то новое и интересное.

– Это не так. Всё обычное и ничего такого интересного нет.

– Ну, ладно, – вздохнул папа, видя с какой неохотой, я с ним говорю. – Видимо, ты, и правда, просто устал. Ничего, Макси. Мы уже скоро будем дома.

Я просто отвернул голову в сторону и ничего отвечать не стал. Мне уже не терпелось попасть домой. Всю дорогу до дома я размышлял о прошедшем дне и уже пытался представить себе, что мне придётся делать дома. Так что до дома мы добрались незаметно. Папа сообщил мне о том, что мы доехали до нашей остановки, и мы вместе покинули транспорт.

Пока мы шли до нашего дома, отец молчал и ничего мне не говорил. Он в основном не говорил со мной, когда мы куда-то шли, так как боялся, что этим отвлечёт меня, и я что-то не замечу. Конечно, какая-то болтовня не была способна меня отвлечь, но папе я об этом не говорил, потому что не

видел в этом смысла. Мне больше нравилось идти до дома в тишине.

Медленным шагом мы дошли до дома. Отец открыл входную дверь, и, стоило нам только сделать шаг в дом, как тут же в нос ударил вкусный запах. Это было странно, но долго нам гадать, что же это, не пришлось, так как раздался голос бабушки, которая вышла нам навстречу в прихожую.

– А я вас тут как раз жду, – проговорила она. – Я уже успела приготовить вкусное мясо с помидорами и сыром и картошечку с грибами. А также салатик. Всё горячее и свежее. Давайте, скорее, мойте руки и кушать.

– Мама! – в голосе папы была слышна радость. – Рад тебя видеть! Что это ты решила к нам заехать?

– Ну, во-первых, я очень соскучилась по вас, – выдала бабушка, – а, во-вторых, я была уверена, что у вас тут нет еды. И я была права! У вас был почти пустой холодильник и те пару замороженных покупных обедов не считаются. Поэтому я решила сама приготовить вам нормальной еды. Ну, а ещё я хотела сделать вам сюрприз!

– Твой сюрприз удался, – отец, видимо, начал обнимать её. – И мне уже не терпится поесть. Так вкусно пахнет!

– Это верно! – поддержал я папу. – Пахнет, и правда, шикарно! Уже давно у нас дома так вкусно не пахло.

– Ну, спасибо, Макси, – легонько ударил меня по плечу отец.

– Говорю правду, – улыбнулся я в ответ. – И я тоже рад

тебя видеть, бабуль. Здорово, что ты заехала к нам и решила приготовить ужин. Мне уже хочется поесть. А то думал, что опять придётся кушать какую-то ерунду, но нет. Сегодня мы можем себя побаловать вкусной едой.

– Тогда идите скорее наверх, а то всё остынет, – поторопила нас бабушка. – Но сначала дай я тебя обниму, Симочка, – она обняла меня. – Я очень скучала по тебе!

– А я по тебе, бабуль, – я обнял её в ответ.

– Всё! Теперь иди наверх, – разорвала объятия бабушка. – А то папа पहले тебя всё сделает, а потом не выдержит и начнёт есть. Так что поспеши!

– Хорошо, – кивнул я и, быстро сняв куртку и обувь, поспешил на второй этаж.

От этого вкусного запаха у меня проснулся сильный аппетит, и теперь мне очень хотелось есть. Я был готов немного потерпеть и сначала нормально поесть и только потом отправиться отдыхать в свою комнату. К тому же теперь я даже не мог просто лечь в кровать. Мне просто необходимо было поесть вкусной еды, от которой у меня уже текли слюнки.

Бабушка, как и обещала, жила с нами до того момента, пока я не окончил школу для слепых. Конечно, она могла бы после этого остаться, и никто не возражал бы, но бабушка приняла решение вернуться к себе домой. Никто с её решением спорить не стал, ведь теперь она у нас дома была не так уж и нужна. Возить меня больше никуда не нужно было, и я вообще уже мог самостоятельно добираться до института

или других мест. С этим у меня больше проблем не было. Но, не смотря на то, что бабушка переехала к себе домой, она всё равно периодически приезжала к нам, желая нас проведать и узнать всё ли хорошо.

Она могла это спокойно делать, так как у неё остались ключи от нашего дома. Папа сам не стал у неё забирать ключи, чтобы бабушка могла приезжать к нам, когда только захочет. А та очень сильно скучала по нас и приезжала достаточно часто. Ведь она привыкла жить с нами. Она жила с нами не один год, и теперь находиться вдали от нас ей было тяжело, но у нас была своя жизнь, а у неё своя, и мы могли лишь периодически видеться. А снова жить вместе было бы не лучшей идеей. Но каждый раз, когда бабушка приезжала к нам, мы с папой были очень рады.

И сейчас мы также были очень рады. Как я мог не радоваться бабушке? Рядом с ней мне было всегда хорошо, а тут ещё можно было покушать вкусную еду. Ну, кто от этого откажется? Уж точно не я! Так что я, быстро переодевшись и помыв руки, погладил Лорда, который, стоило мне только подняться на второй этаж, начал крутиться возле меня, и поспешил вниз к бабушке и вкусной еде, что меня ждала.

– Ну, наконец-то ты спустился, – проговорил папа, когда я прошёл на кухню. – Я уже тут еле держу себя в руках. Садись скорее за стол!

– Да, да, садись, Симочка, – поддержала его бабушка. – Я сейчас сама всё вам наложу. Позвольте мне за вами поуха-

живатьь.

– Да мы не возражаем, бабуль, – на моих губах появилась лёгкая улыбка. – Ухаживай на здоровье!

– Сейчас всё будет. Потерпите немного, – она закопошилась, начав нам накладывать еду.

Пару минут бабушка гремела посудой. И вот наконец-то она поставила передо мной и папой ужин. От еды до сих пор очень вкусно пахло, а теперь, когда она стояла прямо передо мной, мне ещё сильнее захотелось есть. И я не стал ждать сигнала, а сразу приступил к ужину. Я попробовал кусочек мяса и сразу же, не удержавшись, простонал от удовольствия.

– Очень вкусно, бабуль! – вырвалось из моих уст.

– Рада, что тебе нравится, – была довольна собой бабушка.

– Да. Это, и правда, вкусно! – вторил мне папа. – Спасибо, мам, что приехала к нам и приготовила такую вкусную еду.

– Не за что, – махнула рукой она. – Я всегда рада провести с вами время и позаботиться о вас. А теперь, пока вы кушаете, давайте поговорим. А то вы сейчас поедите и разбежитесь по своим комнатам. Мне интересно как у вас дела и что у вас нового. Симочка, что у тебя нового в институте?

– Ну, как он мне сказал, мам, у него ничего нового и интересного в институте нет, – ответил за меня папа, видя, как я увлечён едой.

– Не поверю! Что-то интересное всё же должно быть. Просто ты это скрываешь, Симочка, – я почувствовал на себе

внимательный бабушкин взгляд.

– Да нет у меня ничего интересного, – улыбнулся я. – Зачем мне это скрывать? Всё как обычно! Пары, музыка и тому подобное. Всё по-старому!

– То есть вы ничего нового не проходите? – удивилась бабушка.

– Нет, почему? Проходим, но... – я запнулся. – Я там ещё сам должен вникнуть и понять всё. А многое, что мы проходим, я знаю. И там особо ничего такого интересного нет. Это просто учёба!

– Ладно. Что приставать к нему? – не стал наседать на меня папа. – Может быть, у него, и правда, ничего интересного нет. Но вот когда пойдёт практика, сразу что-то интересное появится.

– Будем ждать!

В этот момент возле моих ног заскулил Лорд, видимо, прося у меня еды. Я уже был готов угостить его мясом, как тут заговорила бабушка:

– Я уже его кормила. Это он просто клянит.

– Но эти его глаза... – отец сделал паузу. – Хорошо, что ты их не видишь, Макси. Уверен ты не смог бы устоять этому его взгляду... Ты его точно кормила, мама?

– Конечно, кормила, – твёрдо сказала она. – Я что, по-твоему, могу врать?

– Но он, кажется, решил построить из себя голодного, – и как бы в ответ на мои слова опять заскулил Лорд, но в этот

раз ещё жалобнее.

– Это точно, – засмеялся папа, и мы с бабушкой его под-держали.

– Лорд, тебя уже кормили, – сказал я и потрепал его по голове. – Хватит выпрашивать.

Пёс опять заскулил, прося мясо ещё настойчивее.

– Ладно. Я дам тебе маленький кусочек, – сдался я и, отковыряв вилкой небольшой кусочек мяса, дал его Лорду. Он тут же начал с удовольствием и аппетитом его пережёвывать, благодарно порывивая. – Ему тоже нравится твоё мясо, ба-буль.

– Ну, конечно. Как ему может не нравиться оно? – в голосе папы была слышна насмешка. – Он всё-таки смог упротить тебя дать ему кусочек.

– А как не дать-то? – не понимал я. – Он же так просит! И мне для него ничего не жалко.

– Это понятно, – опять засмеялся отец.

– И не смейся! – как можно серьёзнее попытался сказать я, но через пару секунд не выдержал и тоже засмеялся.

Бабушка поддержала нас смехом. Я весь день был в таком сильном напряжении, что сейчас был лишь рад его сбросить. Я был в окружении родных людей и рядом со мной был Лорд. Теперь я мог расслабиться и просто посмеяться, что и делал. Сейчас мне было чуть легче, чем днём в институте.

Я сидел на кухне, лениво поедая бутерброды. Папы дома

не было, так что мне приходилось завтракать одному. Завтрак мне тоже пришлось делать себе самому и за то время, что я учился в школе, я научился его делать себе самостоятельно. Отец уехал уже давно, а вот мне сегодня никуда не надо было, ведь сегодня у меня был выходной. Я спал чуть ли не до часу дня и теперь не спеша завтракал. Папа сам погулял с утра с Лордом, и я мог из-за этого не переживать. Мне никуда спешить не надо было. Пёс мирно спал у меня в ногах, а я же не торопясь ел бутерброд за бутербродом.

Мне нравилось вот так сидеть в выходные в одиночестве и спокойно завтракать, никуда не торопясь. Мне вообще нравились выходные, а эти минуты, что меня никто не трогал, были просто прекрасны. Наверное, все любят быть дома одни, и я тоже это любил. Никто не мучил разговорами и не приставал ко мне. Можно было просто расслабиться и заниматься чем пожелаешь. А мне хотелось просто сидеть за столом на кухне и наслаждаться покоем, что я и делал. Я даже не хотел ни о чём думать. Иногда нужно просто расслабиться и посидеть, ни о чём не думая и ни из-за чего не переживая.

Правда долго я посидеть так не смог, потому что раздался скрип шин автомобиля, который затормозил возле нашего дома, что означало, что папа вернулся домой. Я тяжело вздохнул, понимая, что моему покою пришёл конец. Отец точно не даст мне сидеть в полной тишине и попробует меня разговорить или чем-то занять, а мне сейчас не хотелось ни говорить, ни чем-то заниматься. Мне хотелось просто тиши-

ны и покоя, но папе это было не понять. Для него это было нечто странное. Как может нравиться сидеть в полной тишине и ничего не делать?! Для него это было удивительно, а для меня это было обычное дело. Да, раньше для меня это тоже было странным, и я никогда так не сидел и не жаждал этого, но теперь всё изменилось. Можно сказать, что теперь я сам изменился, и это была правда.

Минут пять папа не заходил в дом, и вот раздался звук открывающейся входной двери. Пару минут отец копошился в прихожей. Выйдя из прихожей, он сначала остановился, а потом решительным шагом направился в сторону кухни, как будто бы чувствовал, что тут нахожусь я.

– Привет, Макси, – поздоровался со мной папа, увидев меня. – А ты что недавно встал? Это у тебя завтрак?

– Да, – положительно кивнул я. – Мне захотелось подольше поспать.

– Ого! Долго же ты спал! – не стал он скрывать своего удивления.

– Выходные для того и созданы, чтобы на них отдыхать.

– Ну, это да, – не стал отец спорить и сделал шаг ко мне. – Жаль, что ты больше не хочешь ходить на собрания, Макси, – проговорил он и сел рядом со мной за стол.

– Мы уже это обсуждали, – прервал я его. – Опять хочешь вернуться к этой теме?

– Да нет, нет. Я всё помню. Тебе это всё просто надоело.

– Вот именно! – кивнул я.

Да, да, я перестал ходить на собрания и забросил Церковь. Это всё – правда! Раньше я и сам не верил, что сделаю это, но я сделал это и пока не жалею. Это было правильным решением! Я в этом не сомневался. Когда мы с папой вновь начали ходить в Церковь, я продержался около двух лет, а потом принял решение перестать ходить туда и сказал об этом папе. Два года я послушно ходил с ним на собрания и не препирался. Я понимал, что ездить на собрания нужно и просто необходимо посвящать время Богу. Но мне уже было не так хорошо в Церкви, как раньше. Я приходил туда, но там всё давило на меня и мне было очень тяжело.

Я всё собрание и оставшееся время, что мы с папой были в Церкви, в основном просто сидел на одном месте, не желая куда-то идти и чем-то заниматься. Я даже редко пел и молился, так как не хотел подниматься на ноги. Мне даже не особо хотелось ни с кем общаться, но, не смотря на это, всё равно многие подходили ко мне, пытались меня втянуть в разговор, интересовались как у меня дела и пытались меня поддержать. Будто бы их поддержка мне что-то давала....

Все те, кто подходили, лишь досаждали мне и мешали. Разговоры с ними совсем ничего не давали, и от этих разговоров мне становилось лишь тяжелее. Каждый раз в Церкви мне вновь и вновь напоминали, что больше ничего как прежде не будет и теперь я слепой. Вся атмосфера, что царила вокруг, больше не расслабляла меня, а наоборот напрягала.

Я долгое время подумывал о том, чтобы перестать ходить в Церковь и никак не мог на это решиться. Я то боялся расстроить папу, то боялся, что он на меня разозлится, то просто не решался это сделать. Мне в принципе нравилось там общаться с друзьями, но даже эти разговоры больше были не такие как прежде. Всё было другим. И мы больше не могли разговаривать подолгу. Ребята немного говорили со мной и под каким-то предлогом уходили.

Я понимал, что им больше неинтересно со мной, ведь я изменился. Да, мне было немного обидно, но ребят можно было понять. Им теперь было интереснее с другими. Вся наша дружба медленно сходила на нет. Поэтому после долгих раздумий я всё-таки принял решение уйти из Церкви. Это было сложное для меня решение. Папа не сразу смог меня понять и пытался убедить вновь начать ходить в Церковь. Что он только не предпринимал ради этого, но я твёрдо настоял на своём, и со временем отец успокоился и смирился с моим решением.

И вот опять он попытался начать об этом разговор, но хотя бы сейчас он быстро завершился. Но эти папины слова вынудили меня вспомнить мой последний поход в Церковь.

«Восемь лет назад»

Я сидел в одиночестве на лавочке, ожидая, пока придёт папа. Он отлучился, чтобы с кем-то поговорить и должен был вот-вот вернуться. Мне же не хотелось куда-то идти и с кем-

то общаться. Мне больше хотелось поскорее вернуться домой и уже не терпелось сесть в машину и быть подальше от всего этого шума и гула. Я вообще уже не испытывал ни малейшего желания приходить в Церковь. А зачем это было нужно? Мне это ничего не давало и это ничего не меняло! Я просто зря тратил время! Лучше уж проводить это время дома и заниматься чем-то полезным, чем торчать тут.

Я уже давненько подумывал навсегда уйти из Церкви, но каждый раз боялся это сказать папе. Но теперь точно должен был это сказать. И сказать это надо было сегодня, пока бабушки не было дома. Она как раз решила съездить к себе домой на выходные и обещала вернуться лишь в понедельник утром. Надо было воспользоваться этим временем. Тянуть с разговором больше было нельзя, ведь так можно было растянуть ещё на пару недель, а мне это было не нужно.

К тому же вмешивать бабушку в этот разговор я не хотел. Это был наш с папой разговор, и я должен был всё ему объяснить. Объяснить, что у меня уже просто нет сил сюда ходить. Мне это надоело и я этого больше не хочу! Я надеялся, что он меня поймёт. В любом случае решение уже было принято и никто не сможет меня переубедить. Я слишком долго об этом думал и слишком долго мучился. Больше мучиться не желал! Как и больше не желал заставлять себя ехать сюда и сидеть здесь. Для меня это было слишком мучительно. Меня это только раздражало! Пора было с этим заканчивать.

Я тяжело вздохнул. Мне уже было невыносимо ждать па-

пу. Я достал из кармана свои наушники и плеер. Мне хотелось хотя бы послушать музыку и так скоротать время. Больше мне было заняться нечем. Я только хотел запихнуть наушники в уши, как тут раздался голос тёти Наташи:

– Привет, Сима, – она была рядом со мной. Я поднял голову, поняв, что послушать музыку у меня не выйдет. – Можно я подсяду к тебе?

– Садитесь, – не стал запрещать я.

Я понимал, что тётя Наташа всё равно так просто не отстанет от меня. Оставалось лишь смириться и выслушать её. Всё равно это был последний наш с ней разговор, и больше мне терпеть её не придётся. Ну, она, конечно, не то, чтобы была мне неприятна. Она наоборот порой была классным собеседником. Тётя Наташа всегда переживала за меня и пыталась мне помогать, а также старалась поддерживать меня. Она просто старалась быть мне другом. Но порой это было слишком навязчиво и надоедливо. В особенности в последнее время.

Все почему-то считали, что от разговоров мне станет легче, но это было вовсе не так. Я сам не знал, отчего мне может стать легче. Даже казалось, что ничто не способно помочь мне. И никто не способен помочь мне! Но всё равно все лезли ко мне и попытки сказать, что это мне не поможет, ничего не давали. Все думали, что знают лучше меня и говорили: «А почему бы не попробовать? Тебе может стать легче!». Это очень раздражало и выводило из себя. Но изменить это не

получалось. Все были упрямыми и настырными!

– Ну, как у тебя дела? – начала тётя Наташа. – Как ты себя чувствуешь?

– Всё как обычно, – вздохнув, выдал я.

– Глаза у тебя грустные, – подметила она. – Это здорово, что ты ходишь сюда. Ты молодец! Мы все понимаем, как тебе тяжело. Самое главное не сдаваться и не опускать руки. А также не терять веру!

– Веру! – фыркнул я. – Бог не отвечает на мои молитвы!

– Ответит, – была уверена в этом тётя Наташа. – Просто надо продолжать молиться и не сдаваться. «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят». Ты же помнишь это место Писания? Ты должен продолжать просить, и Бог придёт на помощь. Не всегда всё даётся так быстро. Иногда на это нужны годы, а порой десятки лет. Так что самое главное не теряй веры и молись. Просто молись!

– Ну, конечно, – кивнул я, еле сдерживая усмешку. Больше я молиться был не намерен, но в открытую говорить это женщине не хотел. Да и смысла в этом не было!

– Сима, я понимаю, что ты страдаешь. Никто никогда не переживал того, что сейчас проходишь ты. Нам даже не представить, как тебе тяжело, – она положила руку мне на плечо. – Но ты должен знать, что ты не один. У тебя есть твой папа, Бог и все мы! Вся Церковь! Мы всегда будем рядом с

тобой и будем готовы тебя поддержать и помочь. Знай это!

– Да, да, да, – как-то безразлично проговорил я.

– Мы очень любим тебя, Сима. Мы все! – с этими словами тётя Наташа меня обняла. – Просто помни это и не забывай. Хорошо?

– Ага, – буркнул я, даже не ответив на её объятия.

– Ладно. Не буду тебя доставать. Пока, Сима. Не скучай! – попрощалась со мной женщина и наконец-то оставила в покое.

Стоило ей уйти, я вздохнул с облегчением. Я вновь был один и мог расслабиться. Я всё равно желал уйти из Церкви и больше сюда не возвращаться. И я больше не планировал сюда возвращаться! Я точно знал, что это последний раз, когда я здесь сижу. Возвращаться сюда мне было незачем. Жаль я не мог никому сказать, что навсегда уйду, ведь все тут же начнут меня убеждать не уходить, а мне это было не нужно. Лучше было тихо и навсегда уйти. Именно так я хотел сделать, и даже те слова, что мне сказала тётя Наташа, не были способны поменять моё решение и повлиять на меня. Я всё твёрдо решил!

– Если честно, я надеялся, что ты рано или поздно остынешь и всё-таки вернёшься в Церковь, – вывел меня из моих мыслей папа, который всё это время молчал, видимо, ища подходящие слова.

– Я вроде бы твёрдо высказался тогда, – напомнил я. –

Сказал, что больше не желаю туда ходить, и это было взвешенное решение. Я его обдумывал не один день. Или ты опять забыл?

– Да не забыл я! Просто надеялся на это и всё. Просто странно это как-то....

– Что странно? – не понял я.

– Ты до этого так верил в Бога, а потом раз и всё. Ты остыл и даже потерял желание ходить в Церковь, – пояснил отец. – Это было так внезапно и неожиданно! Я точно этого от тебя тогда не ожидал.

– Я изменился! Или ты не заметил?

– Заметил, конечно, – вздохнул папа. – Не заметить это было трудно! Но я скучаю по прошлому тебе. Простому, весёлому и доброму....

– Разве я сейчас злой? – удивился я.

– Не злой, но ты больше непростой и невесёлый! – исправился он. – Макси, Макси.... – проговорил отец и опять вздохнул.

– Что опять не так?

– Ну, просто.... – папа запнулся. – Я не понимаю, почему ты бросил Церковь и оставил Бога. Ведь Бог – это как Отец! Он всегда рядом, помогает и поддерживает нас. А также Он периодически посылает нам испытания, которые тоже нужны, ведь только они способны нас изменить, исправить и сделать теми, кем мы должны быть. Мы лишь должны выдержать эти испытания и остаться верными Богу. Мы не долж-

ны терять в Него веру ни за что на свете. А ты потерял! И мне очень жаль, что с тобой это всё произошло. Эти неприятности, что на тебя навалились и так изменили тебя.... Как бы я хотел тебе помочь и всё изменить, но не могу. Это не в моих силах! И мне так тяжело от этого! Видеть, как ты страдаешь.... Ты совсем потерял веру в Бога и даже больше не веришь в то, что Он всегда рядом с нами.

– Пап, пожалуйста, не надо опять.... – попытался я остановить его.

– Макси, подожди, – перебил меня отец, видимо, не желая замолкать. – Макси, я хочу тебе кое-что объяснить. Позволь мне кое-что тебе объяснить! Может, ты уже это слышал от меня, но я всё же скажу. Короче.... Макси.... Ну.... Я лучше приведу пример. Так будет проще тебе всё объяснить. Вот если привести, к примеру, маленького ребёнка. Младенца или годовалого ребёнка. Он... Я даже не буду говорить про то, что он свят. Он идеальный человек! Он совершенный. Он не думает ни о чём, не переживает, не волнуется... Он доверяет своим родителям и знает, что они обо всём позаботятся. Что нам мешает так доверять Богу? Что тебе мешает это сделать? Просто доверить всё ему и не заботиться о том, что будет дальше? Разве так не проще?! Ты просто заморочился на том, что хочешь вновь видеть, а ведь, если Бог вернёт тебе зрение, то это будет большое чудо. Это ещё надо заслужить. Нужно просить и просить этого. А ты хотел, чтобы Он сразу это сделал, и сдался, когда не получил этого.

А надо было продолжать молиться об этом и одновременно просто жить. И так было бы гораздо проще! А ты решил всё усложнить, и вот что вышло.... Это разве лучше?

– Папа, перестань, пожалуйста, – я поднялся со своего места. – Я же сказал, что не хочу это обсуждать, а ты вновь начинаешь.... Сколько можно?! От этих разговоров моё мнение не изменится. Я всё для себя решил. Хватит меня убеждать в обратном! Это не подействует! И ты это всё говоришь, ведь тебе тяжело от того, что я не хожу в Церковь. Мне от этого нормально! Тебе тяжело, а не мне! Ты хочешь, чтобы тебе стало легче, но не мне. А мне от этого легче не станет. Мне сейчас нормально, ясно?! Так что всё! Закроем тему. Хорошо?

– Ладно. Извини, – стало неловко папе.

– Я лучше пойду в комнату. Пойдём, Лорд.

– Идите. Я всё сам уберу, – не стал задерживать нас отец.

Я кивнул и вместе с Лордом, который, стоило мне только дать ему команду, вскочил с места и подошёл ко мне, направился к лестнице. Мы вместе поднялись на второй этаж и уже через минуту были в комнате. Там я опустился в кресло и тяжело вздохнул.

Все эти разговоры с папой были очень тяжёлыми для меня. Потому что я, во время разговора с ним, сразу начинал вспоминать, как раньше верил в Бога и понимал, что теперь от этого ничего не осталось. От этого мне было тяжело на сердце. Там словно была пустота, а в груди росла дыра, кото-

рую нечем было занять! На меня сразу наваливались тоска и грусть, которые было трудно перебороть. И вот сейчас опять началось то же самое. Поэтому я не любил говорить на эти темы, ведь не думать об этом и не вспоминать ничего – было проще. Но уже было поздно, ведь я опять всё это вспомнил и задумался об этом.

Я всё равно был твёрдо уверен, что поступил правильно потому, что от этих молитв и богослужений ничего не менялось. Бог будто бы не слышал меня. Я молил Его помочь мне и вернуть зрение, а Он молчал. Мне даже казалось, что Его, и правда, нет, но эти мысли мне совсем не нравились, ведь я столько лет в Него верил, а, если сейчас решу, что Его на самом деле нет, это будет означать, что вся моя вера на протяжении стольких лет была пустой и напрасной. А мне так думать не нравилось!

Я просто решил, что Бог оставил меня. Бросил меня, хоть и говорят, что Он никогда не покидает нас. Но меня Он покинул! А как ещё можно объяснить мою ситуацию?! Бог допустил всё то, что произошло со мной, а потом даже не вернул мне зрение, хоть я знал, что для Него это легче лёгкого. Но Он не сделал этого и даже не ответил ни на одну из моих молитв. Все те два года, что я ходил в Церковь и молился...

Мне казалось, что я кричу в пустоту, и меня никто не слышит. Ведь если бы меня кто-то слышал, то точно какой-то ответ да был бы. Но ответа не было! Лишь тишина и пустота! Слово Бога больше и нет. По крайней мере, рядом со мной.

Словно Он оставил нас! Моя вера в Него всё тухла, тухла, а потом и совсем затухла, и больше я не верил в Него. Как я мог теперь верить в Него, когда Он просто бросил меня и оставил на произвол судьбы? Я так верил в Него, так любил Его, а Он так поступил со мной! Этому не могло быть оправдания. Я их искал долгое время, но найти так и не смог. Было лишь одно объяснение всему произошедшему: Бог больше не был со мной.

Глава 9 «Братья по несчастью»

Я уже который час сидел в своей комнате, то слушая музыку, то играя на гитаре. Слушал я в основном какие-то грустные депрессивные песни. Что-то весёлое и простое я больше слушать не мог. Как впрочем, и играть. За это время мои вкусовые предпочтения сильно изменились. Все мои песни были такие унылые и грустные, что хотелось едва ли не плакать. Все песни передавали моё ужасное настроение.

В основном все мои песни состояли из одной музыки, так как тексты мне придумывать к ним было сложно. Я не мог просто подобрать слова. Я пытался писать тексты к моей музыке. Но, если у меня это даже получалось, текст был такой же грустный и унылый, как и музыка.

Поэтому, если мне хотелось петь, я в основном пел чужие песни, которые слышал у знаменитых певцов. Раньше я всегда слушал только христианские песни, но больше их слушать не мог и даже не хотел. Теперь же я слушал разнообразные песни певцов и певиц. Мне многие песни нравились, но сейчас мне хотелось спеть ту песню, которая мне наиболее всего нравилась.

Я решительно начал играть на гитаре мелодию этой песни и вот запел:

– Делай вопреки, делай от руки,
Мир переверни, небо опрокинь.

В каждом наброске, в каждом черновике,
Учитель продолжается в своем ученике.

Всю мою жизнь я иду ко дну,
Всю мою жизнь я искал любовь,
Чтобы любить одну.

Они сказали – нас поздно спасать и поздно лечить.
Плевать, ведь наши дети будут лучше, чем мы.

Лучше, чем мы... Лучше, чем мы... – я прикрыл глаза,
наслаждаясь песней и музыкой. Пару секунд помолчав, продолжил петь: – Когда меня не станет – я буду петь голосами

Моих детей и голосами их детей.

Нас просто меняют местами,
Таков закон сансары, круговорот людей.

О-о-ой, мама...

Когда меня не станет – я буду петь голосами
Моих детей и голосами их детей.

Нас просто меняют местами,
Таков закон сансары, круговорот людей.

О-о-ой, мама...

Нас не стереть, мы живем назло,
Пусть не везет, но мы свое возьмем.

Это небо вместо сцены, здесь всё вверх ногами.

И эти звезды в темноте – тобой зажжённый фонарик.

Тысяча меня до меня, и после меня будет,

Тысяча меня и в тысячах не меня, тысяча меня.

И мы снова вдребезги и нас не починить.

Плевать, ведь наши дети будут лучше, чем мы.

Лучше, чем мы... Лучше, чем мы...

Это была песня «Сансара» певца Басты, которого я очень любил. Его песни были очень классными, а какие там были слова.... Даже эта песня.... Надо внимательно вчитаться в эти слова и многое в этой жизни прояснится. Я восхищался этим певцом и очень хотел писать такие же песни, но пока у меня ничего не получалось. Но я не желал сдаваться. Я же продолжал играть на гитаре, сочинять музыку и так далее. Рано или поздно у меня получится написать такой же классный текст, какой был в песнях Басты. А пока мне просто надо было стараться и стремиться к этому.

Я глубоко вздохнул, продолжая сжимать в руках гитару. Лорд как всегда лежал неподалеку от меня и мирно дремал, не мешая мне играть на гитаре. Я на секунду задумался, пытаясь понять, что же ещё хочу сыграть. Но долго думать мне не пришлось, так как я тут же понял, какую ещё песню хочу сыграть. Это также была песня Басты, и она мне также очень нравилась.

Долго сопротивляться я не стал и начал играть на гитаре.
Вступление и я запел:

– Давно эти дети играют в недетские игры,

Под дерзкие гимны снимаемые иглами с винила.

Это зона русского экстрима, стиль «криминал»

В борьбе за лучшую жизнь, брат, кипет риал.

Куплеты из динамиков ценителям ретро

Наверно, когда я усну стану ветром,
Оставлю куплеты лабиринтам этих бесконечных тоннелей,

Но пока я здесь – эта тема в твой плеер.
Грех лишь повод очистить карманы от палева
Порой каверы покруче оригиналов,
Порой камеры слаще свободы,
Порой в грешниках больше святого, чем в преподобных.
А вот с этой фразой я был в особенности согласен. Ведь,
и правда, так часто бывает, что грешники лучше христиан.
И это бывает достаточно часто. И я сам таких встречал. Эти
христиане притворяются едва ли не святыми, делают вид,
что они хорошие, а на самом деле они хуже грешников. Да,
мы все грешники, но христиане должны быть лучше остальных,
ведь должны мы как-то отличаться. Точнее они!

Я уже не чувствовал себя христианином. А также я встречал
многих атеистов или просто грешников, которые были
очень добрыми и хорошими людьми. Такое часто бывает в
мире! Эти слова были очень мудрыми, и я был с ними согласен!
Но песня продолжалась, и я пел дальше:

– Знаешь, уж лучше закрыть глаза и не проснуться утром,
Чем погрязнуть в каких-нибудь левых мутках
В постоянном поиске дефицитного средства
Мы убиваем время путём остановки сердца.
Куда деться от этой модной тенденции,
Искать причины боли в воспоминаниях раннего детства,

С кем спеться, пусть и не в унисон
Лишь бы звучать, слышать свой прокуренный баритон.
Я в стельку трезвый, запредельно пьян
В шутку убит, по-настоящему жив

Искусно предан теми, кому верил, – и такое также часто бывает в жизни. Мы кому-то доверяем, а потом этот же человек нас предаёт и причиняет нам сильную боль. Такое случается практически у каждого человека и также случилось у меня. Мне кажется, нет ни одного человека в мире, у которого такого не случилось.

Я как-то доверял одному другу, рассказывал ему всё, делился сокровенным, а он потом предал меня. Это было больно, и эту боль переживает каждый человек. Кто-то переживает лишь один раз, а кто-то много раз, потому что слишком доверчив. Мне же этой боли хватило, и больше я никому не доверял и не желал доверять. Я даже старался не заводить друзей. Хотя дело было, наверное, в том, что никто и не хотел со мной дружить. Кому нужен слепой друг? Ведь с ним даже нельзя никуда сходить. Именно поэтому, скорее всего, у меня и не было друзей. Но размышлять об этом мне было рано, ведь песня продолжалась:

– Но по-прежнему предан тем, кто верит мне
Никто не знает, кому как карта ляжет
Платим дважды, однажды не заметив лажи
Даже сажей можно нарисовать счастье
Жизнь – кастинг, горим и гаснем

Никто не знает, кому как карта ляжет
Платим дважды, однажды не заметив лажи
Даже сажей можно нарисовать счастье
Жизнь – кастинг...

Жизнь, и правда, словно кастинг. Кому-то везёт, а кому-то нет. Кто-то рождается в богатой семье и у него всё есть, а кто-то рождается в бедной семье и вынужден страдать. Мне вот в жизни не повезло. Да, сначала у меня было всё хорошо, но потом я потерял маму, потерял зрение....

Вся жизнь пошла под откос, и вот я до сих пор страдаю. И ничего поделать с этими страданиями я не мог. Может быть, бедные люди и могут быть счастливыми, как говорится в этой песне, но вряд ли можно быть счастливым, когда ты инвалид и ничего не видишь. Весь тот прекрасный мир, что я так любил, для меня померк. Я больше не мог быть счастливым!

– Брачо, я знаю точно, куда приводят мечты

И из чего в этих стенах сделаны кирпичи, – продолжил я петь. – Я знаю точно, сколько стоит иллюзия,

Ведь как и прежде на улицах валом разносортного мусора.

Чувствую прозой московских дворов,

Звучащий в унисон с голосами других городов.

Утром, кутаясь в дутые куртки

Мы на попутках отправляемся по нужным пунктам.

Зеркальность мира скорее бесит, нежели даёт ответы

Этого нет во мне, меня нет в этом.

Впредь быть корректнее, смертных пугает вечность
Вечностью сводит с ума бесконечность.

Бекстейп скрыт от глаз посторонних

Нас хоронят заживо, но будут помнить даже мёртвыми.

Таких историй ты слышал не мало

Короли спальных районов, дети трущоб и окраин.

Я в стельку трезвый и запредельно пьян

В шутку убит, по-настоящему жив

Искусно предан теми, кому верил,

Но по-прежнему предан тем, кто верит мне...

Я ещё раз пропел припев и замолчал. Из-за этой тяжёлой песни на меня вновь наваливалась тоска и грусть. Я отложил в сторону гитару и поднялся на ноги. Мне надо было немного прийти в себя и подумать, чтобы продолжить играть на гитаре. Но я даже не успел и шага сделать от стула, на котором сидел, как тут скрипнула дверь моей комнаты.

– Макси, прости, что отвлекаю, – раздался папин голос. – Я просто услышал, что ты играешь на гитаре. Я хотел тебе предложить.... Может быть, ты хочешь поиграть на гитаре и попеть вместе со мной? – нерешительно предложил он.

Я повернул голову в сторону двери. Отец уже не первый раз предлагал вместе поиграть на гитаре. Но мы больше не могли вместе это делать, как бы это ни было ужасно. У нас теперь были разные музыкальные предпочтения. Я играл и пел свою музыку, а папа пел также христианские песни, которые у меня петь не было желания. Поэтому мы не могли

больше петь дуэтом.

Конечно, это было немного грустно, ведь я любил петь с папой, и мне нравилось, когда мы оба играли на инструментах, но больше это было невозможно. Мы могли делать это только по отдельности. Но отец будто бы не хотел в это верить и до сих пор постоянно пытался звать меня вместе петь, и каждый раз мне приходилось ему отказывать. Понятное дело, он из-за этого расстраивался. Да, я не хотел его расстраивать, но выбора у меня не было. Если я ему не смогу отказать один раз, то потом он будет приставать ко мне ещё настойчивее. Поэтому надо было стойко стоять на своём.

И сейчас я, глубоко вздохнув, опять сказал:

– Нет. Не хочу. Я хочу поиграть на гитаре один! Понятно?

– Понятно, – грустно вздохнул папа. – Ты поёшь такие грустные и тяжёлые песни.... Тебе самому не становится тяжело от этих песен?

– Мне они нравятся. А тебе что не нравятся песни, что я пою?! Тогда можешь не слушать!

– Я не говорю, что они мне не нравятся. Просто они грустные... – повторил он. – Ладно. Не буду тебе мешать. Если передумаешь, я внизу.

– Не передумаю! – проговорил я, но уже в спину отцу, так как он ушёл и закрыл за собой дверь.

Я вновь вздохнул и вернулся на своё место. Пару минут просто так сидел, вспоминая, как здорово было, когда мы с папой вместе пели и играли на инструментах. Я немного

скачал по этому времени, но оно ушло, и сейчас всё было по-другому. Надо было с этим просто смириться.

Я покачал головой, стараясь избавиться от навязчивых мыслей и больных воспоминаний. Мои руки потянулись к гитаре. Я опять взял её в руки и начал наигрывать мелодию одной из своих песен. Надо было продолжать играть. От размышлений легче не станет, а так хотя бы получалось ни о чём не думать и быстрее пролетало время. Поэтому я как можно скорее начал играть на гитаре.

Я тяжело вздохнул. Пара тянулась мучительно долго и всё никак не желала заканчиваться. Преподаватель уже около часа что-то бормотал себе под нос. Пара была настолько скучной, что у меня даже не было желания слушать лекцию и что-то записывать. Я просто сидел за партой и ожидал конца пары, а он всё никак не наступал.

У меня было желание достать из портфеля наушники и послушать музыку, но, во-первых, это будет неуважением к преподавателю, которого итак почти никто не слушал, общаясь между собой. Преподаватель ведь старался, как мог, преподнести эту тему интересно. Это просто сама по себе тема была такая скучная. Преподаватель в этом был не виноват, и обижать его не надо было.

А во-вторых, я боялся, что не услышу звонок. Как я смогу понять, что пара закончилась, если буду в наушниках и не буду ничего слышать? Никак, ведь друзей у меня тут не было

и вряд ли кто-то меня одёрнет и сообщит о конце пары. Так что мне оставалось просто сидеть за партой, умирая от скуки и мучительно ожидая конца пары.

Ещё около получаса пришлось так сидеть за партой, а потом прозвенел спасительный звонок. Все сразу закопошились, желая поскорее покинуть кабинет. Я тоже поспешил. Вещи у меня были уже почти все собраны, и я смог покинуть кабинет прямо следом за однокурсниками. Следующая пара у нас должна была быть совсем рядом. К счастью, кабинет был открыт, и нам не пришлось стоять в коридоре. Мы сразу прошли в кабинет.

Я уселся на своё место и глубоко вздохнул. Оставалась всего одна пара, и я надеялся, что она пройдёт быстро и легко. Мне уже не терпелось поскорее отправиться домой. Домой я сегодня должен был добираться один, так как у папы сегодня не было пар, и он остался дома. И, к счастью, у нас сегодня пар было не слишком много, и я пока ещё несильно устал. Силы на дорогу у меня были.

Папа, конечно, предлагал приехать за мной в институт, но я отказался, так как понимал, что это будет выглядеть глупо. Я же мог добраться до дома самостоятельно. И мне было просто необходимо, как можно чаще и как можно больше проявлять самостоятельность. А если я буду постоянно ездить с папой, то быть самостоятельным не получится. А мне этого очень хотелось.

А сейчас, пока у меня было около десяти минут до сле-

дующей пары, я планировал послушать музыку. Достав из портфеля плеер и наушники, я уже хотел начать слушать музыку, как тут кто-то плюхнулся рядом со мной на стул. Я тут же замер и напрягся, не понимая, кто это. Я всегда сидел один и то, что кто-то сел рядом со мной, мне уже не нравилось.

– Привет, Максим, – раздался голос Славы, и я, как только услышал его голос, сразу же скривился. – Как поживаешь? – я отвернул голову в сторону. Мне не хотелось даже слышать голос одноклассника, но он был слишком близко. Уходить было глупо, ведь это моё место и оставалось только терпеть его. – Что не хочешь говорить со мной? Я сделал тебе что-то плохое? Я что-то этого не помню. Я наоборот хотел с тобой поговорить. Точнее хотел поинтересоваться.... Мне вот интересно, а как ты вообще живёшь? Ты же ничего не видишь! Ты что по квартире пробираешься как крот? Наощупь? – я опять поморщился. Мне было неприятно, что парень начал об этом говорить, да ещё и начал надо мной подшучивать. Понятное дело, что это было неприятно. Но отвечать я всё равно ничего не стал. – Или как ещё? – продолжал тот. – Мне, правда, очень интересно это знать. А как ты моешься? Как мыло смываешь с тела? Очень любопытно! Так ты со мной не поделишься этим? Так по секрету. Как своему однокласснику. Или не хочешь? Да ладно тебе! Я никому не расскажу, – Вячеслав хлопнула меня по плечу. – А может, ты вообще не моешься? Или тебя кто-то моет? Может, твой

отец? – он захихикал. – А то-то я думаю, что вы так близки.... Он тебя постоянно после пар встречает, вы вместе домой добираетесь. Да и на пары часто вместе приезжаете. Да это точно твой папа за тебя делает. Ты же не можешь! Ты ведь слепой! Наверное, и завтрак сам себе приготовить не можешь. Бедный инвалид! – он опять хлопнул меня по плечу, и тут я не выдержал. Я больше был не в силах молча слушать его издевательства и насмешки. Я должен был что-то ответить.

– Слава, ну, что ты ко мне пристал? – заговорил я с недовольным выражением лица. – Что тебе от меня всё надо? Тебе заняться больше нечем? Просто оставь меня в покое! Что ко мне всё время лезть?!

– Да я просто не понимаю, как ты живёшь, – однокурсник положил руку мне на плечо. – Нет! Правда, не понимаю. Будь я на твоём месте, я точно уже давно покончил бы с собой. А ты всё мучаешься.... Зачем подвергать себя таким мукам, если можно всё просто закончить? Покончить с собой и всё! Ты просто сам посуди. Что тебя дальше ждёт? Ты тут итак учишься с трудом. Или думаешь, я не вижу как тебе тяжело? Как ты мучаешься.... А что будет потом? Ну, закончишь ты институт и что дальше? Куда ты пойдёшь? Кому ты будешь нужен?! Ты думаешь, что сможешь пробиться? Думаешь, что сможешь стать музыкантом? Сейчас! Ты не сможешь! Ты всю жизнь будешь обузой для своих родных. Для своего отца! Им всю жизнь придётся мучиться с тобой

и обеспечивать тебя, ведь сам ты не сможешь зарабатывать деньги. Они будут жаждать поскорее, умереть, чтобы избавиться от тебя. А потом.... Ну, например, поженишься ты. И придётся мучиться твоей жене! Ведь ты не сможешь нигде работать. Кому ты будешь нужен?! Кому будет нужен слепой парень?! Да никому! Какую работу ты сможешь делать? Да никакую! Ты просто бесполезный калека. Ты что сам этого не понимаешь?! Ты подвергаешь мучениям и себя и всю свою семью. Хотя всё это можно прекратить! Ты же просто будешь всем мешаться, и я даже не представляю, что будет с тобой в будущем. Не знаю страшно тебе об этом думать или нет, но мне на твоём месте было бы страшно об этом думать. Или ты думаешь, что ты какой-то особенный? Нет! Ты такой же, как все мы. Нам придётся как-то пробиваться, чтобы чего-то добиться. Думаешь, у тебя получится пробиться? Думаешь, выберут тебя, а не кого-то из нас? Сейчас! Мечтай больше! Поэтому я советую тебе ни на что такое не надеяться, а готовиться к худшему. Ведь худшее тебя и ждёт. Может быть, ты и сможешь найти какую-то работу, но будешь получать гроши. На большее и не рассчитывай. Хотя я советовал бы тебе не мучиться, а просто и быстро.... Ну, ты, наверное, понял, – Слава издал кряхтящий звук, будто бы умирает. Он засмеялся. – Так было бы проще для тебя!

– Что ты такое несёшь? – раздался голос Вити, который походу был рядом и слышал весь разговор, а точнее монолог молодого человека. – Как у тебя вообще язык поворачивает-

ся такое говорить? Предлагать Максиму покончить с собой?! У тебя совсем крыша поехала?! Как ты вообще додумался подойти к нему и начать такое говорить? У тебя совсем совести, что ли нет? Тебе заняться больше нечем, как только доставать его? Что пытаешься самоутвердиться за счёт него? Или ты реально просто больной?!

– Что ты так злишься? – изобразил удивление Вячеслав. – Я же просто говорю правду. Разве нет? Максим, ты же ведь согласен со мной? Ты же ведь сам это понимаешь, так ведь?

– Это не правда, а просто чушь. Максим, не слушай его. Он просто больной! – рявкнул парень. – И вообще иди отсюда! Оставь его в покое! Что ты к нему пристал? Приставать что ли больше не к кому? Иди к своим друзьям приставай. Он тебе не трогает! Что ты к нему всё время лезешь?

– Я не лезу к нему, – начал спорить Слава. – Я просто пытаюсь с ним говорить, но он такой неразговорчивый....

– Это совсем не похоже на разговор, а похоже на издевательства, – повысил голос Виктор. – И, конечно же, он неразговорчивый. Ведь ты гнобишь его! Кто захочет говорить с человеком, который тебя гнобит? Никто! И чтобы ты знал, склонение к самоубийству – считается преступлением. Такая статья есть. Или ты не в курсе?! УК РФ Статья 110.1. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства. Это уголовный кодекс! Хочешь, чтобы тебя посадили? Может, мне надо об этом сообщить в органы? Я свидетель, Максим – потерпевший, а ты

виновник. Все на месте!

– Ой, да ладно тебе, – однокурсник поднялся на ноги, видимо, желая уйти и не продолжать этот диалог, который заходил не в его пользу. – Я же просто пошутил. Что уже пошутить нельзя? Ладно. Я лучше пойду. Что ты такой агрессивный сегодня?!

– Топай, давай! Больной! – прогнал его Витя. Тот наконец-то ушёл. Молодой человек пару секунд молчал, а потом, приблизившись ко мне, заговорил: – Максим, ты не слушай его! И не воспринимай его слова близко к сердцу. Хорошо? Лично я считаю, что ты сможешь многого добиться. Я видел, как ты играешь, и ты играешь очень круто. Лучше нас всех. Слава просто тебе завидует, поэтому так сказал. Ведь ты незрячий, а играешь просто превосходно. Как тебе можно не завидовать? Я, конечно, тебе не завидую.... Ну, если только чуть-чуть. Но я честно тебе говорю, что ты играешь круто! Не смей сомневаться в себе и верить словам этого чудака. Ты вообще его игнорируй. Ладно?! А то вдруг ты его слова воспринял близко к сердцу и что-то сделаешь с собой.... Ты ничего такого не делай. Слава не прав, и всё у тебя будет хорошо. Не сомневайся в этом! Ты же в порядке? Не расстроился, надеюсь, из-за его слов?

– Нет! Нет! – поспешил я ответить, понимая, что одноклассник ждёт ответа и, если я буду долго отвечать, он поймёт, что со мной что-то не так и не отстанет от меня. Понятное дело, что после слов Славы, со мной не было всё в по-

рядке. Мне сейчас хотелось побыть одному после всего того, что мне наговорил парень. – Я в порядке. Не волнуйся! Всё хорошо! Мне всё равно, что сейчас сказал Слава.

– Ну, тогда хорошо, – сразу успокоился Виктор. – Я рад, что ты не воспринял его слова слишком близко к сердцу. Молодец!

Я лишь слабо улыбнулся и кивнул головой. В этот момент прозвенел звонок, освобождая меня от нужды дальше говорить с Витей.

– О! Ну, вот и пара началась, – выдал тот. – Ещё поговорим, Максим. Не расстраивайся. Всё круто! Удачной пары!

– Ага. Спасибо, – проговорил я, и молодой человек уселся на своё место.

Пара началась вместе с приходом преподавателя. Но я даже не услышал, что он зашёл в кабинет, так как сидел полностью погруженный в себя. Слова Славы крепко осели в моём сердце и до сих пор звучали в моих ушах. В голове же начинали вертеться ужасные мысли, от которых я не мог теперь избавиться.

Я медленно поднимался по ступенькам. Я делал шаг за шагом, выставив вперёд свою трость, не желая оступиться и навернуться с лестницы. Мне надо было идти как можно аккуратнее. И вот я был на самом верху. Я открыл тяжёлую металлическую дверь. Теперь мне оставалось сделать всего несколько шагов. Меня со всех сторон обдувал сильный и

холодный ветер, но даже он не мог мне помешать. Я сделал глубокий вздох и пошёл дальше. Остановился я только тогда, когда был на самом краю. На самом краю крыши двадцатиэтажного дома. Да, да, я был на крыше, и... Я хотел прыгнуть.

Слава был прав. Я был с ним согласен. Я был обузой для своих родных и вряд ли смогу чего-то добиться в жизни. Мне не хотелось всю жизнь зависеть от родных и обременять их. Я должен был это сделать. Я должен был покончить с собой! Да я даже этого хотел. Правда, хотел! А зачем мне нужна эта жизнь? Эта была ужасная жизнь! Я никогда не хотел такой жизни и сейчас не хочу. Умереть было гораздо проще и милосерднее для всех, кто был вокруг меня. Никто не должен был из-за меня страдать.

Да я понимал, что самоубийцы Царствия Божия не наследует и вообще кончать свою жизнь самоубийством плохо. И понимал, что папа сначала будет очень расстроен, но у меня не было другого выбора. Жизнь сама подаёт мне знаки, что я должен это сделать. Если тогда у меня умереть не получилось, то я должен это сделать сам и сейчас. Больше страдать и мучиться я не желал. Надо было просто сделать это и навсегда избавиться от этих мучений. У меня больше не было сил так страдать!

Я сделал ещё один глубокий вздох. Я стоял сейчас на той крыше, куда мы часто поднимались с ребятами, когда я ещё был зрячим и учился в обычной школе. Но с того момента,

что ослеп, я больше не общался ни с Кириллом, ни с Данилой. Я даже не виделся с ними или с кем-то ещё из школы. Ну, по крайней мере, не пересекался, ведь видеть я их не мог. Я был слепым!

И вот сейчас я стоял, собираясь с силами и мысленно прощаясь со всеми родными и близкими. Я также мысленно просил прощения за свой поступок у родителей, бабушки и даже дяди. У всех, кого только знал. Я даже просил прощения у Бога за свой поступок. Но в ответ была лишь полнейшая тишина. Больше стоять так не имело смысла. Я собрался с мыслями и уже хотел сделать последний шаг и прыгнуть вниз, как тут раздался чей-то голос:

– Ну, так будешь прыгать или нет? – спросил какой-то парень.

Я вздрогнул и отшагнул от края. Меньше всего я ожидал, что здесь будет кто-то ещё. Когда я сюда поднимался, был уверен, что я тут один, но, оказывается, всё это время рядом со мной был какой-то парень. Но что он тут делает и что ему от меня надо? И самое главное кто это?! Всё это было мне непонятно. Но мне уже не нравилось то, что тут кто-то был рядом со мной и, скорее всего, этот человек попытается мне помешать, а я был твёрдо настроен покончить с собой. Я не хотел, чтобы кто-то мешал мне. Я пару секунд помолчал, а потом заговорил:

– Ты кто ещё такой? Что тебе от меня нужно?

– Да ничего мне от тебя не нужно, – отрезал этот незнако-

мец. – Я просто хочу тоже прыгнуть, а ты мне не даёшь сосредоточиться. Так ты прыгнешь или мне первее прыгнуть?

– А что у тебя случилось? – поинтересовался я. Меня не могло не удивить то, что этот парень тоже хочет покончить с собой, и мне было интересно, что же с ним такое. Я же не думал, что встречу на крыше с ещё одним самоубийцей.

– Ну, уж нет. Если хочешь, чтобы я откровенничал, то начинай ты, – заявил тот. – Что у тебя случилось? Почему ты хочешь покончить с собой?

– А ты что не видишь? – нахмурился я, не желая говорить вслух, что я слепой. Это же итак должно быть видно. Зачем задавать такие глупые вопросы?!

– А что я должен видеть? – не понял молодой человек.

– Я слепой! – брякнул я и скривился. Этот парень всё-таки вынудил меня сказать это.

– И что? – раздалось в ответ.

– В смысле? – не ожидал я такого ответа.

– Что в этом такого? – искренне не понимал незнакомец. – Ты просто слепой и что дальше? Ты же не из-за этой ерунды хочешь покончить с собой?

– Я никому не нужен.

– Ааа, – протянул незнакомец. – Тогда мы с тобой похожи. Я тоже никому не нужен. Вот совсем недавно я узнал о том, что вообще-то, по сути, мёртв.

– Что? – не смог скрыть я своего изумления.

– Да, да. Серьёзно! Я нашёл свидетельство о своей смер-

ти. И оказалось что меня просто усыновили и заменили того мальчика, который у них умер. Они не хотели всем говорить, что их сын умер, и просто взяли подмену. Меня! Круто, да?! Я у них был подменой! Они всё это время пытались из меня сделать того сына, который у них умер. Но я совершенно другой. Я не он! Я тоже человек. А они отобрали у меня мою личность. Дали мне личность другого человека, которого уже нет в живых.

– Это ужасно!

Я, правда, был в ужасе от рассказа этого парня. И даже не думал, что кто-то способен такое сделать. Это же просто кошмарно!

– И не говори, – согласился парень.

– Как тебя зовут?

– Дима. А тебя?

– Максим. Теперь я понял, что у меня всё не так уж и серьёзно, – я отошёл от края. – Я не буду это делать!

– Вот и правильно! – поддержал меня молодой человек.

– Хочешь, поговорим? – предложил я, не желая, чтобы Дима покончил с собой. Бросить его здесь я точно не мог. – Пошли вниз.

– Ну, пойдём, – почему-то так быстро согласился он. – Почему бы и нет?! Сделать это я всегда могу, а поговорить не всегда получается. Тем более у нас немного похожа ситуация. Будет что обсудить!

– Это да.

– Пошли, – парень первый направился к выходу с крыши.

Я пошёл следом за ним. Спускались мы в полной тишине, но вот когда оказались на улице, Дима опять заговорил:

– Где будем говорить? Здесь на улице или куда-то пойдём?

– Я думаю, что будет лучше пойти в какое-нибудь кафе, – неуверенно сказал я, боясь, что новый знакомый мне откажет, а мне очень хотелось с ним поговорить и узнать его историю получше. Впервые я встретил человека, которому, по сути, было гораздо хуже, чем мне в этом мире. Терять этого человека я не хотел. Я должен был узнать его лучше и познакомиться с ним поближе. – Там будет тепло и гораздо удобнее говорить. Ты же не возражаешь?

– Ну, в кафе так в кафе. Пойдём! – не стал спорить молодой человек. – Тебе помочь или ты сам сможешь дойти?

– Сам. За то время, что я слепой, я научился сам передвигаться и всё делать. Я же как-то добрался до крыши этого дома.

– Это верно. Тогда пойдём.

Мы с Димой двинулись по дороге. Шли мы также молча, как и спускались с крыши. Я в основном был сосредоточен на дороге, но ещё одновременно думал о своём новом знакомом и о том, что ведь едва не покончил с собой. Я ведь, правда, хотел это сделать! Сейчас мне это казалось чем-то ужасным! Я сам не понимал, как мог до такого додуматься. Ведь в принципе у меня в жизни всё не так уж и плохо. Уж точно лучше, чем у Димы. У меня есть родные, которые меня

любят. А вот у этого парня... У него всё было очень сложно и тяжело! Я даже не представлял, каково ему.

До кафе мы дошли за десять минут и вместе прошли внутрь. Пару секунд постояв на одном месте, молодой человек решительно направился, видимо, к свободному столику. Мне пришлось пойти следом за ним. Только когда мы уселись за столик, наш разговор продолжился:

– Слушай, а как давно ты стал таким? – спросил парень. – Ну, то есть... – внезапно смутился он, поняв, что говорит на не очень приятную тему. – Как давно ты ослеп? – всё-таки смог сформулировать вопрос мой новый знакомый. – Ты такой с рождения или нет?

– Я потерял зрение в двенадцать лет.

– А что случилось? – стало интересно Диме. – Расскажешь или не хочешь? Если что я всё пойму.

– Нет. Я могу рассказать, – твёрдо сказал я. Мне, и правда, хотелось всё рассказать новому знакомому. Уже давно я никому не изливал душу и не рассказывал этого. Точнее можно сказать никогда! Я просто боялся это говорить. Но теперь мог всё рассказать. – Мы с мамой в этот день шли вместе домой. На нас напали... В меня брызнули какой-то кислотой, и я навсегда ослеп. Врачи не смогли ничего сделать. Сказали, что я теперь навсегда останусь слепым!

– Это ужасно! – сочувствующе произнёс молодой человек. – А что мама? Она в порядке? Не пострадала?

– Она умерла в тот день. Её серьёзно ранили, – с трудом

проговорил я.

– О! Сочувствую, – стало неловко Дмитрию. – Папа-то хотя бы у тебя в порядке?

– Да. С ним всё хорошо, – положительно кивнул я головой. – Даже очень хорошо!

– Это здорово!

– Ну, я о себе рассказал, – я уселся удобнее на стуле. – Теперь твоя очередь. Расскажи теперь ты свою историю.

– Да я вроде всё сказал. Я недавно разбирал старые коробки и нашёл свидетельство о своей смерти и узнал, что я на самом деле мёртв. Точнее мальчик, который родился у этой семьи, где я сейчас живу, умер, а меня просто взяли как замену и дали мне такое же имя. Всё это время все родные и знакомые нашей семьи говорили мне, что это чудо, что я вообще жив. Говорили, что в детстве я заболел лейкемией или что-то вроде этого. Я должен был вообще умереть. Никто не давал никаких шансов, что я выживу, но я типа выжил и поправился. И вот хожу здоровый! Я всё время верил в это и тоже радовался, что вообще выжил. А тут оказывается, что это всё неправда. Тот их ребёнок, правда, умер от рака, а благодаря мне у них получилось скрыть правду ото всех. Вот и всё! Такая вот история! Меня всю жизнь обманывали и выдавали меня за другого человека.

– Да уж! Это ужасно! Ну, а что это за семья вообще? – любопытствовал я. – Они к тебе нормально относятся? Не обижают тебя? Не принижают никак? Никогда не показыва-

ли тебе, что ты какой-то не такой?

– Ну, вообще нет, – честно ответил Дима. – Но я для них как тот мальчик, что у них умер. Они меня не воспринимают, как совершенно другого человека. Это всё очень.... – он запнулся.

– ... сложно, – договорил я за него.

– Верно. Сложно. У меня будто бы весь мир рухнул. Даже не знаю, что дальше делать. Предпочёл бы это не знать. Так было бы всё проще!

– Но так бы мы не встретились, – подметил я.

– Ну, это да, – парень вздохнул.

– Ты уже поговорил со своими родителями об этом? Они вообще в курсе, что ты всё знаешь?

– Нет. Я пока не поговорил с ними. Просто не решился. Я сам узнал об этом лишь недавно и.... Не знаю, как быть дальше. Не знаю, как подойти к ним и что им сказать. Просто не знаю!

– Ну, они же к тебе всегда нормально относились. Просто поговори с ними об этом, и думаю, всё прояснится и вам всем станет легче. Может, даже всё станет лучше! – посоветовал я. – Мы всегда, когда у нас возникают какие-то недо-разумения, просто всё обсуждаем и всё сразу проясняется. Поступи также! Что ты от этого потеряешь? Мучая себя разными мыслями, ты ничего не добьёшься. Мне кажется, они тебя любят, раз сами ничего тебе не сказали. Вряд ли ты для них копия их сына. Скорее всего, им самим тяжело от этой

ситуации. Не заставляй их больше мучиться в этой лжи. Скажи им, что всё знаешь. Понимаю тебе обидно и тяжело от того, что они сделали, но они всё равно твоя семья. Поговори с ними!

– Ну, может, и стоит поговорить, – неуверенно сказал новый знакомый. – Почему ты такой мудрый? Всё так мне разъяснил.... Я просто восхищён!

– Ну, я не то, чтобы мудрый... – я запнулся, не ожидая такого комплимента. Но мне было приятно слышать такое в свой адрес и понимать, что я смог хоть кому-то помочь. – У меня, наверное, это от папы. Он тоже постоянно говорит умные вещи и даёт дельные советы. Но ведь это, и правда, всё так. Тебе надо просто всё обсудить и ты поймёшь, как твои родители на самом деле к тебе относятся и что они вообще за люди. Не надо мучить себя и их!

– Ты прав! – согласился со мной Дима. – Когда вернусь домой, обязательно поговорю с ними. Надеюсь, и правда, всё станет лучше. Очень бы этого хотелось! И надеюсь, они попросят прощение или хотя бы объяснят, зачем это сделали.

– Замечательно! – был доволен я.

– А я, когда это узнал, сразу подумал покончить с собой. А можно было всё решить по-другому. Всё-таки хорошо, что мы там встретились!

– Это очень хорошо! Может, тогда купим что-нибудь в честь нашего знакомства? Не сидеть же просто так....

– Давай. Я как раз голоден, – поддержал меня парень. –

Кстати, я тут подумал.... Мы с тобой как братья по несчастью. Оба были расстроены и решили покончить с собой. Вот же совпадение! – он засмеялся.

Я в ответ только улыбнулся. Я был очень рад, что встретил Диму и познакомился с ним. Если бы не он, я, скорее всего, уже был бы мёртв. Я хотел совершить самую большую ошибку в своей жизни, и только новый знакомый смог меня заставить остановиться, сам того не желая. Можно сказать, что мы сегодня спасли друг друга. И у меня было такое чувство, что я наконец-то нашёл себе друга.

Конечно, у меня был ещё Лорд, но хотелось иметь друзей среди людей. Да, собаки самые лучшие друзья, но человека они заменить не могут и это очень печально. Я даже со всеми этими мыслями о суициде совсем забыл про Лорда и про то, что своим поступком я разбил бы ему сердце, ведь я был для него всем. Как я мог вообще подумать сделать такое?! Я не должен так поступать со своим верным лучшим другом. Я не должен его бросать! Это было слишком эгоистично! Больше я не должен был даже допускать такие мысли. Ни за что на свете!

Мы с Димой общались больше часа. У нас оказалось даже больше общего, чем мы думали. Мы всё говорили и говорили и не хотели расходиться. Мне даже папа звонил пару раз, начав переживать за меня. Он же привык, что я возвращаюсь домой сразу после пар, и для него было странно, что я

задерживался уже более чем на час. Когда я ему сказал, что общаюсь с другом, он очень удивился и одновременно обрадовался, ведь так долго добивался, чтобы у меня появились друзья.

А я за этот час мог спокойно назвать Диму своим другом, потому что мы так хорошо узнали друг друга, и нам так легко было друг с другом, что казалось, что мы общаемся очень давно. Так что на следующий день мы вновь встретились и продолжили общение. И на следующий день мы сделали так же. И стали так делать каждый день! Мы не могли взять и перестать общаться, ведь нам обоим так нравилось это общение. Очень нравилось!

Дима всё же воспользовался моим советом и поговорил со своими родителями. Он не сразу на это решился, но всё же сделал это. Оказалось, что всё не так уж и страшно. Ему родители рассказали, что их ребёнок умер в год своей жизни. Им было очень тяжело от такой потери, и они не знали, как быть, ведь эту ужасную новость надо было рассказать всем родным и знакомым. А значит, им надо было вновь пережить эту боль. И тут как раз настоящая мама Димы отказалась от него, и теперешние его родители решили усыновить мальчика. Он был тем, что спасло их семью и их самих.

Только благодаря ему они смогли справиться с этой болью и прийти в себя. И не смотря на то, что Дима усыновлённый, родители всё равно его очень сильно полюбили, и он для них за это время стал как родной сын. Им было очень стыдно

за то, что они от него скрывали всю эту правду и врали ему и всем родным. Родители очень долго извинялись перед сыном за это и говорили, что хотели сказать ему всю правду, но постоянно боялись.

Когда они всё это прояснили и нормально обсудили, их отношения стали лишь ещё лучше, и у Димы всё наладилось. Он смог найти в себе силы и простил своих родителей, ведь те, и правда, его любили и всегда к нему хорошо относились. А это было главным. Если бы не они, его жизнь была бы много хуже, чем сейчас. Злиться на родителей парню было глупо и бессмысленно.

С этих всех событий и нашего сплочения с Димой быстро пролетели три недели. Они прошли так быстро, что я даже не заметил. Уже давно у меня так быстро не пролетало время. И вот мы с другом опять встретились. Мы договорились заранее о встрече и в назначенное время уже сидели вместе в кафе.

– Ну, что как у тебя жизнь? – поинтересовался я у парня, попивая горячий сладкий чай из кружки. Мы в кафе обычно немного заказывали, но сидели достаточно долго. Общаться на улице мы не могли, ведь там было холодно. К тому же там мне было не слишком удобно общаться с Димой, ведь я отвлекался на другие шумы и чужие голоса и не мог сосредоточиться на разговоре. Поэтому мы старались общаться где-нибудь в помещении. Для нас двоих так было удобнее.

– Я у тебя хотел спросить то же самое, – проговорил друг

и по его голосу я понял, что он улыбается. – У меня-то всё наладилось, а вот у тебя вроде как нет. Вот благодаря тебе у меня теперь всё хорошо! Или ты забыл?

– Я просто проверяю всё ли у тебя хорошо. А то мало ли.... – я сделал многозначительную паузу. – А у меня это незачем спрашивать. У меня всё в принципе нормально, но ничего в основном не наладилось. По-прежнему!

– Ну, не совсем по-прежнему, – возразил Дмитрий.

– Ты о чём? – не понял я.

– Теперь у тебя есть друг!

– А! Ну, да, – я улыбнулся, не удержавшись. – Это верно! Теперь у меня есть хоть один друг. Ты!

– Ага, – довольно пробормотал молодой человек. – Так что теперь ты точно кому-то нужен.

– Ну, да, – не стал я спорить. – У меня тогда просто было минутное помутнение. У меня до этого была передрыга с одноклассниками, и всё так навалилось.... Сам жалею, что тогда подумал о самоубийстве.

– Да, ты уже это рассказывал, – напомнил мне Дима.

– Да я знаю. Просто ты упомянул об этом, и я решил ещё раз сказать. Вдруг ты забыл!

– Я ничего не забываю. И, кстати, между прочим, если бы ты тогда не подумал о самоубийстве и не решил бы его сделать, мы не встретились бы. Ведь мы встретились там, оба готовые покончить с собой.

– Ну, это верно. Но я же сказал, что жалею о том, что по-

думал о самоубийстве, а не о том, что поднялся на крышу. Вот об этом точно не жалею и никогда пожалею! – твёрдо сказал я.

– Но также учти то, что если бы ты просто стоял на крыше, я вряд ли обратил бы на тебя внимания и, скорее всего, сделал бы это.... Ну, то есть покончил бы с собой. А так ты подошёл к краю и тоже хотел покончить с собой.... Вот я и обратил на тебя внимание! – подметил парень.

– Ну, значит хорошо, что всё так вышло! – завершил я эту не очень приятную тему. – Мы встретились там и спасли друг друга. И ещё стали друзьями! Здорово же?! Не так ли?

– Не то слово, Максим, – поддержал меня Дима. – Но всё равно отвертеться от вопроса ты не сможешь. Ты просто обязан рассказать как у тебя дела. Как у тебя дома? Всё хорошо? Как отношения с отцом?

– Да я же уже сказал, что у меня всё нормально, – повторил я. – С отцом мы нормально общаемся и дома всё хорошо.

– А как этот твой пёсик.... Как его зовут? – забыл имя моего питомца друг.

– Лорд.

– Да. Точно. Так как он? – договорил молодой человек.

– С ним всё замечательно, – на моём лице появилась довольная улыбка. О ком, о ком, а о Лорде я любил говорить и мог говорить о нём сколько угодно. – Разве с ним может быть что-то плохо? Ему самое главное, чтобы я был с ним почаще, и он счастлив. Я с ним стараюсь много гулять.... Он

доволен!

– Это хорошо.

– Хочешь его ещё увидеть? – догадался я.

– Ну, вообще-то да. Очень хочу. Это же можно устроить?

А то ты сейчас подумаешь, что я к тебе навязываюсь....

– Нет! Что ты?! – засмеялся я. – Какой навязываешься?!

Забудь это слово! Я с радостью тебе его ещё раз покажу и дам тебе провести с ним время. Я рад, что он тебе понравился. И что ты ему понравился. Это круто! Я сам от него без ума и боялся, что вы не поладите или он тебе не понравится. Ведь вы оба мне важны! А всё вышло так прекрасно. Я могу его как-нибудь взять с нами на прогулку или ты можешь даже зайти ко мне домой сегодня. Ну, что? Как тебе идея? Зайдёшь ко мне?

– Ну.... Даже не знаю, – задумался Дима. – Ну, в принципе можно, но только ненадолго.

– Хорошо, – обрадовался я. – Замечательно! Значит, сегодня увидишься с Лордом. Он тебе точно обрадуется!

– Да, я тоже ему буду рад. Такой классный пёс. Добрый, игривый и умный. А его глаза.... Это нечто!

– Ну, я его глаза не видел, – не смог сдержать я усмешку.

– И не надо. Его глаза слишком красивые и умные. А как он смотрит, когда что-то просит....

– Ну, это я тоже не вижу, но зато слышу, как он скулит!

– Ну, и скулит ещё! Сдержаться невозможно. Тут же хочется дать ему то, что он просит.

– Понимаю. Для меня ему достаточно лишь поскулить и всё. Я ему даю всё, что он просит. Хотя папа часто меня за это ругает. Видите ли, не надо давать ему мясо. У него есть своя еда! – я спародировал папу. – Ну, а как сдержаться?! Он же просит!

– Вот-вот! Я вот смотрю на твоего пса, слышу твои рассказы о нём и начинаю тоже хотеть завести собаку. Очень хочу! – признался Дима.

– Так заведи! Не пожалеешь, – посоветовал я. – Собака – это очень круто! И ухаживать за ней не так уж и сложно, как говорят. Всего лишь погулять пару раз, покормить, расчесать.... Да и всё! Это самое основное. Не так уж и сложно. Если для слепого парня это несложно, то для тебя точно будет несложно. Самое главное не лениться! А если лениться, то и за собой будет лень ухаживать. Но эти эмоции, когда у тебя есть собака.... Они бесценны! Это многого стоит.

– Да ухаживать это не проблема. А вот уговорить родителей завести собаку.... Это может быть проблемой! Я же не ты! Мне всего девятнадцать лет. Мне ещё учиться и учиться. Когда я последний раз просил родителей завести собаку, они мне отказали.

– Мне тоже раньше отказывали, а, вот когда я потерял зрение, папа тут же купил мне собаку, – подметил я. – Лорд же типа моего личного поводыря. Папа именно для этого его мне купил. Чтобы он мне во всём помогал и был для меня другом. Он же понимал, что теперь мне будет тяжело

жить. И решил таким способом и одновременно облегчить мне жизнь и исполнить мою заветную мечту завести собаку. Так что не надо тут говорить: «Я же не ты!». У меня всё тоже было не так уж и просто! Если бы я не ослеп, то может быть, у меня до сих пор не было собаки.

– Ну, ладно, ладно. Извини, – парень понял, что сболтнул глупость.

– Да не извиняйся, – остановил я его. Меньше всего я хотел, чтобы он себя чувствовал виноватым передо мной. – Я не к этому говорил. Просто имел в виду, что мне тоже было тяжело этого добиться. А ты просто должен поговорить со своими родителями. Объяснить им, если они покажут своё нежелание заводить собаку, что ты будешь сам о ней заботиться и не бросишь её. И они всё поймут! Просто поговори с ними. Уверен, что в связи с последними событиями, они пойдут тебе навстречу. Просто надо быть смелее!

– Ну, да. Это верно, – согласился со мной Дима. – Может, это теперь и подействует. Хотя я в тот раз говорил то же самое, но ведь раньше на деле показывал совсем другое. Я был безответственным и ленивым. Сейчас же я изменился!

– Ну, вот. Тогда точно надо ещё раз нормально поговорить с ними и всё объяснить! – подвёл итог я.

– Уже представляю себе, как будет круто, когда у меня будет собака, – мечтательно проговорил друг.

– Будет даже круче, чем ты себе представляешь. Я ни разу не пожалел, что папа купил мне собаку. Оказалось, что иметь

собаку даже более круто, чем я полагал. Будем вместе гулять с собаками. Здорово!

– Вот-вот! Поскорее бы поговорить с родителями.

– Скоро поговоришь. Не волнуйся, – я ободряюще улыбнулся ему. – Всё будет хорошо! А теперь может, давай закажем что-нибудь нормальное? А то надоело пить этот чай, – я скривился и отодвинул в сторону кружку с чаем.

– Тебе что не нравится чай? – Дмитрий отхлебнул из кружки свой чай. – По-моему вкусный чай!

– Да нравится он мне, но надоело его пить. Закажем что-нибудь нормальное или ты не хочешь?

– Ну, давай, – не стал отказываться молодой человек. – А то официанты на нас уже так косятся... Хорошо, что ты это не видишь. Мне кажется, что им хочется нас отсюда выгнать!

– Серьёзно? – не удержавшись, засмеялся я. Дима проговорил это таким шёпотом, что сдержать смех было сложно. – Представляю себе, как они нас будут выгонять. И правда, хорошо, что я не вижу, как они на нас смотрят. Тогда точно надо срочно заказывать что-нибудь, чтобы они не выгнали нас. А то, и правда, выгонят нас, и придётся нам куковать под дверьми кафе.

– Ага, – парень тоже прыснул от смеха. – Это нам не нужно!

– Давай зови уже сюда официанта, – поторопил я его. – Умираю от голода!

– Зову, зову, – еле успокоился друг и закричал: – Офици-

ант!

– Ну, вот мы и у меня дома, – продекламировал я, остановившись в прихожей. – Лорд! Лорд! Тут к тебе кое-кто пришёл, – закричал я.

Тут же раздался топот и через минуту пёс уже лез то ко мне, то к Диме и облизывал нас, радуясь нашему приходу.

– Говорил же, что он будет тебе рад, – с довольным видом проговорил я, обернувшись к Диме.

– Я вижу, – по голосу друга было понятно, что он доволен. – Я тоже рад тебя видеть, Лорд! Какой же ты, красавчик!

– Он ещё и умница! – добавил я и потрепал пса по голове. Тот в ответ гавкнул и начал активнее меня вылизывать, показывая так мне свою любовь. – Да! Да! Молодец!

– Да. Он тебя очень любит, – заметил парень. – Теперь мне ещё сильнее хочется завести своего пса.

– Заводи скорее. Я буду этого ждать.

– Хорошо. Приму к сведению!

– Дима! – раздался голос папы, который, видимо, услышал наши голоса и решил увидеть молодого человека. – Привет! Рад тебя видеть. Ты пришёл к нам в гости?

– Нет. Он просто заскочил увидеть Лорда, – выпалил я, желая избавиться от отца. Я понимал, что он заставляет друга немного напрягаться и чувствовать себя неловко, а я не хотел, чтобы папа нам мешался.

– Здравствуйте! – поздоровался Дмитрий. – Я тоже рад

вас видеть.

– Если хочешь, можешь остаться на ужин, – предложил папа.

– Нет, спасибо, – отрезал парень. – Мне сейчас домой нужно будет идти. В следующий раз!

– Ну, ладно, – не стал настаивать тот. – Тогда не буду вам надоедать. Приходи ещё, Дима. Я всегда рад друзьям Макси. Как впрочем, и Лорд!

– Да уж! Это точно. Лорд – просто чудо! – воскликнул друг.

– Не могу не согласиться с тобой, – поддержал его папа. – Он, и правда, такой! Ладно. Я пойду. Общайтесь.

И он наконец-то ушёл, оставив нас в покое. Когда его шаги отдалились, я тяжело вздохнул.

– Твой папа очень дружелюбный, – подметил Дима.

– Порой чересчур, – нахмурился я. – А иногда ещё такой навязчивый....

– Ну, не надо так, – прервал меня парень. – Твой папа классный!

– Не буду спорить с тобой, – сдался я, ведь мой отец, и правда, был неплохим. Жаловаться на него я не имел никаких прав. Мы столько вместе пережили, и он всегда был со мной. Несмотря на все его нюансы, он всё равно был хорошим папой. Хотя даже не так.... Замечательным!

– И не надо. Ведь это, и правда, так! – был уверен друг. – Ладно. Я был бы рад ещё здесь побыть, но мне, правда, пора

идти.

– Да, я всё понимаю. Пока, Дима. Увидимся.

– Пока, Максим, – попрощался тот. – Я тебе если что позвоню.

– Ладно. Давай.

Парень вышел из дома. Я закрыл за ним дверь и опять вздохнул. Прощаться с ним было тяжело, ведь я мог с другом общаться сколько угодно и мне это очень нравилось. Но у него был свой дом, семья и вечно быть со мной он никак не мог. Это было итак понятно. Держать его я не имел никакого права!

Я не торопясь снял куртку, обувь и вместе с Лордом побрёл на второй этаж. Не успел я дойти до лестницы, как меня остановил голос папы.

– Макси, а ты ужинать будешь? – поинтересовался он.

– Пока нет. Позже спущусь.

– Хорошо. Если что я буду внизу, – не стал приставать ко мне отец. – Когда захочешь поесть, спускайся.

– Ага, – кивнул я и продолжил подниматься по лестнице.

Возле комнаты Лорд, понятное дело, оказался पहले меня. Я открыл дверь и, запустив в комнату сначала его, следом прошёл сам. Сделав пару шагов и прикрыв за собой дверь, я глубоко вздохнул. Мне надо было чем-то себя занять, чтобы время быстрее прошло.

Кушать мне, и правда, пока не хотелось, потому что я наелся в кафе. Да и проводить время с папой у меня не было

желания, ведь он опять начнёт ко мне приставать со своими советами и бессмысленными разговорами, так что мне оставалось самому чем-то занять себя. Долго думать мне не пришлось. Читать мне сейчас не хотелось, музыку слушать тоже не хотелось.

Оставалось только взять в руки гитару и начать играть на ней. А у меня сейчас как раз появилось желание попеть одну из своих песен. Она у меня ещё была незавершённой, но нравилась мне. По крайней мере, она подходила к музыке, что я сочинил, и надо было продолжать с ней работать, чтобы придумать всё до конца.

Я уселся на стул и начал играть мелодию. Я покачивал головой в такт музыке и, проиграв вступление, запел.

Текст песни был немного грустным и тоскливым, но и одновременно весёлым. По крайней мере, мелодия песни была весёлой. Даже очень весёлой! Эта песня была одной из самых лучших, что я писал за последнее время. Мне она, правда, очень нравилась! Она была не такой негативной, как остальные и в ней было хоть что-то хорошее! И я с удовольствием её пропел и даже сочинил пару новых строчек.

Когда я закончил петь и играть, тут же поспешил их записать, не желая забыть эти строчки. У меня уже было такое пару раз, что мне в голову приходили строчки для песни, но я не успевал их записать и в итоге забывал. Теперь я старался записывать всё сразу, потому что потом мучиться и пытаться вспомнить эти строчки мне не хотелось. И вот сейчас я

успокоился только тогда, когда эти строчки были записаны.

Следом я уверенно начал играть мелодию ещё одной моей песни.

– Я встану, завтра утром

И снова вокруг будет мрак, – запел я ещё одну мою песню. – Ну, когда же это закончится?!

Когда я вновь увижу этот мир...

Да, эта песня была очень пессимистичной и негативной. Эта была первая песня, что я написал после потери зрения. Она передавала мои эмоции и чувства. Не смотря на то, что песня была такой грустной и негативной, она в то же время была правдивой и честной. Я в ней не врал, а говорил о своих чувствах и о том, что думал. Папа эту песню слышал, и она ему очень не понравилась, ведь обычно я писал хорошие и позитивные песни, а эта была совершенно другой.

Больше я никакие свои новые песни не давал отцу слушать, ведь они были всё суровее и суровее, всё мрачнее и мрачнее. Папе не стоило их слышать и из-за этого расстраиваться. А я знал, что он расстраивается из-за того, что мои песни и музыка стали другими, ведь он понимал, что я сам изменился, а уже это, понятное дело, его расстраивало.

Когда я закончил петь эту песню и доиграл до конца музыки, отложил в сторону гитару. Мне надо было немного отдохнуть от игры на гитаре. От этих грустных песен мне самому становилось не по себе, и на меня наваливалась сильная тоска. Так что мне было просто необходимо сделать пе-

редышку. Я поднялся со стула, потрепал по голове Лорда, который сидел рядом со мной и громко пыхтел, и подошёл к окну. Я сделал глубокий вздох.

Мои мысли начали незаметно от моих грустных песен переходить на Диму. Я думал о том, как будет хорошо, когда друг тоже заведёт собаку. Я уже представлял себе, как мы будем с ним вместе гулять со своими псами. К счастью, жил парень не слишком далеко, и если что мы могли бы себе легко это позволить. И это было бы очень круто! Но долго думать об этом мне не дали, так как до меня донеслись шаги папы, а через пару секунд скрипнула дверь. Я оборачиваться не стал, делая вид, что ничего не услышал и, надеясь, что отец сам развернётся и уйдёт, поняв, что я не хочу ни с кем сейчас общаться.

– Макси, какую-то ты мрачную музыку сейчас играл, – подметил папа.

Я медленно обернулся в его сторону. Выражение моего лица стало недовольным. Я не любил, когда отец подслушивал, как я играю на гитаре, а походу он именно этим и занимался.

– Ты не подумай, я не подслушивал, как ты играешь на гитаре, – поспешил сказать он, будто бы прочёл мои мысли. – Я просто поднимался по лестнице и слышал мелодию. Больше я ничего не слышал. Что ж у тебя всё так мрачно? Может, поиграешь весёлую песню? Зачем грустить?

– Ну, вот и сыграй весёлую песню, – буркнул я. – А мне

итак нормально! Играю то, что хочу.

– Ладно. Играй, что хочешь. Не буду приставать. Всё же это твои песни. И мелодия достаточно красивая. Хотя и грустная! – я отвернулся от папы, не желая говорить об этом с ним. Обычно эти разговоры всегда плохо заканчивались. Отец начинал говорить про то, какие я песни раньше играл и предлагал их вместе попеть или спеть что-нибудь другое, а мне это очень не нравилось. Я не желал петь те песни, что пел раньше. Теперь я был другим человеком, и вспоминать прошлое не желал. – Ну, а вообще я по-другому делу. Ты кушать то пойдёшь? А то там всё остывает.

– Скоро подойду, – твёрдо сказал я, понимая, что, если сейчас откажусь, папа нескоро от меня отстанет. Он будет за меня волноваться и начнёт уговаривать поужинать. А это всё мне было не нужно.

– Это хорошо. А почему, кстати, Дима не остался? Мог хотя бы поужинать с нами. Он что куда-то торопился? Постоянно так убегает из нашего дома... Вечно куда-то торопится. Вы же друзья! Он может спокойно сидеть у нас дома сколько пожелает. И я точно буду не возражать. Я буду только рад!

– Ну, сейчас ему, правда, надо было домой, и мы вполне неплохо поели в кафе. Да и не любит он в гостях сидеть. Ему некомфортно рядом с чужими людьми.

– Ты на меня что ли намекаешь? – догадался отец.

– Ну, понятное дело, – не стал я врать. – Я для него точ-

но не чужой человек, а вот ты чужой человек. Всем обычно некомфортно рядом с родителями друзей. А ты ещё любишь крутиться рядом и надоедать своими разговорами. Это я тебе говорю не для того чтобы обидеть тебя, а просто к сведению.

– Я этого не знал. Не думал, что я так мешаю вам, – смутился он. – Надо было сразу сказать мне это. Я же не думал, что в этом всё дело. Ну, тогда больше я вам мешать не буду. Я же просто рад, что у тебя есть друг и хочу хорошо его знать. Ну, если всё так, то в следующий раз не буду к вам лезть. Будете спокойно общаться между собой. То есть друг с другом.... – папа запнулся.

Я прекрасно чувствовал, как ему неловко. Ну, да, ведь отец, и правда, хотел как лучше. Он же был не виноват, что Диме рядом с ним было плохо. Папа просто хотел знать лучше моего единственного друга, а в этом ничего плохого не было. Ну, а также он хотел, чтобы нам с Димой было удобно и хорошо сидеть у нас дома, а в этом тоже ничего плохого не было. Это было даже здорово. Это было очень круто, что отец не возражал, чтобы мы сидели у нас дома, сколько пожелаем и даже был этому рад. Ведь не все родители были такие и не все желали знать хорошо друзей своих детей. А мой папа был таким, и это была его хорошая черта, которая мне нравилась.

Жаль, что Дима не желал сближаться с моим отцом, и его общество для него было малоприятным. Но это была не ред-

кость среди молодёжи. Знакомство с родителями даже для пар является волнительным и тяжёлым моментом. А что тут говорить про друзей. . . . Все родители разные, и ты не знаешь чего ждать от родителей друзей или партнёров.

– Не волнуйся, пап! – я шагнул к нему. – Рано или поздно вы сможете подружиться с Димой. Просто ему нужно больше времени, чтобы привыкнуть к тебе. А потом он всё-таки начнёт с тобой общаться. Хоть немного! В любом случае когда-нибудь точно перестанет от тебя шарахаться и избегать твоего общества. Просто не надо на него давить. Хорошо?

– Ладно. Хорошо, – смирился отец. – Пусть будет по-твоему. А сейчас. . . . Ты будешь ещё на гитаре играть или всё же пойдёшь кушать?

– Хочу сыграть на гитаре ещё одну песню, а потом уже спущусь вниз, – решительно сказал я.

– Хорошо. Тогда не буду тебе мешать, – поспешил удалиться папа.

Я взял в руки гитару только тогда, когда шаги отца отдалились и стихли. Пока мы общались, я успел придумать, что за песню хочу ещё сыграть. Это была не моя песня, но она мне также очень нравилась. Там были важные и красивые слова, которые были достойны внимания. Но кому-кому, а папе точно не стоило слышать эту песню, так как я точно знал, что она не понравится ему. Но мне она нравилась, а это было важнее всего.

Эта песня мне немного напоминала одну песню Басты.

Ну, напоминала парочкой строчек. Но размышлять сейчас об этом у меня желания не было. Я сжал в руках гитару и начал играть мелодию этой песни. Проиграв вступление, запел:
– Занеси меня в «Красную книгу», если кажется странным мой прикус.

Но мы дети не неба Индиго, не снаружи, нет, а внутри, да!
Я не видел дня и ночи без сна. В этом море миров – я волна.

Я не видел страх так давно, я. На устах моих скоплен слов ряд.

Загляни в глаза! Загляни в глаза мне!

Загляни в глаза, но не замерзай в них!

Загляни в глаза! Загляни в глаза мне!

Загляни в глаза и прочитай!

О том, что в мире, где нас растили так много гнили!

Так мало мира, но я буду сильна!

О том, что в мире, где нас растили так много гнили!

Так мало мира, но я буду сильна!

О том, что в мире, где нас растили так много гнили!

Так мало мира, но я буду сильна...

Ага, ага...

Я сделал глубокий вздох. Дальше шли очень важные и сильные слова, которые я как раз-таки и слышал в другой песне.

– Нас так часто выбирают, словно кастинг в фильме, – именно эти слова мне напоминали одну из песен Басты. И

эти слова были невероятно важны и описывали весь наш мир. Ведь это была правда! Нас, и правда, так выбирают, а это неправильно. Так не должно быть! – Непохожи на других, и значит сразу фрики, – и так не должно быть. Все люди разные и индивидуальны. Мы не должны быть похожи друг на друга. Похожими быть плохо, а вот разными быть очень круто, – Нас так часто видят так, как им внушили фильтры.

Но мы те, кто есть внутри, без этой лишней пыли.

Так много взглядов ловили, как прокаженные в Риме,

Надеясь на перемирие, ведь мы давно нелюдимы.

Корабль не плывет, если объявлен штиль.

И звери не едят зверей на водопое – мир!

Дальше шёл припев, который я успешно пропел. Пропев песню до конца и закончив играть, я вновь сделал глубокий вздох. Раньше я никогда не вникал в слова песен и в их смысл. А теперь делал это всегда, и от этого всё становилось проще. Даже песни становились другими.

Многие песни отражали наши реалии. И я хотел писать песни так же, как эти певцы. Но мне до сих пор до них было очень далеко! Но надо было просто продолжать работать. Они, наверное, тоже долго тренировались, чтобы написать подобные песни. Так что сдаваться мне точно было нельзя!

А сейчас надо было отложить в сторону гитару и пойти кушать, чтобы папа не переживал за меня. И именно это я сделал. Я быстро дошёл до лестницы, но на ней остановился. Я в который раз вздохнул, набираясь сил. Впереди меня

ждали мучительные разговоры с папой и его многочисленные вопросы о том, как у меня дела и почему у меня такая тяжёлая и грустная музыка. Надо было быть к этому готовым и не сорваться на папу из-за какой-то ерунды, ведь он как всегда хочет как лучше. Он беспокоится за меня и его интересует вся моя жизнь.

Отец просто до сих пор не хочет принимать тот факт, что мы с ним теперь совершенно разные люди. И его можно было понять. Для него почти ничего не изменилось, а для меня теперь изменилось всё. Я сам стал другим, но папа будто бы это не видел или не хотел в это верить. В любом случае даже если он это замечал, общаться со мной он продолжал как прежде. Точнее он очень пытался общаться со мной как прежде, и его общение в основном мучило меня.

Я последнее время мог спокойно общаться только с Димой и общения с ним мне вполне хватало. Мы с ним были похожи, и только он меня понимал. Папа меня точно понять не мог. Но, не смотря на то, что мне хватало общения с другом, разговоров с отцом было не избежать. Понятное дело, что ему тоже хотелось общаться со мной, как мне хотелось общаться с Димой. Ведь я всё ещё был его сыном, а родители всегда жаждут общения со своими детьми.

Конечно, обычно и дети жаждут общения со своими родителями, но я больше особо его не жаждал. Мне лишь иногда хотелось чем-то поделиться с папой и поговорить с ним. В основном это было тогда, когда у нас с Димой происходи-

ло что-то интересное, и я был готов рассказать это отцу. Но сегодня точно был не этот день. Я прождал около минуты и начал спускаться вниз, достаточно готовый к разговору с папой.

Глава 10 «Мечты... которым не суждено сбыться»

Я быстро шёл по дороге. Моросил лёгкий дождь, который меня подгонял и заставлял ещё больше торопиться. Мы с Димой как обычно договорились встретиться в кафе, но сегодня я вышел из дома гораздо позже и теперь опаздывал на нашу встречу. Я не хотел, чтобы друг меня слишком долго ждал. Я вообще не любил заставлять кого-то ждать себя, а Дима был моим лучшим другом. Его вдвойне было неудобно заставлять ждать, но он точно уже ждал меня. И страх, что тот уйдёт, не дождавшись меня, заставлял ещё больше торопиться. Я понимал, что это опасно в моей ситуации, и я так легко могу попасть под машину, но идти медленно никак не мог. К тому же я уже был почти рядом с кафе, а тут мне точно ничего не угрожало. И вот я наконец-то остановился возле дверей кафе. Переведя дух, прошёл внутрь.

Подходя к столику, за которым мы всегда сидели, я был крайне напряжён и прислушивался ко всем звукам. И я был очень рад, когда услышал тихое дыхание друга, что означало, что он был на своём месте. Я вздохнул с облегчением и уселся за стол.

– Привет, Дима, – улыбнулся я ему. – Прости, что опоздал. Я очень спешил, но всё равно опоздал. Прости, пожалуйста,

что заставил тебя ждать.

– Да ничего страшного, Максим, – отозвался тот. – Не волнуйся из-за этого! Мне несложно было подождать. И ты опоздал всего на восемь минут. Это ничего!

– Ну, я опоздал всего на восемь минут, так как чуть ли не бежал, а так опоздал бы ещё на больше. Так что я всё равно виноват! – ругал я себя. – Не люблю заставлять себя ждать!

– Ты что бежал? – удивился друг и в его голосе даже был слышен страх. – Ты нормальный вообще? Тебе же нельзя бежать! А если бы с тобой что-нибудь случилось? Ты об этом думал?! Лучше бы просто позвонил мне, предупредил, что опоздаешь и шёл бы спокойно. Зачем так рисковать?!

– Ну, да, и так можно было сделать, – кивнул я, поняв, что сглупил. – Я просто об этом, если честно, не подумал. Извини!

– Да поздно уже извиняться! – голос Димы стал строгим. – Хорошо, что с тобой ничего не случилось. А ведь могло случиться. Больше так не делай! Лучше опоздать, чем совсем не прийти, ясно? В следующий раз подумай о том, чтобы просто предупредить. Тебе это понятно?!

– Ясно, ясно, шеф, – засмеялся я. Мне было приятно от того, что друг за меня так переживает. Ну, кому не будет это приятно?! Ну, а также это было немного смешно, и смех сдержать я просто не мог.

– Это вообще-то не смешно! – оставался серьёзным парень. – Я серьёзно говорю!

– Да я понял, – продолжая улыбаться и еле сдерживая смех, проговорил я.

– Но хотя ты прав, – прыснул от смеха Дима. – Это, и правда, было смешно! Как я на тебя налетел.... Но это также, и правда, было глупо с твоей стороны.

– Да я это уже понял, – отмахнулся от него я. – Больше так спешить не буду!

– А вообще у меня хорошие новости, – загадочным голосом проговорил друг.

– Это какие же?

– Родители согласились завести собаку! Я с ними поговорил, и они тут же согласились! Круто, да?!

– Это очень круто, Дима, – мои губы растянулись в радостной улыбке. – Я даже словами не могу передать как это круто. Я же говорил, что теперь они точно согласятся. И не ошибся!

– Ага. Верно. И им даже понравилась эта идея. Они сказали пока выбирать породу собаки, которую я хочу. Но мне, если честно, вообще всё равно, что это будет за собака. Самое главное, что у меня вообще будет собака. А бродяга это будет или породистая собака.... Неважно! Вообще без разницы!

– Мне тоже было всё равно, когда я хотел собаку, – признался я. – Папа сам выбрал породу, когда решил купить мне поводыря. Мне просто хотелось собаку, а кто это будет, было неинтересно. Но раз тебе предоставляют выбор, лучше вы-

бйрай. У меня такой возможности не было. А это точно будет приятно! Выбирать своего пса.... Это же так круто!

– Не могу не согласиться с этим, – поддержал меня паpень. – Это, конечно же, будет приятно и очень круто. Жаль ты не можешь мне с этим помочь, а мне очень пригодилась бы твоя помощь....

– Почему же? – сделал удивлённое лицо я. – Могу!

– Это как же? Ты же не видишь, а на породы собак надо смотреть, когда их выбираешь. Ты же не знаешь все породы собак? Или знаешь?..

– Не знаю, но ты можешь мне их описывать и рассказывать об их особенностях. И я буду с радостью тебе помогать и советовать. Неплохо же, да? Это лучше чем ничего!

– Это точно, – не стал спорить друг. – Согласен! Мне даже такая помощь будет полезной. Но вот только где мы будем смотреть породы собак, и читать про них? Не здесь же! Кафе для этого точно не подойдёт.

– Тогда пошли ко мне домой, – недолго думая, предложил я. – Там точно будет удобно! Папы сейчас дома нет, и он говорил, что вернётся сегодня ближе к вечеру. Так что у нас много времени. Пошли!

– К тебе домой? – задумался Дима. – Ну, не знаю.... Хотя.... Почему бы и нет? Пошли. У тебя точно будет удобно.

– Вот и прекрасно! Пойдём, – я первый поднялся со своего места, готовый уже идти обратно домой.

– Только может, сначала хоть что-нибудь съедим тут? –

предложил парень. – А то ко мне раза два подходили официанты и спрашивали, буду ли я что-то заказывать. А я всё говорил, что жду друга. Надо хоть что-то заказать, а то получается как-то некрасиво.

– Ну, хорошо. Я не возражаю немного перекусить, – я опустился обратно на стул. – Это будет даже неплохо. Что так спешить домой? Посидим тут немного!

– Хорошо. Официант....

– О! Вот это точно будет классная порода! – воскликнул я, прослушав очередное описание породы собаки, а также особенности этой породы.

Дима мне всё внимательно и старательно зачитывал, и мне этого вполне хватало, чтобы представить себе эту собаку. Мы уже около часа (а может даже больше) сидели так у меня дома и обсуждали различные породы собак. Мы уже успели обсудить множество пород, и впереди у нас было ещё много работы. Хотя работой это было невозможно назвать, ведь нам было весело и очень хорошо. Нам нравилось обсуждать собак, и эта была именно та тема, которая была приятна нам обоим.

– Думаешь, будет здорово завести эту породу? – сомневался друг. – Они очень энергичные. С ним придётся много гулять, а лучше бегать, чтобы ему было не скучно. Его точно надолго не оставишь!

– Ну, твоя же собака. Выбирать тебе, – улыбнулся я. – Те-

бе какая порода нравится? Мы уже много пород обсудили. Какая тебе порода больше понравилась?

– Даже не знаю. . . . – не мог решить парень. – Они все такие красивые и милые. . . . Не знаю!

– Понимаю тебя. Мне на твоём месте тоже было бы тяжело определиться. К счастью, мне самому не пришлось решать, кого заводить. За меня решил всё сам папа, избавив меня от этого!

– Ну, а я сам должен решать. И я не знаю, кого выбрать!

– Ничего. Ты сможешь определиться, – попытался я поддержать его. – Тебе просто нужно на это время! Тебе надо хорошенько подумать, взвесить всё и поразмыслить. И ты сможешь решить. Зато как потом будет круто! Ты заведёшь именно того пса, что хочешь. Будешь всё о нём знать, и будешь знать, как за ним ухаживать. Для тебя это не будет проблемой! Ты сможешь прочитать про него всё. И ты точно будешь очень-очень сильно его ждать.

– Это верно, – Дима вздохнул. – Но сначала надо определиться, а это самое сложное!

– Спорить не буду. Давай тогда почитаем про другие породы. Может, это поможет тебе быстрее определиться. Кто там дальше-то идёт?

– Ну, давай, – молодой человек сделал глубокий вздох. – Дальше у нас идёт бульдог. Так он. . . . Ну, он точно не подходит. Эта бойцовская порода собак. Не думаю, что мне стоит заводить эту породу!

– Да тебе нужен кто-нибудь более простой и спокойный. Заводить бойцовскую породу точно не стоит, – согласился я. – Это надо заводить кому-то более опытному. Кто уже имел дело с собаками и знает, как их воспитывать и как себя с ними вести. Лучше выбирай не бойцовскую породу. Тебе же будет проще.

– Ну, да. А, может, бигля завести? – видимо, увидел ещё одну породу друг.

– А что это за порода? – тут же стало интересно мне.

– Так. Сейчас прочитаю.... «Весёлые и ласковые собаки, бигли предпочитают компанию. Если собак этой породы оставить одних, они могут проявлять деструктивное поведение и много лаять». Так что ещё здесь есть.... Они небольшого роста, длина небольшая, их не надо часто стричь.... Неплохо так!

– Да. Неплохо, – вторил я. – А какие особенности этой собаки? Ну, кроме того, что, если оставлять её надолго одну, она будет много лаять. Что ещё там есть?

– Секунду! – Дима замолчал, а потом продолжил: – Энергичность у этой породы средняя. Продолжительность жизни где-то 12-15 лет. Нормально! А ещё здесь вот что написано.... «Бигли – мускулистые, крепкие собаки с немного куполообразным черепом. Их морда квадратная, а нос широкий. Уши длинные и висячие. У них глубокая грудь, прямая спина, умеренно длинный хвост, который направлен вверх. У собак данной породы гладкая, плотная шерсть, окрас

обычно черный, желтовато-коричневый и белый». Хм.... Ну, описание такое себе, но поверь мне – это милые собачки.

– Я тебе верю. Что-нибудь ещё есть? Может, их характер?

– Да. Это есть. Так. Особенности характера биглей.... «Считается, что бигли хорошо ладят с другими домашними животными и людьми. Это весёлые собаки, которые любят ласку». А ещё есть содержание и уход. «Бигли – активные, любознательные собаки. Это гончие собаки, им от природы нравится гулять. Нужно следить за тем, чтобы собаки не гуляли в опасных местах, для этого следует содержать их в огороженном дворе или на поводке при прогулках вне дома. Бигли – небольшие дружелюбные собаки. Не следует полагаться на них при охране своего дома. Они могут лаять, но вряд ли сделают что-то больше, чем повиляют хвостом, если столкнутся с нарушителем. Некоторые бигли, когда они выйдут из щенячьего возраста, легко набирают вес, поэтому необходимо следить за их рационом питания. Продолжительность жизни биглей составляет около 12 лет». Ну, вот в принципе это и вся основная информация об этой породе. Как тебе эта порода?

– Самое главное, чтобы она нравилась тебе. По мне это неплохая порода для тебя. Только лаять может много, но думаю, что это ничего страшного. По крайней мере, для тебя. Но вот главный вопрос.... Как она тебе?

– Мне вполне нравится. Как в принципе и многие другие породы собак. Не знаю, кого лучше выбрать!

– Ну, ты не спеши с выбором. У тебя же есть на это время. Не торопись! Хорошо подумай, просмотри ещё все породы и, в конце концов, сможешь решить.

– А если не смогу? – беспокоился друг.

– Сможешь. Не волнуйся так из-за этого! Ну, а если так и не определишься, то можно на первый раз взять собаку из приюта. Их там тоже, знаешь ли, много и им всем нужны любящие хозяева. А я уверен, что ты будешь хорошим хозяином. Надо просто меньше себя мучить этим. Всё гораздо проще, чем ты думаешь!

– Может быть, ты и прав, – в голосе парня было слышно недоверие.

– Ну, ладно. Мы уже много пород разобрали. Сколько там уже времени? – я достал из кармана телефон. Выяснив сколько времени, уверенно поднялся со своего места. – Папа скоро может вернуться домой. Может, прогуляемся хотя бы немного? Пройдёмся по улице. Поговорим ещё... Мы так можем сидеть ещё долго и в итоге ни к чему не придём. А мне хочется походить, подышать свежим воздухом... Пойдём, а?

– Ну, пойдём. Я не возражаю, – не стал спорить со мной Дима. – Я только за прогуляться. Мне как раз надо подышать немного свежим воздухом и подумать. И заодно перестать смотреть на всех этих собак и думать о том... Ну, ты понял!

– Да. Я всё понял. Пошли уже. Или ты хочешь встретиться с моим папой? Он тебя опять попытается уговорить, ещё

побыть у нас дома.

– Нет. Лучше обойдёмся без этого, – тут же заторопился друг. – Ты не подумай. . . . Я не против твоего отца! Он хороший человек и хорошо относится и к тебе и ко мне, но. . . .

– Да не надо мне ничего объяснять, – остановил я его. – Я всё понимаю. И не заставляю тебя с ним общаться. Ты мой друг, а не его друг. Так что всё нормально! Просто пойдём гулять, а эту тему оставим на потом.

– Хорошо. Спасибо, – обрадовался молодой человек и направился к прихожей. – А куда мы пойдём?

– Не знаю, – неопределённо ответил я и пошёл следом за Димой. – Мне лично без разницы. Просто походим по городу! Потом может, что-нибудь придумаем.

– Это тоже неплохо. По городу прогуляться было бы хорошо.

– Верно, – я начал надевать куртку и в этот момент услышал тяжёлое дыхание Лорда, который, видимо, пошёл следом за нами и думал, что мы возьмём его на улицу вместе с собой. Но этого не было в моих планах. Я просто хотел погулять с другом. Конечно, пёс нам с Димой не помешал бы на прогулке, и с ним наоборот было бы веселее, но потом, когда я вернулся бы домой, мне пришлось бы мыть ему лапы, снимать ошейник и так далее. А всё это делать мне не хотелось. Так что Лорду было лучше пока остаться дома. Я мог с ним погулять и потом, но уж точно не сейчас. Я нагнулся и ласково потрепал пса по голове, чтобы он не обижался на

меня. – Прости, дружок, но я тебя не возьму с собой. Ты сегодня посидишь дома, – проговорил я.

– А почему ты не хочешь его взять с собой? – удивился друг, ведь зачастую, когда мы шли гулять, я брал с собой Лорда, так как он сам просился с нами. Но в этот раз, хоть тот и опять просился с нами на улицу, я брать его не хотел. – Я не возражаю, если что. Можешь взять его.

– Нет. Пусть лучше останется дома, – твёрдо отрезал я. – Погуляем вдвоём.

– Ну, как знаешь, – не стал спорить со мной парень. – Тебе решать. Мне лично всё равно. Тогда пошли.

– Ага. Пошли, – я, быстро засунув ноги в ботинки и завязав шнурки, ещё раз напоследок погладил собаку. – Не скучай, Лорд. Я скоро вернусь! – и только после этого мы вышли из дома.

Оказавшись на улице, я первым делом закрыл входную дверь. Потом повернулся к Диме, который стоял неподалеку от меня.

– Ну, что? – заговорил тот. – Куда пойдём? Где погуляем?

– Тут неподалеку должен быть парк, – неуверенно сказал я. – Пошли туда.

– Я знаю, где парк. Пошли, – вмиг оживился друг. – В парке будет здорово погулять. Там хотя бы не так шумно, как во дворах и на улице. Мы сможем нормально поговорить и расслабиться.

– Верно, – улыбнулся я в ответ. – Он же недалеко отсю-

да? – поинтересовался я. Идти слишком долго до парка мне не очень хотелось.

– Ага. Он рядом, – успокоил меня Дима, и первый двинулся вперёд. – Только не отставай!

– А ты не слишком спеша. Я не могу бежать с этой тростью. Мне надо нормально идти, чтобы ни во что не врезаться и не споткнуться.

– А когда ты шёл на нашу встречу, почему-то мог бежать, хотя это было необязательно, – напомнил молодой человек.

– Ты что теперь мне это постоянно будешь напоминать? – нахмурился я.

– Конечно. Потому что с твоей стороны это было глупо. Но сейчас не беспокойся! Во-первых, я не стану тебя заставлять бежать за мной. И, во-вторых, я сейчас рядом с тобой и не позволю тебе пострадать. Так что иди спокойно и не переживай ни о чём.

– Даже не знаю благодарить тебя или ругать, – пробубнил я.

– Ты должен просто радоваться, что у тебя такой хороший друг, – Дима приобнял меня за плечи. – Сейчас надо правее.

– Хорошо, – я послушно свернул направо и продолжил идти по дороге.

Друг, как и обещал, старался идти не слишком быстро, не желая заставлять меня бежать следом за собой. Но в то же время он шёл немедленно. Видимо, ему очень хотелось скорее попасть в парк. Я же просто старался не отставать, идя

вслед ему. Успокоился Дима только тогда, когда мы прошли в парк.

Он тут же сбавил темп и начал идти медленно, как будто хотел растянуть нашу прогулку на как можно дольше. Но парня можно было понять. Ведь мы с ним редко так гуляли. В основном мы сидели либо в кафе, либо у кого-то дома, а сейчас были в парке. Где-где, а в парке мы бывали редко.

А тут был такой чистый и свежий воздух, что было настоящим блаженством находиться здесь. Уходить отсюда быстро точно не хотелось. Находиться здесь было лучше, чем сидеть дома или в кафе. Даже мне тут больше нравилось, а что говорить про Диму, который ещё и видел прекрасные деревья, листву, озеро и тому подобное. Ему, понятное дело, было тут очень хорошо.

– Здорово тут! – вырвалось из уст друга.

– И не говори, – поспешил я его поддержать. – Здесь очень круто! Хорошо, что мы пошли сюда.

– Да. Хорошо, что ты предложил пойти сюда, – добавил он. – Здесь такой свежий воздух! – Дима сделал глубокий вздох. – Кайф!

Я улыбнулся. Я был рад, что друг доволен нашей прогулкой. Мне эта идея пойти в парк пришла совершенно случайно и это было здорово, что всё вышло так хорошо и мы оба с ним довольны. Когда мы ещё шли к парку, я боялся, что моя идея плохо кончится и нам не понравится эта прогулка, но всё вышло просто прекрасно.

И дальше всё было только лучше. Мы ходили по парку, наслаждались атмосферой, болтали обо всём на свете, смеялись, шутили друг с другом и, проще говоря, получали удовольствие от нашей прогулки. Даже моя слепота никак не мешала нам гулять. Мы ходили не спеша, и у меня получалось и нормально идти, пользуясь тростью и ни во что, не врезаясь, и вникать в слова Димы и говорить с ним. А атмосфера что тут царила....

Это было нечто! Такой чистый и свежий воздух бывает не везде, а тут его было хоть отбавляй. И, к счастью, народу в парке было немного, что меня, когда мы шли к парку, очень беспокоило. Но всё обошлось, и людей было мало. Никто не мог помешать нам с Димой.

– А пойдём туда? – предложил он.

– Ну, пойдём, – пожал я плечами, не понимая, куда тот меня зовёт. – Но куда?

– Наверх. Там только лестница.... Ты давай аккуратнее, – друг взял меня за локоть, видимо, желая помочь подняться по лестнице. – Я тебе помогу.

– Да не надо, Дим, – остановил я его. – Я сам справлюсь. Я хорошо умею подниматься по лестнице. Ты только самое главное не спеши. А так я сам. Не волнуйся!

– Ну, хорошо, – отступил парень. – Давай. Ты только, и правда, давай аккуратнее.

– Да не волнуйся ты, – засмеялся я. Мне было смешно от того, как друг за меня переживал. Конечно, это было круто

с его стороны, и он показывал себя, как очень заботливый друг, но всё равно это было немного забавно. Ведь я уже умел хорошо, и ходить, и подниматься по лестницам... Помощь мне точно была не нужна. Я везде себя чувствовал достаточно уверенно. – Спасибо, конечно, за такую заботу, но ничего со мной не случится. Пойдём уже, – я первый начал подниматься по лестнице.

Дима поспешил догнать меня и старался идти как можно ближе ко мне, видимо, на тот случай, если я споткнусь. Он всё равно продолжал переживать за меня. Я же спотыкаться и падать вовсе не собирался, а уверенно поднимался по лестнице, ловко орудуя тростью.

Нам оставалось всего немного подняться по лестнице, как тут до меня донёсся топот чьих-то ног. Кто-то бежал прямо на нас с Димой. Я только хотел остановиться и обернуться к другу, который немного отставал, но вдруг меня кто-то сильно толкнул. Я покачнулся, пытаюсь удержаться на ногах. Упасть с лестницы мне не хотелось.

– Эй! Поаккуратнее можно?! – закричал Дима вслед этому человеку. Видимо, он толкнул и его.

Я же тем временем продолжал пытаться удержать на ногах, как внезапно с ужасом осознал, что не могу это сделать. Я падал! Меня начало заносить назад, и вот я полетел вниз с лестницы.

– Максим! – закричал друг, наблюдая за моим падением и не в силах что-то сделать.

Около минуты или может даже меньше я падал с лестницы, но мне это показалось вечностью. Повалившись на землю, я застонал от боли. Всё моё тело противно ныло, а голова просто раскалывалась.

– Максим! – вмиг подбежал ко мне парень. – Максим, ты как? Ты в порядке? Встать можешь? Я сейчас вызову скорую помощь. Всё будет хорошо!

– Я в порядке. Я... – только попытался что-то сказать я и даже приподнял голову, как вокруг меня всё поплыло. Мне казалось, что я падаю в какую-то бездну.

– Максим! – вновь донёсся до меня крик Димы, но я уже плохо слышал его голос. Мне казалось, что друг находится где-то далеко и с каждой секундой его голос всё отдалялся и отдалялся от меня. Ещё пару секунд и я отключился.

Из моей груди вырвался тяжёлый вздох. Я открыл глаза, но, понятное дело, ничего не увидел. Вокруг меня, как всегда, царил мрак. Я прислушался, пытаюсь понять, где нахожусь. Но вокруг меня была полная тишина. Я продолжал прислушиваться, не желая сдаваться. Я должен был хоть что-то услышать, что поможет мне понять, где я.

И вот до меня донеслись чьи-то незнакомые голоса, а чуть позже какой-то странный грохот. Потом я услышал подозрительный писк. Принюхавшись, почувствовал противный запах лекарств. До меня начало доходить, что я нахожусь в больнице. Я постепенно начал вспоминать нашу прогулку с

Димой и как меня толкнул какой-то парень. Видимо, я слишком сильно ударился головой и потерял сознание. И друг решил притащить меня в больницу.

Я опять вздохнул и приподнялся на кровати. Но стоило мне только немного приподняться, как мою голову вмиг пронзила сильная боль. Я тут же поспешил опустить голову обратно на подушку. Около минуты голова сильно болела, а потом боль понемногу начала затихать. Становилось понятно, что с кровати я встать не могу, а это значит, что придётся ждать, пока кто-нибудь сам придёт ко мне. Я не знал, сколько придётся ждать, но надеялся, что недолго.

– Макси! – раздался голос папы, который прошёл в палату. – Макси, сынок, ты как? Ты хорошо себя чувствуешь? – я почувствовал руку отца, которую он положил мне на плечо. – Ты меня так напугал. Ты в порядке?

– Я? – глупо переспросил я. – Не знаю. Наверное, нормально. Только голова раскалывается. Ну, когда я пытаюсь встать....

– Ты пока лежи. Отдыхай, – папа ласково погладил меня по плечу. – Не надо вставать.

– А что вообще случилось? Я помню только, как упал и потом....

– Ты очень сильно ударился головой, – сообщил мне отец. – И потерял сознание. Дима был с тобой. Он тоже очень сильно испугался за тебя и вызвал скорую. А потом позвонил мне и рассказал, что случилось. Я тут же приехал в боль-

ницу. Хорошо, что ты в порядке. Надо же быть аккуратнее, Макси. Ты так нас напугал!

– Этого бы не случилось, если бы его не толкнули, – прозвучал голос друга, который, видимо, так же был тут. – У нас всё было хорошо. А потом этот парень... Взял и толкнул нас с Максимом. И Максим упал... Это ужасно! Максим, ты, правда, в порядке? Больше ничего не болит?

– Нет вроде бы, – неуверенно проговорил я. – А ты почему домой не поехал? Почему решил тут остаться?

– Как я мог спокойно поехать домой после того, что случилось с тобой? – удивился тот. – Я просто обязан был остаться и убедиться, что с тобой всё хорошо.

– Понятно, – кивнул я и, не удержавшись, улыбнулся.

– Врач говорит, что у тебя сотрясение мозга, – выдал папа. – Тебе вообще, если честно, повезло. Ты мог что-нибудь себе сломать, но всё обошлось сотрясением мозга. Ты лишь немного побудешь в больнице, и думаю, что тебя отпустят домой.

– Это сколько немного? – не понял я, приходя в ужас уже от одной мысли, что мне придётся лежать в больнице. Мне хотелось вернуться домой, где было так легко и просто. Там я мог пообщаться с Лордом и там я знал, где что лежит и где что находится. А тут опять придётся мучиться, а мне этого не очень хотелось.

– Если честно, не знаю, – не стал врать мне отец. – Врач ещё тебя осмотрит, сделает пару анализов и тогда будет

ясен результат. И он скажет, насколько тебе здесь придётся остаться.

– А домой мне поехать нельзя? – поинтересовался я, надеясь, что мне позволят уехать.

– Думаю, что нет. Пока непонятно насколько у тебя серьёзное сотрясение мозга. Лучше не рисковать!

– Круто, – без особого энтузиазма буркнул я.

– Но ты не волнуйся, Максим, – сделал ко мне шаг Дима. – Я буду тебя навещать. Не переживай! Время пролетит быстро. Ты самое главное отдыхай, больше лежи на кровати и ни о чём не переживай. Тебе сейчас нужно просто побольше отдыхать и ты быстрее поправишься.

– Супер! Из-за какого-то неаккуратного человека мне теперь лежать в больнице, – проворчал я.

– Да ладно тебе, Максим. Всё же обошлось. Ты пострадал лишь совсем немного. Могло быть и хуже, – попытался поддержать меня парень.

– Это мне лежать в больнице, а не тебе, – осадил я друга.

– Это верно, – не стал спорить он. – Лежать в больнице, и правда, не круто. Но что поделать? Уже хорошо, что у тебя всего лишь сотрясение мозга и в больнице тебе придётся лежать не слишком долго. А так ничего не изменить.

– Ну, да, – я тяжело вздохнул. – Ты прав. Спасибо, что вызвал скорую помощь и не бросил меня. Ну, а также, что позвонил папе.

– Да не за что, Максим, – по голосу Димы я понял, что он

улыбнулся. – Я не мог поступить иначе.

– Думаю, больше тебя задерживать не имеет смысла, – закончил мою мысль папа. – Я ещё побуду с Максимом. Его врач должен осмотреть. Да и просто посижу с ним, чтобы ему скучно не было. А ты иди домой. Ты молодец, что позаботился о моём сыне. Ты хороший друг! Но тебе пора домой. Что тебе здесь просто так сидеть? Завтра можешь ещё прийти к Максиму. А сейчас не трать своё время. У тебя, наверное, и дома есть свои дела.

– Я точно больше не нужен? – сомневался молодой человек. – Может, ещё надо что-то сделать?

– Нет, Дима, – твёрдо сказал я. – Спасибо тебе, но ты, правда, можешь идти домой. Ты уже и так всё сделал, что мог. Папа прав. Что тебе здесь просто так торчать? Я себя вроде нормально чувствую. В любом случае я в больнице и точно больше сознание не потеряю. Проще говоря, хуже мне точно не станет! Так что иди домой.

– Ну, хорошо. Но я завтра приду к тебе.

– Замечательно. Я буду ждать, – улыбнулся я другу. – Пока.

– Пока, Максим. Отдыхай, – попрощался со мной парень и следом обратился к моему папе: – До свидания!

– Пока, Дима. Удачи тебе добраться до дома, – проговорил папа.

Раздался щелчок двери, и через пару секунд за молодым человеком закрылась дверь. Мы с папой остались наедине.

– Ты точно в порядке? – на всякий случай спросил отец. – Ничего не болит?

– Да. Я в порядке. Не волнуйся. Всё хорошо. Ну, конечно, если я сейчас начну вставать, то заболит голова, а так вроде нормально.

– Тогда ты точно не вставай. Лежи пока. А лучше вздремни немного. Тебе это не повредит, – посоветовал папа.

– Да, кстати, вздремнуть было бы хорошо, – согласился я, только что, поняв, что немного устал и хочу поспать.

– Тогда ты как раз вздремни, а я схожу быстренько в магазин и куплю тебе фруктов и сок, чтобы тебе было, что пить тут, пока ты лежишь в больнице. Вот если что твой телефон. Если ещё что-то понадобится, звони мне. Хорошо? – он дал мне в руки мой мобильник.

– Хорошо. Иди. Я точно никуда не уйду, – я улыбнулся отцу.

– Верю, – тот тоже улыбнулся. – Я пошёл. А ты отдыхай, – он хлопнул меня по плечу и покинул палату.

Я же минут пять, а может десять просто валялся на кровати, а потом медленно погрузился в сон. Сегодня у меня был очень сложный день. Мне, и правда, надо было отдыхать, а лучше спать, чтобы время быстрее прошло, и я скорее вернулся домой. А домой мне очень хотелось. Так что я всё делал ради этого и для начала уснул.

Только вот поспать у меня долго не получилось. Я поспал

лишь полчаса, а потом вернулся папа вместе с едой и моей одеждой. Пока было неясно, сколько мне лежать в больнице, и отец не хотел, чтобы я тут в чём-то нуждался. Конечно, папа старался, когда вернулся ко мне в палату, делать всё тихо, но это у него не особо вышло. Я всё равно проснулся и заинтересовался, что происходит. Потом, правда, он опять затих, желая дать мне ещё возможность поспать, но эта возможность опять пропала, когда меня решил навестить мой врач. Но это было даже к лучшему, что он зашёл.

Доктор осмотрел меня, дал таблетки, что должны были снять головную боль, а также разрешил мне вставать, но только изредка, а так попросил больше лежать. Ну, а ещё сказал, что мне придётся пролежать в больнице около недели, что, понятное дело, меня не особо обрадовало, но выбора не было. Оставалось лишь смириться и выполнять советы врача, чтобы как можно быстрее поправиться. А как можно скорее поправиться было в моих интересах.

Не то, чтобы мне не нравилось отдыхать и лежать на кровати. Мне нравилось то, что не нужно было ходить в институт. А вот находиться в больнице мне уже не нравилось. Дома было всё же гораздо лучше, и я уверен, что со мной готовы согласиться практически все. А мне вдвойне дома было лучше, чем в других местах. И мне уже не терпелось вернуться домой.

Конечно, папа мне сделал маленькую экскурсию, когда мне стало лучше. Он показал, где и что находится в боль-

нице, чтобы я мог тут ориентироваться. От этого мне становилось намного легче тут находиться, но всё равно мне это мало давало. Мне также очень сильно хотелось скорее вернуться домой, но пока это было невозможно. И я послушно остался в больнице, когда отец ушёл домой. Он хотя бы привёз всё, что мне только нужно было для нахождения в больнице, включая книги, и умирать от скуки мне точно здесь не нужно было.

Первый день в больнице тянулся мучительно долго, но всё же завершился. А вот на следующий день ближе к обеду ко мне пришёл друг, и я ему очень обрадовался.

– Привет, Дима, – проговорил я, лишь только услышав его голос. – Рад, что ты пришёл ко мне.

– Привет, Максим, – по голосу я понял, что он улыбнулся. – Ну, как ты тут? Нормально себя чувствуешь?

– Вроде нормально, – пожал я плечами и сел на кровати. – Врач мне сказал больше лежать, пить таблетки.... Я всё это делаю и вроде стало лучше. По крайней мере, когда я сижу, голова больше так сильно не болит. Но тут очень скучно! Так что это здорово, что ты решил меня навестить.

– Ну, я не мог не прийти к тебе. Я просто обязан был навестить тебя. А вот на счёт скуки.... Это очень плохо! Папа же тебе вроде привёз книги. Почему тебе скучно? Тебе же есть чем заняться!

– Этого мало, – махнул я рукой. – Я их читаю, но время всё равно тянется так медленно.... Просто ужас!

– Ну, ты потерпи, – посоветовал парень. – Это же ненадолго. И это для тебя нужно! У тебя же сотрясение мозга. Просто так ты домой никак поехать не можешь. Ты должен поправиться и только после этого вернёшься домой. И будешь как новенький!

– Да я это понимаю, – из моей груди вырвался тяжёлый вздох. – Знаю, что надо потерпеть и что мне это нужно. Но всё равно хочу домой. И вообще.... – я опять вздохнул. – Давай не будем говорить об этой больнице! Лучше расскажи мне что-нибудь интересное.

– Это что же?

– Ну, например, ты придумал, какую собаку хочешь завести? – спросил я. – Мы же так не завершили этот разговор. А ты должен принять решение и как можно скорее. До моего выхода из больницы ты точно должен это сделать. Так что давай! Думай! И хорошо думай. Понял меня?!

– Вообще мне кажется, что я знаю, какую собаку хочу завести, – задумчиво проговорил друг.

– Интересно! И что же это за порода?

– Это бернский зенненхунд, – выпалил Дима.

– Что? – переспросил я. Такую породу я точно не знал. – Это кто вообще?

– Ну, мы же с тобой про него читали, – напомнил молодой человек.

– Не помню.

– Хорошо. Ладно. Я сейчас тебе про неё расскажу. Начну с

того, что бернский зенненхунд – бдительная и добродушная порода. Благодаря своему трудовому прошлому они любят осваивать новые трюки. Из-за их размеров собак с раннего возраста обязательно стоит учить послушанию, и тогда они станут прекрасными компаньонами. Бернский зенненхунд отлично сторожит дом и носит тяжести. Способность носить тяжести они демонстрируют на популярных среди владельцев соревнованиях по картингу, в которых оценивается не только способность везти тележку, но и умение ею управлять. Даже будучи домашним питомцем, бернский зенненхунд не откажется от физической работы и других занятий. Они так стремятся вам угодить!

– Ты что всё это выучил? – не смог скрыть я своего удивления.

– Нет. Что ты? – засмеялся друг. – Я просто читаю с телефона. Я всё это наизусть никогда не смогу запомнить.

– Ааа. Ну, тогда ладно. Читай дальше!

– Хорошо. Ещё «из-за крупных размеров бернского зенненхунда необходимо учить послушанию и хорошим манерам ещё с щенячьего возраста, – продолжил читать Дима. – Тем не менее, эта порода медленно взрослеет, как физически, так и психологически, поэтому не стоит резко начинать дрессировку. Эти большие собаки на самом деле очень «мягкие», поэтому суровые исправления не принесут результатов».

– Его надо дрессировать, – подметил я. – Ты к этому го-

тов?

– Конечно, готов, – уверенно сказал парень. – Я даже с радостью буду его дрессировать. Давай лучше сначала до конца тебе прочитаю всё. А потом уже говори, что хочешь.

– Ладно. Читай.

– «У бернских зенненхундов толстая и длинная шерсть с естественным блеском. Такой прекрасный шерстный покров требует ежедневного расчесывания, чтобы предотвратить её сваливание в комки. Груминг рекомендуется проводить раз в две недели. Большинство собак линяет средне в течение всего года и сильно – два раза в год. Бернский зенненхунд станет прекрасным членом семьи и будет с удовольствием повсюду вас сопровождать. Они очень любят общаться с людьми и будут счастливы, жить с вами в доме. При условии успешной социализации бернский зенненхунд будет терпеливо вести себя с другими собаками и детьми, но, как и с любой породой, это зависит от конкретной особи. Из них выходят отличные сторожевые псы, которым требуется умеренная физическая нагрузка. Они идеально подойдут для совместных прогулок!». Вот и всё! Видишь, какая классная порода?! Я очень хочу её завести. Видел бы ты, какие они красивые.... Это просто идеальная порода для меня.

– Ну, самое главное, чтобы тебе порода нравилась, – я не смог сдержать свою улыбку. – А так да, это неплохая порода. Думаю, тебе с таким псом будет здорово. Уже не терпится увидеть тебя с твоей собакой. Ну, точнее не увидеть.... Ну,

ты понял. А вот как круто будет всем вместе гулять! Лорд будет счастлив, что у него будет друг среди собак. Как это будет здорово.... Поскорее бы уже! А я тут застрял.... Ужас!

– Да будет всё, Максим, – друг хлопнул меня по плечу. – Не спеши так! Всё будет в своё время. Нам надо сначала всё равно найти, где можно купить эту породу. Я уже родителям сказал, что за породу хочу, и они пока ищут, где такую собаку можно приобрести. Так что может быть, когда ты выйдешь из больницы, ты встретишься с моим личным псом. А пока отдыхай и выздоравливай! Не спеши так!

– Стараюсь! – я глубоко вздохнул. – Хорошо. Может, у тебя ещё что-нибудь интересное было? Расскажи что-нибудь.

– Дай подумать, – Дима задумался. – Точно. Было кое-что интересное! Сейчас тебе расскажу, – он опять заулыбался и начал свой рассказ.

Мы проговорили около часа, а может даже больше. Мы даже не хотели останавливаться, обсуждая различные темы, смеясь и, проще говоря, наслаждаясь общением. Но потом к нам зашла медсестра и всё испортила, сказав, что время посещения уже закончилось и Диме пора уходить. И нам пришлось через силу попрощаться. Друг ушёл, а я опять был вынужден умирать от скуки. Вместе с Димой мне было хорошо, и время пролетало просто мгновенно, но долго это длиться не могло.

Конечно, сегодня ещё ко мне обещал приехать папа, но даже с ним мне не было так хорошо, как с другом. Вот с

ним мне было просто замечательно, и мы могли говорить обо всём на свете. С отцом я уже давно не мог говорить обо всём на свете, потому что он меня больше так хорошо не понимал, как Дима. С другом мне даже прощаться сейчас не хотелось, и я был готов всё что угодно отдать, чтобы тот побыл со мной ещё. Но опять же это было невозможно.

Время посещений было не бесконечное и, если давали определённое время, значит, надо было пообщаться в эти часы и разойтись. Нарушать больничные правила было нельзя, как бы сильно не хотелось это сделать. Это же было в моих интересах. Если нарушать правила, это не понравится врачу, и он может меня здесь ещё надольше задержать. А это мне было точно не нужно!

И сейчас мне надо было смириться с тем, что Дима больше не может быть со мной, и лишь ждать, когда ко мне придёт папа. И я это сделал. Через силу, но сделал. Чтобы как-то убить время, я взял в руки книгу и начал её «читать». Я водил пальцем то по одной строчке, то по другой, «вчитываясь» в текст книги и пытаюсь в него вникнуть. Но все мои мысли были лишь о том, что мне лежать в больнице ещё не один день, а за это время другу могут купить собаку.

Мне так хотелось быть в этот момент рядом с ним, но походу я не смогу быть рядом в этот момент, а это не могло не давить на меня. Минут десять я мучился, одновременно пытаюсь прочесть книгу и думая о друге и его будущей собаке. Потом всё же не выдержал и отложил в сторону книгу. Я

всё равно не мог понять ни одну строчку книги. Мучиться не имело смысла.

Я решительно достал из кармана телефон, наушники и плеер. Включив музыку, я улёгся на кровать и погрузился в свои приятные мысли о том, как будет здорово, когда выйду из больницы, встречусь с питомцем Димы, и мы будем гулять все четвером: я, Лорд, мой друг и его пёс. От этих мыслей я не мог сдерживать радостную улыбку, которая сейчас сверкала на моих губах.

– Ты должен воздерживаться от любой физической нагрузки, быть аккуратным и стараться больше не падать и не ударяться головой, а иначе можешь опять сюда попасть, – давал наставления врач. – И в следующий раз сотрясение мозга может быть ещё сильнее. В этот раз тебе можно сказать повезло. Также ты должен стараться больше лежать и отдыхать. Не надо себя переутомлять. И гулять тебе тоже надо. Нужно сейчас больше дышать свежим воздухом. Не забывай про улицу! Если хочешь скорее окончательно поправиться, то надо выходить на улицу и дышать свежим воздухом. Надеюсь, ты меня хорошо понимаешь?

– Да, да, я вас прекрасно понимаю, – попытался успокоить я врача и улыбнулся ему. – Не волнуйтесь так! Я вас понял и выполню все ваши требования.

– Это не требования, а советы, – поправил меня мужчина. – И они нужны для тебя же. Тебе же не хочется возвра-

щаться в больницу?

– Конечно, не хочется, – подтвердил я. – И ради этого я буду выполнять все ваши советы.

– Замечательно. А ещё... – доктор продолжил свои наставления, а мне лишь оставалось его внимательно слушать, как в принципе и папе, что стоял рядом с нами.

Да, меня уже выписали из больницы. Я пролежал в больнице даже не неделю, а больше недели и это было просто ужасное время для меня. Мне очень не понравилось там. В больнице время тянулось так мучительно и долго, что мне начинало казаться, что я никогда не вернусь домой. Но вот меня наконец-то выписывали. Мне оставалось лишь дослушать наставления врача, и я смогу поехать вместе с папой домой. И мне уже не терпелось оказаться дома.

Всё это время, что я пролежал в больнице, меня старались как можно чаще навещать Дима и папа. Отец приезжал каждый день и даже не по одному разу, а друг старался приезжать каждый день. Но это не всегда получалось, ведь у него были свои дела, учёба и ему надо было решать проблемы с собакой, а это было не такое простое и лёгкое дело. Это папа всё делал за меня, а вот Дима уже должен был принимать участие во всём этом процессе. Так что я не обижался на него, когда он звонил и говорил, что сегодня прийти ко мне не сможет. Я всё понимал, и обижаться на него было глупо.

Я просто старался как-то коротать время в больнице. Я «читал» книги, слушал музыку, пытался сочинять тексты к

своим песням и даже мог играть на гитаре, благодаря папе, который решил мне привезти гитару. Когда отец привёз мне гитару, в больнице стало находиться не так мучительно тяжело и время стало идти быстрее, но всё равно не слишком быстро. Но оно прошло, и вот всем моим мучениям пришёл конец. Я мог успокоиться и вернуться домой.

Врач болтал ещё около десяти минут и только потом, наконец, отпустил нас домой. Мы с папой одновременно тяжело вздохнули, переглянулись, собрали мои вещи и поспешили вниз к машине. Только в машине смогли расслабиться. Мы наконец-то были вне больницы, и больше туда возвращаться было не нужно.

– Как же он много говорил, да? – пробормотал я. – Мы уже давно могли бы быть дома, если бы он столько не болтал.

– Ну, мы вряд ли уже были бы дома, – попытался возразить мне папа, и я тут же повернул к нему голову и сделал недовольное выражение лица. – Но да, он очень много говорил, – исправился отец, понимая, что я всё же прав. А я же знал, что папа тоже не был доволен от такого монолога врача. Доктор ведь ещё до того, как меня выписать, давал множество советов и наставлений и вот опять решил их дать. А отец так же, как и я, хотел домой. Мне, конечно, домой хотелось сильнее, но и ему туда хотелось.

– Вот так-то лучше! – был доволен я.

– Он многое повторял по несколько раз, – подметил папа. – Он мог бы столько всего не говорить. Обойтись лишь

парой советов. Остальное было и так понятно!

– Ага. Но он решил поумничать. Лучше езжай побыстрее. Домой очень хочу! Я по Лорду соскучился. Уже не терпится с ним встретиться.

– Ну, быстрее я ехать не могу. Ехать по дороге нужно с определённой скоростью, а иначе нас могут остановить и оштрафовать. А это точно ни тебе, ни мне не нужно. И, между прочим, Лорду тоже не терпится с тобой увидеться. Он так соскучился по тебе! Так мается бедняжка.... По всему дому целыми днями слоняется и не знает, чем себя занять в твоё отсутствие. А как же он скулит.... Уже представляю, как он тебе обрадуется!

– Ну, вот, – я печально вздохнул. – Теперь мне ещё сильнее хочется увидеться с Лордом.

– Это понятно, – засмеялся папа. – Да не переживай ты, Макси. Увидишься ты скоро со своим любимым Лордом. Уже совсем скоро встретишься с ним. Не волнуйся! Он тебя ждёт дома и никуда не денется, – я вновь повернул к нему голову. От его слов мне легче не становилось, и желание увидеть скорее своего питомца лишь усиливалось. Я чуть больше недели не «видел» Лорда, не говорил с ним, не гладил его мягкую и шелковистую шерсть, не ухаживал за ним.... Ничего ужаснее для меня и быть не может! И теперь мне просто не терпелось вновь обнять своего любимого пса и лучшего друга. – Ладно, ладно, – понял мой немой намёк отец. – Я лучше замолчу. Скоро уже будем дома.

В салоне машины наконец-то наступила тишина, которая дала мне возможность задуматься о нашей предстоящей встрече с Лордом. Я уже представлял себе, какая она будет. Я представлял, как он обрадуется, бросится ко мне. . . . Да и я ему обрадуюсь и сам побегу к нему. Думаю, больше я скоро решусь надолго оставить его одного.

Я даже хотел его взять с собой на встречу с Димой, а встретиться с ним мы должны были сегодня. Оставить Лорда дома после такой долгой разлуки я точно не смогу. А друг будет лишь рад тому, что я возьму пса с собой. Мы с Димой ещё за пару дней до выписки договорились встретиться в этот день и пообщаться. Нам с ним уже просто надоело общаться на территории больницы. Хотелось спокойно пообщаться в кафе или любом другом месте.

Сегодня мы сначала должны были встретиться в кафе, а потом может, пойдём куда-нибудь ещё. Это мы уже можем и на месте решить. Нам хотелось о многом поговорить, и этой встречи я ждал также сильно, как и встречи с Лордом. Ну, хотя может и не также сильно, ведь Диму я видел на протяжении этой недели, в отличие от собаки.

Вот пса я очень долго не видел, и мне казалось, что я его месяц не видел. Всем, наверное, тяжело так надолго расставаться со своими питомцами и любой человек, у которого тоже есть домашние животные, поймёт меня. Расставания с любимыми питомцами всегда даётся тяжело!

И вот наконец-то машина затормозила. Мы были возле

дома. Я напрягся. Мне хотелось уже выбежать из машины и броситься к дому, но я старательно держал себя в руках. Из машины я выскочил только тогда, когда папа припарковал машину и заглушил мотор.

– Макси, подожди! – бросился следом за мной отец. – Не спеши так! У тебя же ключей от дома нет. Дай я хоть дверь тебе открою.

– Так открывай скорее! – поторопил я его, и тут до нас донёлся лай. – Это же Лорд! Давай быстрее. Он меня ждёт!

– Ну, надо же! – не смог папа скрыть своего удивления. – Он что почувствовал твоё приближение? Так лает....

– Он, наверное, просто услышал мой голос, – пожал я плечами, переминаясь с ноги на ногу. Мне уже не терпелось пройти в дом и встретиться с питомцем. – Или увидел меня из окна. А может, и правда, почувствовал, что это я. Ты же ему говорил, что я сегодня приеду домой?

– Конечно, говорил, – подтвердил отец, не спеша, открывая входную дверь. – Как я мог ему это не сказать? Он на меня каждый день смотрел такими глазами, когда я подходил к двери.... Я просто не мог не сообщить ему это!

– Ну, вот и всё. Ты его предупредил, и он меня ждёт. Он же умный пёс! – вывел я вердикт. – Ну, скоро уже?!

– Всё! Заходи, а я сам принесу твои вещи, – наконец отошёл от двери папа. – Раз тебе так не терпится увидеть своего ненаглядного Лорда. Такое чувство, что ты его любишь больше чем меня, – обиженно буркнул он.

– Ой! Прекрати! – отмахнулся я от отца и прошёл в дом.

Я сделал лишь пару шагов, и на меня тут же набросилась тяжёлая туша пса. Лорд вмиг повалил меня на пол и начал облизывать моё лицо, голову, руки и всё до чего мог достать. Я лишь смеялся и гладил своего любимого питомца, который старательно показывал мне свою любовь и преданность. А также старательно показывал, как скучал по мне.

– Я тоже по тебе скучал, Лорд, – сквозь смех проговорил я, глядя его. – И я тоже рад тебя видеть, – но пёс всё равно никак не успокаивался и даже не давал мне подняться, встав на меня всеми четырьмя лапами и активно облизывая моё лицо. – Ну, ладно, ладно. Иди сюда, дружище, – я крепко обнял собаку и опять засмеялся. – Как же я по тебе скучал, Лорд! Я больше никогда так надолго не оставлю тебя. Обещаю! – пёс, как бы отвечая на мои слова и поддерживая меня, громко гавкнул. – Да, да! Не оставлю я больше тебя. Честное слово! Мне было так тяжело без тебя... И знаю, что тебе было тоже тяжело без меня. Мы оба скучали друг по другу. Прости, что так надолго бросил тебя, – Лорд опять громко гавкнул и жалобно заскулил, будто жалуясь мне на что-то. На пару секунд он затих. Я тихо гладил его по голове. Но пёс быстро оживился и вновь принялся вылизывать меня.

– Ого! Как он рад тебя видеть! – воскликнул отец, пройдя в дом. – Он даже тебе не дал толком в дом пройти!

– Ага, – улыбнулся я, подняв голову на папу. – Повалил меня и тут же принялся вылизывать. Лорд, ты вообще ко-

гда-нибудь успокоишься? А то ты меня сейчас просто задушишь своей любовью.

– Лорд, серьёзно хватит, – попытался успокоить моего питомца отец. – Врач, конечно, сказал Макси побольше лежать, но лежать ему лучше на кровати, а не на полу!

– Очень смешно, пап, – усмехнулся я и покачал головой. – Лорд, пойдём лучше в мою комнату, – я схватил руками морду пса и потрепал его по голове. – Там пообщаемся. Подальше от этого шутника! А я точно больше никуда не денусь. Можешь не бояться!

– Идите, идите, – не стал задерживать нас отец. – Но мне, между прочим, тоже сейчас туда. Мне же надо твои вещи поставить.

– Ну, так иди скорее ставь. А мы пока побудем здесь, – решил я.

– Ты только с пола хотя бы встань. Он, конечно, чистый, но это всё же пол. Хватит уже на нём лежать. Правда, если тебе так нравится на нём лежать, то я не возражаю. Могу даже выкинуть твою кровать, чтобы ты мог и ночью спать на полу.

– Ой, да перестань ты уже! – сделал я обиженное выражение лица. – Встаю я уже! Встаю! – я начал с трудом подниматься с пола, а с трудом только потому, что стоило мне начать вставать, как Лорд тут же опять начал бегать вокруг меня, ластиться и пытаться достать до моего лица, чтобы ещё раз его облизать.

– Вот так-то лучше! – проговорил довольный папа, когда

я встал с пола. – Я пока оставляю вас. Не буду вам мешать наслаждаться общением!

– Спасибо. Какой ты добрый! – сказал я вслед отцу.

Тот ничего отвечать не стал и продолжил подниматься по лестнице. Я дождался, пока его шаги стихнут, и повернул голову к псу, который стоял рядом со мной.

– Ну, что, Лорд, пошли, что ли на диване посидим? – предложил я и начал снимать с себя куртку и обувь. – Пошли, пошли! – я уверенным шагом двинулся к дивану и завалился на него. Пса долго ждать не пришлось. Он вмиг запрыгнул на диван и примостился рядом со мной. – Вот так, дружок! – я ласково погладил Лорда по голове. – Мы ещё сегодня с тобой погуляем, увидимся с Димой... И всё будет хорошо!

Пёс одобряюще гавкнул и лизнул меня в лицо.

– Да, Лорд, – не удержавшись, опять засмеялся я. – Я тоже рад! И видеть тебя рад, и быть с тобой.

Я обнял своего верного друга, а он в ответ завалился на меня. Сейчас мне было, как никогда хорошо и мне даже не хотелось двигаться и куда-то идти. Я вновь был со своим любимым псом, мог обнимать его, гладить и чувствовать его невероятно сильную любовь, которая многого стоила. Именно об этом я мечтал всё это время в больнице. И снова мог быть со своим лучшим другом. Внутри меня царило спокойствие. Мне было спокойно и очень-очень хорошо.

Я и Лорд медленно шли вместе по улице в сторону кафе,

где мы с Димой договорились встретиться. Конечно, вы можете спросить: «Зачем я взял с собой Лорда, ведь его в кафе всё равно не пустят?!». Да, обычно собак в кафе не пускают, но Лорд был не просто какой-то собакой. Он был моим поводырем и обычно, когда я шёл куда-то с ним, надевал на него шлейку, на которой было написано, что Лорд – мой поводырь. И, когда люди видели, что со мной идёт поводырь, меня везде пускали, и никто не препятствовал моему проходу в магазин, кафе и прочие места. Для меня и Лорда все двери были открыты и это было очень выгодно и здорово.

Так что я мог спокойно всегда брать вместе с собой пса и не бояться, что мне его где-то придётся бросить. И сейчас я также спокойно шёл и даже не боялся этого. Лорд был очень доволен, что я взял его с собой на улицу и всё время норовился облизать мне руки. Но рядом со мной он старался идти покорно и не слишком дёргался, так как понимал, что от него зависит моя безопасность. Он облизывал мои руки лишь тогда, когда можно было это сделать. Например, когда мы стояли на перекрёстке или когда просто шли по обычному тротуару, где было немного людей. В остальное время пёс старался не отвлекать меня и тем более не мешать мне.

До кафе мы дошли достаточно быстро. Я уверенно зашёл внутрь самого кафе, крепко держа поводок Лорда. Я знал, что псу может захотеться побежать к Диме, которому он тоже всегда радовался. А здесь ему точно нельзя было бегать, и лучше было быть рядом со мной.

Здесь же было много других людей, и мешать им было нельзя. Ведь не каждому понравится, если по кафе, куда ты пришёл спокойно покушать и пообщаться со своими друзьями или родными, будет бегать чья-то собака или того хуже лаять. Даже если Лорд мой поводырь, ему всё равно не позволительно так себя вести. И я не собирался ему это позволять и должен был пристально следить за его поведением и передвижением.

До стола мы дошли спокойно и нас никто даже не подумал остановить. И вот уже возле стола, где всегда сидел Дима, мы остановились.

– Привет, Максим, – раздался радостный голос друга. – Рад наконец-то видеть тебя вне больницы и на ногах.

– Да, я и сам рад быть вне больницы и на ногах, – улыбнулся я в ответ и уселся за стол. – А также рад наконец-то нормально общаться с тобой. А то надоело общаться с тобой в больнице.

– Да мне тоже, – признался тот. – Но, если честно, здесь дело не в тебе. Просто там такая атмосфера и такой запах.... Там совсем не получается расслабиться и спокойно пообщаться.

– Тебе не нужно передо мной оправдываться, – махнул я рукой. – Я всё прекрасно понимаю. Можешь не волноваться!

– Хорошо, – облегчённо вздохнул парень. – Ну, так что как у тебя дела? Хорошо себя чувствуешь?

– Я чувствую себя просто прекрасно! Можете не пережи-

вать за меня. А то у меня это, то папа спрашивал, то бабушка по телефону, а теперь ещё и ты... Со мной всё просто замечательно! Хотя врач и дал мне множество наставлений и советов, будто бы у меня было не простое сотрясение мозга, а что-то более серьёзное. Вроде опухоли мозга!

– Ну, что ты говоришь? – не понравились мои слова Диме. – Нельзя же так говорить, Максим! Надо быть аккуратнее со словами. И, между прочим, сотрясение мозга тоже серьёзно. И тебе теперь надо быть гораздо осторожнее, чтобы больше с тобой ничего подобного не произошло, а иначе в следующий раз может быть ещё хуже. А интересуемся мы твоим состоянием, потому что очень переживаем за тебя. Ты напугал нас всех!

– Да, я это всё понимаю, – отмахнулся я от него. – Можешь мне это не объяснять. Но я, правда, себя хорошо чувствую. Даже очень хорошо! Так что ты можешь точно больше за меня не волноваться.

– Хорошо. Не буду волноваться, – успокоился друг. – А как тебя встретил Лорд? Мне интересно насколько сильно он тебе был рад. Вы же так долго не виделись. Мне кажется, что вы никогда так надолго не расставались. Что он сделал, когда вновь увидел тебя?

– Ой! Это надо было видеть, – на моём лице появилась весёлая улыбка. Я потянулся, погладил пса по голове и вновь повернул голову к Диме, продолжая улыбаться. – Он был ну очень рад меня видеть! Он услышал мой голос ещё, когда

я был на улице и начал лаять в доме. А, когда я прошёл в дом, он тут же бросился ко мне, повалил меня на пол и начал облизывать. Я еле смог вырваться. Он минут пять, а может даже больше, не хотел меня отпускать. Как будто думал, что я сейчас опять уйду, хотя я ему говорил обратное. Ну, а потом, когда Лорд более менее успокоился и перестал меня вылизывать, он ни на шаг не отходил от меня и всюду ходил за мной по дому. Не знаю, что было бы, если бы я не взял его с собой на улицу. Но я сам решил его с собой взять, и он просто счастлив.

– Да! Это по нему видно, – согласился со мной парень. – У него очень довольный вид! Даже не представляю, как он скучал по тебе всё это время.

– Между прочим, я тоже по нему очень скучал! Мы вместе друг по другу скучали. И рады друг друга видеть. Больше расставаться я с ним не хочу. И он со мной тоже. Верно, дружок? – обратился я к Лорду. – Мы же не будем больше расставаться?

Пёс тихонечко гавкнул, соглашаясь со мной.

– Какой же он хороший! – не смог сдержать своё умиление Дима и, видимо, тоже погладил собаку. – Он мне так нравится!

– Это, конечно, здорово. Но у тебя скоро должна быть своя собака, – напомнил я. – Как там, кстати, с этим дела? Скоро у тебя уже появится пёс? А то мне уже не терпится погулять с тобой и твоим псом. Это будет очень круто! Скоро уже я

смогу это сделать?! Как скоро мы сможем начать наши совместные прогулки с собаками? Новости есть? Когда родители тебе купят собаку?

– Ну, знаешь... – начал друг, но запнулся, не решаясь мне что-то сказать.

– Что такое? – вмиг напрягся я, почувствовав, что что-то не так. – Они что передумали? В чём дело? Они же вроде бы точно сказали, что не возражают против собаки. Что произошло?

– Ну, пока это будет невозможно, – как-то грустно проговорил парень, и теперь у меня не было сомнений в том, что что-то не так. Что-то определённо было не так. Другу было грустно, и я это прекрасно чувствовал. И меня это тут же начинало пугать. Что же такого произошло, пока я был в больнице? Что случилось в моё отсутствие?!

– В чём дело, Дима? – начал спрашивать. Я должен был узнать правду. – Что не так-то? Что у тебя случилось? Ты почему так сразу погрустнел? Расскажи мне, пожалуйста, что у тебя произошло. Ну, в чём дело?! Я же не понимаю, Дима! Скажи мне!

– Максим, дело в том, что... – неуверенно заговорил он. – Мы уезжаем из города! – на одном дыхании выпалил тот.

– Что? – точно не ожидал я подобного. Я думал о чём угодно, но точно не об этом. Как они могут уезжать из города? – В смысле? – глупо спросил я. – Почему? В чём дело-то? Почему вы уезжаете?

– Это произошло, пока ты был в больнице, – молодой человек тяжело вздохнул и приступил к своему рассказу. – Наши родственники и знакомые... – он опять запнулся. – Они узнали всю правду. Они узнали, что я неродной сын моих родителей. И знаешь, мягко говоря... Короче говоря, многих это не обрадовало. Многим это очень не понравилось! Многих просто взбесило, что мои родители посмели так поступить со всеми ними. Что они посмели взять меня под замену своему родному мёртвому сыну и обмануть всех. Ты не представляешь, как все они были злы на моих родителей. Да и на меня тоже! Они просто возненавидели нас за это. Мои родители пытались всё всем спокойно объяснить, но они даже не желали слушать их. Они просто ругались и ругались! Им не понравилось то, что мои родители сделали. Они из-за этого так сильно возненавидели меня, будто бы я какой-то их враг. Они решили, что это я во всём виноват, хотя я им ничего плохого не сделал и сам из-за этого немного пострадал. Всё это время, что ты лежал в больнице, мы пытались поговорить с нашими родными, объяснить всё и смягчить их гнев. Но они даже не желают нас слышать. Теперь они всё делают, чтобы испортить нам жизнь. И мы не знаем, что ещё делать. Наши родные рассказывают всем гадости про меня и моих родителей. Теперь все начинают косо смотреть на нас, а это знаешь ли не очень приятно. И вот мои родители совсем недавно приняли решение просто уехать отсюда. Перебраться в другой город, а может даже страну и там начать

всё сначала. Без наших родных, которые так и норовятся теперь испортить нам жизнь. Только непонятно зачем.... Другого выхода нет, Максим! Я понимаю, что тебе тяжело это сейчас слушать, но мы попали в безвыходное положение. Я согласен со своими родителями! Нам остаётся только уехать отсюда. Они правы, и я их поддерживаю! Я, конечно же, не очень хочу уезжать, но тут нам больше житья не будет. Мы должны отступить и просто уехать!

Я замер, не зная, что сказать. Дима продолжал что-то говорить, а я тем временем погрузился в свои мысли. Теперь всё становилось на свои места. Когда друг навещал меня в больнице, я чувствовал, что с ним что-то не так, но не мог понять что. Тот был просто каким-то странным. Я сваливал это на проблемы с учёбой у Димы или на проблемы с однокурсниками. Я сваливал это на что угодно, а спросить просто не решался, так как не хотел его мучить этим. Со мной друг должен был хотя бы немного расслабляться и забывать обо всех проблемах, а не думать о них.

Теперь же становилось ясно, почему Дима был каким-то странным. Но о таком я даже подумать не мог. Я даже подумать не мог, что у него настолько серьёзные проблемы. И это было просто ужасно! Было ужасно, что друг был вынужден опять такое переносить, но теперь от своих родных. То он один это всё переживал, а теперь от своих родных.

Как они могли так себя вести по отношению к Диме и его родителям?! Какая разница, почему они так поступили

и что Дима – неродной сын своих родителей? Мне это казалось неважным, а вот для родных друга это походу было очень важно. И они так себя повели... Я не знал, как можно помочь парню в такой ситуации, но очень хотел помочь. А также я не хотел, чтобы Дима уезжал, и одна лишь эта мысль меня уже расстраивала. Она не могла меня не расстраивать.

Ведь если он уедет, я навсегда потеряю своего единственного и самого классного друга. А терять его я не желал! Да, может быть, это было и эгоистично, так как, скорее всего, для Димы и его родителей не было другого выхода, но мне было всё равно. Я не мог допустить, чтобы друг уехал. Этого не должно было произойти! Я точно знал, что не вынесу это!

– Дима, ну, зачем вы сразу такие решения принимаете? – заговорил я, как только друг замолчал. – Уехать... Мне кажется это уже слишком серьёзно. Может, надо немного подождать? Может, вашим родным нужно время, чтобы к этому всему привыкнуть? И тогда они успокоятся и помирятся с вами... И всё наладится! Поговорите ещё с ними. Зачем сразу уезжать? Мне кажется, что это неправильно! Сразу уезжать не очень хорошо. А если там, куда вы поедете, тоже встретится кто-то подобный? Вы что тогда опять будете бежать? Я думаю, что вам лучше не спешить с этим решением. Подождите немного! Может, всё ещё наладится?!

– Максим, я понимаю, почему ты так говоришь, – быстро раскрыл меня парень. – Ты просто не хочешь, чтобы я уезжал. И я тебя понимаю. Я тоже не хочу уезжать и терять та-

кого друга, как ты, но выбора нет. Пойми это, Максим!

– Да, я, конечно же, не хочу, чтобы ты уезжал, – согласилась я. – Но говорю это не только поэтому. А ещё потому, что переживаю за вас и не хочу, чтобы вы слишком спешили с такими решениями. Сами же потом можете пожалеть. Подумайте ещё немного и подождите. Что так спешить?! Может, попробуете ещё поговорить со своими родными? Может, они всё же поймут вас?!

– Максим, поверь мне, мы уже перепробовали всё, что ты сейчас нам можешь предложить, – твёрдо сказал Дима. – Понимаю тебе сейчас очень тяжело, но просто поверь мне, что ничего нам уже не поможет. Мы не раз говорили с нашими родными, и пытались их убедить не вести себя так.... Мы что только не делали, чтобы тут остаться. Думаешь, моим родителям так хочется уезжать? Бросать город, где они выросли, работу, к которой привыкли, дом и ехать в неизвестность?! Никому этого не хочется! Но наши родные уже начали переходить грань. А что будет дальше?! Боюсь, что дальше будет только хуже! Пока лучше не становится, а лишь хуже. И как ты сказал, что там нам тоже может встретиться кто-то подобный.... Максим, там, куда мы поедem, мы просто не будем никому рассказывать про всю эту историю. И такого точно больше не произойдёт. А ждать и надеяться, что всё само собой наладится, и наши родные привыкнут ко всему этому и успокоятся.... Это вряд ли! Это глупо, Максим! Мы должны уехать. Выбора нет! У нас просто нет выбора. Пойми

это, пожалуйста. Нам это решение далось с огромным трудом. Родители долго не хотели принимать это решение, но нам всё же пришлось его принять. Мы больше не можем так жить! За одну неделю наши родные превратили нашу жизнь в ад. Мы уезжаем и это решено. Надеюсь, ты поймёшь нас, и не будешь злиться. Не хочу терять такого друга, как ты. Я очень хочу, чтобы ты поддержал меня в такой ситуации, а не принимал меня за своего врага. Пожалуйста, Максим, не расстраивайся из-за всей этой истории и моего переезда. Больше ничего невозможно сделать! Пойми это! Прошу тебя! Мы хотим спокойно жить, но здесь больше не сможем нормально жить. Как бы это ни было прискорбно, но наша жизнь здесь закончилась. Мы должны уехать. Максим, ты же меня понимаешь?

– Походу вам, и правда, нужно уехать, – из моей груди вырвался тяжёлый вздох. Слова друга на меня подействовали, и теперь я понимал, что у них, правда, нет выбора. Они должны уехать, как бы это ни было тяжело говорить. А мне было очень тяжело это говорить. – У вас очень тяжёлая ситуация. Но держать вас глупо! У ваших родных, видимо, совсем поехала «крыша» и вам надо от них бежать, пока не стало поздно. Боюсь, они вас, и правда, не оставят в покое, пока совсем окончательно не испортят вашу жизнь. Значит, вам точно надо уехать куда-нибудь подальше от них. Как бы мне не хотелось помочь вам и как бы ни хотелось, чтобы вы тут остались, это не в моих силах. И даже не в ваших. Вы

должны уехать! – я вновь тяжело вздохнул. – Я тебя понял, Дима. Понимаю тебя, хоть мне это и тяжело делать. Очень тяжело! Но я знаю, что тебе не легче.

– Это верно, – хмыкнул парень. – Ты прав!

– А когда вы уезжаете? – спросил я, надеясь, что они хотя бы нескоро уезжают, и мы сможем ещё пообщаться с другом. – Через неделю? Или когда?

– Вообще-то мы уезжаем уже через пару дней, – выпалил тот.

– Через пару дней? – мгновенно ещё сильнее помрачнел я. Надежда на то, что мы ещё успеем хоть немного пообщаться, тут же испарилась.

– Да. Знаю, что это очень скоро, но родители не хотят с этим слишком долго тянуть. Они хотят это сделать как можно скорее. Но, если что, то родители всё равно мне купят собаку. Именно ту, о которой мы с тобой говорили. Но только они мне её купят уже там, куда мы поедem. Конечно, я понимаю, что ты хотел совсем другого, но уже ничего не исправить. Это не в наших силах! Максим, ты не расстраивайся, пожалуйста, хорошо? Не надо грустить! Мы всё равно останемся друзьями. Мы будем созваниваться. Я точно про тебя не забуду, и ты не забудь про меня. Я буду тебе всё-всё рассказывать о моей собаке, когда мне родители её наконец-то купят. Максим, всё будет хорошо!

– Ну, конечно.... – без тени радости проговорил я. Эти слова Димы никак не могли на меня подействовать, ведь

я уже был расстроен донельзя, и не расстраиваться просто не мог. Мой единственный друг был вынужден уехать далеко-далеко, и я не мог ничего исправить и как-то ему помочь. Я должен был потерять своего единственного друга, и это безумно огорчало меня и загоняло в тоску. Парень же тем временем продолжал что-то говорить, пытаясь успокоить меня, но я не слышал ни слова, думая лишь о том, что скоро он уедет.

– Дима, надеюсь, ты всё взял? Ничего не забыл? – спрашивала парня его мама. – Не хотелось бы сюда возвращаться. Как бы здесь ни было хорошо когда-то, возвращаться снова сюда желания особого нет. Так что надо всё перепроверить.

– Мам, я проверил всё дома по нескольку раз, проверил всё, когда мы грузили вещи в машину и здесь уже один раз перепроверил. Я всё взял! Это точно, – успокаивал её сын. – Можешь так не волноваться!

– Я просто не хочу, чтобы ты что-то забыл, – кратко пояснила женщина. – Милый, проверь, взяли ли мы... – она начала доставать своего мужа.

– Надеюсь, хотя бы в поезде успокоится, – повернулся Дима к нам с папой.

Друг со своими родителями уже уезжали, и мы вместе с отцом решили их проводить. Мы не могли не поехать с ними на вокзал. Мы просто обязаны были их проводить и пожелать им удачи. Им нужна была эта поддержка, и мы должны были

её им оказать. Тем более Дима был моим другом, и я не мог повернуться к нему спиной и не попрощаться с ним.

Для него этот переезд был таким же тяжёлым, как и для меня – его отъезд. Он так же, как и я, терял своего друга, а также был вынужден бросить всё, к чему так привык. Он переезжал в совершенно новое для него место и не знал, что там его ждёт. Так что я просто обязан был проводить его, попрощаться с ним и пожелать удачи, хоть мне и было тяжело это делать.

Моё сердце просто разрывалось на части от мысли, что я больше никогда не смогу нормально пообщаться с Димой и прощаюсь с ним навсегда. Да, может быть я смогу с ним говорить по телефону, но это всё было не то. Личное общение это не способно заменить. И от этого становилось невероятно больно и тяжело. Мне было очень больно и тяжело!

Мне даже хотелось развернуться и броситься бежать с этого места, но я держался ради друга, которому я тут был очень нужен. Ну, а также держался благодаря папе, который стоял рядом со мной. Он точно не позволил бы мне убежать и не попрощаться с Димой. Ведь я сам потом об этом жалел бы, но ничего поделать с этим желанием не мог, потому что стоять здесь было очень тяжело!

Прощаться всегда тяжело и больно, а, когда ты понимаешь, что, скорее всего, больше никогда не увидишь человека, который стал тебе так дорог, становится ещё больнее и тяжелее. А я, скорее всего, больше не смогу встретиться с дру-

гом. Он сюда точно не захочет вернуться, а слепому парню путешествовать не очень здорово. Так что мы точно больше не сможем встретиться. По крайней мере, в скором времени. Дима мне стал так дорог за то время, что мы общались и теперь я был вынужден с ним прощаться. Обидно, что подобное происходит в мире и кому-то, кто тебе так дорог, приходится куда-то уезжать.

Лорд также был со мной и папой. Я не мог не взять его на прощания с другом. Во-первых, Дима хотел его в последний раз увидеть и погладить, во-вторых, пёс тоже должен был попрощаться с ним. Лорд же ведь знал его и немного привык к нему, но также больше не сможет встретиться с ним. Ну, и в-третьих, пёс нужен был мне. Я просто не мог взять и оставить его дома. Пока Лорд был рядом, мне было немного легче. Я понимал, что, хоть друг и уезжает, у меня ещё есть мой питомец и я не так уж и одинок. Но это было слабым утешением! Да, пёс был мне дорог и был способен заменить мне друга, но такого друга, как Дима, даже он не мог заменить. С парнем я мог говорить обо всём на свете, и он меня всегда понимал. Я никогда не смогу поговорить с Лордом так, как говорил с Димой.

Так что, как бы ни было это тяжело, друга никто не был способен заменить. Он был незаменим, и я его терял. Неизбежно и медленно терял! Уже вот-вот должен был тронуться с места поезд Димы и его родителей, и они уже должны были на него идти. А мне лишь оставалось смириться с этим

и отпустить своего друга, потому что выбора ни у меня, ни у кого-то ещё не было. Выбор сделали за нас, а нам лишь оставалось смириться и делать то, что нужно. Проще говоря, плыть по течению, что мы сейчас и делали.

– Ну, что ж, ребята, я думаю вам надо прощаться, – раздался голос отца Димы, который привёл меня в себя и заставил вздрогнуть. – Спасибо тебе за всё, Максим. Ты стал замечательным другом для нашего сына. Мы тебе очень благодарны. Будь счастлив! Пусть у тебя всё будет хорошо. Мы желаем тебе удачи!

– Да! – поддержала мужа мама парня. – Мы оба желаем тебе удачи и счастья! Прощай и не грусти из-за уезда друга. Он же будет тебе звонить, и вы сможете хоть немного общаться. Так что всё будет хорошо! И у тебя, и у него. А это главное!

– Ага. Спасибо, – слабо улыбнулся я. – Вам тоже я желаю удачи. Пусть у вас всё будет хорошо там, куда вы поедете.

– Спасибо. Ладно. Не будем вам мешать прощаться. Мы пойдём, отнесём все вещи в поезд и будем тебя там ждать, Дима. Давай только не слишком долго, а то уже скоро поезд должен поехать, – поспешили уйти родители Димы, и, видимо, лишь кивнули моему отцу, так как ему они ни слова не сказали. Скорее всего, им было также тяжело уезжать, как и самому парню, а так же, как и мне было тяжело с ним расставаться. Они же ведь тоже всё теряли, что у них было тут, и у них должна была начаться новая жизнь. А это всегда тяжело для всех людей абсолютно всех возрастов. Ни для кого

переезд никогда не является таким лёгким и простым.

– Ну, что ж, Дима, – подал голос папа, – я также хочу тебе пожелать удачи и счастья. Ты хороший парень! И я хочу, чтобы у тебя всё было хорошо. Конечно, жаль, что ты уезжаешь и что Макси теряет такого друга, но я понимаю, что ты в этом не виноват. Правда, Макси толком мне не рассказал, почему вы уезжаете, но он сказал, что это не твоё решение и что вы вынуждены на это пойти, и я вам верю. В любом случае это не моё дело и вы сами должны в этом разбираться. Так что я хочу с тобой попрощаться и отойти, чтобы не мешать прощаться вам с Макси. Прощай, Дима, и пусть у тебя всё будет хорошо. Будь счастлив в том месте, куда бы вы ни ехали!

– Спасибо вам большое, – улыбнулся молодой человек. – Мне приятно такое слышать. Спасибо! Надеюсь, мы всё же ещё когда-нибудь встретимся и с вами и с Максимом. Максиму очень повезло с отцом. И мне очень не хотелось бы прощаться ни с кем из вас, но выбора, правда, нет. И мне также хотелось бы вам рассказать почему, но это очень длинная история и вам лучше её не знать. Пусть всё остаётся как есть. Это хорошо, что вы верите мне на слово. Спасибо вам за это! Большое спасибо!

– Не за что, Дима. Ладно. Теперь прощайтесь с Максимом, а то я трачу ваше время на бесполезные разговоры. Я постою вон там. Пока, – проговорил папа напоследок и наконец-то оставил нас наедине.

Когда мы остались вдвоём, пару секунд царилла полная тишина. Я молчал, а Дима просто смотрел на меня и думал, как лучше начать наш разговор. И вот наконец-то он решился и заговорил:

– Максим, мне очень жаль, что всё так вышло. Жаль, что мне приходится уезжать, а ты остаёшься тут. Знаю, как тебе сейчас тяжело. Я вижу, как тебе трудно здесь находиться, прощаться со мной и понимать, что я уезжаю навсегда. Мне тоже тяжело и мне очень не хочется уезжать. Я всё отдал бы, чтобы остаться тут, но не могу, потому что здесь мне будет только хуже. Да и моим родителям тоже! Мы должны уехать, хоть нам этого и не очень хочется. Я буду очень скучать по тебе. Поверь мне! И я тебя не забуду, кого бы там не встретил. А у тебя ещё всё наладится, поверь мне. Это сейчас тебе тяжело, а потом станет легче. Я буду стараться тебе чаще звонить, общаться с тобой и буду тебе всё рассказывать. Буду всё рассказывать о том, как мне в этом городе, что я там увидел, кого встретил и также буду всё рассказывать о моём псе, когда родители мне его купят. Тебе будет казаться, будто ты там со мной. Я буду очень стараться всё хорошо описывать и рассказывать. Так что всё будет хорошо. И потом у тебя появятся ещё друзья. Не надо думать, что я твой последний настоящий друг. К тому же мы остаёмся друзьями! Я точно от такого друга как ты никогда не откажусь. Лишь только ты не забывай меня!

– Как я могу тебя забыть? – на моём лице появилась горь-

кая усмешка. – Я точно тебя не смогу забыть! И честно говоря, очень не хочу, чтобы ты уезжал.

– Я это знаю, – друг грустно вздохнул.

– Но понимаю, что вам надо ехать, – договорил я. – И, правда, желаю, чтобы у тебя всё было хорошо. Хочу, чтобы у тебя там, куда вы едете, всё наладилось, и было хорошо. Хочу, чтобы ты там завёл себе пса, о котором так мечтаешь, и чтобы был счастлив. Я, правда, этого хочу. А за меня не волнуйся! Я справлюсь! Это тебе придётся гораздо тяжелее, чем мне. Ведь ты едешь в неизвестность, а я остаюсь тут. У меня всё также остаётся Лорд и мой папа. Мне будет гораздо легче, чем тебе. У меня изменится лишь только то, что тебя больше не будет со мной рядом. Но мы же будем созваниваться, и от этого будет чуть легче. Конечно, не намного легче, но что поделать?..

– Иди сюда, Максим, – Дима обнял меня. – Ты стал моим самым лучшим другом! У меня никогда не было таких друзей, как ты. Спасибо за то время, что мы провели вместе. Ведь ты меня вообще-то спас!

– Да и ты меня тоже! – на моём лице появилась улыбка. – Мы друг друга спасли. Помнишь это?

– Конечно, помню, – с губ парня сорвался смешок. – Как можно это не помнить? Я прекрасно это помню! Такое я точно не смогу забыть. Я это запомню на всю жизнь.

– Я тоже!

– Не знаю, что было бы, если бы я не встретил тебя!

– Аналогично!

– Я, правда, буду скучать по тебе, – разорвал объятия друг.

– И я буду скучать по тебе! – вырвалось у меня. – Ты не представляешь, как сильно буду скучать.

– Дима, ты скоро? Уже пора садиться! – раздался крик отца парня.

– Мне пора идти, – сообщил молодой человек и тяжело вздохнул. – Пока, Максим. И пока, Лорд, – он, видимо, погладил пса по голове. – Я буду также скучать по тебе. Как жаль, что я больше тебя не увижу. Но скоро у меня будет свой пёсик и жаль, что ты с ним не познакомишься. Так хотелось вас познакомить, – я, не удержавшись, улыбнулся, но моя улыбка прекрасно показывала мою печаль и тоску от всего происходящего. Ведь мне тоже очень хотелось познакомиться с собакой Димы, познакомить его собаку с Лордом и погулять с ними двумя, но теперь всё это будет невозможно. И это было очень печально и тяжело. – Ну, я пошёл. Удачи тебе, Максим. И не скучай! Пока! Я тебе позвоню, когда мы приедем на место.

– Хорошо. Давай. Пока, – кивнул я. Хоть мне хотелось броситься следом, остановить друга и не дать ему уехать, но я должен был его отпустить.

– Пока! – ещё раз повторил тот. Видимо, ему тоже было тяжело уходить на поезд и навсегда уезжать от меня.

Друг начал медленно отходить от меня и идти в сторону поезда. Я же оставался на своём месте и лишь прислуши-

вался к его шагам, которые стремительно отдалялись и вот-вот должны были навсегда затихнуть. И вот они стихли.... Я точно знал, что больше никогда не услышу шагов парня.

Оставалось лишь дожждаться, когда поезд уедет, и тогда я точно навсегда потеряю своего единственного друга. Я продолжал стоять на своём месте. Уйти, не дождавшись, пока поезд уедет, я просто не мог. Это я не видел Диму, а вот он мог видеть меня из окна, и я хотел дать ему возможность напоследок посмотреть на меня перед уездом.

Тут я почувствовал руку папы на своём плече. Он подошёл ко мне и вместе со мной собирался дожждаться отъезда поезда. Я чувствовал, как Лорд лизал мне руку, тоже пытаюсь меня поддержать, и, видимо, чувствуя моё состояние. Но эти ласки пса меня сейчас никак не могли успокоить.

Я услышал, как зашумел поезд и понял, что он отъезжает. Всё! Это был конец! Минуты две я слушал шум поезда. И вот и этот шум затих. Всё стихло! Я вновь был один! У меня снова не было друзей!

Глава 11 «Капелька надежды и... угаснувшая вера»

– Я снова один! – тихо пел я, играя на гитаре. – И это никак не изменить! Я снова одинок! И нет у меня друзей....

Я замолчал, продолжая играть на гитаре грустную мелодию. Конечно же, мне не очень нравилась эта песня. Она была слишком грустной, а слова были какими-то скучными. Ну, кому будет интересно слушать такую песню? Но ничего поделать с собой я не мог. Я не мог писать другие песни. Мне было грустно, и я был в силах писать песни только о том, что меня беспокоило. Ничего другого мне в голову не шло!

Уже прошло две недели после уезда Димы. Мне было очень тяжело после того, как он уехал. Ведь мало того, что я потерял своего единственного друга, так ещё мне теперь даже поговорить нормально было не с кем. Конечно, мы с Димой периодически созванивались. А точнее он мне звонил практически каждый день.

Когда друг только приехал на место, он, понятное дело, сразу мне позвонил. Конечно, у него не сразу всё наладилось, и сначала ему было также тяжело, как и мне, а может даже ещё тяжелее. Но потом ему понравилось в том месте, куда они приехали с родителями. А точнее даже стало хорошо там, и ему только меня не хватало. Он очень по мне ску-

чал, как постоянно говорил по телефону.

А так всё было просто замечательно. И я был рад за него. Я, правда, был рад, что у него всё наладилось, и больше никто ему и его семье не досаждал. Они могли жить спокойной и счастливой жизнью и ни о чём не беспокоиться. Ну, по крайней мере, не беспокоиться из-за родных, которые им тут пытались испортить жизнь. Там им никто ничего испортить не пытался, и им было гораздо лучше, чем здесь.

Не смотря на то, что я был рад, что у Димы всё наладилось, мне всё равно было тяжело, и я очень сильно тосковал по нему. Но по телефону старался делать вид, что у меня всё хорошо. Я не хотел расстраивать друга или портить ему настроение. У него всё налаживалось, и мне не стоило лезть к нему со своими проблемами и рассказывать как мне тут плохо без него. Это всё равно ничего не даст и ничего не изменит. От этого только у самого парня может ухудшиться настроение, а этого мне не хотелось.

Так что мне оставалось только молчать и притворяться, что у меня тоже всё хорошо, и я тут держусь, хоть это было и вовсе не так. Я понимал, что врать лучшему другу нехорошо, но другого выбора у меня не было. Это было ради самого Димы. Ему не стоило знать, как у меня здесь по-настоящему дела. Другу сейчас приходилось труднее, и беспокоить его было не очень хорошо с моей стороны. Я должен был лишь порадоваться за него, а также поддержать его, что и старался делать. Омрачать его пребывание в месте, где ему было так

хорошо, я не хотел.

А Диме там было всё лучше и лучше. Родители ему всё же купили собаку и именно ту, что он хотел. От этого он был просто на седьмом небе от счастья. Друг был очень рад этому. Он часа два, а может больше мне по телефону рассказывал всё об этой собаке. Рассказывал и о своей первой прогулке с ней, и о том, какая она красивая, умная и так далее. Он просто всё о ней рассказывал и даже не хотел замолкать. Ему очень нравилась собака, что родители ему купили, и парень просто влюбился в неё. Собака очень сильно осчастливила его, и мне даже теперь казалось, что я ему не так уж и нужен, ведь у него теперь была собака, которую он так давно хотел.

Понятное дело, что Дима мне говорил, что всё равно скучает по мне и никакая собака не может ему заменить меня. Но увидеться нам всё равно было суждено нескоро и пока что мы могли лишь созваниваться и делиться всем, что с нами происходило. Что мы и делали, а точнее в основном мне что-то друг рассказывал, а я лишь молчал, слушал его и периодически что-то вставлял. Мне рассказывать было почти нечего, а вот у него происходило много всего и ему хотелось многим поделиться и многое рассказать. И я не мешал парню и просто слушал его.

Да, мы созванивались очень часто, но никакие звонки не могли заменить нормальное общение. И от этих звонков мне лишь становилось ещё тяжелее и больнее. Именно после этих звонков я наиболее ярко осознавал, что больше не

встречусь с Димой и не смогу с ним нормально пообщаться. Может, другу становилось легче от звонков, но не мне. Мне от них было лишь труднее, но и не говорить с Димой я не мог. Ведь он мне звонил, и я должен был ему отвечать и говорить с ним. Он был моим другом, и я не имел никакого права забывать его. Я не имел права так поступать с ним!

А если перестану отвечать на звонки, это будет означать, что я пытаюсь его забыть. И Дима точно меня не поймёт и ему будет больно и обидно из-за этого. Он такого не заслужил. Он же не виноват в том, что всё так вышло, и мы больше не увидимся. Друг сам не хотел уезжать, но им пришлось это сделать. И теперь оставалось лишь смириться со всем произошедшим и привыкать к новым реалиям.

Из моей груди вырвался тяжёлый вздох. Воспоминания о Диме давили на самое больное, и мне вновь становилось грустно и тяжело. Без него всё было не так. Мне было тяжело, где бы я ни был. И в институте, и дома, и на улице. Раньше, как бы мне ни было трудно в институте, меня успокаивали мысли о встрече с другом. Теперь же у меня больше таких мыслей и не могло быть, а мысли, что Дима может мне сегодня позвонить, ничуть меня не успокаивали и не помогали. От таких мыслей было лишь тяжелее.

Я качнул головой, стараясь отогнать все эти грустные и тяжёлые мысли. Сжав в руках гитару, я продолжил играть на ней. Мне надо было отвлечься, поэтому я начал играть мелодию одной из своих песен, постепенно отвлекаясь от всех

грустных мыслей и сосредотачиваясь на музыке. Мне нельзя было думать о плохом. Эти мысли были не способны что-то изменить. Поэтому я всё делал ради того, чтобы не думать об этом.

– Эй, слепой, как у тебя дела? – доставал меня Слава. Точнее говоря, пытался меня доставать, но я даже не обращал на него внимания. Я был полностью занят своими мыслями. – Что это ты какой-то грустный? Случилось что? Так поделись со мной. Я тебя с радостью выслушаю. Больше же тебе поговорить не с кем. Больше никому ты тут не нужен! С тобой тут даже больше никто не говорит. Только я. Ну, что же ты молчишь? Поговори со мной! – никак не мог успокоиться однокурсник. – Или ты меня не слышишь?! Алло, слепой, я с тобой вообще-то говорю! – буквально закричал он мне в лицо.

– Его зовут Максим! – раздался голос Вити, который внезапно оказался рядом с нами. – Ты не видишь, что он даже не хочет с тобой говорить? Может, отстанешь от него?

– А ты что опять пришёл за него заступаться? – скривился Вячеслав. – Ну-ну! И когда тебе надоест лезть туда, куда не надо?

– А когда тебе надоест доставать его? Когда он тебе врежет?

– Шутишь что ли? – засмеялся парень. – Как слепой может врезать мне? Он же ничего не видит! Более несусветную

чушь никогда не слышал. Ну, ты, Витя, даёшь! Сегодня ты даже превосходишь себя.

– При желании он уже давно мог бы тебе врезать, – твёрдо и уверенно проговорил тот, что даже у меня появилась уверенность, что я могу это сделать. – И уверен для него это будет легко. Надо лишь немного потренироваться и он запросто сможет это сделать.

– Мда уж, Витя! – видимо, Слава покрутил у виска. – Мне кажется у тебя с головой не всё в порядке. Пойду, расскажу твою чушь Олегу. Ну, ты даёшь! – он опять громко засмеялся и наконец-то пошёл прочь, оставив в покое и меня и Витю, который внезапно решил заступиться за меня.

Около минуты однокурсник молчал, лишь смотря на меня. Скорее всего, он раздумывал с чего начать со мной диалог. Долго думать ему не пришлось. Он наконец-то решился и заговорил:

– Что-то ты, и правда, сегодня какой-то более грустный, чем обычно. У тебя что-то случилось, Максим? Может, поделишься?

– У меня всё в порядке, – я как всегда соврал. Я уже даже к этому привык. Врать для меня было обычным делом.

– Я надеюсь это не из-за Славы? Так ты его не слушай! Он вечно что-то несёт... Не слушай его!

– Так и делаю! – слабо улыбнулся я.

– Ну, и правильно, – поддержал меня Витя. – Ладно. Я не буду тебе мешать. Но если что я рядом! А ты не бойся этого

Славу и сам давай уже отвечай ему. А то он так никогда тебя не оставит в покое. Надо быть с ним смелее!

Я лишь кивнул головой, давая понять, что всё понял. Парень тоже ушёл, оставив меня в одиночестве. Я же опять погружился в свои мысли, не в силах думать о чём-то кроме своего одиночества и отсутствия настоящих друзей. Больше даже Лорд не мог скрасить моё одиночество, хоть раньше у него это прекрасно получалось. Теперь же всё было совсем по-другому. Очень сложно вновь жить без друзей, когда у тебя до этого был настоящий и самый лучший друг. Уверен, что меня поймут многие люди. Многим это знакомо. И многим это тяжело переносить. И я был не исключением.

Домой мы с папой, как обычно, приехали вместе. Я сначала поднялся наверх, вымыл руки, переоделся и только потом спустился вниз, чтобы поужинать. Правда есть мне не особо хотелось, но надо было хоть немного поесть, чтобы отец за меня не переживал. Так что через силу я спустился на первый этаж и зашёл на кухню, где уже был папа и грел нам ужин.

– Что это ты какой-то смурной сегодня, Макси? – спросил он, когда уже ставил на стол тарелки с горячей едой. – У тебя что-то в институте случилось, что ли?

– Всё у меня нормально. Просто устал, – махнул рукой я и придвинул к себе тарелку с едой.

– Ну, тогда скорее покушай и иди наверх отдыхать, – по-

советовал отец.

– Так и сделаю, – кивнул я и приступил к еде, а точнее нехотя накалывал на вилку еду и отправлял в рот, а там также нехотя пережёвывал её.

Минут пять мы ели в полной тишине. Это было немного странно. Обычно мы никогда не кушали в такой тишине. Папа старался что-то говорить или рассказывать что-то, а также задавал мне разнообразные вопросы. Но сейчас же была полнейшая тишина! Отец, видимо, думал о чём-то своём или просто был очень сосредоточен на еде. Я же не знал, что было у него на протяжении дня. Вдруг у него что-то случилось на работе, и он теперь об этом думал и сам не хотел ничего говорить. Я, конечно, мог бы это спросить и поинтересоваться всё ли у него хорошо, но мне не хотелось завязывать разговор. Мне хотелось тишины и покоя, и, к счастью, сейчас они были. И я мог ими насладиться. Сам же нарушать это и всё портить не хотел.

Правда, слишком долго тишина и покой не продлились, потому что папа всё же заговорил. Нерешительно, но заговорил:

– Макси, я вот хотел с тобой поговорить.... А точнее сказать тебе кое-что! – быстро поправился он.

– Что же? – без особого интереса спросил я.

– Я говорил с твоим врачом, – начал отец. – Ну, помнишь, когда ты лежал в больнице с сотрясением, с тобой общался врач и проводил много обследований.... Помнишь?

– Конечно, помню, – из моей груди вырвался тяжёлый вздох от этих воспоминаний. Нахождение в больнице было не одно из моих приятных воспоминаний. – Как я могу это забыть? Так к чему ты это говоришь? Может, перейдёшь к сути?

– Так вот он осмотрел тебя, провёл обследования и сказал мне одну новость, – папа опять запнулся. Он как будто боялся мне что-то сказать, но я не мог понять что. Что же не так? Что он мне никак не мог сказать? Я начинал немного напрягаться.

– Ну, так что же? – поторопил я его. Мне не терпелось узнать, что же он мне хочет такое сказать. Наверное, это было что-то важное, раз он никак не мог это сказать. Я даже представить себе не мог, что отец может такое сказать, но был уверен, что меня это никак не обрадует. Но знать это всё равно надо было. А своим молчанием папа только напрягал меня и начинал раздражать. – Ты скажешь или нет?!

– Я должен был это сказать тебе уже давно, но всё никак не мог найти подходящий момент. А теперь думаю, что надо тебе это сказать. Ты должен это знать, – отец сделал глубокий вздох, как будто к чему-то готовясь. – Врач осмотрел твои глаза, провёл пару обследований и выяснил, что твоё зрение можно восстановить.

– Что? – таких новостей я точно не ожидал. Ведь я прекрасно помнил, как в тот злосчастный день врач сказал, что моё зрение никогда не получится восстановить, и я останусь

слепым навсегда. И теперь врач говорил совершенно другое. Конечно, это был не тот же самый врач, но какая разница. Самое главное, что он говорил мне такое, и я понятия не имел, как к этому относиться. Я был просто в шоке и не знал что думать. – Как это? – глупо переспросил я, не веря своим ушам. Неужели я, правда, смогу вернуть своё зрение? Мне в это даже не верилось!

– Ну, единственное только для этого нужно сделать одну операцию, а она очень дорого стоит, но ты просто представь себе.... Шанс есть! Ты можешь вернуть себе зрение. Это же так здорово! Верно, Макси?!

– И сколько же она стоит? – тихо поинтересовался я. Моё лицо было каменным, а в душу уже закрадывался страх и сомнения, что это вообще возможно.

– Ну, она стоит около полумиллиона. Может чуть больше, – проговорил папа. В его голосе всё ещё была слышна нескрываемая радость. Видимо, ему самому очень нравилась та новость, что он мне сообщил. – Я точно не знаю. Это надо узнавать. Не думаю, что будет проблемой это узнать. Да, операция стоит дорого, но это уже шанс. Небольшой, но шанс. А операция просто очень сложная и для неё нужны очень хорошие специалисты, которые не станут работать за маленькие деньги. Так что в этом дело. Ну, что?! Тебя радует эта новость? Это же такая классная новость. Верно, Макси?!

– Да уж! Очень классная новость. Слов нет! – пробурчал я без малейшей радости в голосе. Моё настроение вмиг упало.

– Ты что не рад? – дошло до него. – В чём дело? Что не так? Я не понимаю, Макси. Всё же так здорово!

– Ты сам, не понимаешь что ли, что ты мне сейчас сказал? – скривился я. – Ты мне сказал, что моё зрение можно вернуть. Обрадовал меня, обнадёжил.... А потом сообщил, что для этого требуется дорогостоящая операция. Супер, да?! Классная новость! Слов просто нет!

– А что такое-то? – удивлялся отец. – Я, правда, не понимаю, что тебе не нравится. Макси, объясни нормально. Что тебя так расстроило?

– Что мне не нравится? – повторил я за ним и медленно поднялся из-за стола. – Ну, например, то, что операция стоит такие деньги, которых у нас нет. И которых никогда не будет! – буквально прокричал я. Меня просто начинало всего трясти от негодования. Папа опять начинал давить на моё самое больное место и искренне не понимал, что делает не так. А он мне напомнил о том, что моё зрение никогда не вернуть. И теперь, когда я знал, что моё зрение может вернуть одна операция, но у нас на неё никогда не будет денег, мне было гораздо больнее. – Или ты думаешь, что это нормальная новость?!

– Макси, извини, – наконец-то понял отец, что сделал не так. – Я думал, что тебя эта новость обрадует. Я же не думал, что....

– Ты думал, что меня может обрадовать эта новость?! Ты вообще в своём уме? Как ты мог думать, что меня может

обрадовать такая новость?! «Макси, ты знаешь твоё зрение можно вернуть. Но для этого нужно сделать операцию, которая стоит столько денег, которых у нас никогда не будет. Поэтому прости, но, не смотря на шанс вернуть тебе зрение, ты всё равно навсегда останешься слепым!», – передразнил я отца. – Ну, спасибо большое, пап. Я был очень рад услышать такую новость!

– Макси, прости. Я, правда, не подумал, что тебя это расстроит. Прости меня!

– Знаешь что.... – я запнулся, не зная, что лучше сказать. – Да иди ты! – махнул я рукой и решительно пошёл прочь из кухни, не желая тут оставаться. Теперь у меня точно не было аппетита, желания оставаться на кухне и ещё к тому же заставлять себя что-то есть. Это было выше моих сил! Мне итак было тяжело, а папа начал давить на самое больное место, и теперь мне было много хуже, чем было до этого.

– Макси, а как же ужин? – закричал он мне вслед, но я же даже не стал ничего отвечать, молча покинув кухню. Я понимал, что отец завёл этот разговор не назло мне, и он не хотел причинить мне боль, но мне всё равно было больно, и я хотел побыть один. Мне это было просто необходимо.

Я уже который час лежал на своей кровати, умирая от скуки. Мне не хотелось ни играть на гитаре, ни петь свои песни, ни даже слушать музыку. Мне ничего не хотелось. Я просто лежал на кровати и ничего не делал. Настроение у меня

было никакое. Ну, а разве может быть хорошее настроение после всего этого? Мало того, что мой единственный друг уехал, так ещё папа мне сообщил, что я, не смотря на то, что появился шанс вернуть мне зрение, всё равно навсегда останусь слепым. У меня не было никакой надежды на то, что моя жизнь наладится. Как бы я не старался выйти из депрессии, у меня ничего не выходило. Мне лишь становилось всё хуже и хуже. Ничто не было способно мне помочь и облегчить мои страдания.

Я даже пытался отвлечь себя учёбой, но и это мне не помогало. Так паршиво, как сейчас, мне не было уже давно. Мне, наверное, так плохо было только тогда, когда я только узнал о том, что стал слепым и начал терять всё, что у меня только было. И сейчас опять всё как будто началось сначала. В моей душе промелькнула лишь маленькая надежда, что я смогу стать зрячим, и вот что из этого вышло. А из этого не вышло ничего хорошего!

Я погладил по голове Лорда, который сидел рядом с кроватью, положив голову мне на подушку. Он как мог, пытался меня поддержать, чувствуя моё настроение. Но, увы, он мне помочь не мог. Не в его силах было избавить меня от страданий и боли. Да, я любил его, пёс был мне дорог и важен, но даже он не мог меня сейчас ничем порадовать. Мне просто было всё безразлично. Я даже сейчас с Лордом гулял лишь на автомате и по привычке, но наслаждение от этого никакого не получал, хотя раньше получал. И получал большое

наслаждение от этого. Но теперь такого не было!

Из моей груди вырвался тяжёлый вздох. Мне надо было хоть немного собраться и хоть что-то начать делать, ведь так время будет ещё дольше идти. От нечего ни делания легче не станет! Поэтому я начал медленно подниматься с кровати. Мне уже давно хотелось пить, но просто было лень встать с кровати. Также я думал немного перекусить на кухне. Хоть у меня особого аппетита не было, но что-то погрызть я был не прочь. Так что можно было взять на кухне какого-нибудь печенья или что-то вроде этого.

Стоило мне только подняться с кровати, как тут же вскочил Лорд, радуясь, что мы с ним куда-то идём. Он от меня не отходил всё это время, что я лежал на кровати, и, понятное дело, что теперь был рад наконец-то выйти вместе со мной из комнаты. Я долго тянуть не стал и решительным шагом направился к двери. До лестницы дошёл достаточно быстро, а вот уже по лестнице начал спускаться медленно.

И вот, сделав буквально один шаг с лестницы, я услышал, что папа играет на фортепиано. Я сделал ещё один шаг и притормозил. Отец играл смутно знакомую мелодию, которая меня тут же заинтересовала. Около минуты он просто играл на фортепиано и вот запел песню, которую я прекрасно помнил и хорошо знал:

– Благодарю Тебя, Господь из Назарета
За счастье, что Тобою мне дано.

За то, что вот однажды меня Ты в жизни встретил

И стало на путях моих светло.

Я замер, слушая, как папа поёт и играет на фортепиано. Этот псалом мне напоминал о давних временах, когда ещё всё было хорошо и просто. Сам незаметно для себя я погрузился в свои мысли, продолжая слушать псалом. А отец продолжал петь:

– Ты шёл ко мне навстречу, Господь из Назарета,
Повёл путем, где прежде Ты ходил.

Везде встречались люди, которых Ты утешил,
Которых Ты нашёл и исцелил.

Я видел слёзы счастья в глазах освобождённых,
Я слышал Твои кроткие слова:

«Смотри и будь таким же, иди и делай так же,
Люби людей, как любишь ты себя».

Я вцепился руками в перила, даже не думая спускаться дальше по лестнице. Более того я продолжал слушать, как папа поёт.

– Веди меня, Дух Божий, Господь из Назарета, – пел тем временем он дальше, даже не замечая меня. – Пусть там, где мне пройти Тобой дано

Не будет обделённых, не будет несогретых,
Твой свет во мне пусть светит далеко.

Веди меня и дальше, Господь из Назарета

Я знаю, что найду Твои следы

Лишь там, где людям тяжело, лишь там, где ищут света,
Где боль людей безмерной глубины.

Отец допел песню и начал играть на фортепиано концовку. Я качнул головой, наконец-то придя в себя. Я не хотел, чтобы папа увидел меня на лестнице и понял, что я слушал, как он поёт. Я не хотел, чтобы это для него что-то значило, ведь это ровным счётом не значило ничего. Мне просто захотелось немного послушать и повспоминать прошлое. Повспоминать те времена, когда всё было замечательно. Пока я итак в депрессии мне это делать можно. Но сейчас, не смотря ни на что, мне всё равно надо было быстро прийти в себя и продолжить путь, что я и сделал.

Я быстро спустился по лестнице и двинулся в сторону кухни, делая вид, что даже не обращаю на папу внимания. А тот затих возле фортепиано, и я почувствовал его взгляд на себе.

– Привет, Макси, – заговорил со мной отец, заставив меня остановиться в паре шагов от кухни. – А ты случайно не хочешь вместе спеть что-нибудь? – почему-то предложил он. Видимо, папа всё-таки понял, что я слушал, как он пел. Он уже давно мне ничего подобного не предлагал и вот снова мне это предложил. Вряд ли это было просто так, ведь я ему уже давным-давно прямым текстом сказал, чтобы он мне ничего подобного не предлагал. И вот снова.... – Ты даже можешь сам выбрать песню. Любую! Какую только пожелаешь. Хочешь?.. – спросил отец с надеждой в голосе.

Я же молчал. Моё выражение лица стало задумчивым. В моей голове мелькали воспоминания, как мы с папой раньше вместе пели, играли на инструментах и получали от это-

го наслаждение. Но больше мне этого делать не хотелось. Я знал, что от этого мне лишь станет ещё больнее, ведь начну вспоминать те прекрасные времена, когда я был зрячим, а мама была ещё жива. А вспоминать всё это мне не хотелось. Мне было слишком больно это вспоминать. А я уже начал это вспоминать, слушая, как папа поёт и играет на фортепиано.

Я даже не представлял, что будет, если начну петь вместе с отцом. Боюсь, тогда эти воспоминания посыплются на меня такой гурьбой, что я не смогу с этим справиться. С таким количеством боли я не справлюсь! Лучше было обойтись без этого. Я не хотел, чтобы мне стало ещё хуже, чем сейчас.

– Ну, уж нет! – лишь буркнул я в ответ и поспешил уйти на кухню.

До меня донёсся грустный вздох папы. Я понимал, что расстроил его своим отказом, ведь он так надеялся, что я соглашусь. Он даже, наверное, верил в это. Но этого не произошло. Мне не хотелось расстраивать отца, но выбора не было. Притворяться было бы много хуже. Лучше уж быть искренним и говорить правду, чем врать и притворяться и причинять лишь большую боль себе и другим. Раньше я так делал и ничего хорошего из этого не вышло. Возвращаться к этому у меня не было желания.

Я начал не спеша делать себе чай. У меня в ногах тёрся Лорд, который всё же прибежал следом за мной со второго этажа. И вот пока я готовил себе чай, услышал, что папа не

стал ждать моего возвращения и начал играть мелодию ещё одного псалма, который также был мне очень знаком.

– Душа моя болит, тревоги полная, – запел он. – И сердцу, и душе покоя нет.

Кругом печаль царит, печаль глубокая.

И кто б ко мне пришёл, чтоб дать ответ?

Нет близких у меня, нет братьев и сестер.

Далеки стали все и чужды мне.

Кто б в сердце влил огня, кто б руки мне простёр,

Чтоб не остаться мне, без царства мне?

Я опять незаметно для себя начал слушать песню, хоть и сначала понимал, что делать это не стоит и лучше думать о чём-то другом. Но эта песня словно влекла меня к себе, и я начинал погружаться в свои мысли, но в этот раз не вспоминал те прекрасные времена, которые неизбежно ушли, а начинал думать о Боге.

А о Нём мне было думать не легче. О Нём мне было думать также тяжело и больно, ведь я и Его потерял. Эмоции, мысли и воспоминания начинали просто переполнять меня, и мне было трудно с ними бороться. Мне становилось всё тяжелее и тяжелее. Я понимал, что мне надо срочно уйти отсюда, и ускорился. Но отец будто бы чувствовал, что что-то со мной происходит от его пения, и продолжал:

– Но не ужель никто не подойдёт ко мне

И не расправит слабых крыл моих?

Я знаю, верю в то, что сильный Царь грядёт.

Но буду ль я тогда в среде своих
Настанет ли конец мучениям моим,
Когда же я покой найду душе?
Но вот во мгле ночной пробился яркий луч,
Услышал я в тиши: «Приди ко Мне!».

Папа проиграл концовку и вновь затих. Я же начал медленно приходить в себя и отходить от всех этих эмоций, мыслей и воспоминаний. На скорую руку я доделал себе чай и, схватив печенье, поспешил уйти наверх, не желая услышать ещё одну песню в папином исполнении. Дать ему время начать петь новую песню я не хотел и спешил, как мог.

Как раз когда я уже был почти на втором этаже, услышал, что отец начал играть мелодию ещё одной песни, которую я также знал. Но больше останавливаться не стал и пулей залетел к себе в комнату. Запустив следом за собой в комнату Лорда, который не отставал от меня, я плотно закрыл дверь, вообще не желая слышать, как папа поёт. Я поставил кружку с чаем на стол, рядом положил печенье и с облегчением вздохнул. Наконец-то я мог хоть немного расслабиться и не думать ни о чём таком, о чём начал думать внизу.

Я опустил за стол и положил перед собой книгу. Раз надо было как-то «убить» время, то надо было почитать книгу. Хоть у меня не было настроения «читать» книгу, но надо было себя чем-то занять, а это было подходящим занятием. Как раз был шанс повысить настроение. Книги я всё же любил, хоть и не так часто последнее время их «читал». «Чи-

тая» книгу, можно было погрузиться в какой-то потусторонний мир и побыть кем-то другим. Когда «читал», я забывался и погружался в сюжет книги. Мне даже не надо было видеть для этого.

Даже зрячим людям при прочтении книги зрение почти ничего не даёт. Ведь ты всё равно не видишь главных героев и того, что происходит в книге. Это всё можно только представлять, а это у меня очень хорошо получалось и мне это нравилось делать. Так я хотя бы на какое-то время становился нормальным человеком. Почти такой же, как все, и я переставал чувствовать, что чем-то отличаюсь от других. Я просто словно на время становился кем-то другим. И вот сейчас я опять открыл книгу и начал погружаться в события, что в ней происходили.

Незаметно пролетели ещё две недели. Они тянулись мучительно долго. Время в институте шло медленно, но и дома оно шло не быстрее. Время словно назло мне остановилось и стало идти так медленно, как будто упивалось моими страданиями. А мои страдания легче никак не становились. Говорят: время лечит! Но на деле это вовсе не так. Время идёт, а легче не становится. Боль продолжает тебя изнутри терзать и ничто не способно её успокоить.

За эти две недели ничего толком не изменилось. Да и что могло измениться? Ничего! Вот только папа стал реже бывать дома. Меня, конечно, это немного удивляло, но с дру-

гой стороны я понимал его. Он, скорее всего, ездил на различные собрания или к друзьям. Ведь я больше не хотел с ним ни пить, ни проводить домашние служения, а по отцу было заметно, что он по всему этому очень скучает. К тому же это было к лучшему, что папа стал меньше бывать дома. Он хотя бы перестал доставать меня своими вопросами, и я мог на полную насладиться одиночеством и покоем.

У меня, конечно, возникали мысли, что отец стал реже бывать дома не только из-за того, что ездил на собрания и к своим друзьям, а ещё потому, что просто не хотел быть со мной. Но я старательно отгонял от себя эти мысли, потому что не верил, что это может быть правдой. Ну, как он может не хотеть быть со мной? Это даже звучит глупо! Да, я, конечно, очень сильно изменился за всё это время и стал немного невыносим, но папа вроде бы всегда относился ко мне с терпением и показывал, что я ему важен и дорог, и что он всё равно любит меня. Не мог же он всё это время притворяться.

Так же вполне возможно, что отцу просто было тяжело видеть меня. Ведь я постоянно был хмурым и грустным, и он, наверное, каждый раз вспоминал наш с ним разговор о той операции и ругал себя за то, что не может никак помочь мне. Это было немного похоже на папу, но также вряд ли он из-за этого стал бы реже бывать дома. Это всё точно было не правдой! И оставалось только думать о том, что отец ездит на собрания и к своим друзьям.

Конечно, можно было его напрямую спросить, где он про-

падает, и избавиться от всех этих мучительных размышлений. Но я боялся, что, если спрошу это у него, папа подумает, что я не хочу, чтобы он так редко бывал дома, и станет, как прежде постоянно находиться дома. Этого мне тоже не особо хотелось! Так что я просто ни во что не вмешивался и старался не мучить себя размышлениями. Ведь мне от этого было только лучше и пусть всё остаётся так, как есть.

И вот как-то после очередного изнурительного и мучительного дня в институте, который я, как обычно, с трудом выдержал, уже хотел пойти домой, как осознал, что мне не хочется идти туда. Да, там был Лорд, и он меня очень любил и всегда показывал мне свою любовь, но мне самому было тяжело от того, что я не мог сейчас относиться к нему как прежде и давать ему ту любовь, которую давал раньше. Сейчас всё изменилось, и хоть пёс был мне и дорог, он меня уже так не радовал.

Можно даже сказать, что я просто привык к нему, и он стал для меня как совершенно обычный член семьи. Какими для нас являются родители, братья, сёстры... Мы их любим, но не показываем это каждый день или каждый час. Также и с нашими домашними питомцами. Сначала мы им чуть ли не каждую секунду показываем нашу любовь, ведь так им рады. Но со временем привыкаем к ним и хоть до сих пор их также сильно любим, мы уже не показываем им любовь так, как показывали раньше. Так всегда происходит рано или поздно. И так произошло со мной.

Так что я за место того, чтобы идти домой к Лорду, принял решение зайти в какое-нибудь кафе и там посидеть. К счастью, я их знал много, благодаря Диме и своим родителям, которые меня туда водили. И сейчас решительным шагом пошёл к одному из знакомых кафе. Я быстро дошёл до кафе. Пройдя внутрь, я замер, прислушавшись. Мне надо было понять, сколько людей в кафе и где я могу сесть. Было достаточно тихо, но понять, где я могу сесть, у меня не особо получалось. Я продолжал стоять на своём месте, размышляя, как тут раздался женский голос:

– Здравствуйте! Позвольте мне вам помочь. Давайте я вас провожу к свободному столику, – видимо, эта девушка была официанткой, поэтому захотела мне помочь, видя, как я стою на одном месте и не знаю что делать. Ведь официантке было невыгодно, чтобы я ушёл просто так, ничего не купив. А к этому всё могло привести, если бы она не подошла ко мне. Но, к счастью, она ко мне подошла и облегчила мои мучения. – Следуйте за мной, – девушка уверенно пошла направо.

Я послушно последовал за ней, доверившись официантке. Мы сделали около пяти шагов, и вот она остановилась.

– Вот. Это свободный столик. Теперь он ваш! Присаживайтесь, – я услышал звук отодвигающегося стула.

– Спасибо большое, – улыбнулся я девушке и опустился за стол, довольный тем, что наконец-то мог присесть.

– Что вы хотите заказать? – поинтересовалась официант-

ка, не отходя от моего стола. – Может, вам помочь выбрать какое-то блюдо? Я могу вас проконсультировать по меню. Вам нужна в этом помощь? Или может, вы знаете, что хотите заказать?

– Вообще-то знаю, – кивнул я головой.

– Хорошо. Я вас слушаю.

– Мне, пожалуйста, принесите просто сладкий чёрный чай и ваше бисквитное пирожное.

– Хорошо. Скоро я вам всё принесу. Прошу немного подождать, – приняла заказ девушка и удалилась.

Я же глубоко вздохнул и откинулся на спинку стула. Было даже немного приятно вновь оказаться где-нибудь кроме дома. Я слишком долго сидел дома. А за последние пару месяцев я привык куда-то ходить и чем-то ещё заниматься. И вот теперь я сидел в кафе, и понемногу на меня начали нахлынивать воспоминания о том, как мы с Димой вот так вместе сидели в кафе. С одной стороны казалось, что это было недавно, а с другой стороны казалось, что это было так давно. Едва ли не в прошлой жизни!

Я снова вздохнул, но на этот раз с грустью из-за навалившихся воспоминаний.

– Вот ваш заказ, – привёл меня в чувство голос вернувшейся официантки. – Счёт вам принести сразу или попозже?

– Попозже, – твёрдо сказал я.

– Тогда я вас пока оставлю. Приятного аппетита! – пожелала мне девушка и вновь оставила в одиночестве.

Я пододвинул поближе к себе кружку с чаем и пирожное, начав не торопясь есть. Конечно, не то чтобы у меня появился аппетит, но пирожное здесь, и правда, было очень вкусным, и я с удовольствием сейчас его ел. Пирожное было съедено быстро, и дальше я просто сидел, уныло и медленно попивая чай. Домой мне возвращаться не особо хотелось, и заказывать больше ничего не хотелось. Так что оставалось только пить чай и сидеть на одном месте. Больше я ничего делать не мог.

– Привет, – внезапно раздался голос какой-то девушки. – Скучаешь? Можно подсяду к тебе?

– Ты ещё кто? – меньше всего я ожидал, что ко мне кто-то подсядет.

– Просто обычная девушка, – ответила она. – Но я могу стать твоим другом.

– Сомневаюсь, что мы можем быть друзьями. Или тебе нужен в друзьях слепой? Да, да! Я слепой! Понятно?!

– Ой, да, ладно тебе, – ничуть не ужаснуло это девушку. – Я видела вещи и похуже. А быть слепым – это ещё не самое ужасное!

– Ага, – лишь скривился я в ответ.

– Я серьёзно! – твёрдо повторила она. – Это ещё не так ужасно! Ужаснее всего, когда твой друг какой-то аутист или просто моральный урод. А вот со слепым или глухим ещё можно дружить.

– Ну, спасибо, – даже не знал я, как реагировать на сло-

ва девушки. Она продолжала что-то ещё говорить, а я лишь думал об одном: когда она уйдёт и оставит меня в покое?! Я не понимал, что нужно этой девушке и почему она так ко мне привязалась. Её общество меня немного напрягало, и я хотел вновь остаться один. Но походу она не хотела мне этого давать, потому что продолжала говорить и говорить.

– А ты как думаешь? – громко спросила девушка.

– Что? – переспросил я, не услышав вопрос.

– Ты что меня не слушал? – поняла она, но в её голосе не было ни нотки злости на меня за это. Наоборот её голос был таким добрым и мягким, что даже становилось немного не по себе. Почему эта девушка ко мне так добра? Чем я это заслужил?

– Если честно, нет.

– Ну, ничего страшного, – я понял, что она улыбнулась. – Я могу повторить вопрос.

– Подожди! – остановил я девушку, не желая вновь слышать её болтовню. – Ты уж прости, но я, правда, не понимаю, что тебе от меня надо. Тебе что больше пообщаться не с кем? Почему ты пристала именно ко мне?

– А ты меня так и не узнал, да? – её голос стал каким-то загадочным.

– В смысле? – не стал я скрывать своего удивления. – С чего это я должен тебя узнавать? Мы впервые встретились вообще-то.

– А вот и нет! Мы уже с тобой виделись. Много лет назад.

Я Василиса, – представилась девушка, но выражение моего лица оставалось таким же удивлённым. Я всё равно не мог вспомнить, кто она и когда мы с ней могли видеться. Я её точно не помнил! – Помнишь, ты меня как-то спас от ребят. Нам тогда было лет по двенадцать. Может больше.... Они все окружили меня, а ты встал на мою защиту. А потом ты наблюдал, как я кормлю котят. Я видела твой восхищённый взгляд, но была больше восхищена тобой. Ты меня вспомнил? Или нет?

– Точно. Да. Такое было, – вспомнил я. – Я тебя помню. Но вот только.... – мои губы растянулись в горькой усмешке. – Как я мог тебя узнать, если я теперь слепой?

– Для того чтобы узнать, необязательно видеть. Достаточно почувствовать сердцем этого человека. Ты вот тоже очень изменился, но я тебя всё равно узнала. И, если честно, я рада вновь встретиться с тобой. Я уже давно мечтала вновь увидеть тебя и вот увидела. Ты тогда очень сильно изменил мою жизнь. Может, ты тогда сам не понимал, что сделал ради меня, но ты сделал очень многое. Те слова, что ты мне тогда сказал.... Они перевернули всю мою жизнь! Они помогли мне полюбить себя такой, какая я есть, стать увереннее и стать лучше. И я очень благодарна тебе за это! И я очень хотела сказать тебе эти слова.

– Ну, спасибо, конечно, – на моём лице появилась слабая улыбка. – Но боюсь того мальчика, что тогда сказал тебе эти слова, больше нет. Он умер. А остался я....

– Ого! – вырвалось с губ девушки. – Полагаю, в твоей жизни многое случилось! Тогда ты был таким жизнерадостным и простым мальчишкой. Ты даже меня удивил тогда. А сейчас.... Сейчас ты совершенно другой. Что с тобой такое случилось? Почему ты такой грустный? Сидишь здесь совершенно один.... В чём дело? Раньше ты был всегда таким счастливым, а сейчас.... На тебе лица нет!

– Да. Всё верно. В моей жизни многое случилось, – не стал я это отрицать. – Например, я потерял зрение. Ну, и много всего другого! Но я не стану это обсуждать.

– Да. Я тебя понимаю. И не настаиваю. Но очень надеюсь, что у тебя всё наладится.

– Я слепой! Как у меня может всё наладиться? – нахмурился я. – Я вдруг прозрею или что?

– Ну, и слепые могут жить счастливо, – неуверенно проговорила Василиса. – Или ты хочешь сказать, что твоя жизнь закончилась, как только ты стал слепым?

– Так и есть, – буркнул я.

– Ну, зачем ты так, Максим? – вздохнула она. – Не надо так сразу говорить. Ты слишком негативно настроен. Надо быть проще и тебе самому станет легче жить.

– А может, давай ты побудешь на моём месте, и посмотрим, как ты будешь справляться в моей ситуации? – предложил я, не в силах слушать эти слова Василисы. Я понимал, что она просто пытается меня поддержать, но им всем легко говорить, что у меня всё наладится. Они ведь не знаю, ка-

ково мне на самом деле. Они не знают, как мне тяжело. Им меня не понять и слушать подобное я не желал!

– Ладно. Извини. Ты прав. Мне не понять какво тебе. Но я совершенно искренне желаю, чтобы у тебя всё было хорошо. Пусть у тебя всё наладится! И надеюсь, что ты найдёшь выход из своей ситуации и вновь станешь тем парнем, что тогда меня так вдохновил и изменил. Ты был просто замечательным! И надеюсь, что ты сможешь вновь стать таким же и выйдешь из той тьмы, где застрял. Мне невыносимо больно видеть, как изменила тебя жизнь. Вот так жизнь и меняет потрясающих людей. Но я верю, что жизнь тебя не до конца сломала, и ты сможешь восстановиться. Ты справишься!

– Конечно, спасибо за добрые слова, но вряд ли это случится, – уверенно сказал я.

– Зря ты в это не веришь, – осуждающе цокнула языком Василиса. – Ведь порой нужно просто во что-то верить, и вся твоя жизнь может измениться. Я верю в то, что твоя жизнь наладится. И не перестану в это верить! Понятно?! Если ты сейчас слишком устал и слишком ослаб, чтобы в это верить, то я буду верить за место тебя. Ведь когда-то ты верил в меня! Ты верил, что я замечательный человек и что у меня всё будет хорошо. И теперь у меня всё хорошо. Благодаря тебе! Кто знает, может, и я смогу помочь тебе своей верой.

– Ну, да... – смог лишь выдавить я из себя.

– Я не перестану верить. Даю тебе слово, Максим! Я желаю тебе счастья! Ты его заслужил. А пока... – девушка за-

пнулась. – Я вижу, что ты не настроен на общение со мной и что сейчас тебе слишком тяжело. Поэтому не буду тебе досаждать. Но знай, что я рядом и тебя не брошу. Ты спас меня, и я никогда этого не забуду. Надеюсь, мы ещё как-нибудь пересечёмся и пересечёмся тогда, когда ты будешь к этому готов. И когда мы сможем нормально поговорить. Ну, а пока... Я пойду! – она поднялась из-за стола. – Пока, Максим! До встречи!

Я ничего говорить в ответ не стал. Василиса дотронулась до моего плеча и ушла, оставив меня в лёгком недоумении от такой встречи и даже в небольшом шоке, ведь я точно не ожидал, что такое произойдёт сегодня в кафе. И понятия не имел, как относиться к этой встрече. Но, конечно, было бы лучше, чтобы этой встречи вовсе не было. Ведь эта встреча и Василиса лишь в очередной раз напомнили мне о прошлой жизни, которой больше никогда не будет. И я вновь начал впадать в страшную тоску.

Глава 12 «Я тебя ненавижу!»

Постепенно прошёл ещё целый месяц. Жизнь шла своим чередом. Я немного справился со своей депрессией, и мне больше не было так тяжело из-за уезда Димы. Наверное, я просто привык к тому, что его больше не было рядом и никогда не будет. А, может быть, это ещё было благодаря тому, что мы стали реже созваниваться. Да, мы ещё общались, но в основном звонили друг другу раз в неделю, а порой и того реже.

У друга была своя жизнь и у него начало там всё налаживаться. Появлялись новые друзья, он был занят дрессировкой своей собаки, и у него даже вроде появилась девушка или просто подружка. У него там всё было хорошо, и он был постоянно очень занят, так что ему было не до общения со мной.

По идее мне должно было быть от этого обидно, и я должен был злиться на Диму за то, что он стал реже общаться со мной и начал про меня забывать, но это было совсем не так. Я даже был рад, что у него начало всё налаживаться, и он перестал мне так часто звонить. Мне вполне хватало того, что мы периодически созванивались. И я ещё даже был рад, что друг перестал так часто мне звонить. Его частые звонки мне очень сильно досаждали, а теперь мне стало немного легче, и я мог расслабиться. Я не терял ничего от того, что я для

Димы почти перестал быть тем хорошим другом, которым ранее для него являлся. Мне от этого было ни холодно, ни жарко. Мне было просто всё равно!

Я, как обычно, ходил в институт, сидел на парах, старался в учёбе, как только мог. Папа также редко бывал дома, постоянно где-то пропадая. Меня это даже уже удивлять перестало, и я просто наслаждался покоем и тишиной. Мы в основном сидели с Лордом вдвоём и могли делать всё, что только хотели. Я мог включить громко музыку и спокойно её слушать. Или мог играть на гитаре на первом этаже и не думать, что папа будет слушать, как я играю и пою. Я мог просто расслабиться и ни о чём не беспокоиться.

Правда, пропадал отец не всегда. Как, например, сегодня он был дома. Сегодня был выходной. Я очень надеялся, что, как и прошлые выходные, смогу провести этот выходной спокойно и нормально отдохну, но именно сегодня папа решил побыть дома и никуда не идти. С самого утра мы вынуждены были быть вместе. А точнее я был вынужден быть с отцом, ведь тому нравилось моё общество, и он этого даже не скрывал. Он изо всех сил пытался втянуть меня в разговор, но это у него не особо получалось, ведь мне говорить не очень-то и хотелось.

– Макси, ну, что ты такой неразговорчивый? – доставал меня папа, одновременно убирая со стола. У нас как раз закончился обед, и я никак не мог доесть макароны с фаршем. Когда я попытался выйти из-за стола, не доев их, папа отнёс-

ся к этому очень нетипично и сказал примерно следующее: «А я что эти макароны должен буду выбросить в мусорку?». Поэтому я решил остаться за столом и всё доесть, чтобы отец не подумал ничего плохого. И мне приходилось терпеть его болтовню. – Ну, поговори со мной!

– И что же мне говорить? – сделал я недовольное выражение лица.

– Ну, хотя бы давай начнём с того, что ты расскажешь, что у тебя нового.

– Где? – задал я немного глупый вопрос.

– Ну, например в институте. Там точно что-то новое должно быть, – твёрдо сказал папа. – Может, вы что-то интересное на парах проходили. Или ты сам что-то интересное слышал. Давай! Рассказывай!

– Нечего мне рассказывать.

– Что ничего интересного не было? – в голосе отца было слышно удивление и даже недоверие. – Да не может быть такого! В институте постоянно что-то интересное происходит. Даже у меня постоянно что-то интересное происходит, а я не студент, а преподаватель. А вот ты студент! А у вас вечно что-то интересное происходит. Ну же, Макси! Не таи! Расскажи хоть что-нибудь.

– Говорю же: нечего мне рассказывать! – повторил я. – Всё по-старому! Всё как всегда. Ничего нового нет.

– Да врешь ты всё, Макси! – всё равно не верил мне папа. – Ты просто мне не хочешь рассказывать. Вот и всё! Но я не

понимаю в чём дело и к чему такая скрытность. Я вот от тебя ничего не скрываю.

– Ну, конечно, – еле слышно пробурчал я. Ведь я-то прекрасно понимал, что это вовсе не так. Ведь отец мне не рассказывал, где пропадает целыми днями, а значит, он что-то скрывал. А сейчас говорил, что ничего от меня не скрывает. Получается, что он врал мне! Я вот ему точно не врал, ведь у меня, и правда, ничего интересного не происходило. По крайней мере, я ничего интересного не замечал! Для меня ничего интересного вокруг не было и понятно, что мне нечего было рассказывать папе.

– Я всегда тебе всё рассказываю, – продолжал тем временем тот, не замечая моей задумчивости. – А вот ты мне последнее время вообще ничего не хочешь рассказывать. И я не могу понять, в чём дело. К чему такая таинственность?!

– Хватит, пап, – поморщился я. – Нет никакой таинственности. Просто мне нечего рассказывать. Да, у меня такая скучная жизнь. И что поделать? Мне, правда, нечего рассказывать! Или ты мне не веришь?

– Ну, ладно. Раз тебе нечего рассказывать, то не буду к тебе приставать, – сдался отец. – Давай лучше я тебе что-нибудь расскажу, – и он начал увлечённо рассказывать, что интересного случилось у него на работе, а, проще говоря, на его парах.

Я же тяжело вздохнул и отправил в рот очередной кусочек макарон с фаршем. Мне уже было просто невыносимо

есть, но доесть еду надо было. Чем скорее я всё доем, тем быстрее вернусь к себе в комнату, и мне больше не придётся слушать папину болтовню. По крайней мере, не придётся слушать его болтовню на время. Поэтому я сосредоточился на еде и ускорился, желая как можно быстрее всё съесть.

– Ты представляешь, как это было смешно? – весело смеялся отец над своим же рассказом. – Мне кажется, что тогда все смеялись. Вот такое порой происходит на парах. А ты говоришь, что у вас нет ничего интересного. Вот из-за такого я как раз-таки тебе не особо верю.

– Ну, это у вас там такое веселье, – пожал я плечами и поднялся из-за стола, наконец-то всё доев до конца. – У нас такого веселья нет!

– Очень жаль, – вздохнул папа. – О! Ты всё доел. Молодец! Давай сюда тарелку, – он взял со стола тарелку и сделал шаг от стола.

Я уже хотел уйти и, даже развернувшись, приготовился делать шаг к выходу из кухни, как тут раздался грохот, который заставил меня вздрогнуть и повернуться обратно к отцу. По звуку казалось, что что-то разбилось.

– Что такое, пап? – поинтересовался я, не особо поняв, что случилось. Я должен был убедиться, что всё в порядке и тарелка просто случайно упала. Ведь у каждого такое может случиться. Каждый человек может уронить и разбить тарелку. В этом ничего страшного нет!

– Ничего, Макси, – поспешил успокоить меня тот, но его

по голосу создавалось впечатление, что что-то не так. – Просто тарелка выпала из рук, – а это прозвучало ещё менее правдоподобно и уверенно. Я точно чувствовал, что что-то было не так, но не мог понять, в чём дело. – Иди, Макси. Ты же вроде хотел пойти в комнату.

– Ну, да, – кивнул я, но на этот раз не торопился уходить. Я хотел разобраться, в чём причина папиного странного поведения. Я медленно развернулся и в этот момент услышал ещё более странный звук. Как будто отец врезался в стол. Я опять повернулся к папе. – Пап, ты в порядке? – напрямую спросил я, так как чувствовал, как будто ему плохо. А иначе, почему он себя так странно ведёт? Сначала выронил тарелку, потом так странно говорил и теперь это.... Неужели ему, и правда, было плохо? Но я надеялся, что это было не так. Мне не хотелось, чтобы папа болел или чтобы ему было плохо. Ну, а кто захочет, чтобы его родители болели? Никто! И я этого не хотел. – Тебе плохо, что ли? – я уверенно шагнул к папе.

– Нет, Макси! – как можно убедительнее проговорил он. – Со мной всё хорошо. Не волнуйся за меня. Я в порядке! Иди. Всё нормально.

– Правда? – уточнил я, не веря ему.

– Да, да. Правда! Или ты думаешь, я стану врать тебе? Всё хорошо! Можешь идти!

– Ну, ладно, – не стал я надоедать отцу и послушно пошёл к выходу.

Я только сделал шаг из кухни, как тут снова раздался грохот, но на этот раз звук был гораздо громче, и казалось, что упало что-то тяжёлое. Я вновь остановился.

– Пап, ты в порядке? – на всякий случай спросил я, желая понять, что в этот раз случилось. – Папа! – ответа не было. – Пап! – ещё громче крикнул я и обернулся.

И тут до меня дошло. Это не что-то упало. Это упал папа! Видимо, ему и правда было плохо, и он упал в обморок. Я замер, понятия не имея, что делать. Мне казалось, что это всё какой-то страшный сон или это отец меня разыгрывает и сейчас заговорит со мной, но стояла полная тишина. Сердце моё начало биться так быстро, что мне казалось, что сейчас оно выскочит из груди. Конечно же, я начал переживать за папу. Как может быть иначе!

– Папа! – ещё раз крикнул я и бросился к тому месту, где он должен был быть.

К счастью, я нашёл его быстро. Я нащупал его лицо, руки и плечи. Я начал дёргать отца за плечи, надеясь привести в себя, но это никак не помогало.

– Боже мой! – вырвалось из моих уст. От ужаса я начинал просто неметь. Как бы папа не раздражал меня порой, он был мне дорог и терять его я не хотел. Но сейчас я понятия не имел, что делать и мне казалось, что я медленно теряю его. В моей душе постепенно начала нарастать паника.

Тут раздался громкий лай Лорда, который забежал на кухню. Походу он тоже почувствовал, что что-то не так и теперь

переживал за моего отца. Ведь тот тоже был для него хозяином, и он его любил. Лай пса мигом отрезвил меня и привёл в чувство. Я тут же понял, что пора действовать. Нельзя просто так сидеть!

Я моментально вскочил на ноги и, выхватив из кармана свой телефон, начал дрожащими руками набирать номер скорой помощи. А руки мои тряслись так сильно, что я даже не с первого раза смог набрать нужный номер. Но вот я наконец-то его набрал и приложил телефон к уху. Внутри я молился, чтобы скорая помощь приехала как можно скорее и чтобы папе успели помочь. Как только на другом конце провода взяли трубку, я в спешке затараторил:

– Пожалуйста, моему отцу очень плохо. Он потерял сознание! Приезжайте как можно скорее. Пожалуйста! Я не знаю, что с ним. Помогите ему! Ему срочно нужна помощь.

– Пожалуйста, успокойтесь, – попросила девушка спокойным голосом на другом конце провода. – Где вы находитесь? – я также быстро протараторил адрес, и она сказала: – Хорошо. Мы уже отправили машину с бригадой. Они скоро будут и вашему отцу помогут. Не беспокойтесь! Мы вам позвоним на этот номер, как только бригада скорой помощи подъедет к дому. Ожидайте!

Раздались длинные и протяжные гудки, что означало, что девушка скинула вызов. Я засунул телефон обратно в карман и медленно опустился на колени рядом с папой. Я нерешительно взял его за руку и, склонившись над ним, тяжё-

ло вздохнул. Сейчас я очень сильно боялся за отца. Боялся, что могу потерять его навсегда. Это было бы самым большим ударом для меня, и сейчас я очень надеялся лишь на то, что скорая приедет как можно скорее и что папа не умрёт к их приезду и сможет продержаться. О смерти отца я даже думать не хотел и лишь старался терпеливо ждать бригаду скорой помощи, изо всех сил сжимая папину ладонь. Я не желал оставаться один. Я не мог остаться один! Папа мне был просто необходим!

Как и пообещала девушка, скорая помощь приехала достаточно быстро. Они также быстро осмотрели папу, сориентировались и поняли, что его надо везти в больницу. И, понятное дело, я мгновенно изъявил желание поехать вместе с отцом. Я не мог оставить его одного, когда ему плохо. Я просто обязан был быть рядом с ним. Лорд всё это время вился рядом с нами, не зная, что делать и как помочь своим хозяевам. Но его я взять с собой не мог, как бы мне этого не хотелось, а мне этого хотелось. Об этом даже не могло быть и речи. Так что когда папу на носилках вынесли из дома, я покинул дом, оставив Лорда одного. Закрыв дверь на замок, я поспешил к машине скорой помощи, где меня уже ждали медики. Они усадили меня в машину рядом с папой, и мы поехали.

Доехали до больницы мы буквально за пять минут. А ещё через пять минут меня усадили в коридоре и попросили по-

дождать. Отца куда-то увезли, а я остался один. Теперь мне оставалось только ждать, пока ему окажут первую помощь. Я надеялся, что с ним ничего страшного не случилось, но всё равно мне хотелось знать, почему папе внезапно стало так плохо, и он потерял сознание. Это мне было просто необходимо знать. Мне это должны были рассказать либо врачи, либо сам отец, когда придёт в себя. Мне надо было только немного потерпеть, что я и старался делать.

Около получаса, а может дольше ко мне никто не подходил, и о папе не было ни слуху, ни духу. Я уже даже начинал волноваться и хотел пойти сам выяснять, что там с ним, но с трудом справлялся с этим желанием, понимая, что давить на врачей не стоит и надо просто им дать время. Они делают свою работу и им надо доверять. От моих вопросов отцу легче не станет.

Я продолжал сидеть ещё около получаса, а может мне так показалось. И вот я всё-таки не выдержал. Мне было уже невыносимо просто так сидеть, не зная, как там папа. Я должен был узнать хоть что-нибудь. Мне должны были сказать, хоть что-то. Я вскочил со своего места и только сделал шаг по направлению к врачам, которые сбоку от меня что-то обсуждали, как тут раздался чей-то голос:

– Здравствуйте! Мы оказали вашему отцу первую помощь, и он уже приходит в себя. Можете зайти к нему в палату.

– Он в порядке? – с замиранием сердца спросил я, ожи-

дая услышать какой-то страшный диагноз или что-то вроде этого.

– Сейчас с ним всё в порядке, – твёрдо сказал врач. – Идите, поговорите с ним. Он сам вам всё расскажет. Давайте я вас провожу к его палате, – предложил доктор, походу увидев, что я слепой.

– Хорошо. Спасибо большое, – я пошёл следом за врачом, который уверенно двинулся по коридору.

– Вот и его палата, – доктор открыл одну из дверей. – Можете пока побыть с ним.

– Спасибо, – я благодарно улыбнулся.

– Не за что, – лишь сказал в ответ врач и дальше пошёл по коридору.

Я же нерешительно зашёл в палату. Сделав пару шагов, остановился.

– Привет, Макси, – раздался слабый голос папы.

– Ага, – буркнул я в ответ и подошёл поближе. – Ну, и что говорят врачи? Что с тобой было? Почему тебе стало плохо?

– Всё со мной нормально, Макси. Не волнуйся за меня. Я в порядке!

– Так же ты говорил в прошлый раз. Совсем недавно. А потом потерял сознание! – нахмурился я и сделал ещё один шаг к отцу. – Так что не надо мне врать, что всё в порядке. Просто скажи, что тебе сказали врачи и всё! Я хочу знать правду! Вообще-то я имею права её знать. Ты меня очень напугал, когда потерял сознание, и я хочу знать, с чем это

было связано. Так что говори!

– Хорошо, хорошо. Ты только успокойся и присядь, – папа пододвинул ко мне стул, который, видимо, стоял рядом с его кроватью. Я послушно опустился на него. – Со мной, правда, ничего серьёзного нет. Я тебе не вру!

– И почему же ты тогда потерял сознание? Думаешь, я совсем глупый?!

– Макси, ты хотя бы дослушай меня. Да, я потерял сознание, но это не что-то такое серьёзное. Я просто немного переработался, переволновался и тому подобное. Мне просто надо пару дней отдохнуть, и я буду как новый. Всё будет хорошо! Тебе не о чем волноваться, Макси.

– Правда? А сейчас ты хорошо себя чувствуешь? – спросил на всякий случай я, желая убедиться, что с отцом, правда, всё хорошо.

– Я себя чувствую замечательно! – твёрдо сказал тот.

– Значит, говоришь, что это из-за того, что ты переработался? – повторил я.

– Всё верно. Это так!

– Но ты же вроде работаешь как обычно. А раньше с тобой такого не было, – подметил я. – Ты точно уверен, что это с этим связано? Может, дело в чём-то другом? Может, врачу ещё лучше обследовать тебя, а то мало ли....

– Ну, во-первых, Макси, а сейчас работаю не совсем как обычно. Ты просто это не замечаешь, потому что очень поглощён своей учёбой. И я сейчас вовсе не имею в виду, что

это так плохо. Учёба для тебя должна быть пока на первом месте. Так что всё правильно! А вот по поводу работы.... Я стал работать чуть больше. Я стал брать дополнительные уроки, а из-за этого начал больше уставать и больше нервничать и, видимо, это дало свои плоды. И, если честно, я рад, что теперь ты знаешь, что я стал брать дополнительные уроки. Надо было, наверное, это сразу тебе сказать, чтобы ты не беспокоился из-за того, где я. Ну, а, во-вторых, Макси, врач уже хорошо меня обследовал, и я полностью здоров. Так что об этом переживать не нужно! Или ты хочешь, чтобы я чем-то болел?

– Нет, конечно, не хочу, – тут же отрезал я. – Но всё это так странно.... Ну, ладно. Но тогда другой вопрос. Зачем ты стал брать дополнительные уроки? Зачем тебе это нужно? Тебе денег, что ли мало или дело в чём-то другом?

– Что ты? Да не в этом дело. Просто пару преподавателей приболело, и я решил их подменить. И так вышло, что меня один раз попросили подменить их, и я согласился, потом ещё раз и ещё раз и так поехало. Сам не заметил, как так вышло! Но теперь буду стараться так много не работать.

– Вот и правильно! – поддержал я его. – Всему надо знать меру. Ну, значит, раз ты полностью в порядке, врач тебя не станет здесь держать и отпустит домой?

– Да, думаю, что лежать мне здесь, смысла нет. Отдохнуть я могу и дома, – папа начал подниматься с кровати. – Так что пойду с ним поговорю и думаю, мы скоро поедем домой.

– Было бы здорово.

– Скоро вернусь, – отец похлопал меня по плечу и покинул палату.

Я откинулся на спинку стула и вздохнул с облегчением. С папой было всё хорошо, и мы могли вернуться домой. И мне не терпелось это сделать и забыть всё, что сегодня произошло. А это был просто ужас. Ведь я, правда, очень испугался за папу. И ужас был в том, что я его даже не видел и не мог понять, что с ним и насколько ему плохо. А если бы я его видел, то сразу смог бы понять, что ему плохо и успел бы оказать хоть какую-нибудь помощь. Я мог бы его поддержать и помочь дойти до дивана, и он полежал бы. Тогда может быть, даже не пришлось бы вызывать скорую помощь. Но я был слепым и ничего из этого сделать не мог. Теперь же оставалось только вернуться домой и постараться забыть сегодняшней кошмар. А мне очень не терпелось это сделать!

Отца не было около десяти минут, и я только начал волноваться, как он вернулся.

– Ну, всё! Я обо всём договорился. Мы едем домой! – воскликнул папа.

– Замечательно! – не стал я скрывать своей радости и вмиг вскочил со стула и направился к двери. – Поехали скорее отсюда. Уже невыносимо здесь находиться. Ненавижу больницы!

– Да, да, я это всё понимаю, – приостановил меня отец. – Я тоже не особо люблю больницы. Но дай мне хотя бы со-

браться. Подождёшь ещё пять минут?

– Конечно, – положительно кивнул я головой, но тяжёлый вздох выдал меня. Мне не хотелось здесь больше оставаться ни на минуту.

– Я быстро! – пообещал он и начал собираться.

Я терпеливо ждал его всё то время, что он собирался. А папа, как и пообещал, собрался быстро, и мы наконец-то покинули палату, а ещё через пару минут больницу. Домой мы, понятное дело, на машине добираться не могли, так что отцу пришлось вызывать такси. А оно приехало практически сразу. Мы уселись в машину и помчались домой.

У меня чуть ли не вся жизнь перед глазами «промелькнула», когда я представил, что папа умрёт. И теперь я знал, что всё обошлось, и у меня будто камень с сердца упал. Мне стало гораздо легче, и даже моя жизнь уже не казалась такой ужасной и тоскливой. Вполне обычная и нормальная жизнь! И мне больше всего на свете сейчас хотелось вернуться домой и расслабиться. А также погладить своего верного и любимого пса, по которому я сейчас почему-то так сильно скучал.

Я сидел в зале вместе с Лордом и читал книгу. Шёл второй выходной. Папа что-то делал на кухне, не желая мешать мне. И я понимал, почему он не хотел мешать мне. Ведь последнее время я редко когда сидел на первом этаже и в основном целыми днями находился в своей комнате. И вот сейчас на-

конец-то уселся на первом этаже, что отца, понятное дело, порадовало. Он точно не хотел, чтобы я вернулся обратно.

А я же мог спокойно читать книгу, расслабившись на диване. Мне было очень хорошо и удобно. Даже в комнате на кровати не было так удобно, как тут. Лорд положил свою голову ко мне на колени и тоже наслаждался временем, проводимым здесь в зале. Для него также было радостно находиться здесь. Ведь здесь он мог быть сразу рядом с двумя своими любимыми людьми. Что может быть ещё лучше для пса?

Тут раздался громкий звонок в дверь, который моментально заставил меня и Лорда отвлечься и приподняться. Кто-то к нам пришёл, и надо было подняться с дивана и выяснить кто это. Конечно, делать это не особо хотелось, но надо было. Поэтому я через силу поднялся с дивана и поплёлся к двери.

Папа, скорее всего, был чем-то занят, раз ещё не пошёл к двери, а не слышать звонок он никак не мог, ведь тот был очень громким. К тому же я был к двери ближе, чем отец. Так что дверь точно нужно было открывать мне. У двери я был уже через минуту, а кто-то продолжал упрямо в неё то стучать, то звонить. Лорд следовал за мной, видимо, также намереваясь выяснить, кто к нам пришёл.

Подойдя к двери, я сначала глубоко вздохнул, готовясь к приходу незваного гостя. Раздался ещё один громкий звонок, который заставил меня поторопиться открыть входную дверь. Я распахнул её и сделал шаг назад.

– Ну, что так долго, Максим?! – тут же раздался голос дяди Саши. – Я думал уже, что вы мне не откроете. Хотел уже сам взламывать дверь, раз вы такие «гостеприимные».

– Я не знал, что ты сегодня придёшь, – не стал я скрывать своего удивления.

– Но я пришёл! Решил сделать вам сюрприз. А ты мне не рад?

– Рад, конечно, но... – я запнулся, не зная, что сказать. Я точно не ожидал, что к нам внезапно решит прийти дядя. Я ожидал кого угодно, но не его.

– Я тоже рад тебя видеть, – он хлопнул меня по плечу. – Я очень соскучился и хотел тебя увидеть. Мы ведь давно не виделись, племянник.

– Саша! – прошёл в прихожую папа. – Ого! Привет! Рад тебя видеть, – они обнялись. – Что это ты решил сегодня приехать к нам? В чём причина?

– Да просто соскучился по вас! – с улыбкой отозвался дядя Саша. – Или просто так приезжать нельзя? Обязательно должна быть какая-то причина?

– Нет, конечно. Это здорово, что ты приехал. Проходи, давай в дом. Пообщаемся.

– Ну, вот это уже другое дело! – был доволен дядя. – А то я уже подумал, что тут никто мне не рад. То Максим меня пускать не хотел, то вы так реагируете на мой приход. А мне просто хотелось вам сделать сюрприз! Или это так плохо?

– Хорошо, хорошо это. Пошли уже, – отец повёл вглубь

квартиры своего брата. – Макси, закрой, пожалуйста, дверь.

– Ага, – я захлопнул дверь и щёлкнул замок. Только после этого последовал следом за папой и дядей Сашей.

– Вот это да! Как вырос Лорд! – удивлённо говорил дядя, походу склонившись над псом. Тот по-любому начал его обнюхивать, поэтому дядя Саша его заметил. Ведь в прихожей он на него даже внимания не обратил, хотя пёс был рядом со мной. – Каким ты стал красавчиком. Привет, Лорд! Помнишь меня, да?

– Конечно, он помнит тебя. С чего ему тебя не помнить? – уверенно сказал папа. – Присаживайся на диван. Макси, давай к нам.

– Да, Максим, давай к нам! – подсуетился дядя. – Ты же не убежишь сейчас наверх? А то я и с тобой очень хочу пообщаться.

– С чего это? – задал я глупый вопрос, но на диван уселся.

– А как я могу не хотеть пообщаться со своим любимым племянником? – напрямую ответил дядя Саша. – Жаль мы стали так редко видеться, но надо это исправлять. Для начала расскажите как у вас тут дела?

– У нас всё нормально, – ответил я. – С твоего последнего прихода к нам домой ничего не изменилось.

– Максим, выглядит так, будто бы ты обижаешься на меня из-за того, что последний раз мы с тобой общались месяца три назад. Ну, нормально общались, не по телефону.

– Да нет. С чего это? – выражение моего лица стало удив-

лѐнным. – Мне всё равно, когда мы с тобой последний раз общались. С чего мне на тебя обижаться или злиться? Я маленький ребёнок, что ли? Я просто тебе сказал, что с твоего последнего прихода ничего не изменилось. Я не говорил, что обижаюсь на тебя!

– Ну, это хорошо, что ты на меня не обижаешься, ведь мне самому очень стыдно, что мы редко общаемся. Но у меня работа, у тебя учёба и ты вроде тоже последнее время был очень занят. Даже на мои сообщения почти не отвечал. К тому же помни, что я тебе постоянно пишу.

– Ну, да, – я скривился. – Каждый день! Ужас! Тебе заняться больше нечем? Даже я так часто ни с кем не переписываюсь. Или тебе так одиноко, что ли?

– Нет, я просто хочу знать, что у моего племянника всё хорошо и что он в порядке, – заявил дядя Саша. – Или так плохо, что я хочу это знать?

– Я не говорил, что это плохо. Почему тебе всё кажется, что я думаю, что ты что-то делаешь плохо? Я же этого не говорю! И даже не намекаю тебе на это!

– Но ты отвечаешь таким тоном и так реагируешь на это, что создаётся такое впечатление.

– Ну, извини, но я точно так не думаю.

– А ты что пишешь Макси каждый день? – заинтересовало это папу.

– Ну, да, – не стал этого скрывать дядя. – А что?

– И о чём же вы переписываетесь?

– Ну, я в основном спрашиваю Максима, как у него дела дома, на учёбе и так далее. А он практически всегда сухо отвечает: «Хорошо» или «Нормально» и тому подобное. Вот такое у нас примерно общение! – рассказал дядя Саша.

– Так тебе ещё мои ответы не нравятся? – теперь я сделал обиженное выражение лица. – Тогда я могу тебе вообще ничего не отвечать. А то, видите ли, сухо я тебе отвечаю.

– Зато я честно говорю. Я хотел бы, чтобы ты нормально рассказывал, что у тебя нового и как у тебя дела. А не отвечал одним словом, – укорил меня тот.

– А Максиму нечего рассказывать, – влез отец. – У него всегда всё нормально и ничего нового нет.

– Так вы что все сговорились? – нахмурился я. – Может, хватит уже?!

– А если честно, Саша, мне обидно, – выдал папа.

– В смысле? – не понял дядя.

– Ну, как же.... Макси ты пишешь каждый день, интересуешься как у него дела и как он. А мне пишешь чуть ли не раз в неделю, а порой и ещё реже. Что за дела?! Как так можно? Я твой брат или кто?!

– Ну, если надо, то я могу и тебе писать. Мне несложно! – сдался он.

– А вот уже не надо! – решил сыграть обиженного отец. – Раньше надо было. Одолжение мне делать не нужно!

– Вот видишь, Максим! – обратился ко мне дядя Саша. – Даже нам можно обижаться. Так что в следующий раз луч-

ше обижайся на меня, если я опять буду с тобой так плохо и редко общаться. Общение по телефону – это не то! Общение должно быть таким, как сейчас. А такое общение должно быть как можно чаще. И если ты не будешь на меня обижаться, то мне будет вдвойне стыднее перед тобой, как сейчас. А мне сейчас очень стыдно перед тобой за то, что я уделяю так мало времени своему единственному племяннику. Раньше же мы общались чаще, а сейчас.... Так не годится! И твой папа показал яркий пример, что обижаться вполне можно, и в этом ничего такого нет. Это нормально!

– Никакой я не пример показывал! – воскликнул отец. – Я, правда, на тебя обиделся. Что за дела то, а?!

– Ты шутишь, что ли? – засмеялся дядя, и я его поддержал. – Нет, нет! Только ты не обижайся на меня. Буду я тебе писать, буду. Не волнуйся!

– Ну, хорошо, – отступил папа. – Мы ещё посмотрим, как ты мне писать будешь. Но если ты меня обманешь, то я, правда, на тебя обижусь. Ясно тебе это?!

– Всё предельно ясно! – отчеканил тот, и мы опять засмеялись, но в этот раз вместе с нами засмеялся отец. – А теперь давайте вернёмся к главному вопросу, с которого всё началось, но Максим увёл нас с этой темы. Я спрашивал, как у вас дела. Если Максим не хочет ничего рассказывать, то тогда рассказывай ты, Коля!

– Хорошо. Я могу! – не стал спорить папа и тут же приступил рассказывать, как у нас дела дома и как у него дела

на работе.

Продолжалось наше общение ещё около получаса. Я, как мог, поддерживал разговор, смеялся вместе со всеми и даже на время расслабился. Рядом с дядей мне всегда было очень хорошо и спокойно. И вот сейчас я наслаждался общением, и всё плохое было начисто забыто. Мне просто было хорошо, и всё остальное было неважно. Я мог так и дальше общаться, но незаметно разговор начал переходить на какие-то другие темы, которые мне не были столь интересны. И мне начинало становиться скучно.

К тому же мне хотелось вернуться к чтению своей книги, которую мне пришлось отложить из-за прихода дяди. С одной стороны мне не хотелось уходить, ведь я любил общаться с дядей, и с ним было всегда хорошо поговорить. Но с другой стороны разговор был слишком скучным для меня, и я зря тратил время.

Пару минут я боролся с желанием уйти наверх, а потом понял, что нам с дядей в принципе и не о чем больше говорить. Мы всё обсудили, всё ему рассказали. . . . Так что ничего интересного точно больше не будет. К тому же и дядя вроде бы всё нам рассказал. Мне больше и не хотелось говорить. С меня было достаточно, и я понял, что пора всё же уходить наверх. Я решительно поднялся с дивана, и папа с дядей тут же замолчали, посмотрев на меня.

– Я, наверное, лучше пойду пока наверх, – заговорил я. – У меня ещё не все задания из института сделаны. Так что

пойду лучше их сделаю. А вы общайтесь. Я попозже спущусь к вам.

– Хорошо, – не стал меня задерживать дядя Саша. – Я в ближайшее время уходить не буду. До вечера точно с вами побуду, так что не переживай из-за этого.

– Ты только через час или полтора спустишься вниз, – попросил отец. – Мы чай попьём вместе, а может, я даже пиццу закажу и нормально поедим. Короче я тебя позову!

– Ладно. Я пошёл, – взяв с журнального столика свою книгу, я направился на второй этаж.

Я был рад, что никто не стал меня задерживать, ведь боялся, что меня начнут уговаривать не уходить и ещё посидеть. Но этого не произошло. Поднявшись в свою комнату, я, понятное дело, сел не за учёбу, как сказал дяде и папе, а сел читать книгу. У меня, и правда, было пару незавершённых заданий по учёбе, но делать их мне не хотелось. Их можно сделать и потом, а сейчас мне хотелось только почитать книгу. Я удобно уселся на своё кресло и приступил к чтению.

Читал я книгу очень долго, а может быть, мне так показалось. Но я всё читал и читал. Я даже, подумав, что уже прошло много времени, начал прислушиваться. Мне казалось, что сейчас папа вот-вот позовёт меня, но он всё не звал. Отвлёкся от книги и посмотрел время я только тогда, когда понял, что устал читать и хочу пить. Достав часы, я выяснил, что уже прошёл час. Возвращаться к книге мне пока всё равно не хотелось, поэтому я решительно покинул комнату и

направился к лестнице.

Папа и дядя Саша всё ещё общались и, как раз, когда я ступил на последнюю ступеньку, до меня донеслись слова дяди:

– ... Ты не можешь так с ним поступить!

– С кем? – мгновенно заинтересовался я. Мне почему-то казалось, что речь шла обо мне. – Или самое главное как? С кем «с ним»? О чём вообще речь? Я пропустил самое интересное?

– Я сказал с ним? Я имел в виду с ними, – поправился дядя Саша. – Я говорил про студентов твоего папы. Он хочет устроить контрольную работу, о которой никого не предупредал. Я считаю, что это слишком жестоко по отношению к студентам. Поэтому и сказал, что ты не можешь так поступить с ними. Ты же согласен со мной, Максим?

– Ну, вообще ты прав, – поддержал я его. – Это, и правда, слишком жестоко. Пап, не надо так делать! Я сам не люблю преподавателей, которые так делают. Надо дать возможность подготовиться, а не так делать. Это же подло! Зачем так делать вообще?

– Ну, а что такое? – сделал невинный вид отец. – Мне просто надоела эта группа. Надо её проучить. И вообще я уже давно их предупредал, что как-нибудь сделаю так. Они к каждой паре должны быть готовы, так что если не смогут написать контрольную работу, то это только их вина. Точно не моя! Они должны быть всегда готовы к самостоятельной или

контрольной работе, и я это говорил не один раз. А если они ничего не учат и не повторяют лекции, то кто виноват?

– Что это за группа такая несчастная?

– Да так! Есть одна группа, – многозначительно ответил папа.

– Ну, ты даёшь, – осуждающе покачал я головой и зашёл на кухню.

На какое-то время повисла тишина. Папа и дядя Саша почему-то перестали говорить, видимо, обдумывая этот разговор. Я же тем временем налил себе в стакан воду и начал её пить. Но не успел я допить воду, как на кухню следом за мной прошли отец и дядя.

– Ну, что ж, раз ты уже здесь, Макси, то можно и чаю сразу попить, – решительно сказал папа. – Пиццу я уже заказал, и она приедет через двадцать минут. А пока можно сделать чаю и начать наше семейное чаепитие.

– Хорошая идея, Коля! – поддержал своего брата дядя Саша. – Ты не возражаешь, Максим? – он подошёл ко мне и приобнял за плечи. – Или ты ещё занят?

– Полностью свободен, – улыбнулся я. – И буду только рад присоединиться к вам.

– Вот и прекрасно! – обрадовался дядя. – Тогда за стол!

Мы сидели с папой за кухонным столом и завтракали. А точнее уже заканчивали завтрак. Сегодня в институт ни мне, ни папе не надо было. У отца было что-то вроде выходных

среди недели, а у меня просто не было пар. По всем предметам мне уже поставили оценки и даже разрешили пока не ходить на пары. У нас вот-вот должна была начаться практика, и мне не было смысла сидеть в институте. Так что я мог отдыхать дома и ни о чём не переживать.

– Какие у тебя на сегодня планы, Макси? – почему-то вдруг спросил папа.

– Никаких. Просто буду сидеть дома. А что? – ответил я.

– Да ничего. А на завтра? На завтра у тебя тоже нет никаких планов? – продолжал задавать свои вопросы отец.

– Нет. А что такое-то? Зачем ты это спрашиваешь? И с чего это у меня могут быть планы? Какие?

– Ну, не знаю. Мало ли... – неопределённо ответил он.

– Это мой вопрос не отменяет. Зачем ты это спрашиваешь?

– Да просто так интересуюсь, – уклонился от ответа папа. – Или уже спросить нельзя? Мне просто интересно.

– Ну, ладно. Как знаешь, – не стал я настаивать на ответе и вернулся к своему чаю. Отец вёл себя как-то странно, но мне было не до этого. В любом случае это были его проблемы, а не мои. А он мог сам во всём разобраться.

Закончили завтрак мы уже через пять минут. Я первый всё доел и поднялся из-за стола. Посуду мыл всегда папа после завтрака, да её было и немного, так что я мог быть свободен. Я уже хотел покинуть кухню, как тут голос отца меня остановил.

– Макси, а ты сейчас пойдёшь наверх или будешь внизу? – задал он очередной странный вопрос.

– Ну, пока побуду внизу. Книгу хочу почитать. А что?

– Да я хотел с тобой кое о чём поговорить, – наконец-то нормально ответил папа. – Не уходи пока наверх, хорошо?

– Ну, ладно, – кивнул я и вышел из кухни.

Теперь отец ещё страннее себя вёл, но я старался не придавать этому значение. К тому же мне было нетрудно пока посидеть на первом этаже и подождать разговора с ним, о чём бы он ни хотел со мной поговорить. Я итак собирался посидеть на первом этаже и в свою комнату пока что не собирался. Единственное меня немного напрягало, о чём папа хотел со мной поговорить, но я старался об этом не думать. Поговорить мы уже должны были скоро, и надо было лишь немного подождать, а это было нетрудно. Занимать голову лишними мыслями точно не стоило!

Пройдя в зал, я тут же плюхнулся на диван. Лорд мгновенно улёгся у меня в ногах. Взял с журнального столика свою книгу, которую оставил здесь ещё вчера, я начал читать. Я плавно скользил пальцами по странице книги, вникая в строчку за строчкой, предложение за предложением. Я наслаждался сюжетом, что сейчас происходил в книге и быстро увлёкся чтением. Я настолько сильно увлёкся, что не сразу услышал, как папа вышел из кухни и сел напротив меня в кресло. Очнулся я только тогда, когда услышал папин голос.

– Что так интересно? – улыбаясь, спросил он.

Я сначала недовольно поморщился. Отрываться от книги мне не хотелось, но отец хотел о чём-то со мной поговорить и пока он это не сделает, можно даже не надеяться на то, что он даст мне спокойно почитать книгу. Так что я нехотя отложил книгу в сторону, перестав читать.

– Вообще-то да, – не стал врать я. – Ты хотел о чём-то поговорить?

– Я даже не поговорить хотел, а хотел тебе кое-что предложить, – неуверенно начал папа. – Макси, ты не хочешь куда-нибудь съездить на днях? Куда угодно! Пока я дома и ты. И мы давно никуда вместе не ездили. Хочешь?

– Знаешь, мне, если честно, никуда ехать не хочется, – твёрдо отрезал я. – Мне и дома хорошо. Съезди один. Или с дядь Сашей. А я не хочу.

– Ну, почему? – не хотел так просто сдаваться отец. – Будет весело! Мы можем поехать туда, куда ты только захочешь. Вот куда ты хочешь?

– Никуда!

– Как так может быть? – искренне удивился папа. – Как можно никуда не хотеть? Мне кажется, что куда-то да ты хочешь. Только скажи куда. И мы туда поедем!

– Пап, ты, что не понимаешь меня?! – я тяжело вздохнул. Ссориться с ним мне не хотелось, но он словно этого добивался. Он как будто специально не понимал моих слов или делал вид, что не понимает. Но это начинало меня выводить из себя. – Я не хочу никуда ехать! Зачем мне куда-то ехать,

если я это место всё равно не смогу увидеть? Так что я лучше обойдусь и побуду дома. Понятно?!

– Макси.... – раздался грустный вздох отца. Видимо, мои слова его расстроили. – Ладно, – всё-таки сдался он. – Я не могу тебя заставить. Тогда у меня к тебе другое дело. Я уже давно должен был с тобой поговорить на эту тему, но всё время откладывал.

– На какую тему? – не понял я.

– Ну.... – папа почему-то запнулся. – Дело в том, что.... Короче, Макси, тебе нужно завтра или в любой ближайший день съездить в больницу.

– Это ещё зачем? – такого я точно не ожидал. Зачем это мне ехать в больницу? Мне это было непонятно!

– Макси, уже прошёл почти год после той травмы, что ты получил, когда упал с лестницы, а врач сказал проводить обследование каждые полгода. Так что уже пора ехать в больницу на это обследование. Я итак не стал тебя заставлять идти на прошлое обследование, так как видел, что тебе было не до этого. У тебя были экзамены и много проблем в учёбе. Я просто видел, что с тобой всё хорошо и решил тебя не беспокоить. Но на это обследование ты точно должен поехать. Это обследование пропускать ни в коем случае нельзя!

– Твой ответ всё равно ничего не прояснил, – нахмурился я. – Зачем это ещё нужно? Я себя прекрасно чувствую и меня осматривать точно не нужно. Я и без этого обойдусь! Мне в этом нужды нет! Или сейчас ты не видишь, что я себя

замечательно чувствую? Я тебе обязательно должен об этом сообщать?

– Макси, ты просто не понимаешь.

– Так объясни! – моё выражение лица стало ещё более недовольным. – Что я там ещё не понимаю?

– Макси, понимаю, что ты себя сейчас хорошо чувствуешь и не хочешь ехать на обследование, потому что не видишь в нём смысла, но пойми, что это нужно. У тебя особенная ситуация, если ты об этом забыл. Врач сказал обследоваться каждые полгода и это уже плохо, что ты пропустил одно обследование. Но совсем забывать про это обследование нельзя, как бы ни хотелось. Как бы ты себя не чувствовал хорошо! Сотрясение мозга это не шутки и если ты не хочешь, чтобы потом у тебя начались какие-то серьёзные проблемы, то на обследование нужно прийти.

– Это же какие серьёзные проблемы могут быть? – заинтересовался я. – Интересно послушать! Что же такое может случиться из-за того, что я не поеду на обследование?

– Да что угодно, Макси. Что за глупый вопрос? С головой не шутят! Если врач сказал, что надо обследоваться, то значит надо. Или ты хочешь, чтобы у тебя были какие-то проблемы со здоровьем? Лежать в больнице потом хочешь, что ли? Мне кажется, что лучше обойтись без этого.

– Знаешь, мне всё равно, что ты говоришь. Твои доводы на меня не действует. Не поеду я в больницу. Я точно знаю, что со мной всё хорошо и мне это не нужно. Так что если тебе

так хочется, то езжай сам, а мне итак нормально. Понятно тебе всё?!

– Макси, перестань, – не желал оставлять меня в покое папа. – Это нужно сделать. Тебе что так трудно на это потратить один день? Ты итак сейчас отдыхаешь. Что ты от этого потеряешь?!

– Я потеряю от этого целый день! И да, я не хочу из-за этой ерунды тратить целый день. Я потрачу его впустую. Со мной всё хорошо! Я себя прекрасно чувствую. Так что мой ответ: нет. Я не поеду ни в какую больницу.

– Макси, ну, перестань! Я что должен тебя заставлять как маленького ребёнка? Может, не надо себя вести как ребёнок? Ты взрослый парень и должен понимать, что это нужно. Если врач сказал, то надо делать, как он говорит. Тебе же самому будет от этого легче. Или ты этого не понимаешь?! Не веди себя как ребёнок.

– А может это тебе не надо относиться ко мне, как к какому-то ребёнку? – я начинал злиться и ничего с этим поделать не мог. Отец будто бы не слышал меня, и это просто выводило из себя. – Я тебе уже сказал, что со мной всё хорошо. Я себя чувствую просто замечательно. Что тебе мешает просто поверить мне и оставить меня в покое? Что ты за чушь начинаешь нести? Это ты прекрати уже! Со мной всё прекрасно! Хватит твердить своё. Я всё равно никуда не поеду. И мне всё равно, что от этого будет. Даже если будут какие-то ухудшения, то что? Что мне это даст?! Зрения я уже лишился.

Больше мне терять нечего! И мне без разницы, что со мной случится. Так что всё! Закончим этот разговор. Я всё решил!

– Я тоже всё решил, и ты поедешь в больницу, хочешь ты этого или нет! – твёрдо заявил папа. – Я не хочу, чтобы у тебя были какие-то проблемы со здоровьем, поэтому ты поедешь в больницу. Ясно тебе это?

– И как же ты меня собираешься заставить это сделать? – я не смог сдержать своей насмешки. – Вообще-то это решение принимаю я, а не ты. И я против куда-то ехать. Как же ты меня будешь заставлять это делать?

– Нет, Макси, такие решения принимаешь не ты, а я, ведь ты ещё на моём иждивении. Пока что я отвечаю за тебя и твоё здоровье! К тому же ты инвалид и сам за себя отвечать пока не можешь. Так что пока я за тебя принимаю такие решения и принял его. Ты поедешь в больницу, и надеюсь, мне не придётся тебя туда силой тащить. Ну, а если придётся... То, что поделать! Пусть тебе будет стыдно! Такой большой парень, а не хочешь идти в больницу. Но так уж и быть я готов пойти к тебе навстречу и предложить тебе небольшое снисхождение или как это ещё назвать. Короче, если ты так не хочешь ехать в больницу, то можешь поехать не со мной, а со своим дядей. У него как раз завтра выходной. С ним тебе точно будет веселее, к тому же ты на меня сейчас злишься. Ему точно лучше с тобой поехать. Согласен? Такие условия тебе подходят? Поедешь в больницу?

– Хорошо. Я поеду в больницу, но только с ним, а не с

тобой. Но знай: как же я тебя ненавижу! От тебя лишь одни неприятности! – буквально прорычал я и поднялся с дивана. Вместе с книгой я направился к лестнице. Больше у меня не было никакого желания сидеть на первом этаже. Я даже слышать отца больше не хотел. Он просто был мне противен за те слова, что сейчас сказал. Папа в очередной раз напомнил мне мою ничтожность и то, что я никогда не стану нормальным человеком. Кто-то всегда будет так манипулировать мной, а я даже не смогу постоять за себя, ведь я инвалид.

– Ладно. Лучше пусть ты меня будешь ненавидеть, но зато с тобой всё будет хорошо, – проговорил в спину мне отец.

Он продолжал что-то ещё говорить, но я больше не слышал ни слова. Внутри меня всё просто клокотало от злости, сердце бешено стучало, а пульс бил в висках. Мне было безумно больно и обидно за то, что я услышал такие слова от папы. И сейчас я, правда, его ненавижу!

– Макси, уже пора спускаться, – кричал мне отец с первого этажа. – Дядя уже приехал, и тебе пора ехать в больницу. Макси, давай быстрее!

– Да не торопи ты его так! – услышал я голос дяди Саши. – Зачем ему спешить? Ничего страшного если мы выедем на десять минут позже. Успокойся уже! Что так переживать?

– Да я просто ещё поговорить с ним хочу, пока вы не уехали, – жалобным голосом оправдался папа. – А потом про-

сто....

– А вот и Максим, – увидел меня спускающегося с лестницы дядя. – Как видишь, он быстро спустился. Нечего было так кричать!

– Поехали что ли? – обратился я к дяде Саше.

– Секунду. Подожди меня тут. Я хочу пойти воды глотнуть, – попросил тот. – Во рту совсем сухо, а там, не знаю, получится ли попить. Я быстро!

– Ты серьёзно?! – скривился я. – Раньше это сделать нельзя было? Например, пока ты меня ждал!

– Ну, извини, – дядя дотронулся до моего плеча. – Я, правда, быстро.

– Иди уже давай! – поторопил я его. Мне не терпелось с ним уехать и быть подальше от папы, а тот как будто специально тянул время.

– Макси, я хотел с тобой поговорить, – нерешительно начал отец, как только дядя Саша оставил нас наедине. – А точнее хотел извиниться перед тобой, – он как можно ласковее заговорил со мной. – Прости меня, пожалуйста, за те слова, что я тебе тогда сказал. Я не хотел тебя обидеть и знаю, что ты очень обиделся на меня из-за этих слов. Прости! Я сказал это, не подумав! Ты же простишь меня? – Я в ответ лишь недовольно нахмурился, но ничего не сказал. Слышать папин голос мне точно не хотелось! Его голос был мне просто противен. И, не смотря на то, что он сейчас извинялся, я продолжал на него злиться и успокаиваться не желал. Отец

сказал мне эти слова, которые так больно по мне ударили, и прощать его просто так я не собирался. Меня его извинения даже смешили. Прежде чем что-то говорить, надо же думать, а папа тогда не подумал и вот пусть теперь расплачивается за свою ошибку. Ему это будет полезно, чтобы больше он так себя со мной не вёл и такое мне не говорил. Может это на него подействует! – Макси, ну, что ты молчишь? Ответь, пожалуйста, хоть что-нибудь! – попросил отец, но я продолжал молчать. – Я просто хочу, чтобы у тебя всё было хорошо, Макси! Я очень люблю тебя! – он дотронулся до моего плеча, но я тут же дёрнулся и столкнул его руку. – Я, правда, люблю тебя, Макси, и желаю тебе лишь добра. Не злись на меня, пожалуйста! Ты же понимаешь, что я не хотел тебя обидеть. Макси....

– Хватит уже, а?! – грубо оборвал я его. – Меня уже тошнит от тебя! Сколько можно нести весь этот бред? Тебе самому не тошно от себя? Мне вот уже становится противно. Сначала ты говоришь мне всё то, что сказал вчера, а сегодня опять включаешь хорошего и доброго? Маску эту снимь! Не представляешь, как ты меня бесишь. Или ты думаешь от этих соплей, что ты сейчас попытался пустить, я перестану тебя ненавидеть и прощу тебя? Ни за что! Я не стану так просто забывать всё то, что ты мне сказал вчера.

– Макси, пожалуйста, ну, прости меня! – продолжал просить прощения папа. – Я был не прав, когда так повёл себя с тобой.

– О! Замечательно, что ты это понял, но мне на это всё равно. Понятно тебе это? Как и тебе вчера было всё равно на моё мнение! – буквально прорычал я.

– Но я просто пытался уговорить тебя, ведь это тебе на пользу. Макси, я ведь не хотел ничего плохого! Я просто хотел сделать как лучше. Тебе правда будет лучше, если ты поедешь в больницу. И когда-нибудь ты меня поймёшь. Поймёшь, что я был прав. Макси, я ведь просто пытаюсь заботиться о тебе. Я очень люблю тебя. Поверь мне, ты не пожалеешь, что поехал в больницу.

– Да пошёл ты! – просто прокричал я. – Не желаю слышать эту чушь, что ты несёшь. Заткнись уже!

– Что у вас тут происходит? – вовремя вмешался дядя Саша. – Что случилось? Максим, из-за чего ты так злишься на папу? Что-то произошло? Может, расскажите мне?

– Я не желаю об этом говорить. И здесь не о чем говорить. Поехали уже. Мне казалось, что мы куда-то спешим! – я застегнул куртку и первый вышел из дома, напоследок лишь потрепав Лорда по голове, чтобы тот не беспокоился из-за того, куда я уезжаю без него.

Дядя помедлил минуту, но всё же пошёл следом за мной. Отец закрыл за нами дверь. Возле машины я остановился, ожидая, пока дядя её откроет. К счастью, он не заставил себя ждать, и я наконец-то смог усесться в автомобиль. Сел я на переднее сиденье рядом с водительским креслом, чтобы быть рядом с дядей. Сидеть далеко от него я не хотел, ведь

надеялся, что по дороге мы с ним поговорим.

Дядя сел в машину прямо следом за мной, но заводить её не спешил. Около минуты, а может даже больше в салоне царила гробовая тишина. Дядя Саша будто бы о чём-то задумался. И вот он неуверенно и тихо заговорил:

– Максим, может тебе не стоит ссориться с папой, ведь он... – но договорить я ему не дал, перебив:

– Ни слова о нём! Не желаю о нём говорить. Просто езжай и всё! – скомандовал я.

Дядя тяжело вздохнул, но подчинился, и уже через минуту мы наконец-то поехали по дороге.

Глава 13 «Любовь... всё переносит или затянувшиеся шрамы»

– Здравствуй, Максим. Как ты себя чувствуешь? – говорил со мной врач, сидя за своим столом.

– Прекрасно себя чувствую, – буркнул я.

– Это замечательно. Позволь я тебя осмотрю, – попросил он и поднялся со своего места.

– Да, пожалуйста, – я поднялся на ноги и шагнул к врачу. – Вообще не понимаю, зачем это нужно. Я себя прекрасно чувствую! – ещё раз повторил.

– Ну, осмотреть я всё равно тебя должен, – доктор подошёл ко мне.

– Да осматривайте, – махнул я рукой. Мне было абсолютно всё равно, что врач будет делать со мной. Мне лишь хотелось поскорее уйти отсюда и вернуться домой к Лорду и своей книге.

Около трёх минут доктор стоял рядом со мной, внимательно осматривая меня. Он даже зачем-то послушал моё дыхание. Мне лишь оставалось терпеть это всё и ждать, когда это закончится. Жаль, что дядя Саша ждал в коридоре, ведь одному мне здесь было находиться просто невыносимо. Дядя здесь был бы кстати. Но вот врач наконец-то завершил свой осмотр и выдал:

– Теперь надо бы пройти небольшое обследование.

– Зачем? Я же сказал, что хорошо себя чувствую. Со мной всё замечательно! Зачем это нужно? – не понимал я. Мне не хотелось здесь надолго задерживаться, а это обследование могло меня задержать здесь надолго.

– Максим, то, что ты хорошо себя чувствуешь, ничего не значит. Ты можешь сначала себя хорошо чувствовать, а потом тебе может внезапно стать плохо. Поэтому я хочу наверняка убедиться, что с тобой всё хорошо. Обследование просто необходимо! Понятно?

– Ну, хорошо, – сдался я. Становилось ясно, что так просто уйти отсюда у меня не получится. – И с чего же мы начнём? Что надо делать? Куда идти?

– Одна из медсестёр поможет тебе всё найти, – по звуку я понял, что врач начал что-то строчить ручкой по бумаге. – Я назначу тебе курс, который ты должен пройти. Если что дядя может быть рядом с тобой, чтобы ему в коридоре не скучать. Пойдём, – он уверенно направился к двери.

Мне ничего не оставалось, как последовать за доктором. Мы покинули кабинет. Как только мы появились в коридоре, дядя Саша тут же вскочил с лавочки, на которую сел когда меня только повели в кабинет, и подскочил к нам.

– Что уже всё? – раздался его удивлённый голос.

– Нет ещё. Я отправляю Максима на небольшое обследование, – ответил врач. – Вы можете пойти вместе с ним.

– Хорошо, – кивнул дядя.

– Вот и прекрасно. Оля, поможешь нашему пациенту? Надо его поводить по врачам и провести полное обследование. Сделаешь?

– Конечно, Валентин Игоревич, – не стала спорить медсестра. – Следуйте за мной!

– Потом приведи их обратно ко мне, – напоследок проговорил доктор и пошёл обратно к своему кабинету.

– Пойдёмте, – Оля повела нас в другую сторону.

Шли мы пару минут. Потом зашли в лифт и куда-то поехали. А когда вышли из лифта, медсестра опять нас куда-то повела. Я уже хотел спросить долго ли нам идти, как тут девушка остановилась. И моё обследование наконец-то началось.

В кабинет я заходил в основном либо один, либо с медсестрой. Дядя Саша всегда ждал нас около двери. А обследование оказалось не таким уж и небольшим, как сказал врач. А может это для него такое обследование небольшое. Оля нас всё водила от одного кабинета к другому, и мне даже казалось, что это никогда не закончится.

Обследование было разнообразным. Мы, наверное, около получаса, а может, и целый час бегали по врачам, от кабинета к кабинету. И вот наконец-то вышли от последнего врача, и медсестра сказала, что можно возвращаться в кабинет к Валентину Игоревичу. Я, не удержавшись, вздохнул с облегчением.

Это означало, что, скорее всего, мы сможем скоро уехать

отсюда, а мне уже очень хотелось это сделать. Я уже даже начал думать, что буду делать, когда вернусь домой. Мне хотелось погулять с Лордом, а потом почитать книгу. Я так погрузился в свои мысли, что даже не заметил, как мы вернулись в кабинет к врачу. Я шёл просто на автомате и сам не обратил внимания, как это произошло.

– Можете пока присесть, – сказал нам врач. – Я изучу результаты анализов и обследований. Это займёт какое-то время.

– Максим, садись, – тихо позвал меня дядя, видя, что я продолжаю стоять на своём месте.

Я недовольно поморщился, понимая, что теперь придётся ещё какое-то время ждать, но послушно сел на диван рядом с дядей Сашей. Выбора не было. Оставалось лишь немного подождать и тогда мы точно будем свободны. Именно этой мыслью я себя старался утешать, пока мы ждали. Ну, а ждать нам пришлось долго. Даже очень долго или мне опять так показалось.

Время тянулось так мучительно медленно, что я даже начинал терять терпение. Я несколько раз дёргал врача, спрашивая, скоро ли он закончит. Но он всё никак не заканчивал и продолжал что-то делать. Доктор даже пару раз выходил из кабинета, и я в эти моменты порывался уйти, но дядя меня удерживал, не давая это сделать. Он-то точно понимал, что сейчас уходить глупо. Оставалось совсем немного, и надо было лишь чуть-чуть потерпеть. Но это оказалось слож-

нее, чем казалось на первый взгляд. Ждать было мучительнее всего!

И вот врач наконец-то глубоко вздохнул и повернулся к нам. Это я понял по скрипу его стула, который всегда скрипел, когда Валентин Игоревич поворачивался к нам. И вот он опять повернулся к нам. Наверное, сейчас он нас отпустит домой!

– Я осмотрел результаты всех твоих анализов и обследований, Максим, – сообщил тот.

– Ну, и что там? Там же всё хорошо, да? Я могу ехать домой?

– Да, всё хорошо, – твёрдо сказал доктор.

– Замечательно. Тогда мы поедем, – мгновенно вскочил я на ноги. – Пошли уже отсюда! – сказал я дяде. – Я хочу домой!

– Максим, подожди! – остановил меня врач. – Не спеши, пожалуйста, так! Я должен сообщить ещё кое-что.

– Что же? – я нехотя повернулся обратно к нему. – Что всё равно что-то не так? Мне казалось, что вы сказали всё хорошо. А раз всё хорошо, то мы можем ехать домой. Или это не так? В чём дело-то?!

– Максим, присядь, пожалуйста, – попросил дядя Саша. – Дай врачу договорить.

– Ну, хорошо. Ладно. Как скажете! – всплеснул я руками и плюхнулся обратно на своё место. Я не понимал, что происходит, но мне это очень не нравилось. Я уже хотел домой

и не понимал, почему врач тянет и задерживает нас. Если всё хорошо, то тогда зачем держать нас тут? Это было мне непонятно!

– Твоё обследование, Максим, показало ещё кое-что... – неуверенно начал Валентин Игоревич. – Да, ты полностью здоров и с тобой всё хорошо. С тобой всё просто замечательно! Дело немного в другом....

– Так в чём же? – из моей груди вырвался тяжёлый вздох. – Вы можете сказать толком? Что-то не так? Что происходит-то?!

– Короче говоря, врачи ещё раз осмотрели твои глаза, провели всё нужное обследование, и оказалось, что... – он опять запнулся, видимо, не в силах подобрать слова. – Ну, оказалось, что твоя ситуация не такая уж и серьёзная, как я думал. И я смогу сделать тебе операцию на глаза и восстановить твоё зрение.

– Что? В смысле? – не ожидал я таких слов. – Но... Вы же говорили, что эта операция стоит очень дорого. Разве не так?

– Ну, тебе будет сделать операцию проще, чем кому-то другому, так что в твоей ситуации можно сделать исключение. Я сделаю операцию, Максим, и верну тебе зрение. Будь в этом уверен!

– Ааа... Ну, это круто! – не знал я, как реагировать на эту новость. Конечно, она меня радовала, но я был просто в шоке и не понимал, что надо делать. Это было слишком внезапно и неожиданно для меня. Меньше всего я думал, что

мне сегодня скажут такую новость. Понятное дело, она меня просто шокировала и даже обескуражила. – А когда надо ложиться в больницу? Если это скоро, то мне надо срочно съездить домой, предупредить папу и собрать свои вещи. А ещё, наверное, надо подготовиться к этой операции и к тому, чтобы лечь в больницу и....

– Максим, подожди! – вновь остановил меня врач. – Успокойся! Понимаю, что я тебя сейчас шокировал этой новостью, и ты этого не ожидал. Да, наверное, тебе хочется это всё обдумать и подготовиться к операции, но на это нет времени. Операцию надо провести уже сегодня, потому что на завтра у меня назначено много других операций. А если не провести операцию сегодня, то непонятно когда она будет. Я не хотел бы её откладывать и заставлять тебя долго ждать. Уже сегодня я могу её сделать и вернуть тебе зрение. Понимаешь?! Уже сегодня! Все необходимые анализы у тебя уже взяли и надо лишь провести сушие мелочи и подготовить тебя к операции. Это проще простого и это всё быстро. Ты никак не сможешь сейчас поехать домой. А если поедешь, то операцию точно придётся отложить и непонятно насколько. Так что мне кажется лучше обойтись без этого.

– Но как же.... – ещё больше шокировал меня Валентин Игоревич. Операция должна быть уже сегодня?! Казалось, что это всё лишь какой-то сон и сейчас я проснусь. Мало того, что мне предлагали сделать операцию на глаза и вернуть зрение, так ещё хотели мне сделать её уже сегодня. А это

значит, что совсем скоро я снова смогу видеть. Когда-то это было лишь моей мечтой, и подобное я мог только представлять себе. Но сейчас моя мечта осуществлялась, и я просто даже не представлял себе, что говорить и что делать. – Операция будет уже сегодня? А как?.. У меня же даже нет с собой никаких вещей.

– Об этом не волнуйся, Максим, – дядя положил ладонь мне на плечо. – Я тебе всё привезу. Не переживай из-за такой ерунды!

– Вот видишь! Дядя тебе всё привезёт, – поддержал его врач. – Осталось лишь только получить твоё согласие, Максим, и тогда мы сможем провести операцию. Ты согласен? Ты готов вернуть себе зрение?

Я замер. У меня будто язык онемел от счастья. Всё разворачивалось так быстро.... Я даже представить себе не мог такой разворот событий, когда только ехал сюда. Я думал о чём угодно, но такое.... такое никто предвидеть не мог! Даже папа, наверное, такое предвидеть не мог. И, если честно, просто не верилось, что мне будут делать операцию без папиного присутствия. Я всегда себе представлял, что в такой момент рядом со мной будет отец, но сейчас всё было по-другому. Не так, как я себе представлял.

Папы не было рядом и не могло быть рядом, ведь меня уже сегодня хотели вести на операцию и вряд ли он успеет поговорить со мной до начала операции, а просить об этом у врачей было бы глупо. Я же не маленький ребёнок. Я могу

обойтись и без отца. К тому же рядом со мной был мой дядя, и это уже было неплохо. Он тоже мог меня поддержать и поддержать не хуже папы. А отца я могу увидеть и потом, когда уже верну себе зрение. После операции... Так, наверное, было даже лучше! Ведь расстались мы не слишком хорошо, и было лучше увидеться после самой операции, когда я смогу увидеть его. Тогда я был уверен, всё будет проще и легче.

Я глубоко вздохнул, понимая, что Валентин Игоревич всё ещё ждёт ответа, и я был готов его дать. На моём лице появилась радостная улыбка, и я твёрдо сказал:

– Да! Я готов. И согласен!

– Замечательно, – обрадовали мои слова врача. – Тогда пойдёмте, – он решительно направился к выходу из кабинета.

– Я тоже? – на всякий случай спросил дядя Саша.

– Да, конечно, – положительно ответил доктор, порадовав этим меня, ведь я уже успел испугаться, что дяде не позволят пойти с нами, и он не сможет поддержать меня перед самой операцией. Но ему разрешили, и это было просто замечательно.

Мы вместе покинули кабинет и двинулись по коридору. Дойдя до лифта, мы, как я понял, поехали наверх. Когда вышли из лифта, идти нам, к счастью, в этот раз долго не пришлось. Врач нас завёл в какое-то помещение и остановился.

– Ну, всё! Тут вам надо попрощаться. Санитары отвезут

Максима в операционную, а я пойду всё подготавливать, – скомандовал врач. – Только давайте не слишком долго, хорошо? Чем быстрее начнём операцию, тем быстрее закончим, – с этими словами он оставил нас с дядей наедине.

– Ну, что, Максим, желаю тебе удачи! – заговорил дядя Саша. – Это твой шанс восстановить зрение. Хорошо, что ты согласился. Долго ждать было бы ужасно и мучительно. Лучше сделать всё сразу, чем потом мучиться и ждать. Уверен, ты не пожалеешь!

– Ни за что на свете! – улыбнулся я.

– Пусть операция пройдёт хорошо и быстро! Я хочу, чтобы у тебя всё было хорошо. И надеюсь, у тебя всё наладится, когда ты вернёшь зрение.

– Я тоже надеюсь, – тихо проговорил я. Мне даже не верилось, что совсем скоро я стану зрячим. Мой мозг отказывался в это верить, потому что это звучало так нереально, что казалось, что меня сейчас просто разыгрывают и сейчас кто-то выйдет и скажет, что это просто розыгрыш. Но этого не происходило, и было понятно, что это всё – правда. И внутри меня всё просто ликовало от мысли, что скоро я верну зрение. Я был безмерно счастлив от этого!

– Не боишься, надеюсь? – спросил дядя, внимательно смотря на меня.

– Нет! Что ты?! – отрезал я и снова улыбнулся. Я точно не боялся, ведь этого мига так ждал... Бояться было просто глупо, ведь хуже мне точно никто не сделает. Бояться было

просто нечего!

– Тогда тебе пора ехать, – выдал он, и до меня донеслось какое-то гроыхание. Видимо, везли каталку, на которой меня должны были отвезти в операционную. Я уже хотел сделать шаг в сторону, думая, что наше прощание на этом закончилось и пора ехать. – Подожди! Иди сюда! – дядя Саша решительно обнял меня. – Удачи, Максим! – ещё раз повторил он и похлопал меня по спине.

– Спасибо, – я обнял дядю в ответ, как никогда радуясь, что он рядом. Одному мне точно было бы гораздо тяжелее, а так мне было уже приятно и легче от мысли, что рядом был родной человек. Ему даже не надо было много говорить, чтобы поддержать меня. Ему достаточно было быть рядом, и он был рядом.

– Пора ехать, – сказал кто-то из санитаров.

– Иди, – разорвал объятия дядя Саша. – Давай сюда свою трость, – он забрал у меня из рук трость. – Она тебе больше не понадобится.

– Это верно! – кивнул я с улыбкой на губах и прошёл к санитарам.

– Ложитесь сюда, – помог мне улечься на каталку один из санитаров.

– Пока, Максим! – попрощался напоследок со мной дядя.

– Пока! – отозвался я, и меня повезли к операционной, оставляя дядю Сашу позади.

Я медленно приходил в себя. Сначала все звуки и голоса вокруг казались какими-то отдалёнными. Я даже не мог узнать эти звуки и голоса. Но постепенно всё начало проясняться, и я слышал голос врача. Но его голос всё равно был где-то далеко, и я не мог разобрать слова, что он говорил. Потом услышал голос дяди, который, видимо, решил остаться рядом со мной. Они ещё немного говорили и вот всё стихло. Наступила тишина.

Я продолжал лежать на кровати, раздумывая, что лучше делать. С одной стороны мне хотелось уже открыть глаза и посмотреть, что находится вокруг меня, но с другой стороны я не хотел спешить. Ведь я так долго был незрячим и сейчас просто боялся открыть глаза. Да, это было глупо, но это было так. Мне было очень страшно, и я сам не понимал почему! Я боялся увидеть что-то такое, что мне не понравится.

Ещё минут пять я боролся с собой, продолжая просто лежать на кровати, а потом резко распахнул глаза, понимая, что ждать у меня больше сил нет. Но, сделав это, я не увидел ровным счётом ничего! Вокруг меня всё так же была тьма. Это было ещё ужаснее, чем я мог себе представить. Увидеть опять тьму после операции я не хотел. Но этого просто не могло быть! Почему я всё ещё был слепым?! Ведь мне уже сделали операцию, и я должен был вновь видеть. Мне просто в это не верилось. Я чувствовал что-то неладное. Что-то было не так!

Я резко сел на кровати и дотронулся до своих глаз. По-

чувствовав повязку на своих глазах, мгновенно испытал облегчение. Так вот почему я не видел! Я не видел из-за этой повязки. Мне сразу стало спокойнее и легче. А я ведь уже начал бояться, что что-то пошло не так, и я всё так же останусь слепым. Но оказалось, что можно было не переживать, ведь всё хорошо.

– Максим, тебе лучше пока не вставать, – раздался голос дяди Саши. – Лучше ложись в кровать и полежи ещё, – он начал уверенно укладывать меня обратно в кровать.

– Всё прошло хорошо?

– Конечно. Всё прошло замечательно, – я понял, что дядя улыбнулся. – Тебе не о чем волноваться. Теперь ложись!

– А тогда зачем эта повязка? – не понимал я и вновь дотронулся до повязки. – Может, можно её снять? Мне уже не терпится вновь обрести зрение.

– Максим, пожалуйста, не спеши так. Врач сказал, что тебе лучше немного побыть в повязке. Не надо так спешить. Просто расслабься и ляг! – дядя Саша всё-таки заставил меня лечь обратно в кровать. – Успеешь ты ещё насладиться своим вновь обретённым зрением. Не волнуйся так! Надо лишь ещё немного потерпеть. Врачу виднее, как сделать лучше и если он сказал, что надо пока побыть в повязке, значит так надо. Он сам потом её снимет, когда придёт время. Тебе лишь надо лежать и ни о чём не волноваться. И самое главное не напрягаться. Операция только недавно закончилась и тебе надо отдыхать. Так что лежи! Хорошо?

– Ладно. Так уж и быть. Полежу пока!

– Вот и замечательно, – был доволен дядя. – Пить, кстати, не хочешь?

– Не откажусь, – положительно ответил я.

– Вот. Возьми! – он положил мне на кровать бутылку воды. Мне даже не верилось, что совсем скоро никому больше не придётся так делать, ведь я буду сам видеть, где и что находится. И я либо смогу эту вещь взять сам, либо возьму её из рук человека. Мне уже не терпелось вернуть это умение!

– Спасибо, – благодарно улыбнулся я и начал жадно глотать воду. Пить мне, и правда, очень сильно хотелось, и я даже сразу это не почувствовал, придя в себя. Видимо, это было из-за того, что я так переживал, что увижу, когда открою глаза, что на остальное мне было просто всё равно. Но теперь я мог расслабиться, ведь знал, что всё хорошо.

Вдоволь напившись воды, я вернул бутылку дяде и откинулся обратно на подушку, глубоко вздохнув. Мне даже не верилось, что всё закончилось. Операция прошла, и всё было кончено! Вроде только недавно меня повезли в операционную и вот всё уже закончилось. Это было нечто невероятное!

– Кстати, Максим, как ты себя чувствуешь? – решился полюбопытствовать дядя Саша.

– Нормально, – пожал я плечами и только сейчас попытался прислушаться к своим ощущениям. У меня вроде ничего не болело, и это было самое главное. У меня был небольшой страх, что у меня будет что-то болеть после операции, но всё

было в норме. Жаловаться мне было не на что. – Вот только хочу поскорее снять эту повязку, – высказал я своё желание, которое сейчас было самым большим.

– Скоро снимут эту повязку. Не беспокойся! – попытался приободрить меня дядя. – У тебя ведь всё же была операция на глаза. Нельзя спешить. Лучше немного подождать, а то потом может быть хуже.

– Да я это всё понимаю, – отмахнулся я от него. – Но всё равно не терпится.

– Понимаю. Я тоже на твоём месте поскорее бы этого хотел. Ведь ты столько лет был незрячим и вот опять можешь видеть. Это просто чудо, что врачи могут делать такие операции и возвращать зрение слепым.

– Полностью с тобой согласен, – на моих губах появилась улыбка.

– Ладно. Мне тоже уже невыносимо ждать, так что я схожу за врачом, – решительно поднялся со своего места дядя Саша. – Скажу ему, что ты очнулся. Пусть хотя бы осмотрит тебя, если повязку снимать ещё рано. А так кто знает, может сразу и повязку снимет. Увидим!

– Давай. Иди. Я буду тут ждать, – поторопил я дядю. Мне тоже хотелось, чтобы врач поскорее заглянул ко мне, ведь тогда я точно узнаю, сколько мне ещё нужно будет ходить с этой повязкой и когда можно будет её снять.

– Я постараюсь быстро вернуться, – пообещал мне он. – Не скучай! – с этими словами дядя Саша наконец-то вышел

из моей палаты.

Я один находился в палате примерно двадцать минут. Я терпеливо лежал на кровати, ожидая возвращения дяди. У меня было желание самому снять повязку или просто встать с кровати и походить, но я держался изо всех сил. Ведь у меня, и правда, только недавно была операция и, если врач сказал мне отдыхать и не снимать повязку, значит надо выполнить его рекомендацию. Врачу виднее, как и что лучше делать. Но, как раз когда я начинал терять терпение, в палату вернулся дядя.

– Ну, привет, Максим! – раздался голос врача, которого, видимо, дядя всё-таки нашёл и привёл. – Как ты себя чувствуешь?

– Неплохо, – я приподнялся на кровати. – А когда можно будет повязку снять?

– А тебе уже не терпится? – я понял, что Валентин Игоревич улыбнулся.

– Ну, я просто... – я запнулся, не зная, как лучше ответить врачу.

– Сейчас сниму повязку, – успокоил меня доктор.

– О! Это замечательно! – не смог я сдержать свою радость от этой новости и сразу уселся на кровати. – Мне лучше встать или как?

– Сиди! – врач сделал шаг ко мне. – Давай я лучше сначала послушаю твоё дыхание и измерю давление, – он закопшился рядом со мной.

– Ну, хорошо, – не стал я спорить.

Валентин Игоревич сначала, как и сказал, послушал моё дыхание, потом измерил давление и только после этого приготовился снимать повязку. Я сразу напрягся, ожидая, когда это произойдёт.

– Максим, ты лучше закрой глаза, пока я буду снимать повязку. Не спеши их так открывать! Хорошо? Я скажу, когда глаза можно будет открыть.

– Хорошо. Без проблем, – подчинился я словам врача и послушно закрыл глаза.

Тот начал не спеша снимать повязку с моих глаз. Я замер, приготовившись к самому лучшему моменту в своей жизни. Что может быть лучше вновь обрести зрение? Это самое прекрасное, что только могло со мной случиться. И вот врач снял повязку. Он отступил от меня на один шаг и выдал:

– Максим, ты только самое главное не волнуйся. Зрение может не сразу полностью вернуться. Оно будет возвращаться постепенно. Приготовься и можешь открывать глаза.

Я глубоко вздохнул и начал медленно открывать глаза. Сначала я не видел ничего. Потом постепенно всё начало проясняться, и я сначала увидел перед собой свет. Потом проявились расплывчатые фигуры людей прямо передо мной, которые принадлежали дяде и доктору. Они стояли прямо передо мной и следили за каждым моим движением, видимо, тоже волнуясь. Правда, их я видел нечётко, и перед моими глазами всё расплывалось. Я не мог ни на чём сосре-

доточиться, но самое главное видел, и это было уже замечательно!

– Я вижу! Вот это да. Я вижу! – вырвался радостный возглас из моих уст. – Дядя Саша, представляешь, я вижу! – радовался я, не в силах спрятать свою радость.

– Это замечательно, Максим, – поддержал меня дядя. Они внимательно наблюдали за моей реакцией и даже смеялись, радуясь за меня.

А я же никак не мог нарадоваться, что наконец-то мог видеть. Да, видел я пока плохо, но, по словам врача – это нормально и дальше будет становиться только лучше. И я уже себе мог представить, как буду вновь хорошо видеть.

– Максим, может, ты не будешь столько читать? – сделал мне замечание дядя Саша.

– Я уже давно не мог нормально почитать, – отмахнулся я от него, полностью погрузившись в книгу. – Дай насладиться!

– Я всё понимаю, Максим, но тебе только недавно вернули зрение. Может, надо немного побережь себя и свои глаза? – посоветовал дядя, но я даже не подумал оторваться от книги, продолжая читать. Я был просто не в силах оторваться от неё. Уж больно мне нравилось нормально читать книгу, вновь имея возможность видеть. Я не хотел терять ни минуты зря, на полную наслаждаясь вновь обрётённым зрением. – Так всё хватит! – дядя Саша резко вырвал у меня из рук кни-

гу. – Потом ещё считаешь! Надо сделать перерыв.

– Ну, что ты, а?! – поморщился я. – Дай ещё почитать. Хоть немного! Не надо быть таким нудным. Я посмотрел бы, как бы ты себя вёл, если бы пару лет не имел возможность видеть и нормально читать. Если учесть, что прошло не пару лет, а много больше! Думаю, что тебя было бы также невозможно оторвать от книги. А меня тут достаёшь....

– Максим, я всё понимаю, но не надо сразу так сильно напрягать свои глаза. Надо сначала вообще хотя бы привыкнуть к вновь обрётённому зрению и только потом начинать напрягать глаза. Не спеши так!

– Да я уже привык к зрению, – улыбнулся я. – А теперь хочу читать! Верни книгу, пожалуйста, – я протянул к дяде руку.

– Верну через пару часов, когда твои глаза немного отдохнут! – строго проговорил тот.

– Ну, ты и зануда! – фыркнул я и закатил глаза.

Прошло всего лишь два дня с того момента, как мне сделали операцию. И за это время моё зрение успело полностью восстановиться, и я видел просто превосходно. И оказалось, что к вновь обрётённому зрению гораздо легче привыкнуть, чем я думал. Я привык к нему достаточно быстро. На это понадобилось, грубо говоря, полдня, если не пару часов. Сначала мне всё казалось таким странным и незнакомым, но потом я расслабился и привык.

И мне очень нравилось, что я вновь видел. Мне не мог-

ло не нравится это, ведь это было так здорово. Многие люди не ценят, что могут видеть, а это ведь такое большое чудо. Слышать, конечно, тоже хорошо, но это ужасно, когда ты слышишь какие-то звуки, но не можешь понять, что это и не видишь предмет. А ещё ужаснее, когда ты не можешь увидеть своих родных. Но теперь я вернул зрение и мог вновь всё видеть.

Я даже на эти два дня начисто забыл про папу и про ссору с ним. Один день я был полностью занят своим зрением и различными процедурами. Врачи помогали мне до конца восстановить зрение и проводили различные проверки. Мне просто было не до мыслей об отце. А вот на второй день, когда зрение уже полностью восстановилось, я начал уже спрашивать про папу, но дядя всё время отвечал как-то уклончиво, и я вспомнил о последней ссоре с ним. Видимо, отец просто боялся ко мне идти, и хотел с этим немного подождать. Так что я не стал на него давить. Но, проснувшись сегодня утром, я точно понял, что должен как можно скорее увидеться с папой.

Мне очень хотелось с ним увидеться. Более того я по нему скучал! Так что ждать больше было нельзя. И теперь я лишь ждал подходящего момента попросить у дяди позвонить папе и попросить его приехать. Я очень хотел как можно скорее увидеть отца, ведь так долго его не видел. Я был очень рад вновь увидеть дядю и даже не представлял, как буду рад, когда смогу увидеть папу. Тогда, наверное, я буду просто счаст-

лив!

Какое-то время я просто лежал на кровати, думая об отце и раздумывая, как лучше начать разговор. Но просто лежать и думать о нём становилось невыносимо. Я перевёл взгляд на дядю, который изучал что-то в своём телефоне и нерешительно начал:

– Дядь Саш, а ты не знаешь, как там, у папы дела? – решил я начать издалека. – А то что-то от него ничего не слышно. Где папа? Куда он пропал? Ты не знаешь случайно? Почему он меня не навещает? Я очень хотел бы и его увидеть. Я уже давно его не видел. Очень давно....

Дядя ничего говорить в ответ не стал. Его выражение лица стало каким-то странным. Он отвёл глаза в сторону и как-то подозрительно молчал, ничего не говоря мне.

– В чём дело? Что-то не так? – почувствовал неладное я. Быть может, если бы я сейчас не видел, я ничего не заметил бы. Но я вновь видел и, изменившееся выражение лица дяди от моих слов о папе, не заметить было трудно. Что-то точно было не так, и я это понимал. Но что было не так? Неужели что-то случилось с отцом? Этого я точно не хотел и надеялся, что мне просто показалось и на самом деле всё хорошо. Я сейчас был слишком счастлив и не хотел, чтобы что-то омрачило мою радость. А если что-то случилось с папой.... Мне даже думать об этом было страшно, ведь мы так плохо расстались с ним и даже не помирились. С ним просто обязательно было быть всё хорошо! – Почему ты молчишь? – мне бы-

ло просто невыносимо долгое молчание дяди. – Скажи хоть что-нибудь! В чём дело-то?! Что-то с папой?

– Максим, мне очень жаль. Он... – его голос оборвался. Дядя что-то не мог сказать. Внутри меня всё вмиг похолодело. С папой точно что-то случилось!

– Что «он»? – тихо спросил я, боясь услышать что-то страшное.

– Он умер! – на одном дыхании сказал дядя Саша и отвернул голову в сторону, видимо, пытаясь сдержать свои эмоции, которые рвались наружу. Не все любят показывать свои эмоции и чувства всем, и дядя был одним из этих людей. Но то, что он сказал... Это было просто невозможно! Такого не могло быть!

– В смысле умер? – не собирался я в это верить. – Он не мог умереть! С ним же было всё хорошо, когда я уезжал. В чём дело? Ты что сейчас шутишь? Дядь Саш, пожалуйста, не надо так шутить. Это же... Это не может быть правдой!

– Максим, мне, правда, очень жаль, но он умер, – он повернул ко мне голову и посмотрел прямо в мои глаза. И в этот момент я увидел в его глазах грусть и тоску, которую раньше не замечал. Походу это было правдой. Дядя мне не врал! Папа, правда, умер... – Он очень тяжело болел.

– Что? Чем? Почему он мне ничего не сказал? – все мои мысли путались от эмоций, что начинали меня переполнять. Я просто не хотел в это верить, но понимал, что это правда. Папы, правда, больше не было! – Почему он молчал?!

– Он не хотел тебе это говорить. Он сам принял решение скрыть это от тебя, хоть я и пытался его убедить это не делать. Помнишь тот день, когда ему стало плохо? – напомнил дядя, и я тут же вспомнил этот день. Эта картина, как отцу стало плохо, мгновенно появилась у меня перед глазами. – Именно тогда эта болезнь дала о себе знать. Он тебе соврал, что в порядке. Это было вовсе не так! Он не хотел тебя беспокоить и заставлять волноваться, поэтому соврал. И ещё вспомни тот день, когда я к вам приехал. Я в тот день уговаривал твоего отца не делать этого. Не скрывать эту правду от тебя! – в моей голове промелькнул тот разговор, который я услышал тогда. Теперь всё становилось на свои места. – Но он сделал по-своему и скрыл всё от тебя. Скрыл ради тебя же! Ему нужна была пересадка сердца, а она стоила очень дорого. У него был выбор: либо спасти свою жизнь, либо вернуть тебе зрение и навсегда изменить твою жизнь, ведь он видел, как тебе было тяжело жить вслепую. Тебе было очень тяжело, и твоему папе было невыносимо это видеть. Он практически сразу, как только узнал, что твоё зрение можно вернуть, но для этого требуется много денег, начал больше работать, чтобы когда-нибудь накопить тебе на операцию. А потом эта болезнь... Он понял, что надо спешить. У него была одна небольшая возможность подзаработать много денег, которых тебе могло бы хватить на операцию, но которая бы лишила его возможности на пересадку сердца, и он сделал это. Ради тебя! Он всё делал ради

тебя! Он любил тебя и был готов на всё. И он знал, что ты не сможешь нормально жить, если не вернёшь своё зрение. А если ждать этого момента ещё много лет.... Мало ли что за это время может случиться. Твоя ситуация могла бы за это время усугубиться и потом зрение не получилось бы тебе восстановить никогда. Твой папа не хотел рисковать, ведь понимал, что в таком случае ты никогда не будешь счастлив. А он желал тебе счастья и хотел, чтобы у тебя всё было хорошо. Ты понимаешь, Максим?! Он сделал это ради тебя. Он пожертвовал своей жизнью ради тебя!

– Нет! Нет! – я покачал головой, не желая в это верить. – Ты всё врёшь. Не мог он этого сделать. Он жив! Он должен быть жив. Я хочу его увидеть. Я должен его немедленно увидеть!

– Ты не сможешь его увидеть, Максим, – попытался остановить меня дядя Саша. – Уже слишком поздно. Это случилось ещё в тот день, что у тебя была операция. Он в тот день умер. Уже поздно! Ты не сможешь ничего исправить. Это был его выбор, Максим. Успокойся! Прошу тебя. Понимаю, что тебе больно, и ты не хочешь мне верить, но это – правда. Я не обманываю тебя. Я сам сначала не поверил, что он, правда, готов это сделать. Пытался его переубедить, но не смог. Он сделал это ради тебя! Он даже на такое был готов ради тебя. Его последним желанием было сделать тебя счастливым, и он сделал это. Только не делай глупости, пожалуйста, Максим. Тебе просто надо успокоиться! Просто смотри,

пожалуйста, на меня. Максим!

Дядя продолжал что-то говорить, но я даже не слышал его.

– Нет! Нет! – твердил я, впад в ступор. Я даже не мог смотреть на дядю. Мои глаза в панике бегали по палате. Мне даже не верилось, что я больше не смогу увидеть папу. Я не смогу извиниться перед ним за то, что наговорил ему в последний день, не смогу сказать ему, что тоже его люблю.... Он же в тот день пытался со мной попрощаться и говорил, что любит меня, а я.... А я так повёл себя с ним, и вот он умер. Ради меня! Он пожертвовал своей жизнью ради меня, а я даже не смог обнять его тогда и сказать, что люблю его. Я был не достоин той жертвы, что он ради меня сделал. На мои глаза начали наворачиваться слёзы! – Нет! Я хочу его видеть. Где он лежит? – я резко вскочил с кровати. Я должен был увидеть хотя бы тело отца, чтобы получить возможность сказать ему последние слова и попрощаться с ним, хоть он их не услышит. Я хотел его видеть! – Отведи меня к нему. Где он?

– Максим, ты не сможешь его увидеть, – отрезал дядя Саша и встал у меня на пути. – Успокойся, пожалуйста! Вернись на кровать. Прошу тебя! Я понимаю, как тебе тяжело, но ты должен держаться. Ради него! Он этого хотел.

– Нет! Я должен его увидеть, – мой голос задрожал. Я был больше не в силах держаться. – Я хочу его видеть. Пожалуйста....

– Максим... – лицо дяди стало ещё более грустным. Он видел, как мне плохо и больно. Он крепко обнял меня и при-

жал к себе. – Мне тоже тяжело от его смерти, но зато мы есть друг у друга и вместе мы с этим справимся. Всё будет хорошо. Мы справимся. Всё наладится! – утешал меня дядя, похлопывая по спине.

Он говорил что-то ещё, но я уже даже не мог слушать его от эмоций, что охватили меня. Меня переполняла боль и тоска от мысли, что я навсегда потерял папу. Я больше никогда в жизни не смогу увидеть его, поговорить с ним, не услышу его смех.... Я больше никогда не смогу спросить его совета.

Так всегда происходит в жизни. Когда родные рядом с нами, мы их не ценим и не бережём, будто думаем, что они будут с нами навсегда. Но, когда мы их теряем, мы начинаем жалеть, что не ценили то время, что могли быть рядом с ними. Не ценили своих родных.... Но уже поздно что-то исправить, ведь их уже с нами нет.

И я больше не мог ничего исправить. Не мог вернуть папу, как бы мне этого не хотелось. Я потерял его навсегда! Его больше не было! По моим щекам потекли слёзы, которые я был не в силах сдержать. Я обнял дядю в ответ и закрыл глаза, вспоминая все хорошие и плохие моменты, что у нас были с папой. Ведь больше мы с ним не сможем провести вместе ни минуты!

Я медленно прошёл в дом. Странно было вновь видеть дом, мебель, что стояла повсюду и которой я постоянно пользовался. Казалось, что не было всех этих лет, что я был

слепым. Казалось, что всё как раньше, но это было вовсе не так. Мамы больше не было, папы больше не было.... У меня остались только дядя и бабушка.

Тут раздался топот и в прихожей показался Лорд. Он мгновенно бросился ко мне.

– Лорд! – не смог я сдержать своего возгласа и склонился над псом. – Ты, и правда, такой красивый. Вот это да! Какой же ты красавчик.... – я гладил питомца, одновременно пытаясь его рассмотреть. Я впервые его видел и хотел, как следует, рассмотреть. Хотел знать какого цвета его глаза, носик, хвост, лапки....

Рассматривая Лорда, в моей голове прозвучали слова папы, которые он сказал в тот день, что подарил мне пса: «Он чёрно-белый, – говорил тогда папа. – Ушки у него чёрный, носик тоже, а вот около носика всё белое. И лобик немного тоже. У него от носика до лба будто бы белая волна идёт. Шейка белая, передние лапки тоже, как и животик. А вот почти вся спинка, бока и задние лапы черные. Хвост чёрно-белый. Всего поровну. Глаза у него карие. А так к слову он ещё тот красавчик! И так преданно и с такой любовью смотрит на тебя.... Это словами не передать!».

Да, папа был прав. Лорд был именно такой, как он мне тогда рассказывал. И его взгляд, и правда, было словами не передать. Я был безмерно рад наконец-то увидеть своего лучшего друга, который всегда был мне так верен. Конечно, я предпочёл бы, чтобы в этот миг рядом со мной был папа,

но это было невозможно. Он пожертвовал собой, чтобы этот миг мог произойти. Он сделал это ради меня.

– Знаешь, Максим, я тут подумал... – заговорил дядя Саша, пройдя в дом следом за мной.

Один я до дома не мог доехать, так что дядя решил меня отвезти и заодно помочь занести все вещи. Мне даже не верилось, что этот дом был чисто моим. Странно было видеть дом настолько пустым. Было даже немного жутковато. Но теперь он, и правда, был чисто моим. Конечно, можно было бы продать дом, а я мог бы переехать к дяде, но это было слишком жестоко, ведь папа когда-то так старался, чтобы купить этот дом. Так легко терять его не хотелось. К тому же я уже был почти взрослым, и мне нужно было где-то жить. Продавать дом было просто глупо! И дядя даже не предлагал это.

– Наверное, мне лучше пока пожить вместе с тобой, – закончил своё предложение дядя Саша и остановился рядом со мной. – Тебе лучше пока не оставаться одному. К тому же тебе сейчас может пригодиться помощь. Так что я лучше пока перееду к тебе. Ты же не возражаешь?

– Если честно, мне всё равно, – пожал я плечами и выпрямился. – Я же тебе сказал, что в порядке. Со мной всё нормально. Но, если ты считаешь, что так будет лучше, то ладно. Переезжай. Хотя бы здесь не будет так скучно, если ты сюда переедешь. Хотя бы на время...

– Хорошо. Значит, я сейчас съезжу за своими вещами, – даже обрадовался дядя. – Только отнесу твои вещи наверх.

– Да я могу сам их отнести.

– Не нужно. Мне несложно, – настоял на своём он и решительно начал подниматься наверх.

Я же снял куртку, обувь и неуверенно пошёл вглубь дома, смотря по сторонам. В доме царила полная тишина, которая сейчас как никогда сильно давила на меня. А вещи, что стояли в квартире, казались какими-то чужими. Будто бы книга, что лежала на журнальном столике, была не моя, а какого-то другого человека. Всё было каким-то другим.

Я медленно подошёл к журнальному столику и взял в руки книгу. Её я читал в последний день, когда мы с папой поссорились. Если бы я тогда знал, что скоро случится с отцом, то не сказал бы ему те слова, что тогда произнёс. Из моей груди вырвался тяжёлый вздох. Я опустился на диван и дотронулся до подушки, на которую папа всегда любил облакачиваться, когда читал Библию или любую другую книгу.

Постепенно на меня начали нахлынивать воспоминания о папе. Я вновь вспоминал все моменты с ним, как плохо мы общались последние годы и что я ему сказал в тот день.... По моим щекам начали течь слёзы. Они были такими горячими, что обжигали мои щёки. Я закрыл лицо руками, пытаясь успокоиться, но ничего не помогало.

Чтобы я не делал, я слышал свои последние слова, что сказал ему тут. Я сказал эти слова на этом самом диване! Я даже не представлял, как ему было больно. Ведь он знал, что скоро умрёт, но не мог мне это сказать и попрощаться со

мною, ведь я на него злился. Последнее что я ему показал – это свою ненависть. И это было очень ужасно, что папа такое увидел перед своей смертью. Он не должен был такое видеть! Но теперь было ничего не изменить. Я ничего не мог исправить. Я потерял его навсегда! И теперь мне оставалось жить с той ошибкой, что я совершил.

Тут я почувствовал, как Лорд положил мне на колени свою голову, и до меня донеслось его тихое поскуливание. Пёс, как обычно, пытался меня поддержать. Я был рад, что он рядом, но у меня не было сил на то, чтобы оторвать руки от лица, улыбнуться и погладить его. По моим щекам продолжали течь слёзы, и мне было слишком больно, чтобы что-то делать.

– Максим, ты в порядке? – подсел ко мне на диван дядя Саша. Я был так погружён в свои тяжёлые мысли, что даже не услышал, как дядя спустился с лестницы и подошёл ко мне. Он положил мне руку на плечо, видимо, боясь, что мне плохо. Он переживал за меня, и я это прекрасно видел и чувствовал. И это было нестранно, ведь он всегда меня любил и волновался за меня. Я всегда ему был дорог, и он был мне дорог. Так что я не стал его отталкивать или обманывать и просто оторвал ладони от лица и повернулся к дяде лицом. Прятать от него свои эмоции было глупо, ведь тот итак меня насквозь видел. К тому же я доверял дяде, и прятаться от него не желал. – Максим, тебе, что так тяжело? – он ласково погладил меня по плечу. – Может, стоило поехать сначала

ко мне домой?

Я в ответ покачал головой и повернул голову к тому креслу, где всегда любил сидеть папа, когда мы собирались все вместе.

– Я даже не успел с ним попрощаться и помириться, – пробормотал я слабым голосом. – Последние слова, которые успел ему сказать это: «Я тебя ненавижу! От тебя одни неприятности!». И вот его больше нет... Тебе не понять как мне больно. Он умирал, а я ему сказал эти слова... Мне так больно, что я просто... Я просто не могу дышать! – перед моими глазами всё просто плыло от слёз. – Я не знаю, как мне теперь жить! Как я мог ему это сказать? Ну, почему он не сказал мне ничего?! Тогда такого не произошло бы и мы хотя бы смогли попрощаться. Почему он это сделал?! Почему?.. – я повернул голову к дяде и сквозь слёзы посмотрел на него.

– Он любил тебя, – просто ответил дядя Саша. – Очень любил! Больше всего на свете. И понимал, что, если скажет тебе правду, ты начнёшь его уговаривать не делать этого и скажешь, что тебе итак нормально, хотя на самом деле это не так. Ты просто не принял бы этой жертвы от него. Ты отказался бы от операции. Он это знал! Поэтому решил сделать всё так, чтобы у тебя не было возможности отказаться от операции. Ему пришлось обмануть тебя, чтобы в конечном итоге ты смог стать счастливым. Он понимал, что, если скажет правду, то обречёт тебя на несчастную жизнь. А только

со зрением ты сможешь быть счастливым! Поэтому решил скрыть от тебя правду, хоть и осознавал, что это в какой-то степени нечестно по отношению к тебе. Ему самому было сложно врать тебе и скрывать правду. Ему очень хотелось всё тебе сказать, но он держался ради тебя же. Всё ради тебя!

Я тяжело вздохнул, всхлипнул и отвернул голову в сторону. От слов дяди мне легче не становилось, а лишь тяжелее. И, видимо, тот это почувствовал, потому что слегка наклонился, встретился со мной взглядом и продолжил:

– Максим, твой папа не хотел бы, чтобы ты ругал себя за то, что тогда сделал и чтобы истязал себя этим. Он понимал, что во многом сам виноват, что не может с тобой попроситься. Скажи он тебе правду, всё было бы иначе. Это был его выбор и он о нём не жалел. Не смотря на то, что ты в тот день злился на него. Ему было важнее подарить тебе эту радость от вернувшегося зрения. И ты должен изменить свою жизнь к лучшему, ведь он этого очень хотел. Ты должен быть счастлив ради него. Он за это жизнь отдал! Ты не должен грустить и тосковать от того, что его больше нет рядом. Да, это больно, но ты должен как-то научиться быть счастливым без него. Как бы это ни было тяжело! Ты просто обязан быть счастлив. Ты должен жить на полную, как он этого хотел. А он этого очень хотел! Это было самым последним его желанием перед смертью. И он всё сделал, чтобы его желание смогло исполниться. Так что, Максим, пожалуйста, не убивайся из-за того, что уже не изменить. Думай о жертве, что сделал твой

папа и думай о том, зачем он это сделал. Он это сделал ради тебя. Понимаешь?! Тебе нужно лишь справиться с болью, что тебя переполняет и постараться найти своё счастье. Да, это сложно, но ради папы мне кажется можно это сделать.

– Пожалуй ты прав! – кивнул я и поспешно вытер слёзы. – Ты абсолютно прав. И я постараюсь это сделать. Ради него.

– Вот это уже другой настрой! – дядя похлопал меня по плечу. – Это другое дело. Молодец!

– Ну, пока меня хвалить не за что. Вот когда я сделаю то, чего хотел папа, тогда можно будет хвалить, – уверенно сказал я и поднялся на ноги. – А сейчас.... Ты же вроде хотел ехать за своими вещами?

– Точно, – он тоже поднялся на ноги. – А ты точно в порядке? Может, мне лучше ещё немного побыть тут с тобой?

– Нет. Всё хорошо. Тебе лучше поехать за вещами. Зачем это откладывать? А я лучше пойду наверх и начну разбирать свои вещи, – с этими словами я направился к лестнице. – А ты лучше давай уже езжай. Время же идёт!

– Точно. Иду, – дядя Саша с каким-то недоверием посмотрел на меня, будто бы не верил, что я в порядке, но к двери пошёл.

Я же начал подниматься по лестнице. Я вовсе не притворился. Мне, правда, стало немного легче от слов дяди. Ведь он был абсолютно прав. Папа не хотел бы, чтобы я себя так ругал, и он сделал это ради меня. Он всегда хотел, чтобы я был счастлив и всё старался ради этого сделать. Но после по-

тери зрения ничто не было способно сделать меня счастливым. И это единственное, что ему оставалось. И он сделал это ради меня! И ради отца я должен был постараться стать вновь счастливым. Вновь стать тем мальчиком, чтобы был до потери зрения. Я должен был всё сделать ради этого! Ведь этого хотел папа!

Поднялся наверх я вместе с Лордом и решительно зашёл в комнату. Там я на пару минут остановился. В спальне всё было так, как до потери зрения. Почти ничего не изменилось. Только моя сумка стояла посреди комнаты. Я зашёл вглубь спальни, но к сумке подошёл, остановившись возле гитары.

Моя рука сама потянулась к ней. Мне почему-то внезапно захотелось поиграть на гитаре, и я сам не понимал, с чем это было связано. Но вот я уже сидел на стуле и готовился играть на гитаре. Передо мной тут же уселся Лорд. Я потрепал его по голове, едва заметно улыбнулся и начал играть на гитаре.

– Здесь опять, – запел я. – Я преклоню себя

Тебе всё отдам,

Тебе всё отдам.

К Себе сейчас,

Бог, приближай меня.

Отчаянно я

Жажду Тебя.

Я сдаюсь, Бог, – слова будто бы сами появлялись у меня в голове и вылетали из уст. Я не понимал, с чего начал петь эту песню, но я её пел и не мог остановиться. Я просто про-

должал. – Я сдаюсь, Бог.

Я сдаюсь, Бог,
Чтобы познать Тебя,
Ещё больше знать Тебя.

Голод мой
Своей благодатью, Бог,
Сейчас утоли,
Мой дух напои.
Тянусь душой,
Верю, крик слышишь мой.

Прошу, говори,
Со мной говори, – и я опять запел припев. Но следом за ним последовал ещё один куплет: – Сильным ветром Ты

Во мне, Иисус, дыши.
В жизни моей
Волей Своей правь Ты.
Словно мощный шторм
Потряси меня, Бог.
В жизни моей
Волей Своей правь Ты.

Я замолчал. От этой песни на моей душе стало гораздо легче и спокойнее. Я будто бы нашёл утешение или будто кто-то просто забрал мою боль и страдания. Вся боль просто ушла!

Я сидел за столом, спокойно читая книгу, к которой давно

не притрагивался. Последний раз я её читал, когда ещё видел и ходил в Церковь. Она была очень интересной, но в то же время простой и поучительной. Мне очень захотелось её перечитать и вспомнить о чём она. И я был как никогда рад, что не стал тут наводить порядок и ничего не выкидывал из своей так называемой «прошлой» жизни, как я называл то время, когда ещё видел. Теперь я это оценил, вновь начав видеть. Ведь я мог осмотреть все свои старые вещи, перечитать книги, пересмотреть тетради и так далее. И сейчас я занимался именно этим, и мне захотелось начать с этой книги.

Тут скрипнула дверь, сообщая, что дядя решил заглянуть ко мне. Я повернул голову в его сторону. Дядя Саша сначала посмотрел на меня, окинул внимательным взглядом комнату и только потом сделал шаг.

– Ну, как ты тут, Максим? – задал он вопрос. – У тебя всё в порядке?

– Всё замечательно! – кивнул я и тоже окинул взглядом комнату. – А что такое? Тебе одному скучно или что?

– Нет, на самом деле мне скоро нужно будет отъехать по делам.

– Хорошо. Спасибо, что сообщил, – поблагодарил я.

– На самом деле я зашёл к тебе не за тем, что сообщить это, – признался дядя. Моё выражение лица тут же стало таким удивлённым, что дядя поспешил исправиться. – Точнее не только за тем, что предупредить тебя. Ещё я хотел тебе кое-что отдать. По идее я должен был тебе это отдать сразу,

как ты вернул зрение или хотя бы сразу, как ты вернулся домой, но я просто не решился. Решил, что лучше дождаться подходящего момента. Когда тебе станет легче, и когда ты немного отойдёшь. И вот я решил, что это время настало. Я вижу, что тебе уже легче, и ты идёшь на поправку. Так что я тебе отдаю! – он сделал ко мне ещё два шага и протянул флэшку.

– Что это? – не понял я и взял её в руки.

– Это послание тебе от папы. Посмотри. Он очень хотел, чтобы ты это увидел. Я сейчас как раз уйду, и ты можешь спокойно смотреть. Удачи! – дядя ободряюще мне улыбнулся и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Я же замер на месте. Какого-то послания от папы я точно не ожидал. И не знал, как к нему относиться, но посмотреть его точно нужно было. А точнее посмотреть его было просто необходимо. Ведь мне было интересно, что на этой флэшке. Может быть, посмотрев это послание, я смогу увидеть папу. Я на это очень надеялся. Или может там какие-то важные слова, которые мне надо увидеть. Какой-то последний папин урок. Меня сейчас всё могло обрадовать.

Я переключал флэшку из одной руки в другую, не решаясь всунуть её в компьютер. Да, мне хотелось это сделать, но я и немного боялся этого. Ведь мне только стало легче, боль немного ушла и всё начало идти на поправку. Я не хотел вновь вернуться к тому же состоянию. Тут мой взгляд упал на Лорда, который сидел рядом и пристально наблюдал

за мной. Я погладил его по голове, улыбнулся и спросил:

– Ну, что, Лорд, посмотрим, что на этой флэшке?

Пёс громко гавкнул, как бы говоря: «Да!».

– Ну, хорошо. Давай смотреть, – сдался я и наконец-то всунул флэшку в компьютер.

Какое-то время шла загрузка и вот появилась вкладка, что устройство загружено. Я кликнул на значок «Компьютер» и открыл флэшку. В ней было всего две папки, и одна из них была с видеофайлом. Я снова замер. Я видел, что на этом видео был папа и не мог решиться его открыть. Я просто смотрел на этот значок «видео» и никак не мог на него нажать. Пару минут я боролся с собой и вот медленно взял в руки мышку и нажал на видео. Оно открылось, и я увидел лицо папы, которое высветилось на весь экран. Он был как живой и будто бы смотрел прямо на меня.

– Привет, сынок, – заговорил он на видео. – Если ты сейчас смотришь это видео, то значит, меня больше нет. К сожалению, я серьёзно заболел и покинул тебя, но я дал обещание вернуть тебе зрение и раз ты сейчас меня видишь, значит, у меня всё получилось. Ты снова обрёл зрение и можешь начать полноценную жизнь. Всегда для меня было главной целью вернуть тебе зрение, и я должен был его тебе вернуть любой ценой. Я мог бы потратить те деньги, которые заработал тебе на операцию, для своего лечения, но... Но я просто не смог. Тогда ты был бы несчастлив, а каким я буду отцом, если не сделаю своего сына счастливым? У тебя вся жизнь

впереди и я хочу, чтобы все двери пред тобой были открыты. Я желаю тебе счастья, сынок! Я очень люблю тебя! – стоило папе сказать это, как с моих глаз тут же хлынули слёзы. Я снова видел отца, слышал его голос, но не мог ни дотронуться до него, ни заговорить с ним, ведь его больше не было и это было лишь видео. – И я знаю, что ты тоже любишь меня, хоть ты мне это и не сказал перед уходом. Но тебе и не нужно было это говорить. Ведь я это итак знаю. Я знаю, что ты любишь меня, сынок. А те слова, что ты меня ненавидишь... – папа так легко улыбнулся, будто бы ему не было суждено умереть, и я, не удержавшись, тоже улыбнулся, заразившись его улыбкой, которую вновь увидел. Но слёзы продолжали течь по моему лицу и капать на стол. – Я знаю, что это неправда и никогда бы их не воспринял серьёзно. Прошу тебя не ругай себя за эти слова. И не ругай за то, что не смог со мной попроситься. Это моя вина и моё решение. Прости, что я так поступил с тобой и не сказал тебе правду. Но я не мог иначе. Ведь ты тогда не дал бы мне это сделать. А я хотел это сделать. Ради тебя, Макси! Всё ради тебя! У меня был выбор: спасти себя или своего сына. И я выбрал своего сына. Тебя! Я должен был спасти тебя и твою душу от той тьмы, куда ты начал падать. Я был просто обязан спасти тебя! Я не мог иначе! А иначе... как бы я тогда жил. Надеюсь, ты поймёшь меня. Я выбрал тебя! Я хотел, чтобы ты смог снова увидеть этот мир, взглянуть на солнце, посмотреть на зелёные деревья и просто увидеть эту чудесную планету, в

которой столько прекрасного. Хотел, чтобы ты снова увидел и понял, как тут много чудесных и прекрасных вещей. Как ты их видел раньше.... Жаль, что я не могу быть рядом с тобой в этот миг и видеть, как ты счастлив, но точно знаю, что ты счастлив. Будь счастлив! Прошу тебя! Всё будет хорошо, как я всегда обещал. Теперь точно будет хорошо. Добейся всего, чего только хочешь и.... Будь счастлив! – папа снова улыбнулся. – Я люблю тебя и ухажу, зная, что ты в этом мире никогда не будешь одинок. Прощай, сынок!

Видео закончилось, но я не закрывал его, продолжая смотреть на лицо папы. Я одновременно плакал и улыбался. А плакал даже не от грусти и боли, хоть мне и было немного больно. Я больше плакал от радости. Папа это сделал ради меня! И я был рад, что он не оставил меня даже после своей смерти. Я был рад, что он оставил мне это послание, в котором сказал такие важные слова. И эти слова грели моё сердце. А больше всего грела мысль, что я смог увидеть и папу, и его улыбку, и напоследок смог услышать его голос. И теперь был просто обязан исполнить то, о чём он меня попросил. Он сам меня об этом попросил и хотел этого. И я должен был этого достичь, чего бы этого не стоило. Ведь таково папино желание.

Я, продолжая плакать и одновременно улыбаться, закрыл видео и открыл вторую папку. А там были наши фотографии. Их было очень много. Там был маленький я, ещё не потерявший зрение, мама и папа. Вот я стоял на сцене в Церкви и

пел, а вот стояли мы все вместе. Я листал все фотографии, смотря на них сквозь слёзы и улыбаясь. И пока я листал фотографии, ко мне приходило осознание. Осознание, что надо делать дальше. Я точно знал, что надо делать дальше. Это было просто необходимо сделать!

– А теперь я хочу пригласить за кафедру того, кто уже давно у нас не появлялся, и кому все будут рады. Максим, проходи сюда! – позвал меня Юра.

Я решительно вышел вперёд и подошёл к кафедре. Мой взгляд устремился в зал на братьев и сестёр во Христе, которых я давно не видел. Многие смотрели на меня с улыбками и с нескрываемой радостью. Я видел улыбки тётъ Наташи, моих бывших друзей: Пети, Артёма, Дениса, Виталика и его сестёр, а также Кати, Андрея, Сергея и многих друзей. И я был сейчас очень рад их всех снова видеть. И был рад снова здесь оказаться.

– Приветствую! – начал я говорить. – Я рад вас всех снова видеть. Вы все знаете, что меня здесь очень давно не было. И я очень рад вновь сюда вернуться. Мне было очень тяжело это сделать, но я рад, что сделал это. И вот снова с вами! Если честно, я не думал, что вновь смогу поверить в Бога и вернуться сюда, но.... Но кое-что изменило всё. Точнее кое-кто! И я понял, что обязан вновь прийти сюда. Вернуться к вам! К Богу.... Этот человек спас мою душу и воскресил мою веру, как и меня самого, ведь я уже был в самой кро-

мешной тьме и не видел выхода. Но я рад, что нашёл его. И хочу спеть одну песню, – я взял в руки микрофон и подошёл к пианино, решительно сев за него. – Эту песню я посвящаю человеку, который умер для того, чтобы я сейчас оказался здесь. Своему папе.... Мы эту песню уже давно должны были спеть вместе, но не смогли. И думаю, он был бы рад узнать, что я всё же спел её, пусть и после его смерти, но спел. И он был бы рад, что я снова здесь, ведь он очень хотел, чтобы я сюда вернулся. Это было самым большим его желанием, когда он был ещё жив. Он всё делал ради этого! Когда папа впервые услышал эту песню, он сказал, что она детская, но я не согласен и тогда не согласился с ним. Ведь в ней очень важные и сильные слова. И я вас прошу её послушать, – с этими словами я начал играть на пианино, на котором так всегда любил играть отец. Я не мог играть эту песню на гитаре, ведь папа так хотел, чтобы эта песня пелась именно под пианино. И он всегда любил больше пианино. И вот я проиграл вступление и запел: – Как прекрасно всё то, что Твоё, мне повсюду Твой слышится голос,

Ветром в листьях звенит и поёт, в сердце шепчет, как зреющий колос.

Эти горы, покрытые мхом, эти волны, покрытые пеной,
Этот берег с горячим песком, это солнце в бескрайней Вселенной.

Боже мой, это Ты, это Ты, я с Тобой повсюду встречаюсь,
Когда рву мимоходом цветы, и на чей-то поклон отвечаю,

Боже мой, это Ты, это Ты, я с Тобою повсюду встречаюсь,
Когда рву мимоходом цветы, и на чей-то поклон отвечаю.
Мне повсюду видна твоя кисть, Твой резец и Твой почерк
с размахом,

В детском взоре, что светел и чист, и в цветущих на поле
ромашках.

Это Ты нам даруешь друзей, это Ты научил нас трудиться,
Потому я хочу всё сильней и всё чаще усердней молиться,
– я запел припев, наслаждаясь песней и вспоминая, как
мы пели с папой. Больше эти воспоминания не причиняли
мне боль, а приносили лишь радость. – Это Ты меня петь
научил, потому моя песнь не смолкает.

Это Ты в меня свет Свой пролил, он и в вечности не угасает.

Как прекрасно всё то, что Твоё, пред величием Твоим я
немею.

Это Ты мне, Спаситель, даёшь всё то доброе, что я имею.
Я, улыбаясь, продолжал играть мелодию песни. Я сейчас
как никогда был рад, что снова был в Церкви. И снова был
счастлив. Счастлив, как раньше!

Эпилог

Я сидел в кафе за столом и не спеша пил чай, попутно откусывая своё любимое пирожное. Тут я услышал шаги, которые приближались к моему столу. Я медленно повернул голову и увидел девушку, которая решительным шагом шла ко мне. Сначала это меня удивило, но, когда она остановилась возле моего столика, смотря на меня внимательным взглядом, потом под села ко мне и сказала:

– Привет, Максим, – я её узнал.

Это была Василиса. Её сейчас было просто невозможно узнать, и это было чудо, что я её узнал. Из той пухленькой забавной девчушки, она превратилась в красивую, высокую девушку с аккуратной талией, тонкими ногами и невероятно красивыми глазами. А причёска, которая у неё сейчас была.... Это было нечто! У неё, оказывается, были густые и пышные волосы русого цвета, которые сейчас были уложены в необычайно красивую косу. Никогда раньше я таких кос не видел. Хотя я уже давно не видел, так что такую косу даже при желании видеть раньше не мог. Но теперь не мог оторвать взгляда от девушки.

От её глубоких ярко-голубых глаз, как небо, потрясающих волос, аккуратных черт лица, худенькой шеи, стройной талии и не менее стройных ног. А самое потрясающее было то, что девушка была одета в совершенно обычное платье, но

даже в нём выглядела потрясающе. Ей не надо было как-то по-особенному одеваться и краситься, чтобы выглядеть красиво. Она и так была красива! Василиса очень сильно изменилась. Я даже тогда, когда первый раз её видел, не заметил, что она такая красивая. Даже не обратил внимания на её глаза, но сейчас ясно их видел и не мог отвести от них взгляда. Они были прекрасны! Как и она сама....

Я просто молча разглядывал девушку, что сидела передо мной, и не мог перестать это делать. Но вот я встретился с ней взглядом. Она ждала моей реакции от её появления. Я расплылся в улыбке и ответил:

– Привет, Василиса!

Девушка улыбнулась мне в ответ. Мы вновь встретились, но в этот раз я был готов к встрече с ней!